U 296/192

И 296/192

ЗАПИСКИ

ПО

НОВѢЙШЕЙ ИСТОРІИ.

(1815—1856).

СОСТАВИЛЪ

ИВ. ГРИГОРОВИЧЪ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ (ИСПРАВЛЕННОЕ).

Ирод 2324

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. БЕЗОБРАЗОВА И КОМП.

Васил. остр., 8 л., д. № 45.

1869.

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА
75626-44

2007231623

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ (1815—1830).

Отъ Вѣнскаго конгресса до Іюльской революціи.

ГЛАВА I.

Стран.

Вѣнскій конгрессъ; его главнѣйшія постановленія 3
Устройство Германскаго союза 16
Конституціонныя движенія въ Германіи 22
Партія «молодой Германіи» 25
Карлсбадскія постановленія и дополнительный актъ Вѣнскихъ министерскихъ конференцій. 27

ГЛАВА II.

Революціонныя движенія на Пиринейскомъ и Аппенинскомъ полуостровахъ 29
Фердинандъ VII. 30
Возстаніе войска въ Кадиксѣ 32
Конгрессъ въ Веронѣ 36
Дальнѣйшая исторія Испаніи 37
Революціонныя движенія въ Италіи 43
Тайное общество карбонаріевъ . . . . . —
Конгрессъ въ Троппау 46
Продолженіе конгресса въ Лайбахѣ 49

Стран.

ГЛАВА III.

Борьба Греціи за независимость 52
Гр. Каподистріа и Александръ Ипсиланти 54
Начало возстанія 56
Наваринскій бой 61
Основаніе Греческаго королевства 62

ГЛАВА IV.

Россія послѣ Вѣнскаго конгресса до кончины имп. Александра I. 63
Священный союзъ 65
Дарованіе конституціи Царству Польскому 67
Главнѣйшіе дѣятели второй половины царствованія Александра I 71
Кончина императора Александра I. 76

ГЛАВА V.

Царствованіе императора Николая I. 77
Восшествіе на престолъ 78
Война съ Персіею и Туркманчайскій миръ 83

ГЛАВА VI.

Турецкая война (1828—1829 г.) 87
Переходъ русскихъ войскъ черезъ Дунай. 90
Переговоры и миръ въ Адріанополѣ 95

ГЛАВА VII.

Англія съ Вѣнскаго конгресса до кончины Георга IV . . . 96
Министерство Кастлере . . . . . —
«Билль «о хлѣбномъ законѣ» 98
Эмансипація католиковъ (Ирландскій вопросъ) 100
Билль «о гнилыхъ мѣстечкахъ» 102
Георгъ IV и прогрессивное министерство Каннинга . . . 103
Участіе Англіи въ Греческомъ вопросѣ 106

ГЛАВА VIII.

Франція съ Вѣнскаго конгресса до Іюльской революціи . . 107
Правленіе Людовика XVIII . . . . . —

Стран.
Учредительная хартія 108
Ультра-роялисты и либералы. 111
Правленіе Карла X и его внутренняя политика 118
Успѣхи французскаго оружія въ Алжирѣ. 123
Іюльскіе ордоннансы 124

ВТОРОЙ ПЕРІОДЪ (1830—1848).

Отъ Іюльской до февральской революціи.

Общій обзоръ событій втораго періода 129

ГЛАВА IX.

Іюльская революція и правленіе Луи-Филиппа 133
Избраніе Луи-Филиппа. 140
«Истинная хартія». 143
Возстаніе рабочихъ въ Ліонѣ 148
Покушенія легитимистовъ и бонапартистовъ 149
Отрѣченіе Луи-Филиппа 157
Внѣшнія отношенія Франціи при Луи-Филиппѣ 158

ГЛАВА X.

Бельгійская революція 162
Волненія въ Брюсселѣ 167
Бельгійскій національный конгрессъ 173
Лондонская конференція и признаніе независимости Бельгіи —

ГЛАВА XI.

Возстаніе поляковъ въ 1830 и 1831 г. 175
Тайныя общества и волненія въ Варшавѣ 182
Походъ графа Дибича. 188
Холера въ Москвѣ и Петербургѣ 190
Сраженіе при Остроленкѣ 192
Осада и взятіе Варшавы гр. Паскевичемъ 194
Уничтоженіе Польской конституціи . . . . . —

ГЛАВА XII.

Внутренняя дѣятельность имп. Николая съ 1830 по 1848 г. 195
Сводъ Законовъ и Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи 197

Стран.
Графъ Сперанскій 198
Новыя постановленія о сословіяхъ 202
Министерство Государственныхъ Имуществъ. 203
Народное просвѣщеніе. 204
Отмѣна уніи . . . . . —
Инвентарныя положенія 208
Гр. Канкринъ и его дѣятельность . . . . . —

ГЛАВА XIII.

Волненія въ Италіи съ 1830 по 1848 г. 210
Новыя покушенія карбонаріевъ въ Италіи 211
Избраніе Пія IX на папство. 216
Его преобразованія. 217
Бѣгство папы въ Газту 221
Римъ — республика. 222
Помощь Франціи и возстановленіе папы на престолѣ . . . 223

ГЛАВА XIV.

Англія въ правленіе Вильгельма IV и королевы Викторіи . 224
Торжество виговъ и либеральной партіи при Вильгельмѣ IV. —
Внѣшняя политика 226
Усмиреніе Мехмеда-али 227
Недовѣріе къ русской политикѣ относительно восточнаго вопроса 231
Королева Викторія 235
Успокоеніе Ирландіи и билль объ уничтоженіи хлѣбныхъ законовъ —

ПЕРІОДЪ ТРЕТІЙ (1848—1856).

Отъ февральской революціи до Парижскаго мира.

ГЛАВА XV.

Франція съ 1848 г. Объявленіе республики 243
Стремленія соціалистовъ и коммунистовъ 245
Устройство «національныхъ мастерскихъ» 248
Новое государственное устройство 251
Іюньскіе дни. 255
Избраніе Луи-Наполеона президентомъ 261
Coup d'état 2 дек. 1851 265
Луи-Наполеонъ — императоръ французовъ 268
Родословная таблица фамиліи Бонапарте 270

Стран.

ГЛАВА XVI.

Вліяніе іюльской революціи на Германію 271
Мартовская революція въ Германіи 1848 г. 276
Мечты объ учрежденіи Германскаго парламента 277
Соперничество Австріи и Пруссіи. Посредничество Россіи. 279
Возстановленіе въ Германіи порядка, учрежденнаго на Вѣнскомъ конгрессѣ 283
Прусская революція 1848 г. 284
Мартовскія волненія въ Берлинѣ 285
Національное собраніе и конституція. 287
Участіе Фридриха IV Вильгельма въ дѣлахъ остальной Германіи 288

ГЛАВА XVII.

Революція 1848 г. въ Австріи въ правленіе Фердинанда I. 289
Побѣда гр. Радецкаго при Кустоцци 292
Волненія венгерцевъ. 293
Октябрскіе дни въ Вѣнѣ 294
Вступленіе на престолъ Франца-Іосифа 295
Возстаніе Венгріи; помощь Россіи и усмиреніе Венгріи. . —

ГЛАВА XVIII.

Панславизмъ 297

ГЛАВА XIX.

Крымская война. 310

ГЛАВА XX.

Реформы императора Александра II. 323
Отмѣна крѣпостнаго состоянія. . . . . —
Отмѣна виннаго откупа 324
Отмѣна тѣлесныхъ наказаній 325
Новые судебные уставы. 326
Земскія учрежденія 331
Указъ о надѣлѣ польскихъ крестьянъ землею 332

1-й ПЕРІОДЪ (1815—1830 г.).

ОТЪ ВѢНСКАГО КОНГРЕССА ДО ІЮЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

1-й ПЕРІОДЪ (1815—1830 г.).

Отъ Вѣнскаго конгресса до Іюльской революціи.

ГЛАВА I.

Вѣнскій конгрессъ.

Послѣ низложенія Наполеона, союзники условились собрать на конгрессъ въ Вѣнѣ уполномоченныхъ отъ всѣхъ (*) европейскихъ государствъ, чтобы дополнить постановленія перваго Парижскаго мира и привести Европу въ тотъ внѣшній видъ, изъ котораго она выведена была завоеваніями революціонной Франціи и Наполеона I. Срокомъ конгресса было назначено 1-го августа 1814 г.; но, за поѣздкою императора Александра I въ Россію, конгрессъ былъ отложенъ до 1-го октября. Такъ какъ въ предшествовавшихъ договорахъ были утверждены въ общихъ чертахъ основанія новаго государственнаго порядка, то всѣ и ожидали скораго рѣшенія дѣлъ конгресса. Но дѣло замедлилось: только 1 ноября послѣдовало открытіе конгресса, и первые четыре мѣсяца уполномоченные заняты были вопросами о присоединеніи Генуи къ Сардиніи и возведеніемъ Ганновера на степень королевства. Медленность совѣщаній

(*) За исключеніемъ Турціи.

происходила, главнымъ образомъ, отъ затрудненій по вопросамъ о вознагражденіи Россіи и Пруссіи и о государственномъ устройствѣ Германіи.

Со времени Вестфальскаго мира (1648), опредѣлившаго положеніе Европы, которое она сохранила до первой французской революціи, Вѣнскій конгрессъ былъ самымъ замѣчательнымъ и важнѣйшимъ конгрессомъ. Всемірно-историческое значеніе и сходство Вестфальскаго мира съ Вѣнскимъ конгрессомъ заключается не только въ ихъ громадной важности, но и въ политическомъ содержаніи: Вестфальскій миръ положилъ конецъ стремленіямъ Австріи къ владычеству надъ всею Европою, чего думала она достигнуть въ тридцатилѣтней войнѣ; Вѣнскій конгрессъ положилъ предѣлъ такимъ же честолюбивымъ стремленіямъ Франціи, которыя начались и имѣли большой успѣхъ при Людовикѣ XIV и увѣнчались еще бо́льшимъ успѣхомъ при Наполеонѣ I.

Ко времени открытія совѣщаній Вѣнскаго конгресса, собрались въ столицу Австріи, кромѣ уполномоченныхъ (*) отъ европейскихъ державъ, сами государи, чтобы своимъ присутствіемъ облегчить рѣшеніе трудныхъ вопросовъ, проэктированныхъ для конгресса. Среди коронованныхъ лицъ, императоръ Александръ, какъ главный виновникъ низложенія Наполеона, занималъ первое мѣсто, а между министрами—

(*) Вотъ фамиліи уполномоченныхъ пословъ и министровъ:
Русскіе—князь Разумовскій и графы Штакельбергъ и Нессельроде.
Австрійскій—князь Меттернихъ.
Англійскій - лордъ Кастлере и Веллингтонъ.
Прусскіе - князь Гарденбергъ и баронъ Вил. ф. Гумбольдъ.
Французскіе—князь Тайлеранъ и герц. де-Дальбергъ.
Испанскій—донъ Лабрадоръ.
Португальскій—гр. Пальмела.
Нидерландскій—баронъ ф. Гагернъ.
Датскій—гр. Бернсдорфъ.
Шведскій—гр. Левенгельмъ.
Папскій—кардиналъ Конзальви.

Австрійскій дипломатъ князь Меттернихъ, «правая рука» августѣйшаго хозяина, «министръ коалиціи», президентъ конгресса; онъ руководилъ переговорами и направлялъ дѣятельность конгресса преимущественно на выгоды Австріи. Гостепріимный Австрійскій императоръ Францъ I не пожалѣлъ 30 мил. гульденовъ, чтобы придать конгрессу самый праздничный, торжественный видъ. Придворные балы и частные рауты, маскерады, живыя картины, фейерверки, карусели, охота, маневры и смотры войскамъ—все это смѣнялось безпрестанно одно другимъ, и тѣсная Вѣна съ своими гостями, среди которыхъ были государи, ихъ свита, литературныя, военныя и политическія знаменитости, артисты со всѣхъ концовъ Европы, представляла самую разнообразную картину. Собравшіеся на конгрессѣ приняли за основаніе—возстановить прежніе владѣтельные дома въ престолахъ и подавить республиканскія начала. Предметы Вѣнскихъ конференцій раздѣляются на три главныя группы: а) устройство новаго политическаго порядка Европы и распредѣленіе европейскихъ государственныхъ территорій, б) государственное устройство Германіи, и в) торговля неграми.

Разберемъ постановленія конгресса, касающіяся по преимуществу первыхъ двухъ вопросовъ, а третьяго коснемся только мимоходомъ, какъ вопроса, не составляющаго интереса общей европейской политики.

Главнѣйшія постановленія Вѣнскаго конгресса.

Въ началѣ переговоры велись очень неудачно; встрѣтилось много спорныхъ пунктовъ, которые едва не разссорили первоклассныя державы и вмѣсто всеобщаго мира, котораго ждала Европа отъ конгресса, не породили всеобщей европейской войны. Спорными пунктами были вопросы о границахъ новой Франціи, вознагражденіи Россіи и Пруссіи.

Вопросъ о границахъ Франціи былъ рѣшенъ уже великими державами въ Парижѣ. Англія еще въ 1813 г. (лордъ Кастлерс) составила проектъ, сообщенный русскому императору, о томъ, чтобы Франція введена была въ прежнія границы. Тоже самое было повторено Англіею на первомъ

Парижскомъ мирѣ и Вѣнскомъ конгрессѣ. Несмотря на всѣ усилія Талейрана, —доказывавшаго, что относительное могущество Франціи не можетъ быть возстановлено при сохраненіи ея старыхъ границъ, въ особенности послѣ того, какъ всѣ другія великія державы значительно увеличились, —Франція была ограничена предѣлами 1792 года съ сохраненіемъ большей части колоній, отнятыхъ у нея Англіей, Португаліей и Швеціей. Устроивъ территорію Франціи, приступили къ вознагражденію четырехъ побѣдоносныхъ державъ, ихъ союзниковъ и помощниковъ на счетъ отнятыхъ у Франціи земель, раздѣлъ которыхъ былъ заранѣе уже условленъ въ Парижѣ. Предполагалось, что Англія получитъ главнымъ образомъ вознагражденія въ колоніяхъ, Австрія въ Италіи, Россія въ герцогствѣ Варшавскомъ, Пруссія въ сѣверной Германіи, подъ которой разумѣли преимущественно Саксонію; что же касается до второстепенныхъ державъ, то четыре изъ нихъ (Швеція, Голландія, Неаполь и Сардинія)—должны получить новый территоріальный видъ и каждая изъ нихъ должна стать подъ покровительство одной изъ великихъ державъ: Швеція—Россіи, Голландія — Англіи, Неаполь — Австріи, Сардинія—Франціи, а на долю Пруссіи безъ сомнѣнія досталась бы Германія.

Швеція по Вѣнскому конгрессу получила Норвегію, отнятую отъ Даніи. Она обязана этимъ Бернадоту. Съ самой минуты избранія своего въ наслѣдники шведскаго престола, онъ хлопоталъ о томъ, чтобы въ замѣнъ отнятой Россіею отъ Швеціи по Фридрихсгамскому миру Финляндіи, присоединить Норвегію къ своему будущему королевству. Еще въ 1812 году, Россія и Англія выразили ему на это свое согласіе. При личномъ свиданіи съ императоромъ Александромъ, Бернадотъ умѣлъ пріобрѣсть его расположеніе искренностію своего обращенія, стойкостію въ своихъ обязательствахъ по отношенію къ Россіи, а главное своимъ довѣрчивымъ терпѣніемъ, съ которымъ согласился отложить до дальнѣйшаго срока занятіе Норвегіи. По Кильскому до-

говору (2 (14) января 1814 г.) Данія отказалась отъ Норвегіи, и въ замѣнъ ея получила Шведскую Померанію и о. Рюгенъ, съ обѣщаніемъ вознагражденія въ будущемъ за Норвегію. Но вскорѣ она потеряла право на это вознагражденіе за помощь, оказанную возстанію въ Норвегіи, и должна была довольствоваться Лауэнбургомъ, уступленнымъ ей Пруссіею, которая получила за это Померанію и Рюгенъ. Посредствомъ этой территоріальной перемѣны Швеція уничтожила тотъ перевѣсъ, которымъ пользовалась Данія въ Скандинавскихъ государствахъ. Эта территоріальная перемѣна послужила также и въ пользу для Россіи, которая такимъ образомъ стала у воротъ Стокгольма, тогда какъ прежде для всякаго врага Россіи Швеція была страшной для нея союзницей и, владѣя своими Финляндскими крѣпостями, стояла какъ-бы у воротъ самаго Петербурга. „Для Россіи былъ такой же интересъ выжить шведовъ изъ Финляндіи, какъ нѣкогда Франціи — выжить англичанъ изъ Нормандіи“.

Въ Неаполѣ и Сициліи былъ возстановленъ домъ Бурбоновъ, въ лицѣ Фердинанда IV. Во время владычества Наполеона, это королевство принадлежало зятю его Іоахиму Мюрату. Онъ навлекъ на себя неудовольствіе союзниковъ безразсуднымъ и коварно-нерѣшительнымъ поведеніемъ, которое казалось ему хитрою политикою. Съ марта до іюля 1813 года онъ сносился, то съ союзниками, то велъ переговоры съ Наполеономъ. Союзники не могли простить двоедушныхъ его поступковъ особенно потому, что Неаполь, при искреннемъ переходѣ на сторону союзниковъ, значительно облегчилъ бы кампанію 1813 г. Послѣ Лейпцигской битвы, онъ снова измѣнилъ Наполеону и присталъ къ коалиціи, и потому только, послѣ низложенія Наполеона, онъ удержалъ за собою Неаполитанское королевство. Когда Наполеонъ, бѣжавъ съ острова Эльбы, снова занялъ французскій престолъ, Мюратъ съ войскомъ вошелъ въ Римъ, изгналъ папу и вздумалъ изгнать и австрійцевъ изъ Италіи. Австрія объявила ему войну, и разбитый Мюратъ бѣжалъ изъ Неаполя

въ южную Францію. Въ Неаполѣ былъ возстановленъ тронъ Бурбоновъ. Послѣ вторичнаго отреченія Наполеона, Мюратъ затѣялъ новую попытку занять престолъ Неаполитанскій, но былъ схваченъ, осужденъ на смерть и разстрѣлянъ (октябрь, 1815).

Нидерланды и Бельгія. Англія, подобно Франціи, обезопасившей себя со стороны Неаполя, и Россіи, обезпечившей себя со стороны Швеціи, задумала устроить изъ Нидерландъ сосѣднюю благодарную страну, увеличивъ ея владѣнія близлежащими землями Бельгіи, какъ бы въ вознагражденіе за захваченныя отъ нея лучшія колоніи въ Гвіанѣ, за Цейлонъ, конторы въ Остъ-Индіи и Капскую землю. Предлогомъ къ къ увеличенію Нидерландовъ Бельгіею, Англія выставляла необходимость имѣть укрѣпленный форпостъ противъ сѣверной оконечности Франціи; на самомъ же дѣлѣ, ей хотѣлось уничтожить вліяніе Франціи на Бельгію и, въ особенности, на Антверпенъ, котораго значеніе въ торговомъ отношеніи такъ хорошо понималъ Наполеонъ и занятіе котораго французами такъ дорого обошлось англійской торговлѣ. Императоръ Александръ согласился на соединеніе Бельгіи съ Голландіей, но желалъ только видѣть на престолѣ соединеннаго королевства герцога Ольденбургскаго; но не столько союзники, сколько сами голландцы и бельгійцы помѣшали его плану. Королемъ соединеннаго государства былъ провозглашенъ Вильгельмъ Оранскій, сынъ послѣдняго наслѣдственнаго Штатгальтера. Что касается до границъ новаго государства, то Вильгельмъ предоставилъ рѣшить этотъ вопросъ Англіи, которая щедрою рукою надѣлила Нидерландское королевство: Австрійскіе Нидерланды (Бельгія) и земли по правую сторону Мааса до Ахена отданы были Голландіи. Чтобы еще болѣе привязать нидерландскаго короля къ интересамъ Германіи, ему дано было герцогство Люксембургъ, съ условіемъ, чтобы оно принадлежало къ Германскому союзу, и чтобы Люксембургъ былъ крѣпостію этого союза. Границы королевства были обезпечены со стороны Франціи рядомъ крѣпостей, по-

строенныхъ на счетъ контрибуцій, взятыхъ съ французовъ. Англія думала еще болѣе усилить свое вліяніе на Нидерланды родственными связями, но предположенный бракъ Вильгельма Оранскаго съ англійскою принцессою Шарлоттою расстроился (*); въ 1815 г., принявъ титулъ короля Нидерландскаго, Вильгельмъ вступилъ въ бракъ съ русскою великою княжною, Анною Павловною.

Сардинія и Генуа. Прикрывая свои торговыя и промышленныя расчеты въ Нидерландахъ необходимостью образовать на сѣверѣ Франціи сильный оплотъ изъ соединенія Бельгіи съ Голландіею, Англія всѣми силами старалась противодѣйствовать, когда на Вѣнскомъ конгрессѣ зашла рѣчь объ усиленіи Сардиніи Генуей для того, чтобы на югѣ отъ Франціи образовать такой же сильный форпостъ. Историкъ Гервинусъ называетъ присоединеніе Генуи къ Сардиніи «первымъ зрѣлымъ плодомъ конгреса». Ни одно государство не получило столькихъ выгодъ отъ присоединенія къ нему новыхъ областей, сколько получила Сардинія отъ присоединенія къ ней Генуи. Во-первыхъ — Генуя привязала Сардинію къ Итальянскому континенту, и во-вторыхъ — Піемонтъ, и безъ того сильная крѣпость, пріобрѣлъ чрезъ это крѣпкую морскую позицію и безпрепятственное сообщеніе съ Сардиніею. Напрасно были старанія Англіи въ пользу независимости Генуи: статья объ этомъ уже заранѣе была рѣшена въ секретныхъ условіяхъ перваго парижскаго мира.

Швейцарія была объявлена неутральнымъ государствомъ и удержала свое республиканское устройство; но чтобы дать ей твердое военное положеніе, къ прежнимъ 19 кантонамъ присоединены были еще три: Женева, Валлисъ и Невшатель; послѣдній однако долженъ былъ остаться подъ именемъ княжества въ зависимости отъ Пруссіи.

(*) На слѣдующій годъ (1816) Шарлота Англійская вышла за-мужъ за герцога Саксенъ-Кобургъ-Готскаго, который сдѣлался черезъ 14 лѣтъ первымъ Бельгійскимъ королемъ, подъ именемъ Леопольда I.

Баварія на Вѣнскомъ конгрессѣ выступила съ большими требованіями, несмотря на то, что только въ послѣдніе четыре мѣсяца войны 1813 года она дѣйствовала на сторонѣ союзниковъ, а до того была одною изъ усердныхъ помощницъ Наполеона. Эти требованія поддерживались Меттернихомъ, который, къ удивленію всѣхъ, былъ необыкновенно милостивъ къ Баваріи, во-первыхъ, потому что ему хотѣлось отдѣлить отъ нея для Австріи нѣсколько важныхъ стратегическихъ пунктовъ, а во-вторыхъ, эта милость вызвана была страхомъ возвышенія Пруссіи (которая, какъ увидимъ ниже, требовала себѣ всей Саксоніи). На сторону Австро-Баварскаго союза склонялась и Франція. Требованія, предъявленныя Баваріею и поддерживаемыя Австріею и Франціею, заключались въ томъ, чтобы отдать ей земли, занятыя ея войсками съ Парижскаго мира, т. е. сплошную область съ Франкфуртомъ на Майнѣ, Ганау, Майцнемъ и земли между Рейномъ и Мозелемъ. Противъ такихъ неумѣренныхъ требованій вооружились Россія и Англія: Майнцъ былъ объявленъ союзною крѣпостію, Франкфуртъ на Майнѣ получилъ независимость, а пріобрѣла Баварія только Вюрцбургъ и Ашафенбургъ, какъ бы въ вознагражденіе за уступленныя Австріи Тироль и Форальбергъ (2 (14) апрѣля 1816 года).

Ганноверъ. Вопросъ о Ганноверѣ былъ раньше всѣхъ другихъ рѣшенъ на Вѣнскомъ конгрессѣ: Ганноверъ былъ объявленъ королевствомъ и расширенъ присоединеніемъ нѣкоторыхъ владѣній въ Вестфаліи.

Пиринейскій полуостровъ остался безъ измѣненій въ своихъ территоріальныхъ отношеніяхъ; тамъ возстановлены были прежнія правительства: въ Испаніи — Фердинандъ VII (Бурбонъ), въ Португаліи — Іоаннъ VI (Браганца).

Такъ устроены были, безъ особенныхъ затрудненій, территоріи второстепенныхъ государствъ, сосѣднихъ съ Франціею. Франція, на счетъ которой должны совершиться эти вознагражденія, на конференціяхъ, разумѣется, не участвовала,

и дѣло обошлось почти безъ замедленій и раздоровъ. Гораздо труднѣе было устроить дѣла великихъ державъ.

Австрія. На Вѣнскомъ конгрессѣ Австрія выказала снова свое старинное искусство—«послѣ сильныхъ пораженій вставать съ свѣжими силами». Австрійская имперія никогда не достигала ни такого объема, ни такой округленности, какъ послѣ Вѣнскаго конгресса. Она получила обратно: Штирію и Далмацію, а по договору съ Баваріей—Тироль и Форальбергъ. Правда, она отказалась отъ Бельгіи; но эта потеря была скорѣе ей въ пользу, нежели въ ущербъ, потому что Бельгія была совершенно чуждою для нея страною, которую министръ австрійскій Тугутъ справедливо называлъ «жерновомъ на шеѣ Австріи». За такую выгодную потерю Австрія получила сплошную часть Верхней Италіи, Венецію и Ломбардію, ограниченную рѣкою По, Тичино и Лаго-Маджіоре, соединеніе которыхъ образовало такъ называемое Ломбардо-Венеціанское королевство. Парма, Піаченца и Гвасталла были предоставлены Маріи Луизѣ (дочери императора Австрійскаго Франца I). Австріи даны были права на Тоскану и Модену и право содержать гарнизоны въ Феррарѣ и Каммакіо. Соединеніе итальянскихъ австрійскихъ земель съ нѣмецкими еще болѣе было упрочено пріобрѣтеніемъ Вальтелина. Кромѣ того и Россія, съ рѣшеніемъ Польскаго вопроса (см. ниже), отказалась въ пользу Австріи отъ восточной Галиціи (*).

Англія. Англія, участвовавшая почти во всѣхъ коалиціяхъ противъ революціонной Франціи, сдѣлала, послѣ успокоенія Европы Вѣнскимъ конгрессомъ, небольшія, но выгодныя пріобрѣтенія. Наполеонъ, находившійся уже на островѣ св. Елены, удивлялся скромнымъ требованіямъ Англіи за тѣ побѣды, которыя стоили ей громадныхъ долговъ. «На мѣстѣ

*) Изъ всей Галиціи только городъ Краковъ сохранилъ свою независимость, подъ названіемъ вольнаго города. Въ 1846 года и онъ вошелъ въ составъ Галиціи.

ея, говорилъ онъ, я бы иначе воспользовался своимъ господствомъ на морѣ: я далъ бы Бельгіи англійскаго принца и предоставилъ бы себѣ всевозможныя выгоды въ Испаніи, въ Италіи, въ Балтійскомъ и Средиземномъ моряхъ». На самомъ дѣлѣ, Англія пріобрѣла не меньше: 1) она оставила за собою, принадлежавшій Голландіи, мысъ Доброй Надежды, —эту станцію для своихъ кораблей, идущихъ въ Остъ-Индію; 2) колонію Демерари (въ Гвіанѣ) съ превосходными хлопчатыми плантаціями; 3) Французскія колоніи: Иль-де-Франсъ, Табаго и другіе вестъ-индскіе острова; 4) въ Европѣ, она удержала за собою Мальту и Гельголандъ, и послѣ долгихъ споровъ взяла Іоническіе острова съ титуломъ покровительницы республики. (Республика управлялась Лордомъ-Коммисаромъ въ качествѣ протектора). Этими пріобрѣтеніями Англія утвердила свое господство на Атлантическомъ и Индѣйскомъ океанахъ, а на Средиземномъ морѣ получила твердыя точки опоры. Вліяніе же ея на континентъ было упрочено возстановленнымъ и увеличеннымъ на счетъ Пруссіи Ганноверскимъ королевствомъ. Важнѣйшая выгода здѣсь состояла въ отстраненіи Пруссіи отъ Сѣвернаго моря.

Россія. Не такъ легко опредѣлилось на конгрессѣ вознагражденіе для Россіи и Пруссіи. Русскій императоръ, какъ главный виновникъ низложенія Наполеона и успокоенія Европы, потребовалъ для Россіи герцогства Варшавскаго. Это герцогство образовалось, по условіямъ Тильзитскаго мира, въ 1807 г. изъ земель, доставшихся Пруссіи по тремъ раздѣламъ Польши (1772, 1793 и 1794). Недовольные уничтоженіемъ своей самобытности, Поляки мечтали о возстановленіи ея при помощи Наполеона, который, разгромивъ Пруссію въ 1807 году, дѣйствительно отнялъ отъ нея ея Польскія пріобрѣтенія и образовалъ изъ нихъ Варшавское герцогство, отданное подъ управленіе короля Саксонскаго. Въ 1809 году Наполеонъ присоединилъ Галицію къ Варшавскому герцогству, а съ 1811 г. выражалъ явно свои намѣренія о возстановленіи Польши. Этого же желалъ и Александръ I съ 1811

года: онъ хотѣлъ возстановить Польшу подъ верховною властью русскаго Императора. Размолвка между императорами по этому (отчасти) поводу породила войну 1812 года Когда же, послѣ изгнанія французовъ изъ Россіи, русскіе войска заняли Варшавское герцогство, императоръ Александръ на Вѣнскомъ конгрессѣ потребовалъ присоединенія Варшавскаго герцогства къ Россіи. Это возбудило зависть всѣхъ Европейскихъ державъ и на конгрессѣ начались интриги противъ Россіи. Въ Европѣ, еще со временъ французскаго владычества, боязливо смотрѣли на возраставшее могущество Россіи, особенно когда пріобрѣтеніе Бессарабіи утвердило ее на югѣ и приблизило ее къ Турціи: а обладаніе Финляндіею оградило ее съ сѣвера; съ возстановленіемъ Польши подъ ея верховною властію, Россія могла бы сосредоточивать всѣ свои силы на 100-часовомъ разстояніи отъ Берлина и Вѣны. Англія и Австрія, при самомъ началѣ конгресса, письменно и устно заявили, что возстановленіе Польши, какъ независимаго государства—одно изъ самыхъ желаемыхъ событій; на долю же Россіи предлагали только пространство до Вислы. Лордъ Кастлерегъ указывалъ при этомъ на такой резонъ: Русское государство отъ присоединенія Польши будетъ до того сильно, что въ случаѣ ея враждебныхъ дѣйствій, всей Европѣ необходимо будетъ вооружаться противъ нея, какъ это дѣлалось до сихъ поръ противъ Франціи. Австріи также не нравилось желаніе Россіи перешагнуть за Вислу. Меттернихъ, узнавъ изъ перехваченнаго письма Имп. Александра къ Чарторыйскому о планѣ возстановленія Польши подъ верховною властію Россіи, объявилъ, что «Австрія скорѣе погибнетъ, чѣмъ дозволитъ это». Озабоченный планами Россіи, Меттернихъ не щадилъ ничего, чтобы возстановить противъ Россіи единственно-сочувствовавшую ей Пруссію. Онъ настойчиво внушалъ Гарденбергу, что потомство никогда не проститъ имъ, если они не воспользуются случаемъ ограничить Россію естественными предѣлами; въ противномъ случаѣ грозилъ противодѣйствовать видамъ Пруссіи на Саксо-

нію. Гарденбергъ, за нимъ Гумбольдъ и другіе государственные представители Пруссіи согласились съ представленіями Меттерниха. Даже приближенные императора Александра, были скорѣе на сторонѣ его противниковъ, чѣмъ на его сторонѣ: Нессельроде былъ уже окончательно убѣжденъ Меттернихомъ; Штейнъ объявилъ, что требуемыя Россіею границы обидны для сосѣдей: Поццо-ди-Борго и Каподистрія называли возстановленіе русской Польши «препятствіемъ», которое Россія ставитъ сама себѣ между собою и Европою. Русскій императоръ не раздѣлялъ мнѣній ни своихъ, ни иностранныхъ министровъ, и стойко, не колеблясь, одинъ съ княземъ Чарторыйскимъ, возражалъ на представленія своихъ министровъ, уже совершенно завлеченныхъ въ политику Меттерниха. Къ Австрійскому министру онъ былъ такъ нерасположенъ, что запретилъ даже своимъ приближеннымъ посѣщать домъ князя. Изъ государей, только Прусскій король поддерживалъ интересы Россіи на конгрессѣ, несмотря на то, что государственные представители Пруссіи были на сторонѣ Австріи. Озабоченный союзомъ Пруссіи и Россіи, Меттернихъ, не любившій прямыхъ путей и искренней политики, пустилъ въ ходъ секретныя записки, доказывая въ нихъ необходимость союза Австріи, Англіи, Баваріи, Франціи, Нидерландъ и Сардиніи для уравновѣшиванія сѣвернаго союза Россіи съ Пруссіею. Союзъ этотъ дѣйствительно удалось ему заключить 3 января 1815 г. Императоръ Александръ не хотѣлъ вѣрить существованію такого союза, заключеннаго августѣйшимъ хозяиномъ съ общимъ врагомъ (Франціею) противъ своихъ гостей: онъ былъ убѣжденъ, что Штейнъ, сообщившій ему объ этомъ, преувеличиваетъ слухи, дошедшіе до него. Объ этомъ союзѣ извѣстилъ русскаго государя и Наполеонъ, возвратившійся во Францію съ о. Эльбы (февраль 1815), приславъ съ совѣтникомъ русскаго посольства Будкинымъ и самый текстъ договора. Съ января 1815 г. вопросъ о вознагражденіи Россіи Польшею принималъ совершенно вооруженный характеръ; все готовилось къ войнѣ: в. к. Константинъ Павловичъ

получилъ приказаніе имѣть на-готовѣ до 70 тыс. войска: Австрія стягивала свои войска къ Богемія, Англія—въ Нидерланды. Только недобрыя вѣсти изъ Франціи, что Наполеонъ, по возвращеніи съ Эльбы, снова занялъ престолъ, и предстоящая кампанія 1815 года примирили раздоры на Вѣнскомъ конгрессѣ: «духъ благоразумія побѣдилъ» по выраженію Флассана (*). Начались новыя совѣщанія, сопровождаемыя всевозможными уступками. Императоръ Александръ согласился отказаться отъ Торна, Кракова, Тарнопольскаго округа и Познани; а Прусскій король предложилъ Саксонскому королю область на Рейнѣ съ 7,800,000 жителей; Ганноверъ и Нидерланды уступили небольшія земли, чтобы дать вознагражденіе Пруссіи за потерю населенія на западѣ, такъ какъ изъ всей Саксоніи ей доставалось только $^2/_5$ (15 пунктъ акта Вѣнскаго конгресса). Договоры трехъ державъ о Польшѣ были подписаны окончательно 3 мая, а договоръ съ королемъ Саксонскимъ — 18 мая.

Пруссія по Вѣнскому конгрессу получила: $^2/_5$ Саксоніи (остальная часть была отдана королю Саксонскому), герцоство Познань, Померанію и земли вдоль Рейна (Рейнская Пруссія). Пріобрѣтенія ея, сравнительно съ приращеніями другихъ великихъ державъ, были самыя ничтожныя: Пруссія очутилась теперь въ самомъ невыгодномъ положеніи относительно каждой изъ этихъ державъ. Къ сторонѣ Россіи она лежала открытыми границами, въ которыя клиномъ входило Царство Польское. На югѣ — Саксонія и Баварія были ей враждебны и тянули на сторону Австріи. Только на западѣ Пруссія своими землями на Рейнѣ представляла сильный оплотъ противъ Франціи. На сѣверѣ, отказавшись отъ восточной Фрисландіи въ пользу Ганновера, Пруссія отодвинута была отъ Нѣмецкаго моря. Но, если съ одной стороны Пруссія была доведена своими близорукими дипломатами до такого жалкаго положенія, то съ другой стороны быть мо-

(*) Панегиристъ Талейрана и дипломатіи его

жетъ эти невыгоды и открыли ей путь къ еще бо́льшему возвышенію. Принимая, въ видѣ вознагражденія, Рейнскія провинціи, Пруссія прямо объявила въ Вѣнѣ, что «она беретъ эти земли, которыя еще Питтъ называлъ самымъ лучшимъ оплотомъ противъ Франціи въ рукахъ Пруссіи, только съ тою цѣлію, чтобы защищать Германію». И дѣйствительно съ 1848 г. Пруссія стала дѣятельно стремиться къ выполненію своего заявленія: стать во главѣ Германіи и придвинуться къ Нѣмецкому морю.

Устройство германскаго союза.

Переговоры о новомъ государственномъ устройствѣ Германіи также породили продолжительные споры и разногласія на конгрессѣ. Всѣ великія державы принимали въ этомъ вопросѣ самое дѣятельное участіе, потому что чувствовали необходимость дать Германіи—этой центральной странѣ Европы, — прочное устройство и такой внутренній порядокъ, который удовлетворялъ бы политическимъ потребностямъ страны. Всѣ согласны были въ томъ, что независимость Германіи отъ другихъ державъ есть одна изъ главныхъ гарантій спокойствія всей Европы. Вслѣдствіе предложенія Штейна, тотчасъ же, по открытіи конгресса, вопросъ объ устройствѣ Германіи былъ отдѣленъ отъ общихъ европейскихъ дѣлъ, и изъ пяти королевскихъ кабинетовъ (за исключеніемъ Саксоніи) былъ составленъ особый *Германскій Комитетъ*, который долженъ былъ постановить рѣшенія, сообразуясь съ правами, обстоятельствами и договорами между союзниками и маленькими государствами, обязавшимися заранѣе подчиниться тѣмъ новымъ порядкамъ, которые будутъ установлены для Германіи. Работы комитета были окончены только къ іюню 1815 г. Можно насчитать до пяти различныхъ проэктовъ, предложенныхъ для новаго устройства Германіи. Предлагали устроить изъ Германіи то одно государство, то два или три, то пять отдѣльныхъ государствъ съ одной главой (*), пока наконецъ

(*) Во имя единства Германіи усерднѣе всѣхъ трудился на конгрессѣ и много писалъ *Штейнъ*, находившійся прежде на службѣ Прусской, а

не былъ принятъ планъ союза, состоявшаго изъ многихъ отдѣльныхъ государствъ безъ одной главы (такъ называемый Германскій союзъ). За исключеніемъ послѣдняго проэкта, всѣ предшествовавшіе не нравились Австріи и Меттерниху, потому что въ нихъ интересы и значеніе Австріи въ Германскихъ государствахъ или приравнивались Пруссіи или отодвигались на второе мѣсто. Мысль Меттерниха была такова: «если Германія должна сдѣлаться союзнымъ государствомъ, то Австрія должна въ немъ господствовать, а въ противномъ случаѣ, Германія была бы слабымъ союзомъ, въ которомъ маленькія государства подпали бы вліянію болѣе сильныхъ». Въ началѣ мая 1816 г., Австрія представила съ своей стороны проэктъ Вессенберга, и къ концу мая изготовила изъ него и одного изъ прусскихъ проэктовъ новый

потомъ перешедшій въ русскую. Съ 1812—1814 г., благодаря своимъ отношеніямъ къ русскому Императору, онъ пользовался такимъ громаднымъ вліяніемъ на политическія дѣла, какого не имѣлъ еще не одинъ частный человѣкъ безъ должности и офиціальнаго положенія. Ему казалось, что медленное развитіе Германіи, сравнительно съ другими народами Европы, заключалось въ отсутствіи единодержавія; ему хотѣлось, однимъ словомъ, возстановить Германскую имперію счастливыхъ временъ Гогенштауфеновъ. Въ минуты спокойствія и разсудительности онъ ясно сознавъ несбыточность своего плана и умѣрилъ свои желанія проэктомъ раздѣленія всей Германіи между Австріею и Пруссіею, именно на сѣверный и южный союзы. Но когда Меттернихъ открыто объявилъ себя противъ такого устройства Германіи, Штейнъ подалъ третій планъ, состоящій изъ 41 пункта (іюль 1814 г.): союзъ Германск. долженъ былъ состоять изъ 3-хъ частей: Австріи, которая войдетъ въ него только своими передними частями безъ эрцгерцогствъ, Пруссіи, которая войдетъ въ него своими землями по сю сторону Эльбы; а съ остальною нѣмецкою федераціею Пруссія и Австрія заключатъ ненарушимый союзъ и будутъ гарантировать его устройство, основанное на либеральныхъ началахъ. Австріи тутъ непонравились либеральныя начала, а Баварія и Виртембергъ протестовали противъ контроля, который простирался и на внутреннія дѣла. Ал. Гумбольдтъ, возражая на послѣдній проэктъ Штейна, представилъ свой планъ раздѣленія Германіи на 5 округовъ.

планъ устройства Германіи. Въ одиннадцати поспѣшныхъ засѣданіяхъ (съ 23 мая по 10 іюня) было окончено на Вѣнскомъ конгрессѣ государственное устройство Германіи *и 10 же іюня былъ обнародованъ актъ Германскаго союза.* На основаніи его, всѣ Германскіе самодержавные князья и вольные города Германіи со включеніемъ императора Австрійскаго и короля Прусскаго по ихъ владѣніямъ, принадлежавшимъ прежде къ Германской имперіи, короля Нидерландскаго, какъ обладателя Луксембурга, и короля Датскаго, какъ владѣтеля Голштиніи, составили *Германскій союзъ*, въ числѣ 38 государствъ. Цѣлью такого союза было образовать въ центрѣ Европы большой оборонительный союзъ, для сохраненія спокойствія въ этой части свѣта, а также *«для поддержанія внѣшней и внутренней безопасности Германіи, независимости и неприкосновенности отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ»*. Для высшаго управленія дѣлами союза учрежденъ былъ постоянный сеймъ во Франкфуртѣ на Майнѣ (*) изъ представителей отъ каждаго изъ государствъ союза, подъ предсѣдательствомъ Австріи. Чтобы придать государствамъ союза, по возможности одну форму внутренняго устройства, положено ввести въ нихъ конституцію (constitution représentative) на основаніи земскихъ чиновъ (assemblée d'états) (**). Подданнымъ всѣхъ союзныхъ государствъ предоставлено было право, безъ платежа податей, переходить изъ одного государства въ другое, и объявлено равенство для всѣхъ христіанскихъ исповѣданій въ правахъ гражданскихъ и политическихъ. Для внѣшней защиты, союзъ долженъ былъ имѣть войско въ 300 тыс.; крѣпостями союза были: Майнцъ, Люксембургъ, Ландау, Ульмъ и Раштадтъ. Такимъ образомъ Австрія и Меттернихъ достигли своей цѣли: за Австріею осталось первенствующее мѣсто въ Германіи, а на долю Германіи досталась пассивная роль неутральнаго государства.

(*) Открытіе Франкфуртскаго сейма послѣдовало 5 ноября 1816 г.

(**) Тринадцатая статья акта Вѣнскаго конгресса.

Уничтоженіе торговли неграми уже давно входило въ программу политики Англійскаго правительства. Теперь, съ пріобрѣтеніемъ Англіею Мыса Доброй Надежды, англичане съ бо́льшимъ усердіемъ стали заботиться о прекращеніи, постыдной для европейцевъ, человѣческой торговли. Успѣшнѣе пошло преслѣдованіе торговцевъ неграми съ этихъ поръ еще и потому, что на Вѣнскомъ конгрессѣ всѣ Европейскія державы выразили желаніе объ этомъ и поручили заботы по этому дѣлу Англіи. И въ слѣдствіе предпринятыхъ ею мѣръ, въ согласіи съ прочими державами Европы, торговля неграми сдѣлалась такимъ опаснымъ промысломъ, что, вѣроятно, вскорѣ и совсѣмъ прекратится.

Переходъ къ новѣйшей исторіи.

На двухъ Парижскихъ мирахъ (*) (18 (30) мая 1814 и 8 (20) ноября 1815) и, въ особенности, на постановленіяхъ Вѣнскаго конгресса, долженъ былъ съ этого времени основаться весь порядокъ европейскихъ дѣлъ. Много надеждъ и мечтательныхъ желаній возлагалось на дѣло конгресса. Многіе ожидали, что на Вѣнскомъ мирномъ соединеніи монарховъ будетъ положенъ краеугольный камень для законнаго общественнаго порядка на основаніи народнаго права, что будетъ учрежденъ постоянный третейскій судъ, который уни-

(*) Второй Парижскій миръ (8 (20) ноября 1815) вторично возстановилъ на французскомъ престолѣ Людовика XVIII послѣ стодневнаго правленія Наполеона, когда онъ высадился во Франціи и снова объявилъ себя императоромъ. Франція по второму Парижскому миру должна была заплатить за свое сочувствіе Наполеону, за опасности, которыми она угрожала Европѣ, и за всѣ издержки, которыя она причинила. Она должна была выплатить 700 мил. франковъ въ опредѣленные сроки и лишиться нѣкоторыхъ владѣній при нѣмецкихъ своихъ границахъ (Филиппсвиль, Ландау и Сарлюи) и при итальянскихъ (часть Савойи); кромѣ того она должна была согласиться, чтобы 150 тыс. союзнаго войска занимали ея сѣверныя и восточныя границы въ теченіи пяти лѣтъ. Наполеонъ кончилъ жизнь на о. Еленѣ 23 апрѣля (5 мая) 1821 г. Конгрессъ государей въ Ахенѣ (1818) окончилъ долговые разсчеты съ Франціей и согласился вывести изъ ея крѣпостей союзныя войска (см. гл. VIII).

чтожитъ войну, что союзъ великихъ державъ обезпечитъ второстепеннымъ государствамъ ихъ учрежденія, что революціи уже не будутъ имѣть мѣста. Такія же надежды на счастливую, спокойную будущность для Западной Европы послѣ Вѣнскаго конгресса питалъ и императоръ Александръ. Во время совѣщаній о второмъ Парижскомъ мирѣ, онъ вмѣстѣ съ императоромъ Австрійскимъ и королемъ Прусскимъ заключилъ *священный союзъ*, какъ дополненіе къ основаніямъ европейской политической системы. По содержанію акта священнаго союза, политика государей, въ ихъ взаимномъ отношеніи и въ внутреннемъ управленіи ихъ государствъ, должна была основываться на предписаніяхъ христіанства — справедливости, любви и мирѣ. Три подписавшіеся государя рѣшили быть между собою въ христіанскомъ братскомъ союзѣ и при каждомъ случаѣ подавать другъ другу руку помощи (о священномъ союзѣ см. царствованіе императора Александра I). Но ожиданія не сбылись. Не позже, какъ черезъ пять лѣтъ возстановленное спокойствіе было нарушено, а черезъ 15 лѣтъ былъ потрясенъ и весь устроенный порядокъ. Такое быстрое потрясеніе произошло главнымъ образомъ не отъ чьихъ-либо честолюбивыхъ стремленій, а вышло изъ среды самаго народа, которому недодано было того, что обѣщано. Во время конгресса государи согласились ввести въ своихъ владѣніяхъ конституціонное устройство; но не всѣ выполнили свои обѣщанія. Вотъ здѣсь-то и есть начало новѣйшей исторіи, событія которой открываются конституціонными и революціонными движеніями сперва въ Германіи, потомъ на Пиринейскомъ, Аппенинскомъ и Балканскомъ полуостровахъ, а къ 1848 году революція охватываетъ весь материкъ Западной Европы. Новѣйшая исторія Западной Европы тѣмъ и отличается отъ такъ называемой новой исторіи, что въ XVIII вѣкѣ всѣ старались о сосредоточеніи правленія, власти и законодательства въ одномъ лицѣ, въ XIX ст. все стремилось къ раздѣленію, къ народному представительству, къ тому, чтобы дать народу участіе въ его общественныхъ

дѣлахъ. Наполеонъ I довелъ до крайности правительственную систему XVIII в., но наконецъ самъ отказался отъ нея, понявъ, что больше всего пригодна для Франціи и ея завоеваній конституція, — середина между самодержавною монархіею и республикою. Сами союзники на Вѣнскомъ конгрессѣ обѣщали народамъ, которыхъ они призывали къ независимости, сохранить ихъ внутреннюю свободу и дать конституціонныя права; но только нѣкоторые сдержали свое слово. Такъ, императоръ Александръ далъ конституцію Польшѣ, Швеція приняла конституцію Норвегіи, Бельгіи дано было право пользоваться Голландскою конституціею, Французскую конституцію сами союзники считали лучшею порукою за прочность новаго порядка вещей; Пруссія оставалась при обѣщаніяхъ конституціи; одна только Австрія не подавала никакихъ прямыхъ надеждъ на конституцію. Оттого вся послѣдующая исторія Западной Европы есть разсказъ о тѣхъ волненіяхъ, которыя происходили въ государствахъ Западной Европы, оттого, что обѣщанныя конституціи или вовсе не были даны или даны были не въ томъ видѣ; въ нѣкоторыхъ же государствахъ оттого, что медлили приводить ихъ въ дѣйствіе, а въ другихъ оттого, что, давъ конституцію, снова ее отнимали. Во времена Наполеона составились различныя общества, имѣвшія цѣлью освобожденіе родины отъ чужеземнаго господства; въ первой четверти XIX столѣтія, когда Европа была свободна отъ французскаго владычества, эти общества обратились въ тайныя революціонныя общества; таковы были свободные каменьщики или франмассоны въ Германіи, Франціи, Португаліи, и карбонари (угольщики) въ Италіи. Они рѣзко дѣйствовали въ пользу конституцій, производили революціонныя движенія и значительно содѣйствовали усиленію партіи, недовольной правительствомъ, извѣстной во всѣхъ государствахъ Западной Европы подъ названіемъ: *либераловъ*, *радикаловъ*, *прогрессистовъ*, *демократовъ*. Какъ оппозиція или противудѣйствіе ихъ стремленіямъ усилилась партія, приверженная правительствамъ, извѣстная

подъ именемъ *консерваторовъ* или *аристократовъ*. Между ними стояла партія *умѣренная*, имѣвшая цѣлью примирить стремленія и интересы той и другой. Партіи выражали свои стремленія въ печати, т. е. журналахъ и газетахъ того времени; въ нихъ общественное мнѣніе, т. е. мнѣніе большинства, склонялось на сторону партіи прогрессивной и тѣмъ указывало на перевѣсъ этой партіи. Такъ мало по малу выяснились требованія общественнаго мнѣнія Западной Европы. Эти требованія заключались въ стремленіи къ свободѣ національной, политической и личной. Національная свобода состоитъ въ независимости каждой національности отъ чужеземной власти; отсюда возникли возстанія итальянцевъ, венгерцевъ и славянъ. Политическая свобода состоитъ въ равенствѣ всѣхъ гражданъ передъ закономъ и представительномъ участіи народа въ управленіи. Наконецъ личная свобода состоитъ въ свободѣ вѣроисповѣданія, образованія, печати, рѣчи и народныхъ собраній. Вотъ какія стремленія волновали государства Западной Европы въ первой четверти XIX вѣка. На основаніи акта священнаго союза, для подавленія этихъ революціонныхъ движеній, собирались конгрессы государей и ихъ представителей въ Ахенѣ (1818), въ Троппау (1820), Лайбахѣ (1821) и Веронѣ (1822); оттого нѣкоторые историки первый періодъ новѣйшей исторіи называютъ *Эпохою конгрессовъ*.

Конституціонныя движенія въ Германіи.

Устройство Германскаго союза, сдѣланное съ поспѣшностію, не удовлетворяло нѣмцевъ. Большинство, и особенно молодое поколѣніе, ожидало, что, по рѣшеніямъ монарховъ, Германія составитъ одно государство, причемъ она, какъ имъ казалось, только бы и могла быть сильною, могущественною державою. Тринадцатая статья союзнаго акта, по которой требовалось, чтобы во всѣхъ государствахъ германскаго союза введено было конституціонное устройство, основанное на правѣ народнаго представительства, была источникомъ тѣхъ волненій, которыя начались въ Германіи послѣ Вѣнскаго конгресса. Нѣкоторые государства, какъ Пруссія,

Австрія и Гессенъ, не дали конституціи; Ганноверъ, Саксонія и Мекленбургъ выполнили 13-ю статью акта, но не въ томъ смыслѣ, въ какомъ ожидало общественное мнѣніе: они возстановили собраніе земскихъ чиновъ изъ привиллегированныхъ сословій, а общественное мнѣніе требовало, чтобы въ собраніи земскихъ чиновъ были депутаты отъ всѣхъ сословій съ правомъ участія въ законодательствѣ. Великое герцогство Саксенъ-Веймарское было первымъ государствомъ союза, которое раньше всѣхъ другихъ выполнило 13-ю статью сообразно съ требованіемъ времени. Великій герцогъ обнародовалъ 5 мая нов. ст. 1816 г. статутъ конституціоннаго устройства государства, по которому было учреждено народное представительство, состоявшее изъ дворянъ (владѣтелей рыцарскихъ помѣстій), горожанъ и крестьянъ; безъ ихъ согласія не могли взиматься подати, дѣлаться налоги и издаваться новые законы; цензура была уничтожена и книгопечатаніе было объявлено свободнымъ. Раньше другихъ нѣмецкихъ государствъ, примѣру Веймара послѣдовала Баварія, конституція которой (14 (26) мая 1818 г.) не представляетъ такихъ широкихъ размѣровъ народнаго представительства, какъ Саксенъ-Веймарская. Баварская конституція есть ничто иное, какъ сколокъ съ конституціи французской, основаніемъ которой была такъ называемая учредительная хартія. Какъ во Франціи законодательная власть была раздѣлена между королемъ и двумя палатами пэровъ и депутатовъ, такъ и въ Баваріи—между королемъ и двумя камерами: камерою государственныхъ совѣтниковъ и депутатовъ. Такая же конституція, основанная на учредительной хартіи, была введена и въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ, въ одинъ годъ съ Баваріею. Но здѣсь вопросъ о конституціи находился въ связи съ вопросомъ о наслѣдствѣ великаго герцогства. Тогдашній Баденскій герцогъ Карлъ былъ бездѣтенъ; наслѣдникъ его, Людовикъ (дядя), тоже не имѣлъ дѣтей. Въ случаѣ прекращенія этого Церингенскаго дома, право на владѣнія Баденомъ переходило къ королямъ Баварскимъ; а герцогу жела-

лось передать эти права графамъ Гохбергъ, братьямъ своего дяди Людовика, рожденнымъ отъ другой матери неравнаго брака, которыхъ правъ Баварія не признавала. Въ октябрѣ 1817 г. великій герцогъ объявилъ манифестомъ о возведеніи Гохберговъ въ достоинство маркграфовъ и призналъ ихъ права на Баденскія владѣнія. Баварія подала формальный протестъ. Чтобы придать болѣе силы своему манифесту о престолонаслѣдіи, Карлъ рѣшился принять его непремѣннымъ условіемъ конституціи. Порванныя отношенія Бадена къ Баваріи были возстановлены посредничествомъ великихъ державъ, особенно Россіи. Императоръ Александръ, находившійся въ близкомъ родствѣ съ баденскимъ герцогомъ, принялъ дѣятельное участіе въ этомъ дѣлѣ и убѣдилъ Баварію согласиться на вознагражденіе двумя милліонами гульденовъ и уступкою Штейнфельда и Герольдака. Въ сентябрѣ 1819 года, одинаковая съ баденскою и баварскою конституціею, была введена конституція въ королевствѣ Виртембергскомъ; а по примѣру ея, 9 (21) декабря 1821 года, великій герцогъ Гессенскій уничтожилъ собраніе земскихъ чиновъ, состоявшее только изъ привиллегированныхъ сословій, и ввелъ въ своемъ герцогствѣ баденскую или, правильнѣе сказать, французскую конституцію.

Что касается до Австріи и Пруссіи, то первая не только отказалась внести конституціонное устройство въ своихъ владѣніяхъ, но даже и старалась подавлять такія стремленія въ другихъ германскихъ владѣніяхъ, предвидя въ нихъ какъ бы революціонныя движенія; вторая—Пруссія—ограничилась изданіемъ эдикта 10 (22) мая 1815, которымъ обѣщана была самая широкая конституція. Все вниманіе короля Прусскаго Фридриха Вильгельма III (1797—1840) было обращено на военное устройство, основанное на правилахъ земскаго вооруженія, которое въ 1813 году такъ много дало прусской арміи порядка и славы. Чтобы отвлечь вниманіе публики отъ политики, король старался покровительствовать умственному движенію и образованію, и основалъ новые универси-

теты въ Боннѣ и Берлинѣ, которые сдѣлались средоточіемъ нѣмецкой науки и учености (философъ Гегель, натуралистъ Александръ Гумбольдъ, педагогъ Дистервегъ, содѣйствовавшій весьма много усовершенствованію элементарныхъ школъ, и другіе).

Партія «молодой Германіи»

Но невсегда стремленіе къ конституціи въ государствахъ Германіи оставалось въ предѣлахъ благоразумія. Въ Германіи, во время борьбы съ Наполеономъ, образовалась партія «Молодой Германіи». Молодежь, ее составлявшая, была увлечена мечтами о возстановленіи средневѣковой могущественной Германской Имперіи; эта партія, къ которой принадлежали большею частію студенты, молодые профессоры, ученые и редакторы многихъ газетъ и журналовъ, образовала въ различныхъ частяхъ Германіи такъ называемыя *бурсачества* или общества *буршей* (Burschenschaften). Приверженцы возстановленія Германской имперіи были убѣждены, что только молодое поколѣніе можетъ выполнить эту трудную задачу объединенія и улучшить состояніе упавшаго общества. Основаніе общества буршей приписывается философу XVIII в. *Фихте*, который далъ и происхожденіе патріотической гимнастикѣ (Turnerchaft), неразлучной спутницѣ буршей: въ 1795 г. при Іенскомъ университетѣ онъ хотѣлъ замѣнить грубые областные кружки студентовъ (Landmannschaften) общимъ союзомъ нѣмецкаго студенчества (Burschenschaften), которое служило бы представителемъ желаннаго единства Германіи и въ которомъ дикій разгулъ студентовъ замѣнился бы патріотическимъ научнымъ духомъ. Въ Іенѣ этотъ опытъ неудался Фихте; Фихте возобновилъ его въ Берлинѣ, когда перешелъ въ этотъ университетъ. Здѣсь, съ согласія князя Гарденберга, учредилось *общество буршей*, уставъ котораго былъ принятъ потомъ въ Іенѣ, и въ другихъ университетахъ Германіи. Первое время бурши отличались благородными поступками, серьезною любовью къ наукѣ, чистою нравственностію и солидностью характера. «Въ уровень съ нравственнымъ и религіознымъ развитіемъ они хотѣли вести свое

научное образованіе, а въ уровень съ образованіемъ ума— развитіе физическихъ силъ гимнастикою». Гимнастика, по мысли Фихте, должна была дать государству такихъ гражданъ, при которыхъ не нужны будутъ регулярныя войска. Фихте надѣялся, что «Нѣмецкій народъ, совершившій уже религіозную реформу, предназначенъ былъ совершить и великое политическое дѣло, неудавшееся французамъ—устроить единую республику изъ Западной Европы. До какихъ увлеченій доходили бурши вмѣстѣ съ ихъ основателемъ, обнаружилось при Вартбургскомъ торжествѣ, на которомъ праздновался 300-лѣтній юбилей реформаціи (*) и годовщина лейпцигской битвы. Іенское общество буршей, съ разрѣшенія Веймарскаго правительства, разослало ко всѣмъ университетамъ приглашеніе на праздникъ; собралось до 500 человѣкъ студентовъ и профессоровъ. Произнесено было много рѣчей, въ особенности профессорами Іенскаго университета, рѣчей, которые касались политики и почти всѣ сводились къ тому, что молодое поколѣніе есть основа существованія, прочности и чести Германіи. Наконецъ послѣ рѣчи Массмана, направленной противъ порицателей бурсачества, произнесенъ былъ приговоръ сожженія нѣсколькихъ позорныхъ сочиненій (какъ называли ихъ бурши) въ подражаніе тому, какъ Лютеръ сжегъ буллу. На приготовленный костеръ были брошены сочиненія, порицавшія буршей и смѣявшіяся надъ патріотической гимнастикой (соч. Коцебу—нѣмецкая Исторія, Дворянская цѣпь— сочиненіе Галлера и книга Кампца и др.). Это раздражило авторовъ и въ особенности Кампца, который написалъ по этому поводу особую брошуру и представилъ въ ней сожженіе своихъ сочиненій преступнѣйшимъ дѣломъ, называлъ профессоровъ одичавшими, студентовъ совращенными; а самъ въ свою очередь предлагалъ ввести подобное же сожженіе

(*) На этомъ юбилеѣ было объявлено соединеніе лютеранъ и реформатовъ въ одну *Евангелическую церковь* (1817 г.).

еретическихъ книгъ и ихъ сочинителей. Но этимъ дѣло не ограничилось. Пруссія и Австрія выслали Гарденберга и фонъ-Цихи въ Веймаръ изслѣдовать результаты Вартбургскаго праздника и наказать тѣхъ, которые позволили себѣ оскорбительно выражаться о дѣйствіяхъ австрійскаго и прусскаго правительства. (По порученію Россіи, въ Веймаръ былъ посланъ Коцебу, издатель «Литературной Газеты» и авторъ Нѣмецкой исторіи). Вскорѣ послѣ этого (11 (23) марта 1819) студентъ Зандъ совершилъ убійство Коцебу, котораго нѣмецкая молодежь считала русскимъ шпіономъ и ненавидѣла за то, что онъ посылалъ въ Петербургъ отчеты объ умственной и политической дѣятельности Германіи, а больше всего негодовали бурши противъ него за его меткія нападки на ихъ экзальтированный патріотизмъ. Зандъ прибылъ къ Коцебу съ письмомъ, и во время чтенія закололъ его кинжаломъ. Зандъ былъ казненъ.

«Карлсбадскія постановленія» и Дополнительный Актъ Вѣнскихъ министерскихъ конференцій

Эти событія встревожили правительства Германіи и указали на ту бездну политической безнравственности, въ которую погрузилось нѣмецкое молодое поколѣніе. Никто съ такимъ усердіемъ не воспользовался этими событіями къ подавленію либеральнаго духа, какъ австрійскій министръ князь Меттернихъ. Тотчасъ, послѣ убійства Коцебу, императоръ Францъ предложилъ, чтобы министры нѣмецкихъ государствъ съѣхались на совѣщаніе въ Карлсбадъ. Послѣ личнаго свиданія Меттерниха съ королемъ прусскимъ и княземъ Гарденбергомъ, оба правительства послали приглашеніе къ второстепеннымъ дворамъ. Мѣстомъ совѣщаній былъ выбранъ австрійскій городъ, потому что мало довѣряли союзному сейму. Записка Меттерниха о цѣли Карлсбадскаго совѣщанія говорила, что важнѣйшими предметами совѣщаній будутъ: журналистика, состояніе университетовъ и училищъ, демагогическіе замыслы; для разсужденій же о другихъ важныхъ предметахъ, какъ напримѣръ, о союзномъ судѣ, о порядкѣ исполненія рѣшеній его и союзнаго сейма, записка австрійскаго министра предлагала устроить новыя конферен-

ціи въ Вѣнѣ, на которыя пригласить уже всѣхъ членовъ союза, а не однихъ только важнѣйшихъ. Въ августѣ 1819 г. министры важнѣйшихъ германскихъ государствъ собрались подъ предсѣдательствомъ Меттерниха на конференцію въ Карлсбадѣ. Рѣшенія конференціи или, такъ называемыя, *Карлсбадскія постановленія* 8 (20) сентября 1819 г. были обнародованы сеймомъ и приняты какъ постановленія Германскаго союза. Постановленія эти ввели цензуру общую для всего союза, надзоръ за учащими и учащимися, для чего при каждомъ университетѣ учреждены были уполномоченные со стороны правительства, обязанные слѣдить за преподованіемъ, а учащихся держать въ предѣлахъ порядка и повиновенія. Чтобы доставить Австріи возможность вмѣшиваться во внутреннюю жизнь союзныхъ государствъ и тѣмъ на будущее время отвратить повтореніе случившихся событій, Меттернихъ предложилъ учредить центральную коммиссію для изслѣдованія демагогическихъ замысловъ въ г. Майнцѣ. Наконецъ, Меттернихъ предлагалъ еще одну мѣру: составить общее рѣшеніе о томъ, каковы должны быть основанія конституцій, обѣщанныхъ 13 статьею союзнаго акта. На Вѣнскомъ конгрессѣ въ угоду Австріи не постановили правилъ о размѣрахъ правъ, даваемыхъ конституціею; теперь Австрія хотѣла опредѣлить эти размѣры. Она думала низвести сеймы Германскаго союза на уровень провинціальныхъ сеймовъ, лишенныхъ всякаго значенія; Меттернихъ прибавилъ къ этому многознаменательное желаніе, чтобы государствамъ, которыя при исполненіи 13-й статьи союзнаго акта уклонились отъ вѣрнаго пути, оказано было содѣйствіе. Противъ такихъ намѣреній Австріи подчинить себѣ внутреннюю политику Германскаго союза, вооружились Виртембергъ и Баварія. При личномъ свиданіи съ императоромъ Александромъ въ Варшавѣ, Виртембергскій король получилъ обѣщаніе, что Россія будетъ поддерживать политику Виртемберга. Тоже самое отвѣтила и Англія. Вопросъ объ этомъ долженъ былъ рѣшиться на министерскомъ конгрессѣ въ Вѣнѣ, созванномъ

къ ноябрю 1819 г. Меттернихъ, видя дѣло Австріи проиграннымъ, готовъ былъ отказаться отъ своихъ намѣреній, если бы только реакціонное направленіе времени не помогло австрійскимъ планамъ. Во время вѣнскихъ конференцій вспыхнула Испанская революція, во Франціи былъ убитъ герцогъ Беррійскій; такія событія должны были показаться въ совѣтѣ государей оправданіемъ и рекомендаціею заботливости Меттерниха о подавленіи революцій. И потому опредѣленія конгресса, включенныя 3 (15) мая 1820 г. въ дополнительный актъ Вѣнскихъ Министерскихъ Конференцій, какими желала ихъ видѣть Австрія, были обнародованы 27-го мая (8-го іюня) 1820 г., какъ основные законы Германскаго союза. Они ограничили кругъ дѣйствія государственныхъ чиновъ и предоставили всѣмъ союзнымъ государямъ право не стѣсняться никакими конституціями въ исполненіи ихъ союзныхъ обязанностей. Войско Германскаго союза, по рѣшенію конференцій Вѣнскихъ, было организовано слѣдующимъ образомъ: оно было раздѣлено на 10 армій. Шесть выставляютъ Пруссія и Австрія, одну — Баварія, а всѣ остальныя государства союза — три арміи.

ГЛАВА II.

Революціонныя движенія на Пиринейскомъ и Аппенинскомъ полуостровахъ.

А.) Революціонныя движенія на Пиринейскомъ полуостровѣ.

Не успѣло еще затихнуть революціонное движеніе въ Германіи, какъ обнаружилось сильное революціонное броженіе въ южной Европѣ, на полуостровахъ: Пиринейскомъ, Аппенинскомъ и Балканскомъ.

Французская революція 1789 г. не прошла безслѣдною для Испаніи, сосѣдней съ Франціею. Въ 1808 году Напо-

леонъ занялъ своими войсками полуостровъ, объявилъ домъ Бурбоновъ переставшимъ царствовать и далъ испанцамъ новаго короля, въ лицѣ брата своего Іосифа. Несмотря на то, что новый король сдѣлалъ весьма много полезныхъ учрежденій, которыя могли бы возродить Испанію изъ того застоя старины, въ которомъ она находилась съ самаго начала новой исторіи,—онъ встрѣченъ былъ съ страшною ненавистью въ своемъ новомъ королевствѣ и вся Испанія поднялась, въ народномъ возстаніи гверильясовъ, къ изгнанію французовъ. Страна была очищена отъ незванныхъ гостей; но это патріотическое движеніе, возбудивъ народныя силы, не осталось безъ-результатнымъ. Подъ вліяніемъ французовъ, народные представители Испаніи, принявъ старинное названіе кортесовъ (отъ фр. cour; кортесами въ Испаніи называлось собраніе представителей изъ народныхъ сословій), провозгласили въ Кадиксѣ *конституцію 18 мая 1812 года.* Она основывалась на крайне-либеральныхъ началахъ, доказавшихъ всю незрѣлость ея составителей. Тутъ на первомъ планѣ стояли: ничтожное значеніе королевской власти, и и ограниченія, которымъ подвергалась особа короля: кортесы должны были собираться сами, король не имѣлъ права распускать ихъ; министры короны не могли избираться народомъ въ кортесы и государемъ — изъ кортесовъ; законодательную власть кортесы присвоили себѣ почти безъ всякихъ ограниченій; исполнительная власть не вся была предоставлена королю; финансовое управленіе, высшая полиція, войско, флотъ, война, миръ, договоры — все это было отдано кортесамъ; даже право короля на назначеніе судей, епископовъ и проч. было подчинено ихъ вліянію; подъ страхомъ потери трона король не имѣлъ права, безъ согласія кортесовъ, жениться или выѣхать за границу; кортесы могли удалять отъ престолонаслѣдія людей неспособныхъ къ управленію. Нѣтъ ничего удивительнаго, что король Фердинандъ VII, по возвращеніи своемъ изъ французскаго плѣна въ Испанію, послѣ шестилѣтняго отсутствія,

Конституція 18 мая 1812 г.

Фердинандъ VII и намѣреніе уничтожить конституцію 1812 г.

(1808—1814) отказался признать эту конституцію. Но вмѣсто того чтобы дать новое, лучшее устройство Испаніи, король, уничтоживъ майскую конституцію, возстановилъ абсолютную королевскую власть, основанную на инквизиціи, которую онъ тотчасъ же направилъ на враговъ своей неограниченности. Радостныя встрѣчи, сдѣланныя ему народомъ при возвращеніи въ Испанію, убѣдили его, что и народъ одобряетъ возстановленіе прежняго устройства. Въ маѣ 1814 г. король обнародовалъ манифестъ, которымъ онъ объявилъ конституцію недѣйствительною, и въ которомъ, назвавъ деспотизмъ несовмѣстнымъ съ цивилизаціею и преданіями Испаніи, обѣщалъ созвать законно-составленные кортесы и обсуждать съ ними всѣ общественные вопросы. Далѣе — декретъ объявлялъ свободу личности и имущества, свободу печати, и въ тоже время называлъ государственнымъ преступникомъ того, кто бы вздумалъ противиться распущенію кортесовъ 1812 года. Но король скоро забылъ обѣщаніе; и началъ свое вторичное правленіе (1814—1833) преслѣдованіями не только всѣхъ афранцесадосовъ (офранцузившихся), т. е. приверженцевъ короля Іосифа Бонапарте, занимавшихъ при немъ какія-нибудь должности, но и всѣхъ сторонниковъ кортесовъ, къ которымъ принадлежали по большей части люди популярные, получившіе знаменитость въ войнѣ за независимость. Монастырскія земли, обращенныя кортесами въ національныя имущества, были возвращены духовенству, а новые ихъ владѣльцы, раскупившіе ихъ по участкамъ, остались безъ всякаго вознагражденія и принуждены были заплатить еще штрафъ за незаконную покупку. Инквизиція, отданная подъ управленіе епископа альмерійскаго *Миръ-Кампилло*, была пущена въ ходъ, и наполнивъ темницы 50 тысячами осужденныхъ по политическимъ преступленіямъ, подвергла ихъ жестокимъ истязаніямъ. Въ арміи многіе офицеры, отличавшіеся въ рядахъ гверильясовъ, были отставлены безъ всякаго жалованья. Сжатые правительственною силою, приверженцы конституціи притаились на время и начали

работу тайную посредствомъ массонскихъ обществъ и заговоровъ. У короля не было никакихъ средствъ къ борьбѣ съ оппозиціею кромѣ внѣшней матеріальной силы и министровъ, которые всѣ оказались неспособными и угождавшими любимцамъ короля (или такъ называемой камарильи) гораздо болѣе, нежели понимавшими нужды народа. Финансы, между тѣмъ, были въ страшномъ разстройствѣ: чиновники, офицеры, солдаты давно уже не получали жалованья и ходили въ лохмотьяхъ, несмотря на то, что снова были введены старые, притѣснительные источники доходовъ, т. е. табачная и соляная монополія, подать на всѣ съѣстные припасы, высокія пошлины на иностранные товары и поборы въ пользу духовенства. Къ 1820 году оппозиціонная партія усилилась поддержкою со стороны войска и начала революціонныя движенія, которыя обнаружились въ возстаніи солдатъ. Въ Германіи, какъ мы уже видѣли, революціонное броженіе приливало къ университетамъ, на Пиринейскомъ и Аппеннинскомъ полуостровѣ, гдѣ университеты имѣли весьма мало значенія, революціонное движеніе, созрѣвая въ тайныхъ обществахъ массоновъ и карбонаріевъ, начало приливать къ вооруженной силѣ — войску.

Возмущенія въ войскѣ начались еще осенью 1814 г. (*), когда предполагалось перевезти его въ южно-американскія испанскія колоніи, которыя провозгласили себя независимыми. Но всѣ попытки до 1820 г. были неудачны. Въ 1820 г. въ Кадиксѣ собрано было войско, которое должно было отправиться въ южную Америку. Отдаленность пути и мысль, что солдатамъ придется биться противъ своихъ же земляковъ— испанцевъ, возбудили сильное неудовольствіе въ войскѣ. Вдругъ узнаютъ, что главнокомандующій О'Доннель открылъ

Возстаніе войска въ Кадиксѣ.

(*) Таковы: *попытка Мины*, бывшаго предводителя гверильясовъ, который бѣжалъ во Францію; *покушеніе генерала Польера* взбунтовать Галицію—онъ былъ казненъ; *возстанія солдатъ* въ 1817 г. *въ Барселонѣ*; и 1819 г. *въ Валенціи*—тоже не имѣвшія успѣха.

громадный заговоръ, арестовалъ множество офицеровъ и удалилъ тысячу солдатъ. За нимъ другой слухъ, что самъ О'Доннель былъ главою заговора и что онъ, испугавшись наказанія, самъ открылъ его и потому теперь отставленъ. Главное начальство надъ экспедиціею получилъ графъ Кальдеронъ. Это назначеніе ускорило возстаніе. Полковникъ Рафаэль Ріего и Квирога прочитали солдатамъ конституцію 1812 года и предложили имъ присягнуть ей, какъ основному закону Испаніи. Половина арміи перешла на ихъ сторону, а другая подъ начальствомъ генерала Фрейре осталась вѣрною королю. Кальдеронъ былъ арестованъ; арестованные же О'Доннелемъ офицеры были выпущены, а главнокомандующимъ былъ провозглашенъ Квирога. Возстаніе въ теченіе 2 хъ мѣсяцевъ охватило весь полуостровъ, потому что королевскія войска, высланныя противъ мятежниковъ, дѣйствовали вяло, медленно и раздѣльно: возстанія одновременно вспыхивали во всѣхъ частяхъ Испаніи (*). Король и столица пришли въ ужасъ: королевскій совѣтъ нѣсколько дней пріискивалъ средства утушить возстаніе и недоумѣвалъ кого назначить начальникомъ войска. Послѣ долгихъ совѣщаній, Фердинандъ VII останавливается на О'Доннелѣ, котораго незадолго передъ этимъ, какъ подозрительнаго человѣка, отставили отъ начальствованія войскомъ. 20 февраля (3 марта) О'Доннель выступилъ изъ Мадрита; но тотчасъ же передался на сторону мятежниковъ и провозгласилъ конституцію. Видя, что и столица тянетъ на сторону революціи, король 24 февраля (7 марта) объявляетъ о созваніи кортесовъ и обѣщаетъ выполнить все необходимое для блага государства: но толпы народа передъ дворцомъ требуютъ конституціи 1812 года. Фердинандъ VII уступилъ и 8 мая присягнулъ этой конституціи: инквизиція и цензура были уничтожены, амнистія была объявлена всѣмъ политическимъ преступникамъ, а общественныя должности заняты

(*) Возвратившійся изъ Франціи Мина дѣйствовалъ за революцію въ Наваррѣ.

были приверженцами либерализма. Собраніе кортесовъ въ Мадритѣ 27 іюня (9 іюля) довершило переворотъ въ Испаніи и опредѣлило его характеръ, но не успокоило Испаніи.

Хотя инквизиція и цензура были теперь уничтожены кортесами, но новый порядокъ вещей встрѣтилъ многочисленныхъ враговъ въ отставленныхъ чиновникахъ, въ духовенствѣ, недовольномъ новымъ отнятіемъ церковныхъ имуществъ и уничтоженіемъ большей части монастырей, и въ особенности въ той партіи неумѣренныхъ или изступленныхъ (exaltados), которая противудѣйствовала соединенію новаго порядка вещей со старымъ. Всѣ эти обстоятельства указывали на новыя волненія и озаботили европейскіе кабинеты. Фердинандъ VII, по обычаю, извѣстилъ всѣ дворы о перемѣнѣ, происшедшей въ формѣ испанскаго правительства. Приверженцамъ этой перемѣны необходимо было знать мнѣніе объ ней другихъ державъ и въ особенности русскаго императора, могущественнѣйшаго изъ государей Европы. Черезъ Испанскаго посланника въ Петербургѣ Бермудеса, въ Мадритѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что императоръ Александръ съ глубокимъ прискорбіемъ узналъ о событіяхъ въ Мадритѣ и видитъ въ этомъ плачевныя послѣдствія ошибокъ, которыя уже съ 1814 г. предсказывали катастрофу на Пиринейскомъ полуостровѣ; что императоръ уже не разъ выражалъ желаніе, чтобы власть королевская утвердилась, и въ старомъ и новомъ свѣтѣ, съ помощью прочныхъ учрежденій, которыя бы исходили отъ трона съ характеромъ охранительнымъ, а не изъ среды мятежа, когда они порождаютъ хаосъ. И потому средства, которыми Испанія постарается уничтожить впечатлѣніе, произведенное въ Европѣ мартовскими событіями, опредѣлятъ характеръ отношеній Императора къ Мадритскому двору. Такимъ образомъ Россія высказалась противъ солдатской революціи, объявивъ, что на кортесахъ лежитъ обязанность смыть это пятно съ Испаніи, что они должны издать строгіе законы противъ бунтовъ и возстаній, и что только въ такомъ случаѣ союзныя державы могутъ

сохранить съ Испаніею дружественныя сношенія. Австрія и Пруссія соглашались съ взглядомъ и планомъ Россіи, который состоялъ въ томъ, чтобы сообща съ Франціею, какъ наиболѣе заинтересованною въ этомъ дѣлѣ, пріискать мѣры для успокоенія Испаніи. Но Лондонскій кабинетъ возсталъ противъ этого образа дѣйствій великихъ державъ, говоря, что вмѣшательство во внутреннія дѣла чужаго государства можетъ быть оправдано только прямою опасностью вмѣшивающемуся государству, а дѣла Испаніи никому не грозятъ никакою опасностью. Однако случилось, что Испанское правительство само обратилось къ европейскимъ державамъ съ просьбою спасти престолъ и церковь.

Послѣ побѣды революціи надъ абсолютизмомъ Фердинанда VII, Испанія была раздираема партіями, образовавшимися среди либераловъ и желавшими вырвать власть другъ у друга. Таковы были модерадосы (умѣренные), и экзальтадосы (изступленные): первые желали прекращенія революціоннаго порядка; вторые считали всякую остановку въ движеніи шагомъ назадъ, недовѣряли королю, и подобно французскимъ якобинцамъ требовали введенія терроризма для устрашенія враговъ конституціи. Дѣйствительно, въ маѣ 1821 г. они одолѣли своихъ противниковъ, и въ Мадритѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ устроили кровавыя сцены, напоминающія время французскаго террора. Но это только повредило дѣлу конституціи и помогло Фердинанду VII. Подъ защитою арміи гверильясовъ, образовалась апостольская партія или воинство вѣры (*) для спасенія церкви и престола. Подъ предлогомъ, что король содержится въ плѣну своими врагами, воинство вѣры провозгласило себя законнымъ правительствомъ, избрало Сео-д'Ургель своимъ мѣстопребываніемъ и вступило въ сношенія съ иностранными державами. Но скоро успѣхи экзальтадосовъ, надъ которыми принялъ начальство возвра-

(*) Во главѣ его стояли архіепископъ Таррагонскій Матафлорида и баронъ д'Эролезъ.

тившійся изъ Франціи Мина, разсѣяли воинство вѣры и само регенство должно было, покинувъ Сео'д-Ургель, бѣжать во Францію; а король попался въ плѣнъ революціонерамъ (іюль 1822). Эти извѣстія встревожили всю Европу.

Веронскій конгрессъ.

На Веронскомъ конгрессѣ, собравшемся *въ октябрѣ 1822 г.*, рѣшено было, принявъ во вниманіе протестъ Англіи, сдѣлать конституціонному правительству Испаніи представленіе на счетъ его опасныхъ стремленій, и если ни угрозы первоклассныхъ державъ, ни совѣты французскаго правительства, высказанные на самомъ умѣренномъ тонѣ, не подѣйствуютъ на испанскихъ революціонеровъ, Франція вышлетъ сильное войско для возстановленія законнаго правительства и порядка. Король Людовикъ XVIII и министерство Виллеля,—хотя и на дѣлѣ видѣли вредное вліяніе Испанской революціи на Францію, въ которой оно стало проявляться волненіями и мятежами, имѣвшими цѣлью низвергнуть тронъ Бурбоновъ,—за недостаткомъ финансовъ, надѣялись отклонить вооруженное вмѣшательство дружескими совѣтами и побужденіемъ къ уступкамъ. Но испанцы съ дерзостію отвергли посредничество Франціи и такъ же дерзко отвѣтили на ноты другихъ державъ. Стотысячная армія, подъ начальствомъ герцога Ангулемскаго, получила приказаніе выступить походомъ въ Испанію пятью корпусами (маршалъ Удино, князь Гогенлоге, генералъ Молиторъ, маршалъ Монсей, генералъ Бурдесу). До Каталоніи войско прошло безпрепятственно: народъ, настроенный духовенствомъ, встрѣчалъ французовъ какъ своихъ избавителей отъ революціонеровъ-еретиковъ. Только при переправѣ черезъ р. Бидассоа французы должны были оружіемъ пролагать себѣ путь. 12 (24) мая герцогъ Ангулемскій вступилъ съ войскомъ въ Мадритъ и учредилъ здѣсь регенство подъ предсѣдательствомъ герцога Инфантадо, которое тотчасъ распустило кортесовъ. Ріего покусился было возжечь новое возстаніе въ Малагѣ, но былъ взятъ и казненъ на висѣлицѣ Оставалось для успокоенія Испаніи взять Кадиксъ, куда удалились конституціонные кортесы и гдѣ находился

плѣнникомъ у нихъ Фердинандъ VII. Осада Кадикса, длившаяся съ половины августа до конца сентября, кончилась съ успѣхомъ: кортесы выпустили короля, взявъ съ него слово амнистіи; но большая часть ихъ удалилась въ Гибралтаръ. 1 (13) ноября 1823 года Фердинандъ торжественно въѣхалъ въ Мадритъ и декретомъ объявилъ недѣйствительнымъ все то, что произошло съ 1820 по 1823 годъ. Конституція «18 мая 1812 года» была уничтожена, и старая система правленія, за исключеніемъ инквизиціи, возобновилась. Лучшее время для приверженцевъ кортесовъ наступило послѣ смерти Фердинанда VII.

Дальнѣйшая исторія Испаніи.

Исторія Испаніи, послѣ Фердинанда VII (1833), представляетъ междоусобную борьбу карлистовъ съ христиносами. Первые поддерживали абсолютизмъ и права на престолъ Дона-Карлоса, брата Фердинанда VII; а послѣдніе стояли за кортесовъ, требовали возобновленія конституціи 1812 года и поддерживали права на престолъ Изабеллы, дочери Христины и Фердинанда VII. Борьба эта окончилась торжествомъ христиносовъ и либеральной партіи.

Фердинадъ VII въ 1829 году вступилъ (въ четвертый) бракъ, съ Неаполитанскою принцессою Маріею-Христиною, сестрою герцогини Беррійской, и это четвертое супружество подало королю надежду на потомство. На случай, если королева разрѣшится отъ бремени дочерью, король издалъ «прагматическую санкцію» (17 (29) марта 1830 г.), по которой Салическій законъ, принесенный въ 1700 г. Бурбонами въ Испанію и лишавшій женское колѣно отъ престолонаслѣдія, уничтожался, и замѣнялся старымъ кастильскимъ закономъ, не исключавшимъ женскихъ правъ на престолъ. Дѣйствительно, 18 (30) окт. 1830 г. королева родила дочь Изабеллу, которая и названа была принцессою Астурійскою, т. е. наслѣдницею престола. Такія распоряженія короля крайне не нравились абсолютистамъ или апостольской партіи, которая возлагала всѣ свои надежды на Дона-Карлоса, долженствовавшаго, по Салическому закону, занять Испанскій пре-

столъ. Донъ-Карлосъ протестовалъ противъ прагматической санкціи, заявляя, что перемѣны въ порядкѣ престолонаслѣдія зависятъ отъ рѣшенія не одного короля, но всѣхъ членовъ королевскаго семейства. На сторонѣ его находился и духовникъ короля, съ помощію котораго апостольская партія рѣшилась воспользоваться тяжкою болѣзнію Фердинанда VII: убѣжденный духовникомъ и министромъ (Каломарде), представлявшими умирающему всѣ ужасы будущаго междоусобія, король отмѣнилъ санкцію. Но, оправившись отъ болѣзни, Фердинандъ VII возмутился противъ вѣроломной продѣлки своихъ приближенныхъ, удалилъ духовника, смѣнилъ министровъ, изгналъ своего брата, и, созвавъ къ 8 (20) іюня кортесовъ въ ихъ прежней формѣ, заставилъ ихъ присягнуть своей дочери, какъ будущей королевѣ, а мать ея, Марію-Христину, признать регентшею за ея малолѣтствомъ. Донъ-Карлосъ удалился въ Португалію, откуда вторично протестовалъ противъ нарушенія порядка престолонаслѣдія. Такимъ образомъ, когда 17 (29) сент. 1833 г. Фердинандъ VII умеръ, междоусобная фамильная борьба сдѣлалась неизбѣжною, такъ какъ апостольская партія провозгласила своимъ королемъ Дона-Карлоса подъ именемъ Карла V, а либеральная партія сгруппировалась около королевы Изабеллы II и ея матери-регентши Маріи-Христины. Низшіе классы народа, особенно поселяне и горцы, крѣпко державшіеся старыхъ іерархическихъ и монархическихъ учрежденій, примкнули къ карлистамъ; тогда какъ городское сословіе и офицеры, стоявшіе за кортесовъ и ограниченія королевской власти, были на сторонѣ христиносовъ; сѣверная и сѣверозападная часть Испаніи были приверженны карлистамъ, а юго-восточная часть и столица стояли за христиносовъ. Христиносовъ поддерживали всѣ абсолютныя державы, итальянскіе дворы, Португалія и консервативныя государства Европы. Христиносы нашли себѣ защитниковъ въ либеральныхъ правительствахъ Франціи и Англіи.

Вступивъ въ управленіе государствомъ, регентша соста-

вила либеральное министерство, во главѣ котораго стоялъ Мартинецъ-де-ла-Роза, и издала въ апрѣлѣ 1834 г. королевскій статутъ (Estatuto real), по которому кортесы, раздѣленные на двѣ камеры, получили участіе въ законодательствѣ, опредѣленіи податей и налоговъ. Но крайніе либералы были этимъ недовольны и, какъ мы увидимъ ниже, раздѣлились на двѣ партіи: модерадосовъ и прогрессистовъ, чѣмъ и облегчили на нѣкоторое время успѣхи карлистамъ.

Карлистское возстаніе началось въ Басскихъ провинціяхъ. Басски, недовольные конституціею, уничтожившею ихъ прежнія права и привиллегіи (fueros), возстали на защиту стараго порядка вещей и партіи карлистовъ. Въ главѣ ихъ стоялъ народный герой Сумалакаррегви, одаренный необычайными способностями и умѣвшій сформировать изъ Басковъ и явившихся волонтеровъ дисциплинированное и храброе войско, противъ котораго не могли устоять искуснѣйшіе христиносскіе генералы, несмотря на численное превосходство своихъ армій. Эти успѣхи Бассковъ ободрили Карлистовъ, особенно когда среди ихъ явился самъ Донъ-Карлосъ. Тогда регентша обратилась за помощію къ Англіи и Франціи, которыя отказались отъ посредничества въ этой междоусобной войнѣ, а выслали только по одному легіону для поддержки Христиносовъ. Но такая ничтожная помощь не могла измѣнить положенія дѣлъ, несмотря на то, что герой Бассковъ Сумалакаррегви былъ смертельно раненъ при Вильвао (2 (16) іюня 1835 г.). Во главѣ мятежа, распространившагося и на Аррагонію, стоялъ теперь второй Сумалакаррегви въ лицѣ Кабреры—студента, бѣжавшаго изъ университета и дѣйствовавшагося съ страшною жестокостію, которою онъ мстилъ Христиносамъ за разстрѣляніе своей матери. Положеніе правительницы сдѣлалось еще затруднительнѣе, когда противъ нея вооружилась партія прогрессистовъ, требовавшая безусловнаго возстановленія конституціи 1812 года. Прогрессисты подняли знамя возстанія въ Барцелонѣ, Мадритѣ и другихъ большихъ городахъ, въ которыхъ уже начинали обра-

зовываться самостоятельныя юнты. Вооруженная толпа прогрессистовъ, въ ночь съ 12 на 13 авг. 1836 г., двинулась къ королевскому дворцу Ла-Граньи, гдѣ правительница имѣла свое мѣстопребываніе, соединилась здѣсь съ однимъ изъ гвардейскихъ полковъ и принудила регентшу принять конституцію 12 года, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы она была вновь пересмотрѣна кортесами. Пересмотръ конституціи былъ оконченъ кортесами къ іюню 1837 г., но не въ пользу прогрессистовъ, такъ какъ, по прежнему, законодательная власть раздѣлена была между двумя палатами кортесовъ: сенаторами и депутатами, а не отдана была общей камерѣ, какъ желали того прогрессисты.

Съ половины 1837 г. междоусобная борьба принимаетъ обратный ходъ. Съ этого времени успѣхъ переходитъ на сторону Христиносовъ, среди которыхъ появились два способныхъ полководца въ лицѣ Эспартеро и Нарваэса, тогда какъ въ станѣ карлистовъ произошелъ разладъ; а Баски въ генералѣ Марого нашли себѣ посредника для примиренія съ правительницею, отъ которой они скорѣе надѣялись получить подтвержденіе своихъ fueros. Весною 1837 г. Донъ-Карлосъ двинулся къ Мадриту, но Эспартеро, подоспѣвшій вовремя на защиту столицы, заставилъ его отступить; армія его разсѣялась, и съ этого момента можно считать дѣло Карлистовъ проиграннымъ. При такихъ неудачахъ, Донъ-Карлосъ не былъ безопасенъ въ Испаніи; вслѣдствіе чего онъ со всѣмъ семействомъ отправился во Францію и отдался подъ покровительство Луи-Филиппа, который назначилъ ему мѣстопребываніе въ Буржѣ, подъ приличнымъ надзоромъ.

Эспартеро и Нарваэсъ.

Но, съ удаленіемъ Дона-Карлоса, волненія въ Испаніи не прекратились: теперь начинается борьба партій или двухъ соперниковъ—Нарваэса и Эспартеро—по поводу вопросовъ внутренней политики. Дѣло въ томъ, что правительница, женщина страстная и себялюбивая, была далека отъ необходимости коренныхъ преобразованій въ духѣ либерализма; она пользовалась кортесами и ихъ приверженцами для того только,

чтобы отстранить Дона-Карлоса отъ престопаслѣдія и конфисковать его имущества; а потому, съ удаленіемъ его во Францію, она прибѣгла къ старой правительственной системѣ, оскорбляла часто чувство народной чести, напримѣръ вступленіемъ въ бракъ съ лейбъ-гвардейцемъ, камергеромъ Муньосомъ, возведеннымъ въ званіе герцога Ріансаресъ. Во многихъ мѣстностяхъ замѣтны были волненія и формировались юнты по поводу требованія конституціи 12 года, и когда Христина объявила Мадритъ и другіе города въ осадномъ положеніи, Эспартеро (герцогъ Витторія), провозглашенный кортесами первымъ министромъ, потребовалъ у правительницы удаленія камарильи и возстановленія Майской констутуціи. Оскорбленная въ своей властолюбивой гордости и будучи не въ силахъ отвергнуть эти требованія, Христина отказалась отъ регентства и отправилась во Францію, а кортесы, вновь созванные, назначали регентомъ Эспартеро (8 мая нов. ст. 1841). Но приверженцы Христины, поддерживаемые Франціей и огромными денежными запасами правительницы, производили волненія противъ Эспартеро, распуская слухи, что королева Изабелла находится въ плѣну. Тутъ особенно отличались полковникъ Примъ и Парваэсъ, соперники Эспартеро. Особенно сильно волновались партіи, когда настало время рѣшить вопросъ о замужествѣ Изабеллы: Эспартеро, приверженный къ Англіи и называемый за это «англолюбивымъ герцогомъ», поддерживалъ планы Англіи — сочетать ее бракомъ съ какимъ либо принцемъ изъ другой династіи; а мать, подъ вліяніемъ совѣтовъ французскаго правительства, хотѣла сохранить Испанію въ домѣ Бурбоновъ. Для достиженія этой цѣли необходимо было свергнуть регентство Эспартеро. Парваэсъ, снабженный деньгами Христины, на которыя онъ могъ набрать значительное войско, высадился (15 (27) іюня 1843 г.) въ Валенсіи и двинулся къ Мадриту. Регентъ бѣжалъ въ Кадиксъ, а оттуда удалился въ Англію. Парваэсъ былъ возведенъ въ званіе герцога Валенсіи, и сдѣланъ первымъ министромъ, а Марія Христина снова

Всесоюзная Библиотека имени В. И. Ленина

призвана въ Испанію. Съ этихъ поръ, въ Мадритѣ господствовала французская политика Луи-Филиппа, враждебная либерализму, политика, вѣнцомъ которой былъ такъ называемый «двойной Испанскій бракъ». Несмотря на всѣ хлопоты европейскихъ дипломатовъ — пріискать Испанской королевѣ жениха, который бы не мѣшалъ интересамъ ни одной изъ великихъ державъ, Луи-Филиппъ, сообща съ матерью королевы, устроилъ дѣло такъ, что Изабелла II выдана была замужъ за своего двоюроднаго брата Франциска д'Ассисъ (сына старшаго брата Дона-Карлоса); а младшая ея сестра отдала руку, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ближайшія права на испанскій престолъ, меньшому сыну Луи-Филиппа, герцогу Монпансье. Но скоро расчеты Франціи сдѣлались несостоятельными, потому что супружество Изабеллы осталось безпотомственнымъ.

Придворная партія, во главѣ которой опять стояла возвратившаяся Марія Христина, устроила паденіе Нарваэса. Его мѣсто занялъ Браво-Мурильо, послушное орудіе въ рукахъ королевы матери, безпечный министръ, допустившій усилиться партіи республиканской и карлистской. Неудачное покушеніе на жизнь Изабеллы II, когда она, по обычаю народному, послѣ разрѣшенія отъ бремени, въ первый разъ посѣтила церковь, покушеніе, сдѣланное фанатикомъ-священникомъ Меринò (февр. 1852), — послужило для Христины предлогомъ къ преслѣдованію прогрессистовъ, но съ другой стороны оно содѣйствовало и ея окончательному паденію. Войско, подъ начальствомъ генерала о'Доннеля, явилось въ Мадритъ и потребовало удаленія прежней правительницы изъ Испаніи. Съ побѣдою прогрессистовъ явился и старинный ихъ предводитель Эспартеро; но 2 (14) іюля 1856 г. онъ долженъ былъ уступить первенство о'Доннелю, которому пришлось отстаивать права королевы противъ новаго представителя карлистовъ графа Монтемолино (*), сына Дона-Карлоса.

(*) Донъ-Карлосъ умеръ 10 марта 1855 г.

Б) Революціонныя движенія на Аппенинскомъ полуостровѣ.

Въ то время, когда европейскіе государи заняты были сношеніями по дѣламъ испанскимъ, въ Италіи уже была подготовлена революція. Она охватила Неаполь, Сицилію и Сардинію.

По Вѣнскому конгрессу, въ Италіи были возстановлены прежнія правительства и прежняя система правленія: въ Неаполѣ началъ царствовать съ 1815 г. Фердинандъ IV подъ именемъ Фердинанда I, короля обѣихъ Сицилій (такъ какъ послѣ паденія Мюрата Сицилія была присоединена къ Неаполю); въ Сардиніи, владѣнія которой увеличились присоединеніемъ Генуи, вступилъ на престолъ Викторъ Эммануилъ: въ Римѣ — Папа Пій VII. Они уничтожили въ своихъ владѣніяхъ всѣ слѣды французскаго владычества и возстановили прежній порядокъ вещей. Такъ, папа Пій VII возобновилъ всѣ злоупотребленія своей іерархической власти и успѣлъ возвратить себѣ всѣ права, которыми пользовался до французской революціи: объ нихъ не спорили даже протестантскія правительства, потому что они видѣли въ религіи надежнѣйшій оплотъ противъ революцій и считали церковь опорою престоловъ. Буллою 1814 г. папа возстановилъ орденъ іезуитовъ, уничтоженный Климентомъ XIV въ 1773 г., и запретилъ существованіе библейскихъ обществъ, какъ распространяющихъ свободу мышленія и подготовляющихъ народное движеніе противъ законныхъ правительствъ.

Тайное общество карбонаріевъ.

Раньше всѣхъ другихъ итальянскихъ государствъ революціонное движеніе обнаружилось въ Неаполѣ. Подобно тому какъ тайное общество массоновъ въ Испаніи подготовило революцію, такъ въ Италіи она подготовлена была *тайнымъ обществомъ карбонаріевъ или угольщиковъ*. Они, подобно массонамъ, собирались на совѣщанія въ такъ называемыя ложи или venditi и узнавали другъ друга по условнымъ атрибутамъ. Эти тайныя общества обязаны своимъ существованіемъ

самимъ правительствамъ, противъ которыхъ они теперь дѣйствовали; они явились какъ реакція противъ могущества французовъ, владѣвшихъ до этого времени Италіею. Итальянскіе карбонари дѣлились на 5 степеней: ученики, магистры, великіе магистры, просвѣтленные и высокопросвѣтленные; глава назывался патріархомъ. Для своихъ цѣлей карбонари раздѣлили Италію на одиннадцать провинцій, главнѣйшими городами которыхъ были: Римъ, Неаполь, Венеція, Миланъ, Туринъ и Флоренція. Правленіе состояло изъ пяти сенаторовъ, имѣвшихъ свое мѣстопребываніе въ Римѣ; въ другихъ городахъ находились трибуналы, состоявшіе изъ семи и пяти трибуновъ, смотря по величинѣ города; трибуны сносятся съ трибунами большихъ городовъ, а тѣ — съ сенаторами Рима. Сенаторы избирались трибунами главныхъ городовъ, послѣдніе назначались сенаторами. Обязанность трибуновъ состояла въ направленіи духа и дѣятельности низшихъ членовъ общества, которые не должны были знать высшихъ властей. Кромѣ карбонаріевъ, были еще другія тайныя общества въ Италіи, имѣвшія цѣлью тоже независимость Италіи и введеніе конституціоннаго правленія. Таковы были *Гвельфы* и *Консисторіалы*, которые стремились къ тому же, и думали, по освобожденіи Италіи отъ Австрійцевъ, раздѣлить ее на три равныя части между Папою, Сардиніею и Моденою. Менѣе значительные общества были: *«общество со знакомъ смерти»*, члены котораго обязаны истреблять всякаго, кто покусится на итальянскую корону; *реформированные иллюминаты* (массоны), хотѣвшіе соединенія Италіи подъ одну власть; *адельфы* (братья) въ Піэмонтѣ, дѣйствовавшіе въ пользу принца Кариньянскаго, около котораго группировались одно время итальянскіе либералы. Хотя неаполитанское правительство строго преслѣдовало эти тайныя общества, однако они распространялись съ чрезвычайною быстротою и образовали формальную оппозицію противъ правительства въ особенности, когда карбонаризмъ проникъ въ армію. Испанская революція окончательно взволновала неаполитанцевъ, подго-

товленныхъ къ возстанію карбонаріями. Сигналъ къ возстанію подали 15 (27) іюля 1820 г. два карбонарія: кавалерійскій офицеръ Михаилъ Морелли и священникъ Манникини: они съ отрядомъ національной гвардіи вышли изъ города Нолы при крикахъ: «Богъ, король и конституція». Толпа, пристававшая къ нимъ, росла съ каждымъ шагомъ: изъ Неаполя для соединенія съ ними явился цѣлый полкъ подъ командою карбонарія генерала Пепе, которому и передано было главное начальство. Войска, высланныя королемъ передались на сторону бунтовщиковъ, послѣ чего возстаніе быстро охватило всѣ провинціи. Въ ночь съ 5 на 6 іюля нов. ст. отъ карбонаріевъ явилась депутація во дворецъ въ числѣ пяти человѣкъ и отъ имени войска, гражданъ и тайныхъ обществъ потребовала отъ Фердинанда испанской конституціи, давая королю только двухчасовой срокъ. Какъ мало понимали агитаторы возстанія цѣль свою, видно изъ того, что они незнакомы были даже съ существенными основами испанской конституціи, которой сами требовали. Говорятъ, что когда стали освѣдомляться, что это за конституція 1812 года, то ни одного экземпляра ея не могли найти въ Неаполѣ. Чтобы отклониться отъ исполненія этого требованія, король сказался больнымъ и поручилъ своему сыну Франциску, герцогу Калабрійскому, названному регентомъ, усмирить возстаніе (которое тогдашній англійскій резидентъ въ Неаполѣ справедливо называетъ «странною революціею»). Регентъ пообѣщалъ народу введеніе испанской конституціи, король подтвердилъ обѣщаніе сына и столица успокоилась: волненія продолжались только въ провинціяхъ. «Вообще революція въ Неаполѣ», по словамъ историка Менцеля, «скорѣе похожа на что-то въ родѣ святочной шутки, чѣмъ на серьезный политическій актъ».

Одновременно съ революціею въ Неаполѣ, обнаружилось возстаніе въ Сициліи, имѣвшее цѣлью отдѣлить Сицилію отъ зависимости Неаполя. Въ праздникъ св. Розаліи (іюль 1820 г.) произошла стычка между народомъ и войскомъ, въ которой

войско было побито; намѣстникъ бѣжалъ съ острова, предоставивъ столицу Сициліи на разграбленіе и опустошеніе взбунтовавшимся. Въ Палермо учреждена была правительственная юнта, главою которой сдѣлался любимецъ островитянъ графъ Виллафранка. Король, однако, не призналъ народнаго правительства Сициліи и отправилъ для наказанія бунтовщиковъ пятитысячный отрядъ войска подъ командою генерала Флорестана Пепе. Только жители Палермо оказали сопротивленіе: они приготовились къ бою и выдерживали осаду до октября. Пепе принудилъ городъ къ сдачѣ голодомъ и заключилъ капитуляцію, по которой жителямъ Сициліи дарована была амнистія и сицилійцамъ самимъ предложено рѣшить — долженъ ли островъ имѣть свой отдѣльный парламентъ, или соединенное съ Неаполитанскимъ королевствомъ оно будетъ пользоваться одинаковою конституціею. Фердинандъ не утвердилъ однако и этой капитуляціи и на мѣсто генерала Пепе послалъ въ Сицилію генерала Колетту, который, усиливъ свое войско еще 3-мя тысячами, возстановилъ спокойствіе въ Сициліи.

Конгрессъ въ Троппау и продолженіе его въ Лайбахѣ.

Неаполитанская революція встревожила европейскіе кабинеты, и въ особенности Австрію, гораздо сильнѣе, чѣмъ Испанская: революція могла охватить всю Италію и проникнуть въ сѣверныя части, гдѣ находились Австрійскія владѣнія. Потому Австрія ранѣе другихъ державъ озаботилась о подавленіи Неаполитанской революціи. Она усилила свои войска въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ и, въ тоже время, императоръ Францъ письменно приглашалъ на свиданіе въ Пестъ русскаго императора и прусскаго короля. Но императоръ Александръ отклонилъ свиданіе въ Пестѣ, а потребовалъ конгресса, именно въ г. Троппау (въ Австрійской Силезіи). Франція, основываясь на Ахенскихъ рѣшеніяхъ, также указывала на необходимость конгресса. Изъ мемуара князя Меттерниха, разосланнаго къ европейскимъ кабинетамъ, ясно высказывалось намѣреніе Австріи посредствомъ военной силы возстановить въ Неаполѣ старый порядокъ вещей; им-

ператоръ же Александръ, какъ видно изъ письма его къ императору Францу, не желалъ полнаго возстановленія стараго порядка вещей въ Неаполѣ, но установленія новаго порядка на законныхъ основаніяхъ, чего хотѣла и конституціонная Франція. Вообще Австріи не нравилась форма совѣщаній въ видѣ конгресса во-1) оттого, что при этомъ протянется время; 2) надобно будетъ подчиниться рѣшеніямъ конгресса, и 3) трудно было ей ожидать, чтобы конгрессъ согласился на возстановленіе стараго порядка въ Неаполѣ. Только Англія за одно съ Австріею была противъ конгресса, а Пруссія, Россія и Франція стояли за конгрессъ. Австрія уступила, а Англія рѣшительно отказалась отъ участія въ конгрессѣ, указывая на свою парламентскую форму правленія, какъ на главное препятствіе къ этому участію. (Отъ Англіи, потому, не было уполномоченнаго въ Троппау, а прибылъ сюда только посланникъ британскаго кабинета въ Вѣнѣ, лордъ Стюартъ). Франція, какъ держава конституціонная, сочла своею обязанностію подражать Англіи; она тоже не послала своего уполномоченнаго на конгрессъ, и отправила туда двухъ дипломатовъ — маркиза Карамана, посланника своего при Вѣнскомъ дворѣ, и графа Ла-Ферроне, посланника при дворѣ Петербургскомъ. 8 (20) октября 1820 г. прибыли въ одинъ день въ Троппау императоры русскій и австрійскій: перваго сопровождали: графъ Каподистріа, представитель либеральнаго направленія, и графъ Нессельроде, представитель консервативнаго направленія; съ Австрійскимъ императоромъ прибылъ князь Меттернихъ; съ Прусскимъ наслѣднымъ принцемъ (король былъ боленъ)—князь Гарденбергъ и министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Бернсторфъ. Конгрессъ открылся 11 (23) ноября подъ предсѣдательствомъ Меттерниха. Князь представилъ уполномоченнымъ мемуаръ, въ которомъ были выставлены опасности отъ неаполитанской революціи для Австріи и всей Италіи; далѣе говорилось, что императоръ Австрійскій собралъ достаточныя силы для дѣйствій противъ Неаполя, и надѣется на поддержку союзни-

ковъ. Разумѣется онъ не могъ ждать возраженія со стороны Англіи, для которой было совершенно все равно, какія формы правленія существуютъ на континентѣ. Но другое дѣло— Франція, которая всегда старалась поддерживать тѣ начала правительственной системы, которыя были у нея самой. Лаферонпэ первый заговорилъ противъ австрійскаго мемуара, доказывая, что движеніе австрійскихъ войскъ къ Неаполю усилитъ ту ненависть, которую давно Итальянская нація питаетъ къ Австріи. Вслѣдствіе этого возраженія, мнѣнія на конгрессѣ раздѣлились: Каподистрія былъ согласенъ съ Лаферонпэ, Нессельроде склонялся къ Меттерниху; Пруссія была за австрійское предложеніе; Англія не высказывалась. Общее вниманіе теперь было обращено на то, что скажетъ русскій мемуаръ? Графъ Каподистрія сообщилъ слѣдующее: раньше, чѣмъ прибѣгнуть къ силѣ, надобно предложить неаполитанскому правительству отречься отъ принципа возстанія, потомъ установить такой порядокъ вещей, который бы соотвѣтствовалъ настоящему народному желанію, и только въ случаѣ отказа, австрійская армія можетъ двинуться къ Неаполю. Всѣ усилія Меттерниха убѣдить Александра отказать или измѣнить мемуаръ остались тщетными; только предложеніе Австріи пригласить на конгрессъ Неаполитанскаго короля и перенести конгрессъ въ г. Лайбахъ, ближайшій къ Италіи, было принято императоромъ Русскимъ. Протоколъ Троппаускаго конгресса былъ подписанъ 7 (19) ноября только тремя державами: Россіею, Пруссіею и Австріею; въ немъ было сказано: «государства, входящія въ европейскій союзъ, подвергшись измѣненію своихъ правительственныхъ формъ посредствомъ мятежа, измѣненію, которое будетъ грозить опасными послѣдствіями для другихъ государствъ, перестаютъ чрезъ это самое быть членами союза и остаются исключенными изъ него до тѣхъ поръ, пока ихъ внутреннее состояніе не представитъ ручательствъ за порядокъ и прочность. Союзныя государства не ограничатся провозглашеніемъ этого исключенія, но обязываются другъ передъ другомъ не при-

знавать перемѣнъ, совершенныхъ незаконнымъ путемъ. Когда государства, гдѣ совершались подобныя перемѣны, будутъ грозить сосѣднимъ странамъ явною опасностью, и когда сосѣднія державы могутъ оказать на нихъ дѣйствительное и благодѣтельное вліяніе, въ такомъ случаѣ они употребляютъ для возвращенія первыхъ въ нѣдра союза сначала дружескія увѣщанія, а потомъ и принудительныя мѣры, если употребленіе силы окажется необходимо».

Неаполитанскій парламентъ изъявилъ свое согласіе на отъѣздъ короля въ Лайбахъ, когда онъ обѣщалъ защищать на конгрессѣ новое конституціонное устройство. 8 января (нов. ст.) онъ прибылъ въ Лайбахъ и тотчасъ же началъ жаловаться на то, что случилось съ нимъ въ Неаполѣ, прямо высказывая желаніе, чтобы все было возстановлено по старому, для чего необходима вооруженная сила. Согласно рѣшенію протокола положено было отправить въ Неаполь дружеское предложеніе союзниковъ—возвратиться къ старому порядку; но Неаполитанскій перламентъ отвергъ эту мѣру и объявилъ рѣшенія конгресса несовмѣстными съ достоинствомъ, честью и независимостью неаполитанскаго народа. Оставалось прибѣгнуть къ вооруженному вмѣшательству: 60 тыс. австрійскаго войска, подъ начальствомъ генерала Фримонта, двинулись въ началѣ февраля 1821 года къ Неаполю. Неаполитанскіе милиціонеры, подъ начальствомъ Пепе, и регулярныя войска, подъ начальствомъ генерала Кераскоза, разсѣялись при встрѣчѣ съ австрійцами, и 12 (24) марта Фримонтъ вошелъ уже въ столицу. Конституція была уничтожена и замѣнилась тѣмъ устройствомъ, какое было въ австрійскихъ итальянскихъ земляхъ.

14 (26) февраля 1821 г. Лайбахскій конгрессъ офиціально закрылся. Несмотря на это, оба императора и министры разныхъ дворовъ оставались въ Лайбахѣ, дожидаясь успокоительныхъ извѣстій изъ Неаполя; но вмѣсто ихъ пришли тревожныя вѣсти изъ Піемонта: тамъ вспыхнула революція.

Волненія въ Піемонтѣ.

Герцоги Савойскіе, владѣтели Піемонта, находясь постоянно между двухъ огней, между двумя великими державами, Франціею и Австріею, поддерживали свою независимость въ XVIII в. ловкою политикою, которую можно сравнить съ политикою курфирста Бранденбургскаго въ борьбѣ между Швеціею и Польшею. Основаніемъ савойской или піемонтской политики было — мѣнять, смотря по обстоятельствамъ, союзъ съ одною соперничествующею державою на союзъ съ другою, выговаривая себѣ разныя вознагражденія за эти союзы. Такимъ путемъ герцоги Савойскіе по Утрехскому миру (1713) добились королевскаго титула сначала по Сициліи, а потомъ по Сардиніи. Тогда Сардинскіе короли стали хлопотать объ округленіи своихъ владѣній, подобно курфирстамъ Бранденбургскимъ, на счетъ Миланскаго герцогства. «Миланская область, любилъ выражаться король Карлъ-Эммануилъ,—это артишокъ, который надобно кушать листокъ за листкомъ». Но завоевательныя стремленія революціонной Франціи не только помѣшали планамъ Сардинскихъ королей, но и смыли самое королевство съ карты Европы. На Вѣнскомъ конгрессѣ, Сардинское королевство было возстановлено съ придаткомъ къ нему Генуи (см. главу I). Правительство и народъ возстановленнаго королевства вынесли изъ эпохи испытанія непримиримую вражду и ненависть къ Австріи, за то, что она такъ безцеремонно дѣйствовала по отношенію къ Піемонту во время похода Суворова въ Италію (1799). Теперь, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что Австрія двигаетъ свои войска въ Неаполь для подавленія новаго порядка вещей, который имѣлъ множество приверженцевъ въ Піемонтѣ (гдѣ карбонаризмъ давно уже пустилъ корни и гдѣ существовало тайное общество *адельфовъ*, дѣйствовавшихъ въ пользу молодаго принца Киринньянскаго, ближайшаго наслѣдника престола послѣ бездѣтнаго герцога генуэзскаго, брата короля, у которыхъ обоихъ не было сыновей), въ январѣ 1821 г. вспыхнула революція въ Туринѣ. Алессандрійскій гарнизонъ, соединившись съ толпою студентовъ, провозгла-

силъ конституцію, овладѣлъ крѣпостью и учредилъ временную юнту. Король Викторъ-Эммануилъ, видя невозможность сладить съ революціею и не желая уступить ей, отрекся отъ престола, и такъ какъ братъ его, герцогъ Генуэзскій, находился въ это время въ отсутствіи, то регентомъ въ Туринѣ былъ объявленъ принцъ Кариньянскій, который и провозгласилъ въ Сардиніи Испанскую конституцію.

Піемонтская революція произвела громкое впечатлѣніе на Лайбахскій конгрессъ: боялись, что подобныя же явленія обнаружатся и въ другихъ частяхъ полуострова, и что итальянцы, дѣйствуя сообща, подавятъ господство австрійцевъ въ Италіи. Однако Піемонтская революція скоро прекратилась, потому что только половина войска была за революцію, а все населеніе и остальная часть войска составляли партію умѣренную и желали только конституціи съ прекращеніемъ революціоннаго движенія (во главѣ этой-то партіи стоялъ принцъ Кариньянскій); напротивъ того крайняя партія желала соединенія Италіи въ одно королевство и требовала объявленія войны Австріи. Принцъ Кариньянскій не одобрялъ этихъ плановъ крайней партіи и отказался отъ регенства.

Предлагая свои войска Австрійскому императору для усмиренія возстанія въ Піемонтѣ, Александръ выразилъ желаніе, чтобы Піемонтъ былъ успокоенъ увѣщательными средствами. Русскій посланникъ въ Сардиніи (графъ Мочениго) и французскій вошли въ сношеніе съ юнтою и потребовали, чтобы революціонное правительство оказало безусловную покорность новому королю (Карлу Феликсу, брату Виктора-Эммануила), и, въ такомъ случаѣ, въ Піемонтъ не только не вступятъ австрійскія войска, но будетъ дана полная амнистія и будутъ сдѣланы улучшенія въ управленіи. Въ Туринѣ согласились; но Алессандрійская юнта отказалась вести и переговоры. Тогда австрійскія войска, подъ начальствомъ генерала Бубны, двинулись къ Алессандріи, разогнали революціонеровъ и въ апрѣлѣ 1821 г. положили конецъ революціонному движенію: Карлъ-Феликсъ началъ свое правле-

ніе. Австрійскія войска оставались въ Піемонтѣ до 1823 г. и усердно помогали Сардинскому правительству въ преслѣдованіи тайныхъ обществъ карбонаріевъ, адельфовъ и другихъ.

Троппауско-Лайбахскій конгрессъ кончился съ полнымъ успѣхомъ. Результаты его, по словамъ Меттерниха, были таковы: «мы имѣли счастіе аттаковать машину, на сооруженіе которой наши противники употребили много иждивенія, расчитывая на непремѣнное ея дѣйствіе, но ни одно желаніе ихъ не исполнилось, ни одно намѣреніе не осуществилось».

ГЛАВА III.

Борьба Греціи за независимость.

Къ концу 1820 года революціонное движеніе проникло на Балканскій полуостровъ: тамъ поднялись греки съ цѣлью освободиться отъ ига Оттоманской порты. Ни одна изъ революцій не находила себѣ такого сочувствія въ Европѣ, какъ борьба грековъ за независимость съ Оттоманскою портою. Это сочувствіе высказалось первоначально только частнымъ образомъ, а потомъ уже и Европейскіе кабинеты протянули руку помощи возставшимъ грекамъ; оттого ни одна революція въ первой половинѣ XIX вѣка не имѣла такого счастливаго исхода, какъ возстаніе на Балканскомъ полуостровѣ: въ 1829 году греки добились своей свободы и образовали, при содѣйствіи въ особенности Россіи, независимое *греческое королевство*.

Греки потеряли свою независимость въ 1453 году, когда султанъ Магометъ II завоевалъ Византійскую или Восточную Римскую Имперію; но съ потерею независимости они не утратили своей народности, сохранили вѣру, языкъ, обычаи, что главнымъ образомъ и препятствовало побѣдителямъ слить ихъ съ собою. Надежда на освобожденіе родины никогда не оставляла грековъ; взоры ихъ больше всего обращались на единовѣрную имъ Россію. Дѣйствительно, во всѣхъ договорахъ

Россіи съ Турціею, начиная съ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира (1774), Русское правительство всегда выговаривало грекамъ привиллегіи, которыми въ Турецкой имперіи пользовались другія націи, а во время самыхъ войнъ греки постоянно подымались противъ своихъ притѣснителей, которые по окончаніи войнъ съ Россіею съ бо́льшею еще жестокостію мстили возстававшимъ. Такъ тянулось дѣло до XIX вѣка: Турція къ этому времени пришла въ совершенный упадокъ; она по миру Кучукъ-Кайнарджійскому (1774), Ясскому (1791) и Бухарестскому (1812) уступила много своихъ владѣній Россіи; внутреннее состояніе ея было въ высшей степени разстроено: многіе паши (губернаторы) объявляли себя независимыми; такъ Египетскій паша Мехметъ-Али почти не признавалъ власти султана; янычаре (новое войско) не повиновались правительству и производили возстанія; Валахія и Молдавія стремились къ независимости и находились уже подъ покровительствомъ Россіи; Сербія съ 1806 года вела войну съ Турціею подъ предводительствомъ Кара-Георгія и позже, подъ начальствомъ Милоша Обреновича, достигла независимости съ обязательствомъ платить дань туркамъ. А для грековъ (составлявшихъ съ славянами, подвластными Турціи, большинство населенія Порты) конецъ XVIII и начало XIX вѣка были временемъ возрожденія: во время войнъ, которыя вела Турція, греки значительно подняли свою торговлю и для защиты ея отъ морскихъ разбоевъ, свирѣпствовавшихъ на Средиземномъ морѣ, завели на островахъ Спеціи, Гидрѣ и Ипсарѣ вооруженную флотилію, которая при близорукости турокъ, скоро обратилась въ значительный военный флотъ. Матеріальное благосостояніе содѣйствовало и умственному возрожденію Греческой націи: Греки не жалѣли никакихъ средствъ для доставленія своимъ соотечественникамъ образованія въ чужихъ земляхъ и для этой же цѣли заводили училища и на родинѣ. Знакомство съ древнею литературою и исторіею, которая представляетъ столько славныхъ эпохъ и геройскихъ личностей, напомнило грекамъ весьма рѣзко ихъ прежнюю славу

Возрожденіе Греціи.

и дало имъ почувствовать то униженіе, въ которомъ они теперь находились, и еще больше развило жажду возстановленія прежней свободы и прежняго величія. Такъ въ самомъ началѣ XIX вѣка въ Парижѣ образовалось общество изъ обучавшихся тамъ греческихъ учениковъ, которое отъ занятій литературныхъ перешло къ отысканію средствъ возстановленія Греціи. Во время Вѣнскаго конгресса оно уже совершенно потеряло характеръ научный и превратилось въ политическое общество, извѣстное подъ названіемъ *Друзей музъ или Гетеріи.* Въ 1814 году сформировалась такая же Гетерія въ Вѣнѣ, а потомъ и во всей Европѣ, особенно въ Англіи, стали появляться сочувствующія греческому дѣлу общества подъ общимъ названіемъ *филэллиновъ* (т. е. любителей грековъ). Филэллины помогали грекамъ деньгами, совѣтами и всѣмъ, чѣмъ могли; къ такимъ обществамъ принадлежали многіе знатные греки, находившіеся на службѣ въ Россіи, на помощь которой больше всего расчитывали въ Греціи; такъ напр. графъ Каподистріа (*) и Александръ Ипсиланти (**).

Графъ Каподистрія и Александръ Ипсиланти.

(*) Графъ Каподистріа родился на Іоническихъ островахъ. Молодость свою онъ провелъ въ борьбѣ партій, отстаивая свободу родину отъ всеобъемлющаго преобладанія Франціи. Въ то время когда республика Іоническихъ острововъ находилась подъ покровительствомъ Англіи и Россіи, молодой Каподистрія быстро пошелъ въ люди и сдѣлался сперва министромъ иностранныхъ дѣлъ на своей родинѣ, а потомъ министромъ внутреннихъ дѣлъ во всей Греціи. Въ 1807 году, когда послѣ Тильзитскаго мира Іоническіе острова снова подпали подъ вліяніе Франціи, Каподистріа покинулъ родину и, колеблясь въ выборѣ новаго отечества, отправился въ Россію на службу къ императору Александру I, у котораго онъ скорѣе всего надѣялся найдти сочувствіе своей завѣтной мысли—освобожденія Греціи отъ власти Порты. Онъ прибылъ въ Россію въ январѣ 1809. При первомъ же свиданіи съ императоромъ, онъ произвелъ на него выгодное впечатлѣніе, тотчасъ же былъ принятъ въ русскую службу и зачисленъ въ Коммисію иностранныхъ дѣлъ, которою управлялъ въ то время графъ Николай Петровичъ Румянцевъ (сынъ фельдмаршала, знаменитый русскій Меценатъ). Онъ сопутствовалъ императора на конгрессъ въ Вѣну и принималъ дѣятельное участіе въ послѣдующихъ политическихъ перегово-

Надѣясь на сочувствіе Европы и расчитывая на слабость Турціи и помощь Эпиро-Македонскаго губернатора Али-Паши, поднявшагося противъ султана и укрѣпившагося въ неприступной Янинѣ, греки (суліоты, жители Ливадіи) произвели возстаніе въ декабрѣ 1820 года. А въ мартѣ 1821 г. князь Александръ Ипсиланти съ толпою вооруженныхъ *гетеръ* (дружинниковъ) перешелъ изъ Бессарабіи черезъ Прутъ, взялъ Яссы, главный городъ Молдавіи; а другой отрядъ войска овладѣлъ Бухарестомъ, столицею Валахіи. Отсюда Ипсиланти разослалъ воззванія къ грекамъ, приглашая ихъ возстать за вѣру и свободу и истреблять повсюду турокъ. Но попытка его была неудачна, потому что помощь отъ русскихъ, на которую онъ расчитывалъ, неявилась; между гетерами его открылись несогласія, измѣна и отчаяніе за будущій успѣхъ, а Турція между тѣмъ выслала противъ него войско, которое нанесло ему рѣшительное пораженіе при Драгельшанѣ (іюнь 1821), послѣ чего его гетеры разсѣялись и самъ онъ долженъ искать себѣ спасенія бѣгствомъ въ Вѣну. Здѣсь онъ былъ арестованъ и заключенъ въ одной венгерской крѣпости, гдѣ, послѣ шестилѣтняго томленія, скончался (1827). Союзники Ипсиланти тоже сошли со сцены: Янинскій Али-Паша держался только до февраля 1822 года и выманенный изъ крѣпости обѣщаніемъ пощады былъ казненъ; суліоты съ страшнымъ изувѣрствомъ были истреблены турками.

Но первыя неудачи не запугали грековъ: воззваніе Ипсиланти, достигнувъ Греціи, произвело желанное дѣйствіе и весь полу-

---

рахъ. По возвращеніи государя, онъ сдѣлался, вмѣстѣ съ графомъ Нессельродс, докладчикомъ по внѣшнимъ дипломатическимъ сношеніямъ; у него была уже своя канцелярія, гдѣ получилъ первое дипломатическое образованіе нынѣшній министръ иностранныхъ дѣлъ, государственный канцлеръ князь Горчаковъ.

(**) Александръ Ипсиланти былъ генераломъ русской службы и адъютантомъ императора Александра I.

Возстаніе Майнотовъ и Аркадцевъ.

островъ Морея поднялъ возстаніе. Майноты (обитатели бассейна рѣки Майна, въ Лаконіи) поднялись подъ начальствомъ Петра Мавромихали; Аркадцы подъ начальствомъ Колокотронаса, а Ахайцы подъ предводительствомъ Германоса. Отсюда возстаніе распространилось по Ливадіи (Средняя Греція) и по островамъ Архипелага. Турки, пойманные въ расплохъ, были избиваемы и должны были искать себѣ спасенія въ укрѣпленныхъ мѣстахъ. Эти первыя удачи греческаго дѣла 1821 г. зависѣли главнымъ образомъ отъ участія, которое приняли тутъ острова Архипелага Гидра, Спеція и Ипсара: они, владѣя флотомъ, захватывали турецкіе корабли и во-время поспѣвали къ берегамъ на помощь грекамъ съ съѣстными припасами и оружіемъ. Извѣстіе о возстаніи Мореи и Ливадіи привело въ бѣшенство турокъ: они бросились истреблять грековъ и христіанъ вообще (на ихъ языкѣ — райевъ). Такъ въ Константинополѣ, патріархъ Григорій, во время богослуженія въ свѣтлое воскресенье, съ тремя архіепископами и восемью епископами былъ схваченъ и, послѣ мучительныхъ истязаній, распятъ передъ воротами своего патріаршаго дворца; всѣ церкви и монастыри были разграблены и святыня поругана съ тѣмъ изувѣрствомъ, которое напоминало событія взятія Константинополя турками 29 мая 1453 г. Русскій посланникъ въ Турціи, баронъ Строгановъ, во время этихъ происшествій въ столицѣ Порты, также подвергся оскорбленіямъ за то, что дѣлалъ представленія султану, требуя остановить избіеніе фаноріотовъ (такъ назывались константинопольскіе греки отъ предмѣстья Фанори). Когда султанъ оскорбительно отвергъ его ходатайство за христіанъ, Строгановъ прекратилъ дипломатическія сношенія съ диваномъ (*), и въ газетахъ того времени стали уже поговаривать о войнѣ между Россіею и Турціею. Англія и въ особенности Австрія тогда еще опасались этой войны, потому что при слабости Порты, легко было предвидѣть полный

(*) Государственный совѣтъ при султанѣ.

успѣхъ Россіи, которая безъ труда могла завоевать Порту и, значительно усилясь ея владѣніями, нарушила бы систему политическаго равновѣсія: надо было помочь туркамъ во имя политическаго равновѣсія. И дѣйствительно Англійскій и Австрійскій посланники усердно стали убѣждать султана выполнить справедливыя требованія Россіи о прекращеніи кровопролитія и поруганія святыни. Изъ уваженія только къ Австріи и Англіи императоръ Александръ отказался отъ войны, между тѣмъ и собственное чувство влекло его вооружиться за единовѣрныхъ грековъ, и вліяніе графа Каподистріа, мечтавшавшаго о возстановленіи Греческаго государства, было очень сильно. Разсказываютъ, что императоръ Александръ, получивъ извѣстія о Константинопольскихъ происшествіяхъ во время пребыванія своего на конгрессѣ въ Лайбахѣ, сдѣлалъ строгій выговоръ графу Каподистріа за его сочувствіе дѣлу возстанія грековъ; но Каподистріа отвѣчалъ такъ: «греки христіане и гибнутъ какъ мученики». На это, съ глубокимъ волненіемъ, императоръ сказалъ: «да, они христіане; злополучныя обстоятельства не допускаютъ меня слѣдовать влеченію моего сердца и моей вѣры».

Предоставленные единственно своимъ силамъ, безъ всякой помощи со стороны какой-либо изъ европейскихъ державъ (которыя тогда, по внушеніямъ Австріи, видѣли въ возстаніи грековъ революцію, подобную Испанской и Итальянской), греки, несмотря на отсутствія единства дѣйствій, продолжали борьбу съ турками за церковь и независимость. Только съ января 1822 года возстаніе ихъ получило видъ правильной войны. Тогда, въ главѣ греческихъ филэлиновъ и гетеръ сталъ *Димитрій Ипсиланти*, братъ Александра Ипсиланти. Съ значительными денежными пособіями, собранными въ Европейскихъ государствахъ, онъ прибылъ въ Морею и принялъ главное начальство надъ возставшими съ званіемъ *архистратига*. Теперь же положено было начало внутреннему гражданскому устройству, при чемъ безъ борьбы партій и соперничества не обошлось, такъ какъ князь Александръ

Маврокордато завидовалъ Ипсиланти и подводилъ разныя интриги, чтобы занять его мѣсто въ главномъ предводительствѣ войска. По предложенію Дм. Ипсиланти былъ собранъ національный конгрессъ для устройства дѣлъ Греціи (которую греки считали уже свободною), въ г. Піаду, недалеко отъ Эпидавра. Этотъ конгрессъ, извѣстный подъ названіемъ *Эпидаврскаго національнаго собранія*, провозгласилъ независимость Греціи и республиканскую форму правленія (январь 1822). Устройство новой республики было такое: исполнительная власть была отдана директоріи, состоявшей изъ 5 директоровъ; законодательная власть принадлежала особому совѣту изъ 70 человѣкъ; президентомъ директоріи былъ избранъ князь Маврокордато, а законодательнаго совѣта — Дм. Ипсиланти. Первымъ дѣломъ новаго правительства было — усилить количество войска и устроить изъ части его регулярный полкъ *тактиковъ*, а изъ остальныхъ образовать корпусъ, подъ общимъ названіемъ *филэллиновъ*. Дѣйствительно, грекамъ надобно было подумать о серьезныхъ приготовленіяхъ къ оборонѣ, потому что осада Янины въ 1822 году окончилась и значительная часть турецкаго войска, осаждавшаго эту крѣпость, могла обратиться теперь противъ грековъ. Храбрые подвиги Марка Боцариса, предводителя суліотовъ, задержали Курдиша-пашу, завоевателя Янины, и дали грекамъ время усилиться въ Коринѳѣ, Навпліи и Аѳинахъ. Но за то регулярныя войска, двинувшіяся на помощь суліотамъ, были разбиты на голову турками (іюль 1822 г.) при Поттѣ, близъ рѣки Арты. Въ этомъ сраженіи былъ убитъ Тсавалласъ, начальникъ тактиковъ, и раненъ Норманнъ, генералъ командовавшій филэллинами. Собравъ на скорую руку остатки войскъ, Маврокордато двинулся къ крѣпости Миссолунги, куда спѣшилъ и побѣдитель грековъ при Поттѣ, Омеръ-Вріонъ, и прибывъ сюда нѣсколькими днями ранѣе Омера, онъ значительно подкрѣпилъ гарнизонъ крѣпости, такъ что турки, потерявъ здѣсь всю артиллерію и большую часть своего войска, сняли осаду (январь 1823). Въ Мореѣ дѣйствія

турокъ въ 1822 году были также неудачны: они только успѣли черезъ Коринѳскій перешеекъ проникнуть до Аргоса, а отсюда должны были начать отступленіе тою же дорогою, потерявъ весь обозъ. Эти неудачи похода Турокъ въ Морею можно приписать отчасти недостатку съѣстныхъ припасовъ, что̀ повлекло за собою повальныя болѣзни въ ихъ лагерѣ, а главнымъ образомъ — слабымъ дѣйствіямъ турецкаго флота, который, опасаясь греческихъ брандеровъ, крейсировавшихъ по берегамъ Пелопонеза, не рѣшался подплывать къ твердой землѣ для выгрузки съѣстныхъ припасовъ и блокированія. Изъ всей Мореи, къ концу 1822 г., у Турокъ оставалось только три крѣпости: Патрасъ, Модонъ и Коронъ. Въ 1823 году дѣла грековъ еще болѣе поправились. Ихъ силы и надежды на счастливый исходъ борьбы подкрѣпились значительно тѣмъ сочувствіемъ, которое съ этой поры дѣятельно стала оказывать имъ Европа, хотя и частнымъ образомъ. Несмотря на то, что правительства продолжали еще смотрѣть на Греческое возстаніе какъ на революціонный мятежъ, однако они не препятствовали частнымъ лицамъ или становиться въ ряды греческаго воинства, или посылать имъ денежное вспомоществованіе и вооруженіе. Такъ напримѣръ Англія ссудила Греческой республикѣ 800 тыс. фунт. стерлинговъ; по мѣрѣ средствъ своихъ, выслали денежныя пособія и другія государства. Англійскій поэтъ Байронъ (Byron) все имущество свое пожертвовалъ на борьбу за независимость Греціи, въ пѣсняхъ своихъ воспѣвалъ будущую свободу Грековъ и возбуждалъ ихъ храбрость, а наконецъ и самъ всталъ въ ряды войска филэллиновъ подъ Миссолунгами; но дѣятельность его была не продолжительна: онъ не дожилъ до счастливаго конца борьбы за свободу (онъ скончался 2 апрѣля 1824 г.).

При такихъ успѣхахъ возставшихъ грековъ, вспомоществуемыхъ разными матеріальными средствами изъ Европы, султанъ Махмудъ II видѣлъ невозможность одними собственными силами подавить возстаніе; какъ ни тяжело было для

его самолюбія, а онъ рѣшился просить помощи у своего вассала, Египетскаго паши *Мехмеда-Али*, который уже давно стремился къ независимости отъ Порты и явно выражалъ эти стремленія. Чтобы приманить пашу, владѣвшаго большимъ войскомъ и флотомъ, обученными по французскому образцу, султанъ предложилъ ему, въ случаѣ счастливаго окончанія дѣла, острова Кипръ и Критъ (Кандія), а сына его Ибрагима обѣщалъ сдѣлать намѣстникомъ (пашою) въ Мореѣ. Дѣйствительно, лѣтомъ 1824 г. *Ибрагимъ* съ огромнымъ войскомъ и флотомъ появился у береговъ Греціи, а въ февралѣ 1825 года онъ успѣлъ занять крѣпости Модонъ и Наварринъ, сопровождая свои успѣхи безчеловѣчною жестокостію надъ плѣнниками и опустошеніемъ страны. Въ это же время турецкое войско, подъ начальствомъ Решидъ-Паши, начало въ третій разъ осаду крѣпости Миссолунги; сюда на помощь къ туркамъ явились египетскія войска Ибрагима (начало 1826 г.): они обложили крѣпость со всѣхъ сторонъ и пресѣкли подвозъ съѣстныхъ припасовъ и военныхъ снарядовъ. Только часть осажденныхъ (въ числѣ 2000), принужденныхъ голодомъ, выбралась изъ стѣнъ, проложивъ себѣ дорогу оружіемъ по трупамъ непріятелей: остальныя, чтобы не сдаться живыми въ руки враговъ, взорвали себя съ крѣпостію на воздухъ.

1826-й годъ, начавшись такъ печально, обрадовалъ грековъ извѣстіемъ, что Россія и Англія вступаются за нихъ. Англія, гдѣ по смерти Кестлере главою министерства сдѣлался Георгъ Каннингъ, измѣнившій внутреннюю и внѣшнюю политику (см. главу VII), объявила свое покровительство грекамъ; въ Россіи по смерти императора Александра I (19 ноября 1825 г.) вступилъ на престолъ братъ его императоръ Николай I, принявшій дѣятельное участіе въ Греческомъ вопросѣ. Опасаясь исключительнаго вмѣшательства Россіи въ дѣла грековъ, Англія предложила заключить соглашеніе съ нею касательно этого вопроса и поручила герцогу Веллингтону, отправленному въ Петербургъ для поз-

дравленія императора Николая съ восшествіемъ на престолъ, открыть переговоры о признаніи независимости Греціи. 4-го апрѣля 1826 г. Русскій императоръ подписалъ соглашеніе съ Англіею, по которому Греція признавалась независимымъ государствомъ, а Оттоманскую Порту рѣшено побудить къ признанію его сперва переговорами, а въ случаѣ отказа— оружіемъ. Австрія, Пруссія и Франція были увѣдомлены о протоколѣ 4 апрѣля и приглашались къ принятію въ немъ участія. Согласно съ постановленіями протокола, Россія открыла съ Турціею *переговоры въ г. Аккерманѣ* (въ Бессарабіи); они кончились трактатомъ 25 сентября, по которому султанъ согласился на всѣ требованія Россіи: такъ Валахія и Молдавія сдѣлались независимыми отъ Порты и управлялись господаремъ, избираемымъ на семь лѣтъ боярами и диваномъ; такія же привиллегіи дарованы были Сербскому княжеству; Россія получила восточный берегъ Чернаго моря и торговыя преимущества какъ на этомъ морѣ, такъ и внутри Порты. Но какъ уступчива была Порта по отношенію къ Россіи, такъ упорно она противилась вмѣшательству другихъ державъ въ дѣла греческія и подъ предлогомъ своего неудовольствія на это вмѣшательство не прекращала, несмотря даже на Аккерманскія условія, военныхъ дѣйствій противъ грековъ. Турція надѣялась съ успѣхомъ подавить греческое возстаніе, особенно когда, послѣ паденія Миссолунгъ и взятія Аѳинъ Решидъ-Пашею, въ національномъ правительствѣ греческомъ начались несогласія и разладъ. Къ счастію грековъ лорду Кокрену и генералу Чорчу, прибывшимъ въ Грецію въ началѣ 1827 г., удалось возстановить на время согласіе въ національномъ собраніи избраніемъ въ президенты Іоанна Каподистріа (апр. 1827). Новые успѣхи турокъ, которые взяли Акрополисъ, заставили Англію поторопиться своею помощью грекамъ. 6 іюля 1827 г. уполномоченные Россіи, Англіи и Франціи подписали такъ называемый *Лондонскій трактатъ*, по которому три державы соединенными силами обязались положить предѣлъ кровопролитной борьбѣ между

греками и турками. Союзный флотъ Англіи, Франціи и Россіи подъ начальствомъ адмираловъ Кодрингтона, де-Риньи и Гейдена двинулся къ Морѣ и *при Наваринѣ* (8 (20) окт. 1827) истребилъ Турецко-Египетскій флотъ. Ибрагимъ-паша заключилъ перемиріе и обѣщалъ удалиться на транспортныхъ судахъ; а султанъ отвергъ мирныя предложенія, объявилъ всѣ договоры, заключенные съ Россіею, Франціею и Англіею, нарушенными, заставилъ русскаго посланника оставить его столицу и весь свой гнѣвъ обратилъ на Россію, объявивъ ей войну. Такое же объявленіе получилъ Махмудъ II и отъ императора Николая (14 (26) апр. 1828). *Турецкая война* (1828—1829) кончилась со славою для Россіи Адріанопольскимъ миромъ (2 (14) сентября 1829), по которому Греція пріобрѣла независимость. Протоколомъ 3 февраля 1830 года опредѣлились границы Греческаго королевства: оно заключало въ себѣ Южную Грецію и Среднюю часть до рѣки Аспропотамоса. Корона греческая была предложена герцогу Леопольду Саксенъ-Кобургъ-Готскому, но, когда не согласились на его условія расширить границы королевства и на сѣверную часть Греціи, онъ отказался отъ короны. Графъ Каподистрія, съ титуломъ президента республики, продолжалъ править дѣлами новаго государства до самой смерти (*). Тогда на Лондонской конференціи въ 1832 г. Греція была объявлена конституціоннымъ королевствомъ и королемъ ея сдѣлался Баварскій принцъ Оттонъ I. Прибытіе нѣмцевъ въ Грецію, которые заняли высшія должности и думали дать малоцивилизованнымъ грекамъ европейскія учрежденія, произвели возстаніе въ 1843 году, послѣ котораго Оттонъ I долженъ былъ удалить иностранцевъ и дать обѣщанную конституцію Греціи. Новое возстаніе въ 1863 году окончилось изгнаніемъ Оттона I, и послѣ нѣкоторыхъ колебаній на престолъ греческій былъ избранъ датскій принцъ, нынѣ царствующій король Георгій I. Въ 1864 году владѣнія грече-

(*) Онъ былъ убитъ братьями Мавромихали при входѣ въ церковь.

скаго королевства увеличились присоединеніемъ Іоническихъ острововъ, уступленныхъ Англіею.

ГЛАВА IV.

Россія послѣ Вѣнскаго конгресса до кончины Императора Александра I.

Въ то время, когда въ Западной Европѣ происходили внутреннія волненія, выражавшіяся въ движеніяхъ конституціонныхъ и революціонныхъ, Россія наслаждалась полнымъ внутреннимъ спокойствіемъ и мирно развивалась подъ благодѣтельнымъ управленіемъ императора Александра I. *Вторая* половина его царствованія (1815—1825) была славнѣйшею эпохою его жизни и торжества Россіи: Александръ, какъ освободитель западныхъ народовъ отъ завоеваній Франціи, стоялъ на той высотѣ величія и славы, какой когда-либо достигалъ человѣкъ. «Справедливость требуетъ сказать, писалъ одинъ англійскій дипломатъ того времени, что, если континентъ былъ проклятъ въ Наполеонѣ, то онъ получилъ благословеніе въ Александрѣ, этомъ законномъ императорѣ и освободителѣ человѣчества».

Послѣ взятія Парижа и низложенія Наполеона, никто изъ союзниковъ не дѣйствовалъ *такъ великодушно* по отношенію къ побѣжденной Франціи, какъ Александръ I. Поставивъ непремѣннымъ условіемъ возстановленія Бурбоновъ на престолѣ — дарованіе Франціи конституціоннаго правленія, какъ бы въ вознагражденіе отнятыхъ у нея земель, и подписавъ условія перваго Парижскаго мира,—императоръ Александръ, вмѣстѣ съ королемъ Прусскимъ, отправился во Лондонъ, гдѣ ждали его торжественныя встрѣчи и празднества. Изъ Англіи онъ поѣхалъ въ Карлсруэ для свиданія съ супругою, императрицею Елисаветою Алексѣевною, а оттуда, почти безостановочно, прибылъ въ Петербургъ (13 іюля 1814). Трудно представить себѣ тотъ восторженный пріемъ, который ожидалъ его въ столицѣ: Сенатъ, Синодъ и Государственный совѣтъ поднесли

ему имя «Благословеннаго и просили дозволенія воздвигнуть памятникъ великимъ его дѣяніямъ (*); въ семейныхъ кружкахъ столицы и провинціи, по свидѣтельству многихъ очевидцевъ, бюстъ императора былъ украшенъ свѣжими цвѣтами, «первая молитва и первый тостъ были за него». Но государь отклонилъ отъ себя эти почести и предоставилъ ихъ побѣдоноснымъ войскамъ гвардіи, которая дѣйствительно съ восторженнымъ привѣтствіемъ была принята въ столицѣ (30 іюля). Отдавая вполнѣ заслуги войску, Александръ I, въ воспоминаніе Кульмской побѣды, учредилъ 18 августа 1814 г. «Комитетъ о раненыхъ», для вспомоществованія раненыхъ и увѣчныхъ воиновъ. Послѣ непродолжительнаго отдыха, императоръ отправился въ Вѣну, гдѣ условлено было собраться на конгрессъ для устройства политическихъ дѣлъ Европы. Мы уже видѣли (глава I), какъ велись переговоры на конгрессѣ, сколько было тамъ разладу и несогласій и какое странное смѣшеніе идей, нравственныхъ и политическихъ, руководило собравшимися дипломатами. Этотъ мирный конгрессъ готовъ былъ превратиться въ вооруженный лагерь. Только извѣстіе о высадкѣ Наполеона I и торжественномъ вступленіи его въ Парижъ примирило раздоры и произвело благопріятное вліяніе на ходъ переговоровъ. Оставивъ Вѣну, императоръ Александръ отправился къ Рейну, куда обратились и возвращавшіяся къ своимъ границамъ войска. Извѣстно, что вторичное правленіе Наполеона I продолжалось только «сто дней». Послѣ Ватерлоо, союзники снова заняли Парижъ. Императоръ поселился тогда въ Елисе-Бурбонъ, дворцѣ, принадлежавшемъ тогда сыну Наполеона, провозглашенному при рожденіи римскимъ королемъ. Государь избѣгалъ торжественныхъ пріемовъ, празднествъ, и если показывался на улицахъ, то, большею частію, инкогнито: его мысли заняты были важнымъ дѣломъ. Онъ не могъ забыть впечат-

(*) Александровская колонна была поставлена уже послѣ смерти Александра I, именно въ 1834 г.

лѣній, произведенныхъ на него Вѣнскими переговорами, когда три державы Англія, Австрія и Франція (къ которой онъ такъ великодушно относился послѣ взятія Парижа) заключили противъ Россіи тайный трактатъ, по поводу вопроса о присоединеніи Варшавскаго герцогства. Теперь онъ думалъ образовать такой союзъ, который былъ бы основанъ на нравственныхъ началахъ, который связалъ бы государей и народъ братскими узами, освященными религіей, союзъ, который былъ бы обязателенъ по совѣсти, по чувству, по долгу. Одинъ изъ косвенныхъ участниковъ составленія этого акта (*) говоритъ: «государь, благоговѣя передъ цѣлебной и животворной мощію христіанской вѣры, видѣлъ во внутреннемъ ея возстановленіи единственный залогъ мира, возрожденія и благополучія всѣхъ племенъ земныхъ». Весь трактатъ такъ называемаго *Священнаго Союза* былъ написанъ и переписанъ собственноручно императоромъ и раздѣленъ на три пункта. Въ день Воздвиженія 14 сентября 1815 года актъ священнаго союза былъ подписанъ императоромъ Александромъ, королемъ Прусскимъ и императоромъ Австрійскимъ. Государи, подписавшіе трактатъ, обязывались «какъ въ управленіи собственными подданными, такъ и въ политическихъ отношеніяхъ къ другимъ правительствамъ руководиться заповѣдями св. Евангелія, которыя, не ограничиваясь приложеніемъ своимъ къ одной частной жизни, должны непосредственно управлять волею царей и ихъ дѣяніями». Мысль возвышенная положена въ основаніи трактата. Но возможно ли на дѣлѣ осуществленіе этой мысли? — это другой вопросъ.

Оставивъ въ Парижѣ графа Каподистріа вести переговоры и подписать трактатъ втораго Парижскаго мира (8 (20) ноября 1815 г.), императоръ Александръ отправился въ Россію, а вскорѣ за нимъ прибылъ въ Петербургъ и графъ Каподистріа, передавъ всѣ дѣла конференціи, наблюдавшей

(*) А. С. Стурдза. Онъ служилъ по дипломатической части при графѣ Каподистріа. Оба они находились въ этовремя съ императоромъ въ Парижѣ.

за исполненіемъ мирныхъ условій, генералу Поццо-ди-Борго, назначенному полномочнымъ русскимъ министромъ въ Парижѣ.

Не безъ вліянія и для Россіи кончились великія войны. Войска, возвратившіяся изъ-за границы, и лица, имъ сопутствовавшія принесли въ Россію идеи, незнакомыя ей; но тутъ онѣ получили болѣе правильное примѣненіе и сдѣлались источникомъ нѣкоторыхъ преобразованій. Во главѣ этихъ преобразованій стоялъ самъ императоръ и здѣсь онъ былъ почти одинокимъ дѣятелемъ. Первымъ дѣломъ его, по возвращеніи въ Петербургъ, было намѣреніе осуществить любимую мысль—уничтожить крѣпостное право. Г. Р. Державинъ, поэтъ и государственный дѣятель конца XVIII и начала XIX вѣка, въ своихъ «запискахъ» говоритъ, что мысль объ этомъ важномъ преобразованіи была навѣяна на императора его воспитателемъ Лагарпомъ, уроженцемъ свободной Швейцаріи. Но многіе противники этого нововведенія старались представить государю тѣ бѣды и внутреннія волненія, которыя неминуемо изъ этого должны будутъ возникнуть, такъ какъ крестьяне неподготовлены еще къ пользованію свободою. Не найдя себѣ дѣятельныхъ помощниковъ въ столь трудномъ и сложномъ дѣлѣ, императоръ долженъ былъ ограничиться только первымъ опытомъ его. Въ 1816 году утверждено было положеніе объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія крестьянъ эстляндскихъ и курляндскихъ. Затрудненій встрѣтилось много, и только въ 1818 году крестьяне Лифляндіи и Курляндіи стали свободными отъ крѣпостной зависимости. Присоединеніе Псковской губерніи къ Остзейскому генералъ-губернаторству показываетъ, что государь хотѣлъ начать съ нея опытъ уничтоженія крѣпостнаго состоянія въ губерніяхъ русскихъ. Замѣчательны слова императора Александра, сказанныя Лифляндскому дворянству въ 1818 году: «Радуюсь, что Лифляндское дворянство оправдало мои ожиданія. Вашъ примѣръ достоинъ подражанія. Вы дѣйствовали въ духѣ времени и поняли, что либеральныя

начала одни могутъ служить основою счастія народовъ». Эта же мысль высказана была имъ въ болѣе ясной формѣ въ его совѣтѣ Испанскому королю Фердинанду VII, когда тотъ, какъ мы уже видѣли (гл. II), желалъ знать мнѣніе русскаго государя о случившемся въ Испаніи; здѣсь говорилось, что учрежденія, исходя отъ трона получаютъ характеръ охранительный, исходя изъ среды мятежа—порождаютъ хаосъ. Вѣрный своему слову и взгляду, императоръ дѣйствовалъ такъ же и въ преобразованіяхъ по другимъ отраслямъ управленія. Такъ еще въ 1815 году (12 декабря) онъ даровалъ Польшѣ Учредительную Хартію: управленіе дѣлами Царства Польскаго, соединеннаго подъ однимъ скипетромъ съ Россіею, ввѣрено было Правительственному совѣту царства; законодательная власть была раздѣлена между двумя палатами: сенатомъ и сеймомъ. Сенатъ состоялъ изъ епископовъ, воеводъ и каштеляновъ, назначаемыхъ государемъ по смерть; сеймъ, который предполагалось созывать, именемъ Царя, черезъ каждые два года, на одинъ мѣсяцъ,—состоялъ изъ депутатовъ отъ дворянства и мѣщанъ. Каждый новый законъ только тогда получалъ легальность, когда одобрялся большинствомъ голосовъ въ обѣихъ палатахъ и былъ утвержденъ государемъ; палатамъ, кромѣ того, дано было право разсматривать бюджеты о доходахъ и расходахъ. Правительственный совѣтъ состоялъ, подъ предсѣдательствомъ намѣстника царства, изъ пяти министровъ, назначаемыхъ государемъ: они были исполнителями его воли, вносили въ палаты проекты новыхъ законовъ и отвѣтствовали за отступленія отъ хартіи. Учреждена отдѣльная Польская армія; дворянству предоставлено право избирать маршаловъ для ходатайства по дѣламъ своимъ передъ государемъ; въ городахъ введено муниципальное управленіе; книгопечатаніе объявлено свободнымъ. Съ восторгомъ приняли поляки конституцію, но неумѣли воспользоваться этимъ добровольнымъ даромъ императора, который въ 1818 году посѣтилъ Варшаву и самъ открылъ первый Польскій сеймъ.

Въ литературѣ и языкѣ русскомъ во вторую половину царствованія императора Александра I обнаружилось стремленіе сбросить съ себя старыя формы книжнаго языка, образовавшіяся подъ вліяніемъ церковно-славянской рѣчи, и обновиться живою русскою рѣчью. И въ этомъ отношеніи приверженцы старины и преданій громомъ и бурей разразились противъ нововводителей въ литературѣ: Карамзина, Дмитріева, Жуковскаго, Батюшкова, Крылова и др., которыхъ они старались выставить извратителями русскихъ нравовъ и вредными общественному порядку. Защитники старинныхъ формъ русской рѣчи сгруппировались около Шишкова подъ названіемъ «Славянофиловъ» или «Шишковистовъ», составили общество и устроили бесѣды (*) любителей русскаго слова, собиравшіяся у Державина (вмѣстѣ съ Шишковымъ больше другихъ ратовавшаго противъ новой русской рѣчи). Защитники же Карамзина и новаго слога образовали въ 1818 г. для противодѣйствія Славянофиламъ и ихъ Бесѣдамъ, — которыхъ они, въ свою очередь, тоже громили и въ стихахъ и въ прозѣ, печатавшихся въ тогдашнемъ журналѣ «Московскій Меркурій», — общество подъ названіемъ «Арзамасское ученое общество» (иногда называлось Академіею, а иногда и просто «Арзамасъ»). Сюда примкнуло все, что только было даровитаго въ обществѣ и между литераторами (Пушкинъ, Жуковскій, Батюшковъ, Уваровъ, Блудовъ, князь Вяземскій (**) и др.). Вотъ, что одинъ изъ современниковъ говоритъ про Арзамасцевъ: «Это было общество молодыхъ людей, связанныхъ между собою однимъ живымъ чувствомъ любви къ родному языку, литературѣ, исторіи и собравшихся вокругъ Карамзина, котораго они признавали путеводителемъ и вождемъ своимъ. Направленіе этого общества, или,

---

(*) Все, что было читано въ «Бесѣдахъ», печаталось подъ названіемъ «Чтеній». Ихъ издано съ 1811 по 1815 г. девятнадцать книжекъ.

(**) Изъ всѣхъ Арзамасцевъ въ живыхъ въ настоящее время только князь Вяземскій.

лучше сказать, этихъ пріятельскихъ бесѣдъ, было преимущественно критическое. Лица, составлявшія его, занимались строгимъ разборомъ литературныхъ произведеній, примѣненіемъ къ языку и словесности отечественной источниковъ древней и иностранныхъ литературъ, изысканіемъ началъ, служащихъ основаніемъ твердой, самостоятельной теоріи языка и проч.». Хотя въ 1818 году общество Арзамасцевъ смолкло и намѣреніе ихъ издавать журналъ не осуществилось, однако они произвели громадное вліяніе на литературный языкъ, и замѣнили тяжелую книжную церковно-славянскую рѣчь живою русскою рѣчью. Свобода печати, покровительствуемая самимъ императоромъ, заявленная формально оффиціальною газетою «Сѣверная почта» въ 1816 году, много помогла благодѣтельному вліянію Арзамасцевъ на реформу нашего языка. Государь высказалъ также желаніе положить начало введенія русскаго языка въ дипломатической перепискѣ, которая обыкновенно велась на французскомъ языкѣ (*).

Слѣдя зорко за событіями Западной Европы послѣ Вѣнскаго конгресса, императоръ Александръ I придавалъ большое значеніе печатной гласности, особенно заграничной, такъ какъ журнальная пресса Англіи и Германіи была сильно возбуждена противъ Россіи за актъ священнаго союза, невѣрно толкуя цѣль союза и называя его союзомъ государей противъ народовъ. Для опроверженія такой клеветы государь, по предложенію графа Каподистріа, назначилъ Фабера во Франкфуртъ на Майнѣ, поручивъ ему слѣдить за европейскими журналами, вступить въ сношеніе съ ихъ редакторами и посредствомъ особыхъ статей, помѣщаемыхъ въ ихъ журналахъ, знакомить Европу съ настоящимъ положеніемъ по-

(*) Графу Дм. Ник. Блудову поручено было собрать и перевести дипломатическіе и политическіе акты на русскій языкъ. Въ 1823 г. вышелъ 1-й томъ подъ заглавіемъ: «Документы для исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ Западными Европейскими державами отъ 1814 до 1822 г.

литики Россіи. Для такой же цѣли Блудовъ (Дмитрій Николаевичъ) былъ отправленъ въ Лондонъ, гдѣ онъ долженъ былъ слѣдить за журналами Англіи и Америки, въ статьяхъ которыхъ обѣ державы сильно поддерживали сторону возставшихъ Испанскихъ колоній, тогда какъ Россія поддерживала интересы Испанскаго правительства. Вообще Англія была сильно раздражена съ 1815 года противъ Россіи за священный союзъ и за то громадное вліяніе, которое государь ея имѣлъ на событія Европы. Тамъ опасались, чтобы императоръ Александръ не замѣстилъ собою Наполеона I, что такъ ошибочно предсказывалъ послѣдній. Кабинетъ Англіи также сильно озабочивало сближеніе Россіи съ Франціею, которую императоръ отстаивалъ какъ при первомъ и второмъ Парижскомъ мирѣ, такъ и на Ахенскомъ конгрессѣ; чтобы напугать и европейскіе дворы, Англійскій кабинетъ сталъ распускать нелѣпые слухи о заключенномъ будто бы тайномъ союзѣ между Россіею и Франціею и готовился увѣрить Австрію, что русскому коммисару (Бальмену) на о. Св. Елены поручено хлопотать объ освобожденіи Наполеона. Распуская такіе нелѣпые слухи о русской политикѣ и опасаясь преобладающаго вліянія Россіи, Англія на всѣхъ конгрессахъ, начиная съ Ахенскаго и оканчивая Веронскимъ, вела себя крайне уклончиво и руководствовалась рутиннымъ преданіемъ, поддерживать принципъ невмѣшательства, и всѣми мѣрами старалась мѣшать ходу переговоровъ. Русскою дипломатіею завѣдывалъ въ то время графъ Каподистріа (которому Блудовъ и Фаберъ должны были присылать свои депеши), сопровождавшій государя на конгрессахъ; но скоро, въ 1822 году, онъ оставилъ Россію, удалился въ Женеву, а потомъ отправился въ Грецію, гдѣ и сдѣлался главою новой республики. Удаленію его больше всего радовался Австрійскій министръ князь Меттернихъ, расходившійся съ Каподистріа во взглядахъ. Когда пламя революціи распространилось по Западной Европѣ, Вѣнскій кабинетъ потребовалъ ополченія въ защиту правъ государей и божескихъ законовъ во имя

акта священнаго союза. На Троппаускомъ и Лайбахскомъ конгрессахъ, гдѣ такъ настойчиво указывалъ Австрійскій министръ на необходимость успокоенія Италіи вооруженною силою, графъ Каподистріа держался противуположнаго мнѣнія; онъ предлагалъ принципъ невмѣшательства, утверждая, что система взаимной помощи полезна только тѣмъ, кто нуждается въ ней, что Россіи нечего опасаться внутреннихъ переворотовъ, которые могутъ угрожать Австріи, что намъ не понадобится ея помощь въ этомъ случаѣ, а тамъ гдѣ нужно, мы не можемъ на нее разсчитывать. Предлагая систему невмѣшательства, онъ даже не настаивалъ на немедленномъ военномъ заступничествѣ за грековъ, освобожденіе которыхъ было его завѣтною идеей. Вліяніе Меттерниха было сильно на Троппаускомъ и Лайбахскомъ конгрессѣ; графъ Каподистріа замѣтилъ, что убѣжденія его расходятся съ убѣжденіями Русскаго императора, который могъ справедливо видѣть въ своемъ дипломатѣ гораздо болѣе приверженности къ дѣлу грековъ, нежели къ Россіи и болѣе расположенія къ защитѣ народныхъ движеній, чѣмъ защитѣ правъ государей. При такихъ натянутыхъ отношеніяхъ, не много нужно было для разрыва. Смѣлая попытка Александра Ипсиланти въ Молдавіи была приписана врагами Каподистріа его вліянію. Въ августѣ 1822 года Каподистріа оставилъ Россію. На Веронскій конгрессъ государь отправился безъ него. Съ отъѣздомъ Каподистріа въ Швейцарію, вліяніе Меттерниха на конгрессахъ усилилось.

Послѣ отъѣзда графа Каподистріа изъ Россіи, кружокъ сотрудниковъ императора Александра видимо рѣдѣлъ. Съ этихъ поръ однимъ изъ главныхъ двигателей государственнаго управленія является графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ. Онъ съумѣлъ не допустить до государя графа Сперанскаго, возвращеннаго снова въ Петербургъ; онъ умѣлъ подорвать довѣріе императора къ князю Голицину, который былъ тогда министромъ Народнаго Просвѣщенія и Духовныхъ

дѣлъ (*). Аракчеевъ и друзья его нападали на дѣйствія «Библейскаго общества, имѣвшаго обширный кругъ дѣятельности въ Россіи, особенно за переводъ библіи на русскій языкъ. Князь Голицинъ былъ предсѣдателемъ общества. Съ помощію архимандрита Юрьева монастыря Фотія, который пользовался большимъ довѣріемъ императора, Аракчеевъ съумѣлъ представить Голицина покровителемъ раскола и ересей, а дѣйствія общества библейскаго — направленными къ изданію книгъ противныхъ православію. Князь былъ удаленъ отъ управленія министерствомъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ лишился и званія предсѣдателя библейскаго общества: адмиралъ Шишковъ назначенъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія, а предсѣдателемъ общества сдѣлался С.-Петербургскій митрополитъ. Съ этою перемѣною, дѣло народнаго просвѣщенія круто поворотило назадъ: чтеніе лекцій въ университетѣ подверглось строгому надзору, нѣсколько профессоровъ должны были оставить свои каѳедры, привозъ иностранныхъ книгъ былъ почти запрещенъ, выѣздъ за границу сдѣлался крайне затруднителенъ; объявленная свобода цензуры была уничтожена. Князь П. М. Волконскій, любимѣйшій человѣкъ императора, завѣдывавшій въ то время дѣлами военнаго вѣдомства, былъ отправленъ въ Парижъ для присутствованія при коронаціи Карла X; Закревскій, дежурный генералъ, сопутствовавшій императору съ Волконскимъ во время его поѣздокъ по Россіи, былъ сдѣланъ генералъ-губернаторомъ Финляндіи. На высшихъ административныхъ мѣстахъ появились новыя лица, выдвинутыя Аракчеевымъ. Слѣдуетъ отдать полную справедливость въ этомъ случаѣ Аракчееву за назначеніе министромъ финансовъ Канкрина, на мѣсто графа Гурьева. Кан-

---

(*) Соединеніе Министерства Народнаго Просвѣщенія и Духовныхъ Дѣлъ совершилось 24 сентября 1817 года, «дабы христіанское благочестіе было всегда основаніемъ истиннаго просвѣщенія» (какъ сказано въ манифестѣ).

кринъ вывелъ наши финансы изъ того бѣдственнаго положенія, въ которое они были поставлены его предмѣстникомъ. До него государственный дефицитъ постоянно увеличивался, огромная масса ассигнацій подорвала кредитъ, въ торговлѣ замѣчался застой. Канкринъ рядомъ распоряженій умѣлъ поправить наши финансы (о дѣятельности Канкрина см. главу XII).

Съ удаленіемъ Сперанскаго, Голицина и др., Аракчеевъ остался одинъ съ своими друзьями при особѣ императора. Онъ съ 1823 года сдѣлался единственнымъ докладчикомъ по всѣмъ отраслямъ управленія, несмотря на то, что онъ носилъ званіе только предсѣдателя военнаго департамента государственнаго совѣта и начальника военныхъ поселеній (имъ же основанныхъ). Вотъ нѣсколько словъ изъ его біографіи. Онъ происходилъ изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ Новгородской губерніи. Первое образованіе получилъ дома подъ руководствомъ дьячка и надзоромъ крайне-строгаго отца, служившаго прежде въ военной службѣ. Изъ родительскаго дома онъ поступилъ въ 1-й кадетскій корпусъ, гдѣ скоро обратилъ на себя вниманіе начальства успѣхами въ математикѣ и точнымъ исполненіемъ дисциплинарныхъ приказаній; отсюда, какъ лучшій ученикъ, Аракчеевъ былъ выпущенъ офицеромъ въ артиллерію. Карьера его, впрочемъ, только тогда обозначилась, когда онъ попалъ на службу въ Гатчино, любимое мѣстопребываніе Павла Петровича, когда тотъ былъ еще великимъ княземъ. Здѣсь Аракчеевъ умѣлъ снискать себѣ расположеніе великаго князя неутомимою дисциплинарною дѣятельностію и въ особенности выправкою, доведенною до совершенства. Взойдя на престолъ, Павелъ Петровичъ не забылъ его службы: осыпалъ его богатыми милостями и возвелъ въ графское достоинство. За жестокое обращеніе съ подчиненными Аракчеевъ подвергся опалѣ и былъ высланъ на житье въ деревню, откуда возвратился уже въ царствованіе императора Александра I: сначала онъ былъ назначенъ инспекторомъ артиллеріи, въ управленіи которою онъ сдѣлалъ весьма много полезныхъ нововведеній, а потомъ сталъ не

только во главѣ всей военной администраціи, но и сдѣлался докладчикомъ при государѣ по всѣмъ другимъ отраслямъ управленія, не исключая даже и дѣлъ духовныхъ. Особенная забота его обращена была на армію, которая была доведена до 900 тыс. Ему же приписывается и учрежденіе военныхъ поселеній. По образцу австрійской военной границы, для уменьшенія количества расходовъ на содержаніе арміи, были заведены военныя поселенія на земляхъ государственныхъ крестьянъ въ губерніи Новгородской и нѣкоторыхъ южныхъ губерніяхъ. Поселенцы обязывались нести и военную службу, и заниматься земледѣліемъ. На практикѣ это учрежденіе неудовлетворило цѣлямъ: совершенно противное характеру русскаго народа, приведенное въ исполненіе съ неотступностью отъ малѣйшихъ предначертанныхъ формъ, оно произвело волненіе въ нѣкоторыхъ селеніяхъ. Хотя эти волненія были усмирены, однако скоро и самое учрежденіе было уничтожено.

У современниковъ этой эпохи часто слышится удивленіе, какимъ образомъ императоръ Александръ I, государь съ такимъ возвышеннымъ умомъ, образованіемъ и проницательнымъ характеромъ, могъ допустить вліяніе на себя графа Аракчеева, человѣка нрава крутаго, сердца жестокаго, и вообще человѣка такихъ свойствъ, которыя неимѣли ничего общаго съ душею и характеромъ императора. Вопросъ этотъ прекрасно, чисто-психологически разрѣшается словами одного изъ современныхъ намъ ученыхъ. Ковалевскій въ своемъ сочиненіи «графъ Блудовъ и его время» (*) говоритъ: «на сторонѣ Аракчеева было одно важное преимущество: онъ изучилъ Александра еще съ дѣтства, во время пребыванія въ Гатчинѣ, и одаренный природнымъ инстинктомъ, умѣлъ воспользоваться происшедшею перемѣною въ государѣ, уставшемъ отъ бремени правленія и поколебавшемся въ довѣріи къ людямъ. Александръ, испытавшій всѣ роды лести и вос-

(*) Стр. 148.

хваленій, чувствовалъ особенное отъ нихъ отвращеніе, онъ любилъ чтобы ему говорили искренно, въ какой бы рѣзкой формѣ не высказывалась истина; Аракчеевъ, какъ казалось Александру, былъ преданъ ему безусловно и безгранично; открыто, хотя иногда грубо, высказывалъ все, что было у него на душѣ, трудился неусыпно и повидимому безкорыстно, отказываясь отъ наградъ во все время царствованія императора Александра».

Въ ноябрѣ 1824 года Петербургъ постигло бѣдствіе отъ наводненія, имѣвшее огромное вліяніе на здоровье государя, уже утомленнаго трудами физическими и нравственно потрясеннаго. 7 ноября подулъ морской вѣтеръ и нагналъ такую массу воды, что она, переполнивъ Неву и каналы, выступила изъ береговъ, и разлилась по улицамъ и площадямъ на значительную высоту. Столица представляла страшную картину: обломки разрушенныхъ деревянныхъ домовъ, утвари и другихъ предметовъ носились по улицамъ; катера, получившіе приказаніе помогать несчастнымъ, не успѣвали спасать утопавшихъ. Между тѣмъ вѣтеръ постоянно усиливался и грозилъ затопить весь городъ. Къ счастію, вечеромъ того же дня буря начала затихать, вѣтеръ перемѣнилъ свое направленіе и вода стала убывать съ улицъ. Государь работалъ неутомимо, самъ посѣщалъ жилища пострадавшихъ бѣдняковъ, собственноручно раздавалъ имъ пособія и утѣшалъ ихъ въ постигшемъ несчастіи. Какъ только сбыла вода, государь отправился въ Галерную гавань, больше всего пострадавшую отъ наводненія и представлявшую страшную картину разрушенія. Здѣсь онъ самъ распорядился о пріисканіи пріюта пострадавшимъ и самъ раздавалъ пособія. Отсюда онъ отправился на Литейный заводъ, и здѣсь также отечески выразилъ свое участіе къ пострадавшимъ.

Еще со времени отечественной войны въ характерѣ государя произошла замѣтная перемѣна: онъ, по словамъ современниковъ, казался старѣе своихъ лѣтъ; на лицѣ его выражались задумчивость и грусть, смѣнившія его «чарующую

улыбку». Въ то время уже поговаривали, что онъ занятъ мыслію отказаться отъ престола, и помышляетъ о составленіи акта о престолонаслѣдіи. Дѣйствительно, лѣтомъ 1813 года онъ объявилъ брату своему Николаю Павловичу, что онъ «непреложно рѣшился отказаться отъ престола, лишь только замѣтитъ по упадку силъ своихъ, что настало къ тому время; я не разъ говорилъ объ этомъ съ братомъ Константиномъ, но онъ рѣшительно не хочетъ мнѣ наслѣдовать; и такъ вы должны напередъ знать, что призываетесь въ будущемъ къ императорскому сану». Но государь долго медлилъ, онъ какъ будто колебался совершить такой важный шагъ. Послѣдующія событія, непрерывно идущія до 1822 года, потребовали новой усиленной дѣятельности и физической и нравственной, и еще болѣе утомили императора, уже тяготившагося бременемъ правленія. Съ 1822 года государь совершенно отвергъ празднества, выходы, избѣгалъ общества, проводилъ большую часть года въ царскосельскомъ дворцѣ, посѣщая иногда любимый имъ Юрьевъ монастырь. Впечатлительная натура его еще болѣе была потрясена наводненіемъ и болѣзнію супруги, Елисаветы Алексѣевны. Чтобы устроить помѣщеніе для императрицы, которая по совѣту врачей должна провести зиму на югѣ Россіи, государь самъ поѣхалъ вмѣстѣ съ нею. 1 сентября 1825 года, въ день отъѣзда, государь отправился въ Александро-Невскую лавру, присутствовалъ здѣсь на молебнѣ и посѣтилъ митрополита Серафима и схимника Алексѣя. Проѣзжая заставу, государь привсталъ въ коляскѣ и нѣсколько минутъ смотрѣлъ въ задумчивости на столицу, какъ бы прощаясь съ нею. 13 сентября государь былъ уже въ Таганрогѣ. Здоровье императрицы замѣтно стало поправляться, такъ что государь рѣшился принять приглашеніе графа Воронцова посѣтить его крымское имѣніе. 20 октября государь отправился въ Крымъ; но утомительная дорога, затруднительные переѣзды, холодная сырость по вечерамъ, безпрерывныя посѣщенія госпиталей въ этой мѣстности, гдѣ свирѣпствуютъ лихорадки и тифъ, сильно подѣй-

ствовали на здоровье императора: въ Бахчисараѣ онъ захворалъ. Дальнѣйшая поѣздка была остановлена и государь возвратился въ Таганрогъ (5 ноября). Желтая желудочная горячка развивалась все болѣе и болѣе, несмотря на всѣ усилія доктора Вилліе, и 15 ноября положеніе больнаго сдѣлалось уже безнадежнымъ. Причастившись Св. Тайнъ послѣ продолжительной исповѣди, государь обратился къ императрицѣ съ такими словами: «Я никогда не былъ въ такомъ утѣшительномъ состояніи, въ какомъ нахожусь». Черезъ нѣсколько часовъ онъ впалъ въ забытье и скончался (19 ноября 1825 года).

ГЛАВА V.

Царствованіе Императора Николая I. Восшествіе на престолъ.

По смерти императора Александра I, на престолъ вступилъ братъ его императоръ Николай. Первымъ дѣломъ его было усмиреніе военнаго мятежа.

Такъ какъ у императора Александра I не было дѣтей, то, по существующему закону, послѣ него долженъ былъ вступить на престолъ братъ его Константинъ Павловичъ, который и носилъ титулъ цесаревича. Но онъ чувствовалъ себя неспособнымъ къ царствованію и сообщилъ объ этомъ письменно матери (*) и брату еще въ 1822 году, прося на это ихъ согласія и уступая свои права на престолъ брату Николаю. Императоръ Александръ рескриптомъ отъ 2 февраля 1822 года изъявилъ свое согласіе на отреченіе цесаревича отъ престола, но только на слѣдующій 1823 годъ онъ далъ этому секретному семейному распоряженію оффиціальный видъ, подписавъ особый манифестъ, которымъ великій князь Николай Павловичъ признавался наслѣдникомъ престола. Но по неизвѣстной причинѣ и этотъ манифестъ

(*) Императрица Марія Ѳеодоровна, супруга императора Павла I.

не былъ обнародованъ, а въ четырехъ запечатанныхъ экземплярахъ, съ собственноручною надписью Государя на пакетахъ: «хранить до моего востребованія, а въ случаѣ моей кончины, раскрыть прежде всякаго другаго дѣйствія, въ чрезвычайномъ собраніи», былъ положенъ въ Св. Синодѣ, Правительствующемъ Сенатѣ, въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ и Государственномъ Архивѣ. Въ этихъ пакетахъ, запечатанныхъ императорскою печатью, находились: 1) письмо цесаревича Константина Павловича къ покойному государю отъ 14 января 1822 г. о добровольномъ отреченіи отъ престола, съ просьбою утвердить такое намѣреніе его императорскимъ словомъ и согласіемъ государыни Маріи Ѳеодоровны; 2) отвѣтъ Александра отъ 2 февраля того же года о согласіи какъ съ его стороны, такъ и со стороны императрицы на просьбу Константина Павловича; и 3) манифестъ 16 августа 1823 года, утверждающій право на престолъ, по случаю добровольнаго отреченія цесаревича, за великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ. Замѣчательно, что самъ великій князь Николай Павловичъ, несмотря на неоднократные разговоры по этому обстоятельству съ императоромъ, не былъ оффиціально посвященъ въ эту семейную тайну. Вслѣдствіе сего, по полученіи въ Петербургѣ извѣстія о кончинѣ императора, великій князь Николай Павловичъ, гвардія, другія войска и всѣ чины гражданскіе и духовные присягнули на вѣрность службы Константину Павловичу. Вслѣдъ за тѣмъ, согласно съ волею покойнаго государя, въ чрезвычайномъ собраніи государственнаго совѣта былъ раскрытъ запечатанный пакетъ, положенный тамъ еще въ 1823 году. Какъ ни положительно и ясно было видно изъ находящихся въ немъ актовъ, что цесаревичъ Константинъ отрекается отъ престола, который теперь долженъ, по существующему закону имперіи и волѣ государя, перейдти къ великому князю Николаю, однако послѣдній отказывался провозгласить себя императоромъ до окончательнаго изъявленія воли старшаго брата, которому онъ самъ и все государство принесли уже

присягу. Цесаревичъ, живя въ Варшавѣ, гдѣ извѣстіе о кончинѣ императора было получено двумя днями ранѣе, чѣмъ, въ Петербургѣ, письмомъ отъ 26 ноября увѣдомлялъ брата о непоколебимомъ своемъ намѣреніи отказаться отъ престола и просилъ принять отъ него вѣрноподданическую присягу. Теперь же цесаревичъ оффиціальнымъ образомъ подтвердилъ свое намѣреніе и рапортъ министра юстиціи, которымъ онъ извѣщался о принесеніи ему присяги, возвратилъ въ Петербургъ нераспечатаннымъ. Только послѣ этого, Николай Павловичъ уступилъ обстоятельствамъ и принялъ императорскій санъ: 12 декабря послѣдовалъ манифестъ о восшествіи на престолъ государя императора Николая I, а 14 декабря, въ день обнародованія манифеста, когда гвардія должна была принести присягу, въ Петербургѣ вспыхнулъ мятежъ, задуманный горстью злонамѣренныхъ заговорщиковъ, замышлявшихъ низвергнуть существующій порядокъ въ Россіи.

Во вторую половину царствованія императора Александра I въ Россіи образовались тайныя общества, подобныя карбонаріямъ, имѣвшія цѣлію произвести революцію и уничтожить существующій порядокъ. Походы въ Западную Европу, и, вслѣдствіе того, близкое знакомство съ учрежденіями и политическими идеями ея, имѣли весьма гибельное вліяніе на умы многихъ офицеровъ русскаго войска. Между ними стали формироваться общества, подъ различными названіями, съ цѣлію преобразовать государственное устройство Россіи. Изъ Изысканій Слѣдственной Коммиссіи, обнародованныхъ въ 1826 г., лучше всего усматривается цѣль, объемъ и средства этихъ обществъ. Раньше другихъ, въ 1816 г., составилось общество подъ названіемъ Союза Спасенія, которое, прикрываясь дѣлами благотворительности, вербовало сторонниковъ своихъ тайныхъ замысловъ; въ 1818 году оно стало называться Союзомъ Благоденствія и раздѣлялось на общества сѣверное, имѣвшее центромъ своимъ Петербургъ, и на южное, сосредоточившееся въ Тульчинѣ (гдѣ находилась главная квартира 2-й арміи). Впослѣдствіи сюда присоединилось,

дѣйствовавшее прежде отдѣльно, третье—общество Соединенныхъ Славянъ. Одни изъ нихъ мечтали о введеніи республиканскаго порядка въ Россіи, другіе склонялись на сторону конституціоннаго правленія. Императоръ Александръ зналъ о существованіи этихъ тайныхъ обществъ и ихъ намѣреніяхъ, но, по великодушію своему, не предпринималъ противъ нихъ строгихъ мѣръ: онъ надѣялся, что время образумитъ злонамѣренныхъ и наведетъ заговорщиковъ на истинный путь. Но когда, во время его болѣзни въ Таганрогѣ, онъ получилъ новыя извѣстія двумя новыми путями о существованіи заговора, онъ приказалъ арестовать нѣкоторыхъ главныхъ агитаторовъ. Генералъ-адъютантъ Чернышевъ отправился въ Тульчинъ, для предупрежденія главнокомандующаго второю арміею Витгенштейна и для арестованія командира вятскаго пѣхотнаго полка Пестеля. Это было послѣднее приказаніе императора Александра I. По смерти его, находившійся при покойномъ государѣ комендантомъ баронъ Фридериксъ отправленъ былъ въ Петербургъ Чернышевымъ и Дибичемъ (начальникъ главнаго штаба) съ подробнымъ извѣстіемъ о заговорѣ. Такое же донесеніе было отправлено въ Варшаву, такъ какъ въ Таганрогѣ не знали, гдѣ императоръ. 12 декабря великій князь Николай Павловичъ получилъ другое извѣстіе о существованіи заговора и о томъ, что большая часть членовъ его находится въ столицѣ.

Дѣйствительно заговорщики, находившіеся въ Петербургѣ, готовились осуществить свои планы и для этого разсчитывали воспользоваться тѣмъ короткимъ междуцарствіемъ, которое произошло вслѣдствіе отрѣченія Константина и главнымъ образомъ вслѣдствіе его отсутствія. Они стали распускать слухи, что Николай Павловичъ самовольно овладѣлъ престоломъ, что Константинъ находится въ плѣну. 14 декабря, въ день присяги гвардіи императору Николаю, двѣ роты лейбъ-гвардіи Московскаго полка отказались отъ присяги и, овладѣвъ знаменами, поранивъ своихъ начальниковъ, двинулись на Петровскую площадь. Вскорѣ къ нимъ пристали

часть Лейбъ-Гренадерскаго полка и Экипажъ Гвардіи. Они кричали «ура, Константинъ» и вмѣшивали въ свой крикъ «и конституціи», убѣжденные заговорщиками, что такъ называется супруга Константина Павловича. Императоръ вполнѣ понималъ, что отказъ мятежниковъ въ присягѣ есть только предлогъ, а что цѣль подобнаго неповиновенія находится въ прямомъ отношеніи къ тому заговору, о которомъ онъ былъ извѣщенъ 12 декабря. Императоръ собралъ вокругъ зимняго дворца остальную часть гвардіи и отдалъ ей приказаніе двинуться на Петровскую площадь, гдѣ стояли войска, привлеченныя на сторону заговорщиковъ. Государь долго удерживалъ готовность преданныхъ ему защитниковъ вступить въ бой съ мятежниками: онъ думалъ образумить ихъ мѣрами увѣщанія и для этого отправилъ къ нимъ сперва митрополитовъ (*) и генералъ-губернатора петербургскаго, графа Милорадовича (героя наполеоновскихъ войнъ). Но когда оказалось, что увѣщанія на нихъ не подѣйствовали, и что Милорадовичъ убитъ выстрѣломъ изъ пистолета однимъ изъ заговорщиковъ, государь рѣшился прибѣгнуть къ другимъ средствамъ. Онъ приказалъ полкамъ Конногвардейскому и Кавалергардскому идти въ аттаку; аттака кавалеріи была однако неудачна. Тогда велѣно было дѣйствовать артиллеріи, и послѣ трехъ картечныхъ выстрѣловъ, мятежники обратились въ бѣгство. По дѣлу 14 декабря были учреждены: Верховная Слѣдственная Коммиссія и Верховный Судъ, а впослѣдствіи образовалась еще Ревизіонная Коммиссія. Изъ произведеннаго слѣдствія оказалось, какъ вѣрно и предполагалъ императоръ, что все возмущеніе 14 декабря было подготовлено тайнымъ обществомъ заговорщиковъ. Члены сѣвернаго союза были тотчасъ же арестованы въ Петербургѣ, южнаго — въ Тульчинѣ. Число главныхъ виновниковъ доходило до 121 человѣка. Черезъ полгода верховный судъ произнесъ надъ заговорщиками приговоръ, который былъ значительно смягченъ

(*) С.-Петербургскаго и Кіевскаго.

государемъ. Только пятеро были казнены смертью; виновные второй категоріи были наказаны ссылкою въ Сибирь (изъ нихъ многіе были прощены еще въ царствованіе Николая Павловича), а солдаты, увлеченные мятежниками, были отправлены на Кавказъ, чтобы побѣдами надъ горцами заслужить себѣ прощеніе. 22 августа 1826 года императоръ короновался въ Москвѣ. При торжествѣ присутствовалъ и Константинъ Павловичъ и здѣсь сердечнымъ объятіемъ съ братомъ, въ глазахъ народа, еще разъ подтвердилъ добровольное отреченіе отъ престола.

Внѣшняя и внутренняя политика царствованія императора Николая I отличается характеромъ охранительнымъ, который такъ ясно выразился въ обѣтѣ Императора «жить единственно для любезнаго отечества, царствовать, какъ царствовалъ Александръ Благословенный, чтобы совершить все, чего желалъ онъ для счастія Россіи, и, слѣдуя примѣру его, стяжать благословеніе Божіе и любовь народную.» Дѣйствительно, какъ въ дѣлахъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ, преемникъ Александра продолжалъ прежнюю политику. Съ одной стороны онъ поддерживалъ политическій вѣсъ Россіи, принимая дѣятельное участіе въ важныхъ событіяхъ Европы, но мелкія неустройства и внутреннія волненія въ европейскихъ государствахъ, такъ сильно безпокоившія императора Александра, Николаемъ были оставляемы безъ вниманія. Съ другой стороны, подобно предшественнику своему, онъ не допускалъ ничьего посторонняго вмѣшательства въ дѣла имперіи и въ ея отношенія съ сосѣдями. Въ дѣлахъ внутренней политики императоръ Николай дѣйствовалъ съ тѣмъ же охранительнымъ характеромъ: отдавая полную справедливость государственнымъ учрежденіямъ своихъ предшественниковъ, онъ продолжалъ развивать нѣкоторыя отдѣльныя части этихъ учрежденій.

Императоръ Николай наслѣдовалъ отъ Александра государство съ самыми дружественными отношеніями ко всѣмъ европейскимъ державамъ; только съ Турціею Россія нахо-

дилась въ явномъ разрывѣ. Оттоманская Порта, подъ разными предлогами, не выполняла ни одного изъ условій Бухарестскаго трактата и неутомимо продолжала преслѣдованія грековъ. Англія и Франція, опасавшіяся, чтобы Россія, при новомъ императорѣ, одна, безъ ихъ участія, не рѣшила Греческаго вопроса, предложили Русскому государю, сообща съ ними, положить конецъ кровопролитію въ Греціи. Такъ былъ подписанъ Лондонскій трактатъ. Но Императоръ отклонилъ, при этомъ, всякое вмѣшательство Англіи въ частные споры своей державы съ Оттоманскою Портою, возникшія по поводу нарушенія Турціею Бухарестскаго трактата, а потому и переговоры съ Турціею возобновились въ г. Аккерманѣ. Уполномоченные султана подписали такъ называемую Аккерманскую конвенцію (25 сент. 1826), по которой султанъ обязался въ точности выполнить всѣ условія Бухарестскаго трактата. Императоръ крайне былъ доволенъ такимъ ходомъ Аккерманскихъ переговоровъ, которые на время могли отстранить разрывъ съ Турціею, потому что Персія объявила войну Россіи.

Война съ Персіею.

Персидская война (1826—1828) произошла изъ за пограничныхъ споровъ. Въ 1813 году по Галюстанскому трактату, примирившему Россію съ Персіею, Фетъ-Али-Шахъ призналъ границею своихъ владѣній съ нашими ту самую линію, которая была занята тогда русскими войсками. Персіяне между тѣмъ заняли на русской землѣ часть ханства Карабахскаго, а русскія войска, въ обезпеченіе своихъ правъ на эту землю, заняли часть ханства Эриванскаго по сѣверному берегу озера Гочки. Переговоры и объясненія по поводу этихъ пограничныхъ споровъ тянулись до смерти императора Александра: Россія предлагала шаху возвратить занятые берега озера Гочки, какъ скоро персіяне очистятъ округъ карабахскій, принадлежащій Россіи. Въ мартѣ 1825 года шахъ согласился на эти предложенія и наслѣдникъ его, Мирза-Аббасъ, уже извѣстилъ о томъ генерала Ермолова, главнокомандующаго на Кавказѣ, какъ 19 ноября скончался Алек-

*

сандръ I. Пріемникъ его спѣшилъ довершить возстановленіе согласія съ шахомъ и отправилъ въ Тегеранъ князя Меншикова, которому поручилъ увѣдомить шаха о вступленіи своемъ на престолъ и предложить ему утвердить миръ исполненіемъ съ обѣихъ сторонъ условій Галюстанскаго договора. Меньшиковъ былъ принятъ съ подобающими почестями какъ въ Тавризѣ, мѣстопребываніи Аббаса-Мирзы, такъ и въ самой столицѣ (Тегеранѣ) при дворѣ шаха. А въ это-то самое время Персія и начала войну съ Россіею. Въ половинѣ іюля 1826 года персіяне перешли рѣку Араксъ и вторгнулись въ наши предѣлы. Правительство наше почти цѣлый мѣсяцъ не хотѣло вѣрить, чтобы шахъ, при такомъ торжественномъ пріемѣ, какой онъ сдѣлалъ нашему послу, и при тѣхъ дружелюбныхъ переговорахъ, какіе велъ съ нимъ, могъ безъ объявленія войны начать ее? Первоначально Императоръ приписывалъ непріязненныя дѣйствія въ Закавказьи набѣгамъ дикихъ горныхъ племенъ, которыя противъ воли шаха вторгнулись въ наши владѣнія. Но узнавъ, что война дѣйствительно начата по приказанію шаха, императоръ объявилъ, что онъ не раньше положитъ оружіе, какъ совершенно обезпечивъ свои границы и вознаградивъ Россію новыми пріобрѣтеніями на счетъ Персіи. Наши силы въ Закавказскомъ краѣ были очень незначительны, потому что Россія никакъ не ожидала объявленія войны со стороны Персіи, переговоры съ которой шли такъ дружественно. Въ это же время произошли смятенія въ Грузіи, которую бывшій Грузинскій царь Александръ съ помощію Персіи думалъ освободить отъ зависимости Россіи; подвластныя намъ Кавказскія мусульманскія племена мечтали о томъ же и также волновались. Генералъ Ермоловъ просилъ государя прислать довѣренное лицо, которому бы онъ могъ отдать начальствованіе надъ войсками въ такое трудное время, потому что самъ онъ нечувствуетъ къ тому достаточно силъ и способности. На помощь ему былъ отправленъ генералъ-адъютантъ

Паскевичъ, принявшій вскорѣ и главное начальство надъ войскомъ.

Перейдя черезъ р. Араксъ, Аббасъ-Мирза съ 35-тыс. войскомъ и артиллеріею двинулся къ Елизаветополю, чтобы, соединившись тамъ съ ханомъ Эриванскимъ, вторгнуться въ Грузію и занять Тифлисъ. Путь въ Грузію заслоняла крѣпость Шуша, охраняемая ничтожнымъ гарнизономъ подъ начальствомъ полковника Реута. Командиръ и солдаты показали здѣсь удивительную храбрость, отражая приступы непріятеля въ теченіи полутора мѣсяца. Шуша спасла Тифлисъ, потому что главнокомандующій въ теченіи полутора мѣсяца имѣлъ время подкрѣпить тифлисскій гарнизонъ нѣсколькими батальонами, а князю Мадатову велѣлъ двинуться на выручку Шуши. Выросшій на Кавказѣ и хорошо знакомый съ образомъ азіатской войны, Мадатовъ стремительно напалъ на передовыя персидскія войска, бывшія подъ начальствомъ Мехмета-Мирзы (сынъ Абасса-Мирзы), и разбилъ ихъ на-голову у р. Шамхоры (2 сент.). Узнавъ о пораженіи сына, Аббасъ-Мирза двинулся къ нему на помощь, но при Елизаветполѣ (13 сент.) онъ былъ встрѣченъ Паскевичемъ. Несмотря на то, что персидское войско было въ десятеро многочисленнѣе русскаго, Паскевичъ нанесъ ему такое пораженіе, что персіяне обратились въ бѣгство и удалились за Араксъ. Но и послѣ этихъ пораженій шахъ, подстрекаемый своимъ сыномъ Аббасъ-Мирзою, не склонялся на миръ. Тогда Паскевичъ, назначенный главнокомандующимъ на мѣсто Ермолова, получилъ приказаніе отъ императора — внести войну въ предѣлы самой Персіи. Дѣйствительно, въ мартѣ 1827 года войска наши, значительно увеличенныя свѣжими силами, двинулись въ ханство Эриванское. Дорога отъ Тифлиса до Эривани представляла громадныя трудности: русскимъ солдатамъ приходилось самимъ пролагать дорогу черезъ снѣжные хребты горъ, переправляться черезъ крутые и глубокіе рвы съ артиллеріею и обозомъ. Одолѣвъ всѣ препятствія, русскія войска 24 апр. явились подъ стѣнами крѣ-

пости Эривани съ многочисленною артиллерією. Напрасны были старанія Аббаса-Мирзы спасти Эривань, этотъ оплотъ Персіи: 1 октября Эривань пала. За тѣмъ, Паскевичъ двинулся на Тавризъ и безпрепятственно дошелъ до столицы Аббаса Мирзы. Въ такой крайности Аббасъ склонилъ шаха къ миру и условился съ русскимъ главнокомандующимъ въ главныхъ статьяхъ договора. Оставалось только подписать мирный трактатъ, какъ въ Персіи сдѣлалось извѣстнымъ, что Турція объявила войну Россіи. Думая выпутаться изъ бѣды, шахъ объявилъ недѣйствительными мирные переговоры, веденные его сыномъ, и обѣщалъ прислать къ главнокомандующему особаго полномочнаго изъ Тегерана: видно было, что шахъ расчитывалъ выиграть время. Отвѣтомъ Паскевича на это—было приказаніе войскамъ двинуться къ Тегерану. Только теперь шахъ убѣдился въ необходимости мира. Въ деревнѣ Туркманчаѣ (близъ Тегерана) 10 февраля 1828 г. былъ подписанъ мирный трактатъ на слѣдующихъ условіяхъ: Персія уступила Россіи: области Эриванскую и Нахичеванскую; шахъ обязался уплатить 20 милліоновъ рублей контрибуціи за военныя издержки и предоставить русскимъ подданнымъ, пріѣзжающимъ въ Персію по дѣламъ торговымъ, значительныя преимущества сравнительно съ другими націями.

Туркманчайскій міръ.

Государь щедрою рукою наградилъ Паскевича за эту войну: онъ возвелъ его въ графское достоинство съ титуломъ Эриванскаго и подарилъ ему милліонъ рублей изъ персидской контрибуціи. Туркманчайскій миръ принесъ огромныя выгоды Россіи: 1) пріобрѣтеніями отъ Персіи Нахичевани и Эривани Россія упрочила свое владычество надъ Армянскою возвышенностію и чрезъ патріарха Эчміадзинскаго, принявшаго русское подданство, пріобрѣла моральное вліяніе на всѣхъ армянскихъ христіанъ, разсѣянныхъ въ Персіи и Турціи; 2) этимъ миромъ обозначились твердыя, безопасныя границы Россіи за Кавказомъ; 3) торговля русская съ Персіею получила полную неприкосновенность и преимущества и 4) имъ прекратилась война съ Персіею въ то самое время,

когда Россія вступила въ борьбу съ Турціею, по поводу Греческаго вопроса.

ГЛАВА VI.

Турецкая война въ царствованіе Императора Николая I.

Не успѣла закончиться война съ Персіею, какъ Порта объявила войну Россіи. *Турецкая война* 1828 — 1829 года была лучшимъ доказательствомъ того дѣятельнаго участія, которое Россія принимала въ судьбѣ грековъ.

Съ перемѣной царствованія въ Россіи, русская политика въ Греческомъ или такъ называемомъ восточномъ вопросѣ становилась все болѣе и болѣе энергической. Опасеніе (какъ мы уже видѣли выше), что Россія съ 1826 года готовится одна, безъ участія другихъ европейскихъ кабинетовъ, рѣшить Греческій вопросъ, побудило сперва Англію (а потомъ и Францію) сблизиться съ Россіею. Это повело, какъ извѣстно, къ заключенію условія между Англіею и Россіею, извѣстному подъ названіемъ *Петербургскаго протокола* (4 апр. 1826 г.). Обѣ державы уговорились потребовать отъ Турціи такого же положенія для Греціи, въ какомъ стояла Сербія: Греція должна была признавать верховную власть Турціи, платить ей ежегодную дань, но во внутреннемъ управленіи должна была пользоваться самостоятельностію; туркамъ запрещалось владѣть поземельною собственностію въ предѣлахъ Греціи; проведеніе границъ между Греціею и Турціею предоставлено было ихъ взаимному соглашенію. Но Порта на-отрѣзъ отказалась отъ этихъ условій и турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ съ надменностію отвѣчалъ, что Порта никогда не согласится на подобное вмѣшательство иностранныхъ державъ во внутреннія дѣла свои; далѣе, онъ указывалъ на непослѣдовательность политики Россіи и Англіи, увѣряя, что, если до сихъ поръ Турціи неудалось справиться съ греческимъ возстаніемъ, то это происходило только отъ того, что турецкіе

начальники, по приказанію султана, дѣйствовали съ кротостію относительно возставшихъ, такъ какъ Англія поддерживала возстаніе. Порта, писалъ онъ, никогда не допуститъ иноземнаго вмѣшательства въ свои дѣла и, въ случаѣ надобности, она готова отразить силу силою. Послѣ такого рѣзкаго отказа со стороны Порты удовлетворять справедливымъ требованіямъ Россіи и Англіи, означенныя державы стали приглашать къ участію въ греческомъ вопросѣ Австрію и Францію. Первая въ лицѣ князя Меттерниха, который опасался показаться непослѣдовательнымъ, отклонила предложеніе союзниковъ; но вторая, гдѣ общественное мнѣніе давно уже стало съ замѣтнымъ сочувствіемъ относиться къ геройской борьбѣ грековъ, приняла предложеніе съ живѣйшимъ восторгомъ. Результатомъ этого сближенія Англіи, Россіи и Франціи былъ *Лондонскій трактатъ*, подписанный 6 іюля 1827 г. Цѣль трактата выражалась слѣдующими словами: «возстановить спокойствіе и порядокъ на юго-востокѣ Европы и положить конецъ борьбѣ между греками и турками, которая противна интересамъ человѣколюбія, а также торговымъ интересамъ европейскихъ державъ». Рѣшено было снова обратиться къ Портѣ съ предложеніемъ посредничества трехъ державъ и съ тою разницею сравнительно съ предъидущимъ предложеніемъ, что въ опредѣленіи границъ между Портою и Греціею теперь примутъ участіе не только Греція и Турція, но и всѣ три покровительствующія державы. Въ секретныхъ статьяхъ Лондонскаго трактата союзники условились ждать исполненія своихъ предложеній въ теченіи одного мѣсяца, а потомъ дать начальникамъ своихъ эскадръ на Средиземномъ морѣ инструкціи для рѣшительныхъ дѣйствій. Но и въ этотъ разъ Турецкое правительство отвѣчало рѣшительнымъ отказомъ. Тогда посланники Англіи, Россіи и Франціи сообщили дивану о секретныхъ статьяхъ трактата, въ силу которыхъ союзные флоты должны будутъ дѣйствовать противъ Турціи, чтобы остановить кровопролитіе балканскихъ христіанъ. Султанъ не хотѣлъ слушать ника-

кихъ угрозъ и продолжалъ немилосердно преслѣдовать грековъ. Такимъ образомъ послѣдовала знаменитая Наваринская катастрофа, истребившая 8 — 20 октября 1827 г. турецко-египетскій флотъ. Вотъ нѣкоторыя подробности славнаго *Наваринскаго боя*. Адмиралы союзнаго флота: Кодрингтонъ, Рипьи и графъ Гейденъ, исполняя приказаніе своихъ кабинетовъ, отрѣзали турецко-египетскому флоту сообщеніе съ островами, опустошеніемъ которыхъ былъ занятъ Ибрагимъ-паша, и принудили его войдти въ Наваринскую гавань. Ибрагимъ, послѣ свиданія съ адмиралами, обѣщалъ прекратить непріязненныя дѣйствія на три недѣли до полученія новыхъ инструкцій изъ Константинополя, но не сдержалъ слова: египетскія сухопутныя войска продолжали опустошеніе береговъ Мореи. Тогда союзные адмиралы отправили къ нему за общею подписью письмо, въ которомъ требовали немедленнаго отвѣта — согласенъ ли онъ исполнить данное обѣщаніе? Письмо не было принято. Съ общаго согласія положено было войдти съ своими эскадрами въ Наваринскій заливъ и вооруженною угрозою принудить Ибрагима отозвать войска его изъ Мореи. Флотъ союзниковъ состоялъ изъ 27 кораблей (изъ нихъ восемь были русскіе), съ 13 тыс. матросовъ и 1300 орудіями; турецко-египетскій флотъ былъ гораздо значительнѣе: въ немъ находилось 66 кораблей, 23 тыс. экипажа и 2200 орудій. Начальство надъ союзнымъ флотомъ принялъ англійскій адмиралъ Кодрингтонъ, какъ старшій по чину. Флотъ союзный былъ раздѣленъ на двѣ половины: правую, состоящую изъ кораблей англійскихъ и французскихъ, и лѣвую — изъ русскихъ. Правая эскадра вошла ранѣе въ заливъ и бросила якорь предъ турецкими кораблями, на которыя Кодрингтонъ выслалъ для объясненія причинъ прибытія въ гавань соединеннаго флота двухъ офицеровъ, но они были встрѣчены ружейными выстрѣлами и убиты. Вслѣдъ за тѣмъ раздался выстрѣлъ съ египетскаго корабля, чѣмъ и начался самый бой. Отъ выстрѣловъ 2-хъ-тысячь орудій образовался густой туманъ, покрывшій весь заливъ

какимъ-то непроницаемымъ мракомъ. Въ это самое время подплыла и русская эскадра, заняла свое мѣсто на лѣвой сторонѣ и открыла убійственный огонь. Замѣчателенъ подвигъ храбраго капитана Лазарева, который съ однимъ адмиральскимъ кораблемъ потопилъ три непріятельскіе фрегата. Наваринскій бой продолжался всего 4 часа и совершенно истребилъ турецко-египетскій флотъ, вдвое сильнѣйшій противъ союзнаго.

Послѣ Наваринскаго разгрома и отъѣзда посланниковъ трехъ великихъ державъ изъ Константинополя, султанъ проявилъ весьма замѣтное различіе по отношенію къ этимъ тремъ державамъ. Онъ обрушилъ весь свой гнѣвъ на Россію, а Франціи и Англіи не только не объявилъ войны, но напротивъ того дѣлалъ всевозможныя попытки къ сближенію и приглашалъ посланниковъ ихъ вернуться въ Константинополь. Вслѣдъ за тѣмъ во всѣхъ мечетяхъ Порты былъ прочитанъ гатишерифъ (манифестъ отъ 8 дек. 1827), призывавшій мусульманъ къ поголовному ополченію за вѣру и отечество и провозглашавшій Россію самымъ неукротимымъ врагомъ правовѣрныхъ, врагомъ, жаждущимъ паденія Турціи; въ концѣ гатишерифа объявлялось что султанъ разрываетъ съ ней всѣ переговоры, а условія Аккерманскія (см. выше гл. III) признаетъ не дѣйствительными. Султанъ не только словами, но и самымъ дѣломъ сталъ оскорблять Россію, задерживая корабли военные и купеческіе (отчего стала сильно страдать наша черноморская торговля) и подстрекая Персію помедлить заключеніемъ міра. Въ отвѣтъ на все это императоръ Николай Павловичъ издалъ манифестъ (14 апрѣля), которымъ объявлялось, что Россія вовсе не думаетъ объ уничтоженіи Порты, какъ разглашаетъ султанъ, а что намѣренія ея заключаются только въ томъ, чтобы принудить Турцію выполнить условія признанной ею Аккерманской конвенціи и Лондонскаго трактата.

Турецкая война началась весною 1828 года. Россія снарядила нѣсколько армій и эскадръ, чтобы со стороны и суши

и моря напасть на Турцію. Фельдмаршалу Витгенштейну поручено было занять Валахію и Молдавію, перейти потомъ черезъ Дунай и всѣ дѣйствія своей арміи направить на Румилію; графъ Паскевичь долженъ былъ дѣйствовать въ Закавказскомъ краѣ на Азіатскія владѣнія Турціи; Меньшиковъ долженъ былъ взять крѣпость Анапу; съ эскадрами были отправлены: Грейгъ къ берегамъ Болгаріи и Румиліи и Гейденъ въ Архипелахъ, чтобы запереть Дарданеллы и тѣмъ пересѣчь подвозъ съѣстныхъ припасовъ изъ Египта въ Константинополь. Разсмотримъ сперва дѣйствія русскихъ войскъ въ Европейской Турціи; а затѣмъ и въ Азіатской. Армія Витгенштейна, перейдя Прутъ, границу имперіи, въ числѣ 115 тыс., была встрѣчена въ Молдавіи и Валахіи самымъ дружелюбнымъ пріемомъ. Часть арміи тотчасъ же отдѣлена была, по распоряженію главнокомандующаго, для взятія крѣпости Браилова, которая по своему стратегическому положенію могла обезпечить тылъ главной арміи за Дунаемъ. Здѣсь предстоялъ русскому войску трудный подвигъ, потому что Дунай разлился на огромное пространство и лѣвый берегъ его обратился въ непроходимое болото; чтобы переправиться на правый берегъ, необходимо было сдѣлать насыпь (гать) и перекинуть мостъ. Личное присутствіе императора одушевляло солдатъ: они усердно принялись за работу и устроили плотину на пространствѣ пяти верстъ, не взирая на всѣ старанія турокъ дѣйствіемъ своей артиллеріи уничтожить наши сооруженія. Весьма много помогли въ этой переправѣ запорожцы, ушедшіе изъ Россіи въ подданство Турціи еще въ 1775 г. и теперь изъявившіе желаніе возвратиться въ прежнее отечество: они доставили намъ сотню легкихъ судовъ и перевезли два егерскіе полка. Переправою арміи черезъ Дунай распоряжался самъ императоръ, переѣхавшій въ запорожской лодкѣ (27 мая 1828 г.). Дальнѣйшій планъ войны состоялъ въ осадѣ турецкихъ крѣпостей: Браилова, Шумлы, Варны и Силистріи, куда заперлись турки, опасавшіеся встрѣчи съ русскими въ открытомъ полѣ.

Переходъ русскихъ войскъ черезъ Дунай.

Послѣ взятія Браилова, въ главной квартирѣ рѣшено было сдѣлать нападеніе на неприступную Шумлу, чтобы испытать, не удастся ли завлечь сераскира ея въ бой, и пораженіемъ его открыть дорогу за Балканы. Миновать Шумлу и идти прямо за Балканы, значило бы оставить въ тылу у себя 40-тысячное турецкое войско; взять приступомъ оказывалось невозможнымъ безъ потерь, а обложить Шумлу со всѣхъ сторонъ и прекратить подвозъ съѣстныхъ припасовъ нельзя было сдѣлать по малочисленности войска. Самымъ удобнымъ казалось выманить сераскира изъ крѣпости. Но онъ оставался неподвиженъ. Тогда государь сдѣлалъ такое распоряженіе: Витгенштейну приказано было оставаться подъ Шумлою, Меньшикову двинуться къ Варнѣ и осадить ее съ суши и съ моря, а корпусу Щербатова овладѣть Силистріею, чтобы съ одной стороны обезпечить подвозъ съѣстныхъ припасовъ водою изъ Одессы, а съ другой обезопасить наши зимнія квартиры на лѣвомъ берегу Дуная. Черезъ 2 мѣсяца (29 сентября) осада Варны была кончена съ полнымъ успѣхомъ, не смотря на первоклассность укрѣпленій, выгодное мѣстоположеніе, и 20-тысячный гарнизонъ подъ начальствомъ искуснаго турецкаго генерала. Взятіемъ Варны былъ открытъ путь въ Румилію черезъ Балканы со стороны моря. Рано наступившая зима принудила отложить дальнѣйшія дѣйствія до слѣдующаго года.

Въ Азіатской Турціи война велась еще болѣе славнымъ образомъ. Здѣсь ознаменовалъ себя новыми воинскими доблестями графъ Паскевичъ, не смотря на то, что въ распоряженіи его былъ только 12-тысячный корпусъ, изнуренный битвами и болѣзнями и неуспѣвшій еще отдохнуть послѣ Персидскаго похода. Запасовъ продовольствія и военныхъ снарядовъ было недостаточно. Въ подвластныхъ намъ мусульманскихъ областяхъ происходили возстанія и готовились поголовныя ополченія, чтобы встать въ ряды турокъ. Паскевичъ преодолѣлъ всѣ эти затрудненія: съ 12-тысячнымъ корпусомъ онъ перешелъ въ Азіатскую Турцію и осадилъ крѣ-

ность Карсъ, славившуюся у Турокъ своею неприступностью, и въ четыре дня взялъ ее штурмомъ (23 іюня). Узнавъ о взятіи Карса, турецкое 30-тысячное войско повернуло къ г. Арзеруму, въ намѣреніи пробраться въ Грузію по Ахалцыхской дорогѣ. Паскевичъ спѣшилъ предупредить его подъ Ахалцыхомъ и, несмотря на то, что чума, перешедшая изъ турецкаго лагеря въ наши войска, свирѣпствовала съ страшною смертностью, овладѣлъ мимоходомъ, по дорогѣ, крѣпостью Ахалкалаки и подступилъ къ Ахалцыху. Ахалцыхъ, основанный кавказскими горцами среди двухъ ущелій, на скалахъ, представлялъ сильную твердыню, онъ окруженъ былъ со всѣхъ сторонъ высокими полисадами и трехъ-ярусными башнями; 50 тысячь жителей его, выросшихъ въ боевой жизни, составляли его гарнизонъ. 15 августа въ 4 часа по полудни штурмовая колонна, подъ начальствомъ полковника Бородина, двинулась на приступъ и успѣла ворваться въ городъ, гдѣ среди пожара приходилось штурмовать каждый отдѣльный домъ. Паскевичъ искусно подкрѣплялъ свѣжими силами штурмовавшихъ и рано утромъ 16 августа взялъ Ахалцыхъ. Укрѣпленія его были возобновлены русскими и образовали надежный оплотъ Грузіи со стороны Азіатской Турціи. Такимъ образомъ, не болѣе какъ въ два мѣсяца, непріятельская армія, угрожавшая нашему Закавказскому краю, была разсѣяна и наше новое пріобрѣтеніе -Эриванское ханство — обезпечено. Несмотря на такія успѣхи нашего оружія въ Европейской и Азіатской Турціи, султанъ и слышать не хотѣлъ о мирѣ. Онъ надѣялся на разрывъ Персіи съ Россіею. Весною 1829 года чернь тегеранская, раздраженная высокомѣріемъ армянскихъ агентовъ русскаго правительства, ворвалась въ домъ посольства и умертвила русскаго посланника Грибоѣдова (*) съ большею частью его свиты. Султанъ поспѣшилъ завести переговоры съ шахомъ; но надежды его не исполнились, потому что шахъ, опасаясь новой войны съ Рос-

(*) Авторъ комедіи «Горе отъ ума».

сіею, былъ очень доволенъ, когда Паскевичъ предложилъ ему, для избѣжанія разрыва съ Россіею, принести извиненіе передъ Русскимъ императоромъ, отправивъ для этой цѣли одного изъ принцевъ царствующаго въ Персіи дома Каджаровъ. Дѣйствительно, сынъ Аббаса-Мирзы, Хозревъ-Мирза, прибылъ въ Петербургъ и въ торжественной аудіенціи, въ присутствіи двора и дипломатическаго корпуса (10 августа 1829), просилъ государя забыть тегеранское происшествіе, оскорбившее одинаково и русскій дворъ и шаха. Обезпеченный со стороны Персіи, Паскевичъ снова началъ военныя дѣйствія противъ турокъ. Перейдя Саланґуэскій хребетъ, онъ осадилъ Арзерумъ, столицу Анатоліи, который и сдался ему 27 іюня 1829.

Послѣ взятія Варны, Австрія, опасавшаяся успѣховъ русскаго оружія, начала свои хлопоты о спасеніи Турціи и предлагала Англіи и Франціи сдѣлать тоже; но обѣ державы отвергли ея предложенія. Надежда султана вооружить противъ Россіи Персидскаго шаха также не осуществилась. Оставалось только собственными силами продолжать войну. Порта вооружила теперь все, что только могла, и назначила главнокомандующимъ новаго визиря Решидъ-Пашу, отличавшагося при осадѣ Миссолунгъ и Аѳинъ. Онъ тотчасъ увеличилъ армію, сосредоточенную въ Шумлѣ, нѣсколькими тысячами регулярнаго войска и думалъ возвратить отъ русскихъ Варну, оттѣснивъ ихъ за Дунай. Императоръ Николай также усилилъ свою армію, и на мѣсто Витгенштейна назначилъ главнокомандующимъ графа Дибича. Планъ войны неизмѣнился при новомъ военно-начальникѣ. Весною 1829 года Дибичъ осадилъ Силистрію съ намѣреніемъ выманить визиря изъ Шумлы. Дѣйствительно съ 40-тысяч. войскомъ визирь выступилъ изъ крѣпости. Поручивъ осаду Силистріи генералу Крассовскому, Дибичъ двинулся на Балканы, зашелъ въ тылъ Решидъ-Пашѣ и такимъ образомъ отрѣзалъ ему сообщеніе съ Шумлою. Думая, что въ тылу у него незначительный русскій отрядъ, визирь повелъ въ эту сторону свое войско и здѣсь въ тѣсни-

нахъ Кулевчи (30 мая), противъ всякаго ожиданія, встрѣтилъ самаго Дибича. Открылся продолжительный бой, два раза возобновлявшійся вслѣдствіе сильнаго утомленія съ обѣихъ сторонъ. Къ вечеру этого дня турки обратились въ бѣгство и самъ визирь едва не попался въ плѣнъ. Возвратившись съ половиною арміи въ Шумлу, онъ сталъ стягивать сюда отряды, охранявшіе горныя дороги, и тѣмъ открылъ совершенно дорогу чрезъ Балканы. Дибичъ какъ нельзя лучше съумѣлъ воспользоваться ошибкою Решида-Паши: подождавъ паденія Силистріи, взятой генераломъ Красовскимъ, онъ поручилъ ему двинуться подъ Шумлу и запереть въ ней визиря, а самъ двинулся черезъ Балканы въ долину Румиліи. Города, одинъ за другимъ, безъ боя сдавались русскимъ, и 8 августа Дибичъ безпрепятственно вошелъ въ Адріанополь. Теперь Портѣ ничего не оставалось, какъ просить мира и принять то посредничество, которое предлагала ей теперь Пруссія. Такъ открылись мирные переговоры въ Адріанополѣ, веденные съ русской стороны графомъ Орловымъ и Паленомъ, а со стороны Турціи—Садыкомъ-Эффенди. Требованія Россіи были чрезвычайно умѣренныя и потому послѣ непродолжительныхъ переговоровъ, 2 (14) сентября 1829 г., были подписаны и мирныя условія. Россія изъ всѣхъ своихъ завоеваній въ Европейской Турціи удержала только острова при устьяхъ Дуная, съ обязательствомъ не строить здѣсь укрѣпленій, а имѣть только карантины; въ Азіи она удержала за собою крѣпости: Анапу, Поти, Ахалкалаки и Ахалцыхъ, необходимыя для безопасности Закавказскаго края. Султанъ обязывался: дать русскимъ подданнымъ полную свободу торговли на всемъ пространствѣ Порты и на всѣхъ водахъ, ей принадлежащихъ; Босфоръ и Дарданеллы открыть всѣмъ безъ исключенія торговымъ судамъ дружественныхъ съ Портою державъ. Въ отношеніи Молдавіи и Валахіи были не только подтверждены условія Бухарестскаго трактата и Аккерманской конвенціи, но было еще постановлено, чтобы господари избирались не на опредѣленный срокъ, а на всю жизнь,

и только платили Турціи ежегодную дань; чтобы ни одинъ мусульманинъ не имѣлъ права жить въ княжествахъ, и чтобы всѣ крѣпости на лѣвомъ берегу Дуная были срыты; Сербія осталась въ томъ положеніи, въ которое она поставлена была условіями Бухарестскаго трактата и Аккерманской конвенціи. Наконецъ, по условіямъ Адріанопольскаго мира Турція признала независимость Греціи и соглашалась принять рѣшеніе трехъ покровительствующихъ державъ о будущей ея судьбѣ.

ГЛАВА VII.

Англія съ Вѣнскаго конгресса до кончины Георга IV.

Англія, принимавшая участіе въ коалиціяхъ противъ революціонной Франціи и Наполеона, вышла изъ этой двадцатилѣтней борьбы съ полнымъ могуществомъ. Уничтоживъ флоты испанцевъ, голландцевъ, датчанъ, дружественные Франціи, Англія до того усилила свое морское значеніе, что, безъ преувеличенія, можно назвать ее первою морскою державою. Вознагражденія, полученныя ею на Вѣнскомъ конгрессѣ, еще болѣе упрочивали за нею первенство на моряхъ: колоніальныя территоріи Англіи расширились въ Вестъ-Индіи, на Западѣ и Югѣ Африки и Австраліи; а въ Остъ-Индіи изъ колоній ея образовалось такое государство, которое своимъ населеніемъ, объемомъ и богатствомъ превосходило самую митрополію: почти весь полуостровъ съ 150 милліонами жителей признавалъ надъ собою власть Остъ-Индской компаніи, которая имѣла свой огромный флотъ и содержала значительное войско сипаевъ (составленное изъ туземцевъ, обученныхъ европейскому строю). Въ Сѣверной Америкѣ Англія владѣла Канадою, Акадіею и обширными землями на сѣверъ отъ первой. Отдавая большее, послѣ Остъ-Индскихъ колоній, значеніе своимъ американскимъ территоріямъ, Англія ничего не жалѣла, чтобы поддержать ихъ въ борьбѣ съ Соединенными

Штатами, которые желали присоединеніемъ Канады къ своему союзу избавиться отъ стѣсненій англичанами ихъ колоніальной торговли. Во время похода Наполеона на Россію, Соединенные Штаты объявили войну Англіи. Напрасны были надежды Американцевъ увеличить свои владѣнія пріобрѣтеніемъ Канады: на морѣ они еще кое-какъ держались своимъ флотомъ, но на сухомъ пути должны были всюду уступать искуству англійскихъ войскъ, которые нанесли имъ нѣсколько значительныхъ пораженій и взяли самую столицу союза Вашингтонъ. Война эта закончилась, при посредничествѣ Россіи, Гентскимъ миромъ (1814 г.), по которому обѣ воевавшія державы остались въ томъ положеніи, въ какомъ были до начала войны; при этомъ американцы обязались помогать Англіи въ уничтоженіи торговли неграми въ Новомъ Свѣтѣ. Пріобрѣтенія по Вѣнскому конгрессу острова Мальты, протектората надъ Іоническими островами и обладаніе Гибралтаромъ доставили англійской націи господство на Средиземномъ морѣ и обезпечили ея выгодную торговлю съ Левантомъ. Не довольствуясь своимъ политическимъ могуществомъ, морскимъ превосходствомъ, и колоніальнымъ первенствомъ среди европейскихъ государствъ, Англія стремилась (еще съ XVIII в.) къ всемірному владычеству посредствомъ торговли и фабричной промышленности. При огромномъ количествѣ своихъ фабрикъ, работавшихъ посредствомъ пара, она хотѣла захватить въ свои руки всю фабричную промышленность, предоставивъ другимъ націямъ производство только сырыхъ матеріаловъ. Наполеонъ I, понимавшій такіе коммерческіе разсчеты постоянной соперницы Франціи, изобрѣлъ противъ нея такъ называемую континентальную систему, и дѣйствительно подорвалъ ея разсчеты; но не надолго. Съ паденіемъ Наполеона, Англія снова взялась за свои стремленія, и выгодными торговыми трактатами съ большею частію державъ Стараго и Новаго Свѣта доставила своей фабричной промышленности самый обширный сбытъ.

Но при такомъ политическомъ, морскомъ и торговомъ

могуществѣ, Англія не могла похвалиться своимъ внутреннимъ благосостояніемъ.

Преобладаніе торіевъ въ парламентѣ.

Во время наполеоновскихъ войскъ, въ Англіи царствовалъ Георгъ III (1760—1820) съ тою же конституціонною властію, какъ и его предшественники. Больной, страдавшій меланхоліею, а впослѣдствіи и совершенно лишившійся разсудка и зрѣнія, Георгъ III предоставилъ все управленіе Англіею парламенту и министерству, которое съ самаго начала XVIII вѣка пріобрѣло громадное значеніе. Тамъ по прежнему боролись партіи тори и виговъ, изъ которыхъ первые старались поддерживать старыя учрежденія и права знати, подавляя права народа; вторыя требовали реформъ и поддерживали права народныя. При Георгѣ III торжествовали и въ парламентѣ и министерствѣ тори, во главѣ которыхъ почти во все время войны союзниковъ съ Наполеономъ стоялъ лордъ Кастлере († 12 авг. 1822 г.), съ непоколебимою твердостію помогавшій коалиціямъ. Важнѣйшіе вопросы, занимавшіе англійскую націю и ея представителей въ парламентѣ, въ министерство Кастлере, были слѣдующія: *«хлѣбные законы»*, *«эмансипація католиковъ»* и такъ называемыя *«гнилыя мѣстечки»*.

Хлѣбные законы.

Какъ при торжествѣ тори, такъ и виговъ, правительство Англіи имѣло характеръ аристократическій, потому что въ члены парламента, какъ верхняго, такъ и нижняго, избирались или только знатные по происхожденію лорды и высшее духовенство, занимавшія первыя свѣтскія и духовныя мѣста, или зажиточные поземельные владѣльцы изъ тѣхъ же высшихъ сословій: раздѣляясь на партіи тори и виговъ, они обыкновенно, поддерживали интересы своихъ сословій. Такимъ образомъ, въ рукахъ аристократіи, владѣвшей огромной поземельною собственностью и капиталами, стали сосредоточиваться несмѣтныя богатства, а огромное большинство впало въ крайнюю нищету и превратилось въ пролетаріевъ. Продолжительныя сухопутныя и морскія войны вмѣстѣ съ денежными субсидіями (вспомоществованіями), выдаваемыми Англіею со-

юзникамъ коалицій во время борьбы Европы съ Наполеономъ, довели національный долгъ Англіи до 900 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, ежегодные проценты съ которыхъ составляли 34 милліона. Чтобы покрыть такой громадный долгъ, прибѣгли къ новымъ налогамъ на статьи торговли, жизненныхъ потребностей, на движимыя и недвижимыя имущества. Налоги на недвижимыя имущества были такъ высоки, что мелкіе землевладѣльцы принуждены были продавать свои участки богатамъ дворянамъ. Чтобы предупредить пониженіе цѣнности на поземельную собственность, богатые землевладѣльцы, имѣвшіе большое число представителей въ парламентѣ, успѣли выхлопотать *«хлѣбные законы»*, по которымъ позволялось привозить иностранный хлѣбъ въ Англію только въ такомъ случаѣ, когда цѣна собственнаго хлѣба поднималась до высшей степени. Съ помощью такого постановленія богатые землевладѣльцы, отдавшіе свои помѣстья въ аренды, могли увеличить еще болѣе свои капиталы, потребовавъ отъ фермеровъ бо́льшей арендной платы. Этимъ же затрудненіемъ ввоза иностраннаго хлѣба отстранялась конкуренція, безъ которой хлѣбная торговля составила какъ бы монополію въ рукахъ богатыхъ землевладѣльцевъ-аристократовъ. Такимъ образомъ, промышленность сельская, а за нею и фабричная, стали сосредоточиваться въ рукахъ богачей-капиталистовъ, которые подорвали обороты менѣе богатыхъ промышленниковъ, задавили классъ ремесленниковъ и значительно сократили среднее сословіе, занимавшееся доселѣ торговлею и промышленностью. Весьма много содѣйствовало развитію пролетаріата въ Англіи, также основаніе большаго числа фабрикъ, на которыхъ машинное-паровое производство сильно уменьшило количество рабочихъ рукъ и понизило заработную плату. Положеніе ремесленниковъ, обратившихся въ фабричныхъ рабочихъ, вслѣдствіе дороговизны хлѣба и ничтожной платы за работу, сдѣлалось крайне тяжелымъ и бѣдственнымъ. Правительство выдавало временныя пособія рабочимъ, но не могло этимъ пособить страшной нищетѣ пролетаріевъ.

*

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ, гонимые нуждой и голодомъ, пролетаріи начали возстанія, требуя увеличенія платы за фабричную работу и пониженія цѣны на хлѣбъ. Такъ, подъ предводительствомъ Гунта, фабриканта сапожной ваксы, началось движеніе сперва въ Манчестерѣ и другихъ фабричныхъ городахъ, а потомъ оно проникло и въ самый Лондонъ. Владѣя огромною военною силою, правительство безъ труда разгоняло митинги (или сборища рабочихъ) и подавляло противузаконныя предпріятія черни, избѣгая кровопролитій. Только въ Манчестерѣ, — мѣстности самой благопріятной для промышленнаго развитія, — гдѣ больше всего фабричныхъ рабочихъ, пришлось употребить въ дѣло оружіе и кровавой расправой усмирить возмутившихся (1819 г.). Для подавленія такихъ возстаній, англійское правительство чаще всего прибѣгало къ отмѣнѣ закона «habeas corpus», которымъ обезпечивается личная свобода каждаго англичанина. Партія радикаловъ сочувствовала этимъ волненіямъ, созывала и послѣ манчестерскаго дѣла митинги рабочихъ. Подъ руководствомъ адвоката О'Коннора, рабочіе въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ подписали особую хартію, въ которой они требовали не только отмѣны хлѣбныхъ законовъ, но и увеличенія правъ низшаго сословія и допущенія ихъ депутатовъ въ парламентъ. Партія, дѣйствовавшая въ парламентѣ за хартію, получила названіе Хартистовъ и (какъ мы увидимъ ниже) только въ 1846 г., при королевѣ Викторіи, она добилась уничтоженія хлѣбныхъ законовъ и свободной торговли хлѣбомъ.

Эмансипація католиковъ.

Вопросъ объ «эмансипаціи католиковъ» тѣсно связанъ съ такъ называемымъ *Ирландскимъ вопросомъ*. Еще въ средніе вѣка Ирландія была присоединена къ Англіи; но она не могла слиться съ нею, вслѣдствіе огромнаго различія между побѣдителями и побѣжденными по происхожденію, правамъ и обычаямъ. Ирландцы видѣли въ англичанахъ поработителей и питали къ нимъ страшную ненависть, которая усилилась еще болѣе со времени реформаціи. Протестантизмъ, проникнувъ

въ Англію, сдѣлалъ въ ней епископальное ученіе господствующимъ; Ирландія же осталась вѣрною католическому ученію. Съ этихъ поръ бѣдствія Ирландіи увеличились, и новыя религіозныя преслѣдованія туземцовъ-католиковъ болѣе и болѣе усиливали ненависть ирландцевъ къ протестантской Англіи. Въ правленіе Карла II Стюарта изданіемъ въ 1673 г. постановленія, называемаго test-act'омъ, Ирландскіе католики, подобно своимъ единовѣрцамъ въ Англіи, лишены были всѣхъ политическихъ правъ: никто не могъ занимать какой-либо государственной должности въ соединенномъ королевствѣ и быть членомъ парламента, если онъ не признавалъ короля главою церкви, не пріобщался св. таинъ по обряду англиканскому и несоглашался письменнымъ удостовѣреніемъ отвергнуть ученіе католической церкви о пресуществленіи. Англичане-протестанты одни владѣли всею поземельною собственностію въ Ирландіи и жестокимъ обращеніемъ съ островитянами-католиками возбуждали ненависть Ирландцевъ, погруженныхъ въ совершенную нищету. Неестественный церковный порядокъ, вслѣдствіе котораго англиканское протестантское духовенство владѣло всѣми церковными имуществами Ирландіи и пользовалось правомъ собирать десятину съ Ирландцевъ-католиковъ, также увеличивалъ бѣдственное положеніе Ирландцевъ: при всей своей бѣдности они должны были содержать на свой счетъ и католическое духовенство, не получавшее никаково оклада отъ англійскаго правительства. Такія притѣсненія вызвали волненія въ Ирландіи, которая въ правленіе Георга III представляла два враждебныя лагеря. Ирландцы соединились въ тайное общество Риббонистовъ или мужей повязки (Ribbonmen), называвшееся такъ потому, что члены его узнавали другъ друга по бѣлымъ повязкамъ; а Англичане сформировали общество Оранжистовъ (Orangemen) (*), названіе котораго напоминаетъ времена Вильгель-

(*) Названіе Оранжистовъ дано было въ 1-й разъ въ 1689 г. ирланд-

ма III Оранскаго. Борьба между ними первоначально велась съ религіознымъ фанатизмомъ и проявлялась въ страшныхъ взаимныхъ опустошеніяхъ, грабежахъ и тайныхъ убійствахъ. Перевѣсъ въ этой борьбѣ принадлежалъ партіи оранжистовъ, которая, поддерживаемая англійскими войсками, постоянно торжествовала надъ противниками и послѣ каждаго торжества еще съ бо́льшею силою преслѣдовала своихъ враговъ. Ирланцы, убѣжденные, что такимъ путемъ они не достигнутъ желанной цѣли — уравненія правъ съ протестантами — стали дѣйствовать иными средствами. Ирландскій юристъ Даніилъ О'Конелль составилъ «католическое общество», которое, не признавая законнымъ дѣломъ существованіе тайныхъ риббонистскихъ обществъ, стало хлопотать о равноправности ирландскихъ католиковъ съ протестантскими англичанами законными средствами и открыто. И дѣйствительно (какъ мы увидимъ ниже — см. эту же главу), вопросъ объ эмансипаціи католиковъ этимъ путемъ получилъ болѣе благопріятный ходъ и въ 1829 году, послѣ уничтоженія, test-act'а, въ обѣихъ палатахъ парламента былъ принятъ биль объ эмансипаціи католиковъ.

«Гнилыя мѣстечки».

Одновременно съ волненіями въ Ирландіи, и въ самой Англіи происходило сильное движеніе, имѣвшее цѣлью произвести парламентскую реформу, которая бы могла вывести страну изъ ея внутренняго бѣдственнаго состоянія. Въ 1819 году нѣкто Бурдетъ предложилъ въ нижней палатѣ биль о

скимъ протестантамъ, признавшимъ королемъ Англіи Вильгельма III Оранскаго. Такъ называли ихъ ирландскіе католики, оставшіяся вѣрными Якову II Стюарту. Это названіе Оранжистовъ оставалось за протестантами до принятія биля объ эмансипаціи католиковъ (1829). Въ настоящее время партія Оранжистовъ, во главѣ которой стоялъ герцогъ Кумберландскій (впослѣдствіи король Ганноверскій), слилась съ партіею тори; она постоянно оппозируетъ всякой уступкѣ какихъ-либо правъ и привиллегій въ пользу ирландскихъ католиковъ. Въ Бельгіи же Оранжистами называются приверженцы Оранскаго дома, который до 1830 г. (т. е. до отдѣленія Бельгіи) царствовалъ во всѣхъ Нидерландахъ.

реформѣ парламента съ цѣлію поднять упавшее среднее сословіе. Предложеніе его состояло въ томъ, чтобы отнять у такъ называемыхъ *«гнилыхъ мѣстечекъ»* (rotten boroughs) право присылать своихъ депутатовъ въ парламентъ, и предоставить это право большимъ богатымъ городамъ, какъ напр. Манчестеру, Ливерпулю, Бирмингаму и др., которые до сихъ поръ, какъ города новые, не имѣли своихъ представителей въ парламентѣ. Подъ именемъ гнилыхъ мѣстечекъ или бурговъ (boroughs) разумѣлись тѣ мѣстности, которыя когда-то были городами, а въ настоящее время пришли въ совершенный упадокъ и превратились въ бѣдныя деревушки. Но за ними оставалось старинное право посылать своихъ депутатовъ въ парламентъ, право, которымъ пользовались скупившіе эти мѣстечки аристократы. Между тѣмъ лучшіе города всей Англіи не пользовались такимъ правомъ только потому, что они не существовали въ то время, когда даны были эти привиллегіи. Биль Бурдета былъ поддержанъ вигами, требовавшими теперь именно той парламентской реформы, вслѣдствіе которой количество депутатовъ средняго сословія было бы увеличено. Но пока Кастлере и тори стояли въ главѣ парламента, биль о реформѣ встрѣчалъ самое упорное сопротивленіе со стороны аристократовъ, и виги не видали ни малѣйшаго успѣха въ своемъ предпріятіи. Предложеніе виговъ было отринуто нѣсколько разъ. Но угрожающее положеніе народа, который, собираясь въ митинги готовъ былъ поднять революцію и образовалъ уже заговоръ, съ цѣлію истребить всѣхъ торійскихъ министровъ, — вынудили аристократовъ и тори уступить требованію о парламентской реформѣ (см. ниже, періодъ второй). Однако во время царствованія Георга III этотъ вопросъ не былъ оконченъ: онъ растянулся на царствованіе Георга IV, и только въ царствованіе королевы Викторіи окончательно рѣшенъ былъ въ пользу средняго сословія (см. ниже).

Георгъ IV и прогрессивное министерство Каннинга.

По смерти Георга III (январь 1820), на престолъ Англіи вступилъ сынъ его, Георгъ IV (1820 — 1830), носив-

шій, во время болѣзни отца, титулъ принца-регента. Съ новымъ царствованіемъ ни въ внѣшней, ни въ внутренней политикѣ Англіи не произошло никакихъ перемѣнъ. Преданный только удовольствіямъ, новый король, который въ званіи принца регента держалъ сторону оппозиціи, теперь совершенно довѣрился своимъ министрамъ-торіямъ. Онъ началъ свое царствованіе неблаговиднымъ процессомъ о разводѣ съ своею супругою Каролиною, дочерью герцога Брауншвейгскаго Фердинанда. Каролина родилась въ 1768 г. въ Брауншвейгѣ; въ 1796 г. она вышла замужъ за принца Георга Уэльскаго, отъ котораго имѣла дочь Шарлотту. Вслѣдствіе взаимнаго отвращенія, съ самаго брака между супругами мало было согласія. Въ 1814 г. Каролина оставила Англію и мужа и съ тѣхъ поръ странствовала по Европѣ, проводя большую часть времени въ Италіи. Смерть принцессы Шарлотты, бывшей замужемъ за Леопольдомъ Саксенъ-Кобургъ-Готскимъ (впослѣдствіи первый Бельгійскій король), уничтожила и послѣднюю надежду на примиреніе супруговъ. Будучи еще принцемъ-регентомъ Георгъ два раза затѣвалъ процессъ о разводѣ съ Каролиною, но не имѣлъ въ этомъ дѣлѣ успѣха. Теперь, вступивъ на престолъ, онъ не хотѣлъ признать за нею достоинства королевы и, какъ-бы недовольный торжественнымъ пріемомъ, который устроенъ былъ англичанами въ Дуврѣ, Лондонѣ и др. городахъ въ честь возвратившейся королевы, Георгъ пренебрегъ всѣми приличіями, обвинилъ Каролину въ супружеской невѣрности и требовалъ отъ парламента формальнаго противъ нея процесса. Но защита королевы, знаменитымъ англійскимъ адвокатомъ Бругемомъ, доказывавшимъ несправедливость обвиненій и подкупность свидѣтелей со стороны истца, и волненіе народа, питавшаго необычайное расположеніе къ несчастной королевѣ, дали процессу такой опасный оборотъ, что Георгъ IV нашелъ необходимымъ прекратить его. Во время коронаціи въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, когда Каролина потребовала возложенія и на свою голову короны, король распорядился

силою удалить ее изъ церкви. Это было послѣднимъ оскорбленіемъ со стороны ея супруга: убитая горемъ, Каролина черезъ нѣсколько недѣль скончалась (августъ 1821). Несмотря на всѣ запрещенія, погребеніе ея было чрезвычайно торжественно и не обошлось безъ кровопролитія. Въ слѣдующемъ 1822 году кончилъ жизнь и первый министръ Англіи, долголѣтній другъ Георга IV, представитель торіевъ, лордъ Кастлере: въ припадкѣ силина, мучимый подозрительностію, что онъ со всѣхъ сторонъ окруженъ врагами, желающими ему смерти, лордъ самъ лишилъ себя жизни, перерѣзавъ горло перочиннымъ ножемъ (августъ 1822). Смерть лорда Кастлере произвела на короля сильное нравственное потрясеніе: онъ сталъ чуждаться людей и проводилъ все время въ уединеніи. Во главѣ министерства сталъ Георгъ Каннингъ, задачею политической дѣятельности котораго было — сблизиться съ вигами, доставить внутреннее спокойствіе странѣ покровительствомъ либеральной партіи, а извнѣ— возвратить Англіи ея прежнее первенство. Сперва, какъ министръ иностранныхъ дѣлъ, а потомъ (съ 1827 г.) какъ первый министръ и глава министерства, составленнаго изъ виговъ, онъ содѣйствовалъ къ прекращенію волненій въ Ирландіи. Такъ въ 1823 году онъ предложилъ биль объ уничтоженіи test-act'a, но предложеніе его было принято только нижнимъ парламентомъ, а верхній отвергъ. Но это не остановило ирландско-католическаго вопроса, и съ этихъ поръ т. е. съ 1823 года, предложеніе Каннинга было ежегодно повторяемо, пока наконецъ въ министерство герцога Веллингтона въ 1820 году оно не было принято и верхнимъ парламентомъ. Поддерживая въ своей странѣ либеральныя начала, Каннингъ оставался вѣренъ своей политикѣ и по отношенію къ другимъ государствамъ: по его предложенію Англія признала независимость американскихъ колоній отъ Испаніи; изъ этихъ колоній образовались независимыя республики: Мексика, Гватемала, Колумбія, Перу, Чили, Боливія, Парагвай, Урагвай и Лаплата. При немъ Англія измѣ-

Участіе Англіи въ греческомъ вопросѣ.

нила свою политику и по отношенію къ Греческому вопросу. До сихъ поръ Англія, какъ мы уже видѣли, высказывала только частнымъ образомъ свое сочувствіе къ грекамъ, посылая имъ деньги и другія средства для борьбы съ турками; теперь же англійское правительство формально вступилось за грековъ и вошло для этого въ сношеніе съ Россіею, безъ которой рѣшеніе этого вопроса было невозможно. Это соглашеніе съ Россіею въ греческомъ вопросѣ вызвано было отчасти и необходимостію помѣшать исключительному вмѣшательству Россіи въ дѣла Порты. 4 апрѣля 1826 г. герцогъ Веллингтонъ, уполномоченный посолъ Британскаго королевства, подписалъ договоръ съ Россіею (Петербургскій протоколъ), по которому обѣ державы, признавъ независимость Греціи, постановили принудить къ тому и Порту, въ случаѣ нужды, оружіемъ. Прочія великія державы приглашались приступить къ этому союзу. Изъ нихъ только Франція склонилась къ союзу съ Россіею и Англіею: ими былъ подписанъ 6 іюля 1827 Лондонскій трактатъ, имѣвшій ту же цѣль, какъ и Петербургскій протоколъ. Однако Порта отвергла вмѣшательство великихъ державъ въ свои дѣла съ греками: тогда союзный флотъ трехъ государствъ началъ вооруженныя дѣйствія и при Наваринѣ истребилъ флотъ турецко-египетскій. (Дальнѣйшіе факты изъ Греческаго вопроса разсказаны въ главахъ III и V). Вскорѣ послѣ заключенія Лондонскаго трактата, послѣдняго дѣянія Каннинга, этотъ замѣчательный министръ Англіи скончался (августъ 1827). Новое министерство герцога Веллингтона, несмотря на свой торійскій составъ, продолжало политику Каннинга, какъ по отношенію къ вопросу объ эмансипаціи католиковъ, такъ и къ греческому вопросу. Важнѣйшій вопросъ внутренней политики — эмансипація католиковъ — рѣшенъ былъ именно такъ, какъ желалъ этого Каннингъ. Послѣ жаркихъ преній въ верхней палатѣ и послѣ того угрожающаго положенія дѣлъ въ Ирландіи, которыя готовы были обратиться въ кровопролитную междоусобную войну, министерство Веллингтона должно было

согласиться на уничтоженіе test-act'а и допустить въ члены парламента «великаго агитатора» О'Коннеля. Въ 1829 году обѣ палаты приняли биль объ эмансипаціи католиковъ, уничтожили test-act и открыли католикамъ доступъ въ парламентъ. Но Ирландія не успокоилась и продолжала волненія (см. главу XIV). По смерти Георга IV, скончавшагося на слѣдующій годъ послѣ утвержденія эмансипаціи, вступилъ на престолъ, за его бездѣтностію, братъ его, герцогъ Кларенскій, подъ именемъ Вильгельма IV (1830 — 1837), дядя нынѣ царствующей королевы Викторіи.

ГЛАВА VIII.

Франція съ Вѣнскаго конгресса до іюльской революціи.

Послѣ взятія союзниками Парижа и отреченія Наполеона I, былъ заключенъ первый парижскій миръ (30 мая 1814 года), по которому Франція получила въ короли Людовика XVIII (Бурбона), конституціонное устройство и границы 1792 года. Людовикъ XVIII былъ избранъ самимъ народомъ, потому что союзники, и въ особенности императоръ Александръ, желали избѣжать вмѣшательства во внутреннія дѣла завоеванной страны. «Воля и потребности французскаго народа, говорилъ императоръ, однѣ должны опредѣлить правительство и будущую конституцію Франціи.»

Правленіе Людовика XVIII.

До избранія на престолъ, Людовикъ XVIII жилъ въ своемъ помѣстьѣ Гертуэллѣ (близъ Лондона). При поверхностномъ классическомъ образованіи, которое получилъ Людовикъ XVIII, ему нельзя было отказать въ умѣ и добротѣ; но въ немъ не было ни глубины, ни серьезности убѣжденій; притомъ же онъ былъ высокомѣренъ и полонъ предубѣжденія противъ новыхъ идей. Въ апрѣлѣ, онъ оставилъ Гертуэлль, чтобы съ полнымъ королевскимъ блескомъ явиться пе-

редъ французскимъ народомъ. Между тѣмъ братъ его, Карлъ графъ д'Артуа, старался приготовить торжественную встрѣчу королю, и вмѣстѣ съ дворянствомъ и духовенствомъ мечталъ о возстановленіи порядка вещей въ духѣ старой монархіи. Поэтому, тотчасъ, по прибытіи своемъ во Францію, Людовикъ XVIII отвергъ конституцію, составленную «временнымъ правительствомъ» и подтвержденную уже сенатомъ; но, по настоятельному требованію императора Александра, объявившаго конституціонное устройство непремѣннымъ условіемъ реставраціи Бурбоновъ, король долженъ былъ даровать французскому народу такъ называемую «Учредительную хартію». Отъ имени Людовика XVIII былъ обнародованъ манифестъ, гдѣ между прочимъ говорилось, что «король любовью народа призванъ на тронъ своихъ отцовъ», что онъ «мудрости сената обязанъ своимъ возвращеніемъ», и что онъ «даруетъ народу представительную конституцію».

Учредительная хартія.

Послѣ пяти засѣданій, коммиссія, учрежденная для составленія конституціи, представила королю проэктъ «учредительной хартіи», который и былъ имъ утвержденъ. *Учредительная хартія* заключала въ себѣ семь отдѣловъ, съ подраздѣленіемъ каждаго изъ нихъ на нѣсколько статей. *Первый отдѣлъ* опредѣлялъ *«общественное право французовъ»*. Сущность его состояла въ общемъ равенствѣ передъ закономъ, въ правѣ всѣхъ французовъ на всѣ гражданскія и военныя должности, въ обезпеченіи свободы личной, свободы вѣроисповѣданія, печати; въ неприкосновенности собственности, въ уничтоженіи конскрипціи, замѣненной рекрутскимъ наборомъ и т. п. *Второй отдѣлъ* касался *государственнаго устройства*. Власть королевская ограничивалась двумя палатами: пэровъ и депутатовъ, замѣнившими собою прежній сенатъ. Права короля опредѣлены были такъ: «король есть глава государства; онъ повелѣваетъ войскомъ и флотомъ, объявляетъ войну, заключаетъ миръ, союзы и торговые договоры, назначаетъ на всѣ общественныя должности и издаетъ повелѣнія и распоряженія, необходимыя для исполненія законовъ и для

безопасности государства». Королю представлялось, кромѣ того, исключительное право предлагать законы; а палатамъ даровано было право только просить о предложеніи какихъ-либо новыхъ законовъ.

Третій отдѣлъ былъ посвященъ *палатѣ пэровъ*. Король могъ назначать пэровъ въ неопредѣленномъ числѣ пожизненно или съ правомъ наслѣдства. Совѣщанія и засѣданія палаты пэровъ должны быть закрытыми для публики. Кромѣ содѣйствія при составленіи законовъ, пэры имѣли право судить своихъ собственныхъ членовъ и государственныхъ преступниковъ.

Четвертый отдѣлъ заключалъ въ себѣ постановленія о *палатѣ депутатовъ* и ея членовъ. Депутаты избирались на пять лѣтъ, или, другими словами, срокъ законодательной сессіи опредѣленъ былъ въ пять лѣтъ. Въ депутаты могли быть выбраны только тѣ, которые платили 1000 франковъ податей, а избирателями—только тѣ, которые платили 300 франковъ податей. Засѣданія были публичны и гласны. Ежегодно $^1/_5$ депутатовъ оставляетъ палату и замѣщается новыми членами. Палата ежегодно утверждаетъ взиманіе податей. Президентъ палаты назначается королемъ изъ пяти кандидатовъ, избранныхъ депутатами.

Пятый отдѣлъ опредѣлялъ *право, сферу дѣятельности и отвѣтственность министровъ*, избираемыхъ королемъ.

Шестой отдѣлъ поставлялъ основныя начала *судопроизводства* и подтверждалъ несмѣняемость и незамѣняемость судей. Статьями этого отдѣла запрещалось учрежденіе особыхъ судныхъ коммисій и чрезвычайныхъ трибуналовъ.

Седьмой (*послѣдній*) *отдѣлъ* заключалъ въ себѣ постановленія, относящіяся до *награжденія* чинами, орденами и другими знаками отличія.

Дополнительная статья хартіи требовала, чтобы король и его преемники давали *присягу* при своей коронаціи въ соблюденіи конституціи.

Вслѣдъ за обнародованіемъ хартіи послѣдовала присяга

конституціи отъ депутатовъ и пэровъ. Пріемъ, сдѣланный хартіи въ народѣ, былъ лучшимъ доказательствомъ, что она удовлетворяла потребностямъ времени и общественному настроенію: Парижъ съ восторгомъ встрѣтилъ хартію и отпраздновалъ ея появленіе великолѣпными торжествами и увеселеніями. На другой день послѣдовало назначеніе министерства. Въ главѣ его стоялъ дипломатъ, князь Талейранъ, членъ бывшаго временнаго правительства и представитель Франціи на Вѣнскомъ конгрессѣ. Но гораздо больше его значенія въ министерствѣ имѣлъ Блакасъ, другъ короля, который съ нимъ провелъ всѣ годы изгнанія: онъ сдѣлался посредникомъ между королемъ и министрами.

22 іюня (4 іюля 1814 г.) созваны были палаты пэровъ и депутатовъ и король самъ открылъ ихъ засѣданія торжественною рѣчью, которая произвела довольно благопріятное впечатлѣніе. Занятія палатъ шли чрезвычайно медленно и неуспѣшно, вѣроятно потому, что члены ея и министры королевскіе отвыкли отъ формы парламентскихъ совѣщаній. Раньше всѣхъ другихъ вопросовъ предложенъ былъ палатѣ депутатовъ на обсужденіе *проэктъ закона о печати.* Находя весьма вреднымъ свободу печати по ея вліянію на умы, правительство предложило обременительные денежные штрафы за нарушеніе цензуры. Пренія объ этомъ вопросѣ вызвали взрывы негодованія и подали депутатамъ поводъ недовѣрять правительству въ искреннемъ исполненіи хартіи. Шумъ и крики въ палатѣ доходили до того, что только присутствіемъ войска можно было возстановить порядокъ и принудить палату къ принятію предложеннаго проэкта. *Обсужденіе финансоваго бюджета* сопровождалось тѣми же явленіями въ палатѣ. Желая вознаградить эмигрантовъ, возвратившихся во Францію съ реставраціею Бурбоновъ, правительство предложило удовлетворить понесенныя ими потери отнятіемъ у новыхъ владѣльцевъ ихъ поземельныхъ участковъ. Надо при этомъ припомнить, что во время революціи земли эмигрантовъ и духовенства были

обращены въ національныя имущества и для пополненія финансовъ были распроданы новымъ владѣльцамъ. Попытка правительства возстановить католичество во всей его обрядности и отдать преимущество этому вѣроисповѣданію передъ другими, также вызывала неудовольствія въ палатахъ, какъ прямое нарушеніе хартіи, подтвердившей свободу совѣсти. Такимъ образомъ, стремленіе правительства возстановить прежній порядокъ вещей нарушеніемъ хартіи, вооружало противъ него приверженцевъ конституціи, желавшихъ развитія хартіи. Послѣдніе слились въ такъ называемую *либеральную партію* или *партію оппозиціи*, во главѣ которой былъ герцогъ Орлеанскій Луи-Филиппъ. Его дворецъ (Пале-Рояль) служилъ центромъ недовольныхъ правительственными распоряженіями. Самъ Людовикъ XVIII вполнѣ сознавалъ гибельное вліяніе такого образа дѣйствій и старался примирить старыхъ приверженцевъ своей династіи съ людьми новаго времени нѣкоторыми уступками либеральной партіи. Но эти уступки не могли понравиться брату его, Карлу д'Артуа, около котораго группировались старое дворянство и духовенство, смотрѣвшія на хартію, какъ на униженіе королевскаго достоинства. Изъ нихъ образовалась *партія ультророялистовъ* (какъ назвалъ ее Фуше), собиравшаяся на совѣщанія во дворецъ графа д'Артуа (павильонъ Марсанъ). Такъ началась борьба между либералами и ультро-роялистами, борьба, которая сопровождалась самыми разнообразными заговорами съ политическимъ характеромъ противъ короля. Одни стремились къ низверженію Людовика XVIII и хотѣли ввести неограниченное монархическое правленіе; другіе имѣли въ виду осуществленіе самыхъ либеральныхъ началъ въ лицѣ Луи-Филиппа; наконецъ, бывшая королева Голландская, Гортензія Богарне, супруга брата Наполеона I, составила заговоръ съ цѣлію возвратить Наполеону I императорскую власть. Всѣ они расчитывали найти поддержку своимъ замысламъ во множествѣ недовольныхъ новою организаціею войска. Около шестнадцати тысячъ наполеоновскихъ офицеровъ и еще боль-

Ультророялисты и либералы; борьба этихъ партій

шее число солдатъ получили отставку, когда старая армія была распущена и замѣнена новою въ значительно меньшемъ составѣ; отставленные роптали на правительство и распространяли неудовольствіе въ народѣ противъ короля.

Этими безпорядками и нерасположеніемъ народа къ Людовику XVIII съ успѣхомъ съумѣлъ воспользоваться Наполеонъ. Онъ бѣжалъ съ о. Эльбы, высадился въ Каннѣ, и въ три недѣли достигъ Парижа. Король распустилъ обѣ палаты и удалился въ Бельгію. Наполеонъ вторично вступилъ на престолъ (cent jours) и сталъ готовиться къ борьбѣ съ союзниками (компанія 1815 г.). Сраженіе при Ватерлоо (6 (18) іюня) окончательно рѣшило судьбу изгнанника: здѣсь онъ былъ разбитъ и вторично долженъ былъ отказаться отъ престола. «Моя политическая жизнь кончена и я провозглашаю моего сына Наполеона II императоромъ французовъ». Этими словами оканчивалъ Наполеонъ свое заявленіе Европѣ о новомъ отреченіи отъ престола. Онъ былъ отправленъ на о. св. Елены, гдѣ и окончилъ свою жизнь (въ маѣ 1821 г.).

Временное правительство, образовавшееся подъ предсѣдательствомъ Фуше, послѣ вторичнаго отреченія Наполеона, было поставлено въ большое затрудненіе: ему предстояло вести переговоры съ союзными монархами, а между тѣмъ главы государства не было. Оно признало сына Наполеона императоромъ Франціи подъ именемъ Наполеона II и отправило къ союзникамъ посольство, которому поручалось вести переговоры и дѣйствовать противъ Бурбоновъ. Но союзники, вѣрные однажды постановленному рѣшенію, отказались входить въ переговоры съ временнымъ правительствомъ, заняли своими войсками Парижъ и возстановили на престолѣ Людовика XVIII. Между тѣмъ король уже находился во Франціи и издалъ воззваніе къ народу, гдѣ онъ клялся точно исполнять подписанную имъ хартію и заботиться о дальнѣйшемъ ея развитіи; обѣщалъ съ своей стороны прощеніе за сочувствіе къ Наполеону и предоставлялъ обѣимъ палатамъ распорядиться наказаніемъ главныхъ зачинщиковъ возстанія.

8 іюля (26 іюня) Людовикъ XVIII вторично въѣзжалъ королемъ въ Парижъ, который съ тѣмъ же восторгомъ и радостью встрѣчалъ короля, какъ и въ первый разъ.

Первымъ дѣломъ правительства, послѣ второй реставраціи, было опредѣленіе мирныхъ условій съ союзниками. Послѣ долгихъ переговоровъ, 8 (20) ноября 1815 г. былъ подписанъ трактатъ *втораго Парижскаго мира.* Франція сохранила тѣ границы, какія она имѣла въ 1792 г., съ небольшими только ограниченіями; кромѣ того, она обязывалась уплатить союзникамъ 700 милліоновъ франковъ контрибуціи въ теченіи пяти лѣтъ и содержать въ своихъ сѣверныхъ и восточныхъ крѣпостяхъ въ теченіи этого срока 150 тысячъ союзнаго войска (ввѣреннаго начальству герцога Веллингтона, получившаго титулъ фельдмаршала соединенной арміи). Переговоры съ союзниками велъ уже не Талейранъ, сдѣланный теперь «великимъ камергеромъ» короля, а замѣнившій его министръ иностранныхъ дѣлъ, *герцогъ Ришелье* (*), который былъ рекомендованъ Людовику XVIII императоромъ Александромъ. Вмѣстѣ съ Тайлераномъ оставилъ министерство и Фуше, начальникъ полиціи; его замѣнилъ Деказъ. Палаты вновь были созваны въ томъ видѣ, какой былъ указанъ въ учредительной хартіи 1814 года. Палата депутатовъ (или вторая па-

(*) Герцогъ Ришелье (Арманъ-Эммануэль дю Плесси) былъ праправнукъ по женской линіи знаменитаго министра Людовика XIII, кардинала Ришелье. Въ 1789 г. онъ эмигрировалъ въ Россію, поступилъ въ военную службу и участвовалъ подъ начальствомъ Суворова во второй Турецкой войнѣ. При императорѣ Александрѣ, который зналъ его лично, онъ сдѣланъ былъ въ 1803 г. губернаторомъ Одессы, а потомъ и всего Новороссійскаго края; онъ много содѣйствовалъ благосостоянію этого края основаніемъ Ришельевскаго лицея (нынѣ Новороссійскій университетъ). По возвращеніи во Францію онъ сдѣлался министромъ иностранныхъ дѣлъ и президентомъ совѣта (1814). На этомъ поприщѣ онъ пользовался такою популярностью, что палаты поднесли ему въ подарокъ 50 тысячъ франковъ ежегоднаго доходу; но онъ отказался отъ приношенія, прося употребить эти деньги на сооруженіе госпиталя въ г. Бордо. Онъ умеръ 1822 г.

лата) въ теперешнемъ составѣ была переполнена приверженцами ультро-роялистскаго направленія.—Это—были дворяне, эмигранты, клерикалы, вообще сторонники графа д'Артуа, подозрѣвавшіе самаго короля въ либерализмѣ. Неудивительно, что палата при такомъ составѣ умѣла провести нѣсколько новыхъ постановленій, противурѣчившихъ основаніямъ хартіи. Такъ изданъ былъ законъ, дававшій полиціи безграничную власть въ арестованіи, законъ о наказаніяхъ противъ возмутительныхъ возгласовъ и наконецъ, вопреки хартіи, въ каждомъ департаментѣ учреждены были такъ называемые превотальные суды надъ политическими преступниками. Такое преобладаніе ультра-роялистовъ подготовило цѣлый рядъ бѣдствій по всей Франціи, извѣстныхъ въ это время подъ названіемъ «*бѣлаго террора*». Воспользовавшись предложеніемъ короля отыскать и распорядиться съ главными виновниками стодневнаго владычества Наполеона, палата составила списокъ въ 100 человѣкъ бонапартистовъ и приговорила ихъ къ смертной казни, какъ государственныхъ преступниковъ. Первыми жертвами бѣлаго террора были: маршалъ Ней и генералъ Лабедойеръ: они были разстрѣляны. Преслѣдованіе бонапартистовъ быстро перешло изъ Парижа въ провинціи: такъ въ Марсели были разрушены дома бонапартистовъ и вырѣзана колонія азіатцевъ, которая поселилась тутъ 15 лѣтъ тому назадъ, придя съ возвратившимся изъ Сиріи и Египта французскимъ войскомъ; въ Авиньонѣ былъ умерщвленъ маршалъ Брюнъ; въ Тулузѣ погибъ Наполеоновскій генералъ Ромель; число арестованныхъ доходило до 10 тысячъ. Въ началѣ король былъ чрезвычайно доволенъ дѣйствіями палатъ, но когда члены палаты довели дѣла до кровопролитія, король приказалъ закрыть палаты.

Но черезъ нѣсколько недѣль созваны были новыя палаты. Онѣ дѣйствовали въ духѣ короля: законъ о личной свободѣ былъ смягченъ; печать была освобождена отъ нѣкоторыхъ стѣсненій. Эти распоряженія ободрили приверженцевъ хартіи и подорвали нѣсколько значеніе и вліяніе графа д'Артуа и

ультра-роялистовъ. Въ это время, по ходатайству герцога Ришелье, союзники согласились вывести свои войска изъ французскихъ крѣпостей и сбавить контрибуцію съ 700 милліоновъ франковъ на 265. Несмотря однако на такія громадныя заслуги герцога, онъ былъ удаленъ изъ министерства, какъ сторонникъ ультра-роялистовъ (1818). Президентомъ совѣта министровъ сдѣлался *Деказъ*, которому поручено было и составленіе новаго министерства. Палата пэровъ выразила свое неудовольствіе по поводу назначенія новаго президента (бывшаго бонапартиста). Тогда король назначилъ 60 новыхъ пэровъ и тѣмъ остановилъ оппозицію первой палаты. При новомъ министерствѣ печать получила нѣкоторыя новыя льготы: цензура установлена была только надъ газетами (которыя выходили въ большомъ числѣ и сдѣлались выраженіемъ общественнаго мнѣнія; это время было самою цвѣтущею эпохою періодической прессы; самъ король помѣстилъ въ газетахъ нѣсколько статей, въ которыхъ онъ доказывалъ необходимость своихъ тогдашнихъ распоряженій). Карлъ д'Артуа и ультра-роялисты старались подорвать довѣріе короля къ либераламъ, представляя ихъ злоумышленниками и революціонерами. Добродушный Людовикъ колебался подъ двумя вліяніями, какъ вдругъ неожиданное событіе склонило его окончательно на сторону ультра-роялистовъ, 1 (13) февраля 1820 г. герцогъ Беррійскій, второй сынъ графа д'Артуа, былъ умерщвленъ при выходѣ изъ театра фанатикомъ Лувелемъ. Убійца совершилъ преступленіе изъ ненависти къ Бурбонамъ, въ надеждѣ уничтожить всю династію, продолженія которой ожидали единственно отъ герцога Беррійскаго. Несмотря на то, что по слѣдствію оказалось, что убійца дѣйствовалъ только изъ личнаго фанатизма, безъ сообщниковъ, однако ультра-роялисты воспользовались этимъ, чтобы низвергнуть либеральное министерство Деказа. Король согласился на его удаленіе, давъ ему герцогскій титулъ и мѣсто посланника въ Лондонѣ. Герцогъ Ришелье снова сталъ во главѣ министерства, которое и побудило палаты измѣнить

законъ о выборахъ (теперь избирательнымъ правомъ пользовались только владѣльцы недвижимыхъ имуществъ, т. е. дворянство), ввести снова цензуру и прежнія ограниченія личной свободы. Либеральная партія громко жаловалась, что всей націи приходится быть наказанной за безумный поступокъ одного фанатика. Никогда еще пренія палаты не были такъ бурны, какъ лѣтомъ 1820 года: въ палатѣ съ ожесточеніемъ боролись ясно обозначавшіеся два враждебные лагеря: либераловъ и ультра-роялистовъ; во главѣ либераловъ стояли: Ройе-Коляръ, Казиміръ Перье и генералъ Фуа; на сторонѣ ультра-роялистовъ стояли: Виллель, Лабурдоне, Лене и Серръ. Несмотря на упорныя противудѣйствія оппозиціи, проэкты законовъ были приняты большинствомъ голосовъ какъ въ палатѣ депутатовъ, такъ и перовъ. Иностранная политика Франціи также волновала французовъ, которымъ казалось, что національная честь Франціи унижена: по поводу Итальянскихъ возмущеній, три сѣверныя державы одобрили на Тропауско-Лайбахскомъ конгрессѣ военное занятіе австрійцами Неаполя и Піемонта, безъ всякаго участія въ этомъ вопросѣ Франціи. При такихъ обстоятельствахъ дряхлый Людовикъ XVIII совершенно потерялъ энергію и довѣрилъ всю власть свою графу д'Артуа. Понятно, что герцогъ Ришелье могъ теперь показаться слишкомъ умѣреннымъ, и министерство его пало (Декабрь 1822 г.).

Новое министерство, во главѣ котораго стоялъ *Виллель*, самый способный изъ всѣхъ министровъ Людовика XVIII, было крайне-ультрароялистскаго характера. Виллель началъ свою службу морскимъ офицеромъ; время революціи и первые года имперіи онъ провелъ въ Новомъ Свѣтѣ, занимая довольно значительный административный постъ на о. Бурбонѣ. Въ 1807 году онъ возвратился на родину (близь Тулузы) и посвятилъ себя земледѣлію. Во время первой реставраціи онъ снова вступилъ въ службу, гдѣ вся дѣятельность его была направлена на возстановленіе прежняго значенія королевской власти. Безъ происхожденія, безъ наружныхъ

достоинствъ, Виллель въ короткое время достигъ того, что партія ультра-роялистовъ признала его своимъ парламентскимъ главою. Оппозиція, безсильная бороться съ своими противниками явнымъ образомъ, укрылась на время въ тайныхъ обществахъ; таковы были: «Рыцари свободы», «Французскіе карбонари», «Управляющій комитетъ» (comité directeur), и подъ тайнымъ предводительствомъ Лафайэтта, престарѣлаго героя революціи, угрожала правительству низверженіемъ королевской власти. Однако правительство скоро обнаружило намѣренія революціонеровъ и строгимъ наказаніемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ разрушило ихъ замыслы. Общественное мнѣніе, недовольное безучастіемъ правительства въ дѣлахъ внѣшней политики, успокоилось въ министерство Виллеля, когда Франціи довелось сыграть важную роль. Революціонныя движенія въ Испаніи вызвали уполномоченныхъ отъ великихъ державъ на конгрессъ въ Веронѣ (см. гл. II). Отъ Франціи былъ отправленъ герцогъ Монморанси и Шатобріанъ. Король и министръ желали возстановленія королевской власти въ Испаніи, но, за недостаткомъ финансовъ, поручили своимъ уполномоченнымъ дѣйствовать противъ вооруженнаго вмѣшательства въ дѣла Испаніи. Но такъ какъ Монморанси и его товарищъ считали войну неизбѣжною и выгодною для Франціи, то они преступили данныя имъ инструкціи и, по рѣшенію конгресса, Франціи поручено было объявить войну Испаніи и вооруженною силою остановить успѣхъ революціи. Въ началѣ апрѣля 1823 г., французское войско подъ начальствомъ герцога Ангулемскаго (племянникъ короля, старшій сынъ Карла д'Артуа) перешло границу и почти безпрепятственно достигло Мадрита. Въ маѣ войска заняли столицу. Взятіе Кадикса, освобожденіе изъ плѣна короля Фердинанда VII и наконецъ осада и занятіе крѣпости Аликанте, послѣдняго притона революціонеровъ, покончили войну. Уже въ ноябрѣ герцогъ Ангулемскій возвратился съ торжествомъ, какъ герой и побѣдитель, въ Парижъ. Походъ въ Испанію имѣлъ самыя невыгодныя послѣдствія для Франціи: значеніе ея въ внѣшней

политикѣ увеличилось очень немногимъ, финансы (100 мил. франковъ) были растрачены; единственную ощутительную пользу война эта принесла тѣмъ, что благопріятно подѣйствовала на настроеніе и духъ войска — это были первыя побѣды послѣ пораженій съ 1812 по 1815 годъ.

Высокомѣріе ультра-раялистовъ, приписывавшихъ себѣ успѣхи французскаго оружія въ Испаніи, усилилось еще болѣе, когда Людовикъ XVIII, разбитый параличемъ и приближавшійся уже къ своему концу, окончательно передалъ власть брату. Всѣ распоряженія Карла д'Артуа были крайне-ультра-роялистскаго характера: школы были подчинены надзору духовенства и переданы въ вѣдѣніе монашескаго общества (fréres de l'ecole chrétienne); свобода прессы была совершенно уничтожена; выборы въ палаты произведены были подъ присмотромъ правительственныхъ префектовъ, срокъ военной службы былъ увеличенъ съ 6 на 8 лѣтъ.

Начало правленія Карла X.

5 (17) сентября 1824 г. Людовикъ XVIII скончался и на престолъ вступилъ братъ его, графъ д'Артуа, подъ именемъ Карла X (1824 — 1830). Новый король такими словами встрѣтилъ членовъ обѣихъ палатъ: «какъ подданный, я принесъ уже присягу хартіи; какъ король, я употреблю всю мою власть, чтобы, для блага моего народа, утвердить конституцію, которой я присягалъ». Эти слова короля, амнистія политическимъ преступникамъ и отмѣна цензуры произвели отрадное впечатлѣніе не только на массу народа, но даже и на либераловъ. Но дальнѣйшія распоряженія новаго правительства ясно показали, что Карлъ X не только не измѣнилъ своему прошедшему ультра-роялистскому характеру, но даже дошелъ до самыхъ крайнихъ предѣловъ ультра-роялизма. Теперь онъ не скрывалъ своего намѣренія утвердить престолъ на церкви и аристократіи, а не на среднемъ сословіи, какъ предполагалъ это его предшественникъ. Слѣдствіемъ такихъ намѣреній былъ цѣлый рядъ постановленій, имѣвшихъ цѣлію вознаградить эмигрантовъ, изъ которыхъ могло образоваться преданное королевской власти дворянство. Съ такимъ же

усердіемъ хлопоталъ Карлъ X о возвышеніи духовенства, и покровительствовалъ іезуитамъ. Все его царствованіе было временемъ борьбы съ партіею либераловъ. Борьба эта окончилась іюльскою революціею, которая низвергла Карла X съ престола и навсегда лишила Бурбоновъ французской короны.

Внутренн. политика

Въ палатахъ, открытыхъ самимъ королемъ, былъ предложенъ проектъ о вознагражденіи эмигрантовъ за имущества, потерянныя ими во время революціи. Чтобы найти къ тому средства, король удалилъ въ отставку около 200 старыхъ генераловъ временъ республики и имперіи, а Виллель понизилъ проценты государственнаго долга съ 5 на 3. Послѣ долгихъ совѣщаній проектъ о вознагражденіи эмигрантовъ былъ принятъ, и Франціи приходилось уплатить эмигрантамъ 1,000 милліоновъ франковъ (одинъ милліардъ). При помощи короля, и духовенство успѣло выхлопотать законъ «о святотатствѣ», по которому опредѣлялись самыя строгія наказанія за малѣйшіе противъ церкви проступки. Іезуиты, изгнанные изъ Франціи въ концѣ XVIII ст. и пребывавшіе въ ней тайнымъ образомъ, получили теперь право открытаго существованія.

Карлъ X не считалъ своей короны священною до совершенія обряда коронованія въ г. Реймсѣ, по примѣру прежнихъ королей Франціи. Къ концу мая 1825 г. собрались въ Реймсѣ всѣ высшіе сановники гражданскіе, военные и духовные. Иностранныя державы, почти всѣ, отправили сюда пышныя и богатыя посольства. Король помазанъ былъ св. мѵромъ, которымъ помазывались и древніе короли со временъ Хлодвига. Священный сосудъ съ мѵромъ былъ разбитъ по приказанію національнаго конвента 30 лѣтъ тому назадъ; но одинъ монахъ спасъ осколокъ разбитаго сосуда и нѣсколько капель сохранившагося на немъ елея. При коронаціи были выполнены всѣ древніе обычаи.

Несмотря на амнистію, объявленную по случаю коронаціи, умы находились въ тревожномъ состояніи: для французовъ, выросшихъ въ правилахъ революціи и привыкшихъ къ

гражданскому равенству, было всего неспоснѣе подчиниться вліянію духовенства и еще болѣе обществу іезуитовъ (конгрегація). Партія либераловъ и даже нѣкоторые роялисты открыто заговорили въ журналахъ противъ іезуитовъ, называя конгрегацію обществомъ вреднымъ для государства, правительства и самой религіи. Съ помощію періодической прессы на сторону ихъ перешло и общественное мнѣніе, неудовольствіе котораго противъ такихъ распоряженій правительства выразилось по поводу похоронъ генерала Фуа. Болѣе 100 тыс. человѣкъ провожало гробъ этого любимца либеральной партіи, а въ пользу его вдовы въ короткое время было собрано добровольными приношеніями до милліона франковъ. Это, повидимому незначущее обстоятельство, удостовѣрило либеральную партію въ ея силахъ и расположеніи къ ней массы столичнаго населенія, и она отважилась теперь на самое рѣшительное противудѣйствіе. Во вновь открытыхъ въ 1826 году палатахъ, оппозиція отстояла вопросъ о независимости отъ Франціи острова Гаити. Великолѣпною иллюминаціею праздновалъ Парижъ побѣду палатъ надъ министерствомъ. Затѣмъ началась борьба оппозиціи съ духовенствомъ и іезуитами. Графъ Монлозье представилъ правительству записку, въ которой доказывалъ незаконность существованія іезуитовъ во Франціи. Королевскій верховный судъ назначилъ коммиссію для формальнаго изслѣдованія дѣла и приговоръ суда состоялся, къ радости оппозиціи, не въ пользу іезуитовъ: послѣднимъ было отказано въ мѣстопребываніи во Франціи подъ какимъ бы то ни было названіемъ. Несмотря однако на эти рѣшенія — въ духѣ оппозиціи, журнальныя и газетныя статьи не переставали воспламенять ненависть къ духовенству и іезуитамъ. Чтобы обуздать оппозицію, король велѣлъ составить и внести въ палаты законъ, по которому всякое нарушеніе правилъ цензуры подвергалось строгому наказанію и по которому, въ особенности, клевета противъ церковныхъ и правительственныхъ интересовъ принималась за преступленіе. Палата депутатовъ долго

колебалась въ утвержденіи этого закона, но всетаки, несмотря на энергическую рѣчь члена Ройе-Коляра, предсказывавшаго гибельныя послѣдствія отъ этой мѣры, законъ былъ принятъ большинствомъ голосовъ. Вся надежда оппозиціи опиралась теперь на палату пэровъ, куда перешло обсужденіе этого закона. Пэры готовы были отвергнуть законъ о печати, какъ вдругъ министерство взяло свой проэктъ назадъ. Принужденная отмѣна закона не была поставлена общественнымъ мнѣніемъ въ заслугу королю. На смотру національной гвардіи (23 апр. 1827) Карлъ X слышалъ въ ея рядахъ не только восклицанія «да здравствуетъ король», но и крики «долой министровъ, прочь іезуитовъ». По поводу этихъ происшествій поспѣшно былъ созванъ совѣтъ министровъ и въ тотъ же день король подписалъ указъ о распущеніи національной гвардіи. Однимъ этимъ указомъ король увеличилъ число недовольныхъ своимъ правительствомъ на 20 тыс. человѣкъ, которые свое неудовольствіе разнесли по всей столицѣ и ея окрестностямъ. Многіе старались представить королю министерство Виллеля причиною нерасположенія къ нему народа, но Карлъ X объяснялъ подобныя старанія завистью къ его первому министру, и еще внимательнѣе слушалъ его совѣты. Такъ черезъ два дня послѣ распущенія національной гвардіи, король, помимо палатъ, издалъ декретъ о введеніи цензуры и увеличилъ палату пэровъ назначеніемъ 80-ти новыхъ членовъ, между которыми нѣсколько было епископовъ. Такія крайнія мѣры заставили нѣкоторыхъ ультра-роялистовъ, враждебныхъ духовенству, перейти на сторону оппозиціи, которая, слившись съ частью ультра-роялистовъ, получила названіе *«конституціонной оппозиціи»*. Новые выборы, назначенные королемъ для палаты депутатовъ, сопровождались большимъ безпокойствомъ и шумомъ, и кончились въ пользу оппозиціи, среди которой оказалось такое большинство голосовъ, что министры со своимъ главою Виллемъ должны были выйти въ отставку (янв. 1828 г.).

Президентомъ новаго министерства сдѣлался Мартиньякъ.

Хотя онъ и принадлежалъ къ сторонѣ ультра-роялистовъ, однако никогда не сочувствовалъ крайнимъ мѣрамъ, и былъ склоненъ къ уступкамъ. Іезуиты должны были закрыть свои коллегіи и удалиться въ Италію и Швейцарію; у духовенства отнято было исключительное вліяніе на школы и образованіе. Кромѣ того, Мартиньякъ старался провести въ палатахъ законъ, по которому представители общинъ, округовъ и департаментовъ выбирались бы на будущее время не правительствомъ, а самими гражданами. Обсужденіе этого вопроса породило такія шумныя пренія, что министръ взялъ, по желанію короля, свой проэктъ назадъ. Карлъ X былъ недоволенъ Мартиньякомъ за уступки, сдѣланныя оппозиціи, и называлъ ихъ «слабостью, которая можетъ легко повести за собою революцію». Король хотѣлъ положить конецъ уступкамъ и подавить оппозицію. Въ концѣ іюня 1829 года Мартиньякъ и его министры были отставлены, а въ августѣ было составлено новое министерство, во главѣ котораго стоялъ министръ иностранныхъ дѣлъ — *князь Юлій Полиньякъ*, человѣкъ ограниченныхъ способностей, но за то безусловно преданный крайнему ультра-роялизму. Назначеніе Полиньяка было встрѣчено какъ объявленіе войны противъ либеральной партіи и конституціи. При открытіи засѣданій палатъ (мартъ 1830 г.), король въ своей тронной рѣчи выразилъ надежду, что Франція довѣряетъ его намѣреніямъ и не увлечется тѣми злоумышленниками, которые дѣлаютъ ихъ подозрительными. Тутъ же онъ упомянулъ, что у него достанетъ силъ преодолѣть всѣ препятствія и преступные замыслы оппозиціи. Рѣчь короля была встрѣчена холодно. Отвѣтный адресъ палаты на тронную рѣчь былъ наполненъ упреками за высказанныя угрозы и заключалъ въ себѣ отказъ палаты отъ содѣйствія министерству. Король спокойно выслушалъ адресъ и съ достоинствомъ отвѣчалъ на него слѣдующими словами: «Я имѣлъ право надѣяться на содѣйствіе палатъ къ выполненію всѣхъ моихъ благихъ намѣреній. Сокрушаюсь сердцемъ, слыша, что вы отказываетесь отъ этого содѣйствія.

Но мои намѣренія непреклонны: благо народа требуетъ, чтобы я не уклонялся отъ нихъ». На слѣдующій день засѣданія палатъ были закрыты.

Успѣхи французскаго ж... въ Ал... рѣ.

Чтобы чѣмъ-нибудь отвлечь общее вниманіе отъ запутанныхъ дѣлъ внутренней политики, правительство объявило экспедицію противъ Алжирскаго дея. Еще въ XVI ст. образовались на сѣверномъ берегу Африки мусульманскія государства, занимавшіяся пиратствомъ на Средиземномъ морѣ. Опустошая берега европейскихъ государствъ этой мѣстности, они тысячами уводили христіанъ въ плѣнъ и много мѣшали морской торговлѣ. Чтобы обезпечить плаваніе своимъ кораблямъ по Средиземному морю, европейскія правительства заключали трактаты съ варварійскими владѣтелями и уплачивали имъ значительныя суммы. Въ 1816 году англичане удачною высадкою въ Алжирѣ выговорили у Алжирскаго дея свободное плаваніе для своихъ кораблей; но флаги другихъ державъ оставались необезпеченными.

Еще со времени Наполеона I, Франція оставалась должною Алжирскому дею 7 милліоновъ франковъ. Дей Гуссейнъ нѣсколько разъ напоминалъ черезъ французскаго консула о долгѣ, но не получивъ уплаты, написалъ письмо лично къ Карлу X. Отвѣта на письмо не послѣдовало, и когда на вопросъ дея о причинѣ молчанія короля, консулъ (Дюваль) сказалъ, что король Франціи не ведетъ переписки съ Алжирскимъ деемъ, — Гуссейнъ вскочилъ съ дивана и ударилъ консула опахаломъ. Французское правительство отозвало консула и объявило манифестъ объ экспедиціи въ Алжиръ. Война началась собственно въ 1827 г., но велась безъ серьезныхъ послѣдствій. Въ 1829 году возобновлены были переговоры съ деемъ: туда посланъ былъ на линейномъ кораблѣ, въ качествѣ парламентера, генералъ Лабретоньеръ. Дей отвѣчалъ, что у него есть пушки и порохъ, и въ доказательство велѣлъ стрѣлять по кораблю. Такое нарушеніе международнаго права не могло остаться безнаказаннымъ. Полиньякъ обратился было къ египетскому вице-королю Махмеду-Али и

склонилъ его за 10 мил. франковъ субсидій отъ Франціи овладѣть Алжиромъ, но Порта разстроила эти переговоры.

Только въ 1830 г. Франція начала войну противъ Алжира. Главнокомандующимъ войсками былъ назначенъ генералъ Бурмонъ. Болѣе 100 военныхъ судовъ съ 27 тыс. матросовъ и 37 тыс. десантнаго войска вышли изъ Тулона, и въ концѣ мая войска высадились въ трехъ миляхъ отъ города. Одна изъ 3-хъ дивизій Бурмона, подъ командою генерала Бертезна, двинулась къ равнинѣ Стауэли, гдѣ непріятель расположился лагеремъ въ числѣ 50 тыс. человѣкъ. Неуспѣли французы дойти до назначеннаго мѣста, какъ Алжирскій главнокомандующій Ибрагимъ (зять дея) напалъ на нихъ, но былъ разбитъ на голову и весь лагерь его достался побѣдителямъ. Послѣ трудныхъ переходовъ черезъ гористую мѣстность, французы достигли города Алжира и осадили главное укрѣпленіе его, такъ называемый «замокъ императора». Окруженный толстою стѣною съ 120 орудіями, онъ считался у туземцевъ неприступною крѣпостію. Поставивъ противъ него четыре батареи съ 26 орудіями, утромъ 22 іюня (4 іюля) французы открыли огонь по укрѣпленіямъ и къ полудню взяли замокъ. Опасаясь за столицу, Гуссейнъ сдалъ городъ на капитуляцію, по которой французы получили 48 мил. франковъ деньгами, 1500 орудій и всѣ запасы и товары на сумму 11 мил. франковъ, а дею позволено было выѣхать съ своимъ частнымъ имуществомъ въ Неаполь.

Пять королевскихъ ордонансовъ.

Борьба партій между тѣмъ не прекращалась: новые выборы въ палату депутатовъ состоялись не въ пользу правительства; Парижъ волновался тревожными слухами и холодно встрѣтилъ возвратившіяся изъ похода войска; частые пожары и слухи о поджигательствѣ приводили толпу въ движеніе. При такихъ обстоятельствахъ, правительство должно было на что нибудь рѣшиться. Въ воскресенье 13 (25) іюля король пригласилъ всѣхъ министровъ и герцога Ангулемскаго на совѣтъ въ Сенъ-Клу, чтобы обсудить мѣры дѣйствій противъ оппозиціи. На основаніи 14 статьи хартіи, въ ко-

торой сказано, что «король въ правѣ для безопасности государства издать необходимыя для того повелѣнія», рѣшено было обнародовать пять королевскихъ ордоннансовъ (повелѣній). На другой день «Монитеръ» напечаталъ эти пять ордоннансовъ. Первый ордоннансъ уничтожалъ свободу тисненія и на мѣсто ея вводилъ цензуру, безъ которой ни одинъ журналъ не могъ выдти въ свѣтъ; второй — предписывалъ распущеніе палаты депутатовъ; третій — измѣнялъ законъ о выборахъ, значительно уменьшивъ число депутатовъ; четвертый — сзывалъ составленную, по новому положенію, палату къ сентябрю; пятый — назначалъ маршала Мармона главнокомандующимъ войсками Парижа. Этими пятью ордоннансами, измѣнившими существенныя основанія хартіи, были вызваны страшныя безпорядки и волненія, породившія такъ называемую «іюльскую революцію».

Родословная таблица дома Бурбоновъ.

Внуки Людовика XV.

Людовикъ XVI † 1793 въ супр. съ Мар. Антуанеттой.	Людовикъ XVIII † 1824 графъ Прованскій.	Карлъ X † 1836 графъ д'Артуа.	
Людовикъ (XVII) † 1795	Марія-Тереза † 1851 супруга герц. Ангулемскаго	Людовикъ, герцогъ Ангулемскій † 1844.	Карлъ гер. Беррійскій убитъ † 1820
			Генрихъ V, гер. Бордосскій (графъ Шамборъ).

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ.

(1830 — 1848 г.).

ОТЪ ІЮЛЬСКОЙ ДО ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

2-й ПЕРІОДЪ (1830—1848 г.).

Отъ іюльской до февральской революціи.

ГЛАВА IX.

Общій обзоръ событій 2-го періода.

Іюльская революція — 1830 года измѣнила политическія отношенія между государствами и вообще положеніе Европы.

До 1830 года политическій порядокъ основывался на Вѣнскомъ трактатѣ и условіяхъ священнаго союза; великія державы дѣйствовали единодушно и подавляли революціонныя движенія. Иногда только Англія, во имя принципа невмѣшательства, отклонялась отъ рѣшеній конгресса, но никогда не противодѣйствовала великимъ державамъ въ ихъ политическихъ правилахъ. Единодушное согласіе между пятью великими державами было нарушено только однажды, когда Австрія въ Греческомъ вопросѣ приняла сторону Порты и сттралась пособить ей во время турецко-русской войны.

Іюльская революція раздѣлила европейскія государства на двѣ группы: на *монархическій востокъ*, состоявшій изъ Россіи, Австріи и Пруссіи, и *конституціонный западъ*, гдѣ господствовали Франція и Англія. Первыя три державы поддерживали въ своей политикѣ принципъ охраненія существующаго порядка, а другія двѣ—покровительствовали кон-

ституціонному движенію. Что же касается до второстепенныхъ государствъ: Скандинавіи, Италіи, Германіи, Испаніи и другихъ, то въ нихъ господствовалъ внутренній разладъ: простое населеніе сочувствовало конституціонному западу, а дворянство и служебный классъ стояли за монархическій порядокъ и опирались преимущественно на Россію и Австрію.

Между Англіею и Франціею, несмотря на прежнія вѣковыя соперничества, завязалось «сердечное согласіе, благодаря самимъ монархамъ и ихъ министрамъ Гизо, приверженцу Англіи, и Бруму, пристрастному къ Франціи. Ни самовольныя поступки англійскаго флота, напосившаго часто оскорбленія французскому флагу подъ предлогомъ подавленія торговли неграми, ни безурядица на востокѣ, когда Англія вступала въ четверной союзъ (quadruple alliance) съ абсолютными монархіями, ни столкновенія по дѣламъ колоніальнымъ, — не могли разорвать «сердечнаго согласія» между этими конституціонными державами.

Монархическій востокъ (Россія, Пруссія и Австрія), въ противуположность конституціонному западу, стремился къ подавленію тѣхъ смутъ и заговоровъ, которые составлялись со стороны ихъ польскихъ подданныхъ и польскихъ эмигрантовъ. *Россія*, въ царствованіе императора Николая I, была самымъ надежнымъ оплотомъ противъ революціоннаго, демократическаго направленія. Усмиривъ возстаніе поляковъ, императоръ Николай I всецѣло предался цивилизаціи своей имперіи собственными домашними средствами, и поставилъ себѣ задачею подчинить вліянію этой цивилизаціи и всѣ народы, входящіе въ составъ имперіи. Польскіе эмигранты, число которыхъ значительно теперь увеличилось, неугомонились и послѣ усмиренія мятежа, и всѣ надежды свои на возстановленіе древней Польши возложили на Краковъ, имѣвшій республиканское устройство. Какъ первая ихъ попытка (1836 г.), такъ и вторая (1846 г.), не имѣли успѣха. Несмотря на протесты Франціи и Англіи, объявившихъ паденіе Кракова нарушеніемъ постановленій Вѣнскаго конгресса,

республика была уничтожена и Краковъ былъ присоединенъ къ Австрійской имперіи. Польскіе планы не остановились на этомъ: поляки думали поднять знамя революціи въ Австрійской Галиціи и Прусской Познани. Въ Галиціи всѣ замыслы ихъ подавлены были законнымъ правительствомъ, которому много помогъ простой народъ, ненавидѣвшій пановъ, какъ своихъ притѣснителей. Заговоръ Познанскихъ Поляковъ (1847 г.), уничтоженный въ самомъ началѣ, обнаружилъ всѣ происки польскихъ эмигрантовъ и макіавеліевскія правила ихъ агитаторовъ.

Австрія послѣ Вѣнскаго конгресса стала жить отдѣльною жизнію отъ остальной Германіи, какъ бы чуждаясь интересовъ общаго отечества; потому и образованность, которая въ Германіи дѣлала быстрые успѣхи, въ Австріи находилась на степени застоя. Вся забота правительства Австріи — заключалась въ государственномъ объединеніи, т. е. въ стремленіи слить въ одно цѣлое разнородныя національности нѣмцевъ, славянъ, мадьяровъ и итальянцевъ, и подавлять тѣ возстанія, которыя происходили, вслѣдствіе этого, среди славянъ, мадьяровъ и итальянцевъ.

Пруссія также примкнула къ группѣ монархической. Нѣмецкіе историки увѣряютъ, что въ этомъ обстоятельствѣ лежитъ рѣшеніе вопроса,—почему Пруссія, одна изъ пяти великихъ державъ,—играла во время первыхъ двухъ періодовъ новѣйшаго времени роль второстепеннаго государства.

Второстепенныя державы находились подъ вліяніемъ той или другой группы и не оказывали никакого самостоятельнаго вліянія на внѣшній ходъ событій.

Германскій союзъ совершенно не участвовалъ во внѣшней политикѣ. Государства его заняты были полемическою борьбою въ сферѣ церкви и литературы (см. гл. XVII).

Бельгія подъ вліяніемъ и съ помощію конституціонной Франціи освободилась отъ зависимости Нидерландскаго короля и образовала въ 1831 году независимое конституціонное королевство (см. главу X).

Испанія находилась подъ вліяніемъ Франціи и Англіи и была раздираемы внутренними войнами между конституціонистами и абсолютистами (см. выше гл. II).

Италія волновалась по прежнему: въ Болоньѣ, Пармѣ и Моденѣ либералы произвели возстанія, которыя Австрія однако скоро съумѣла подавить, возстановивъ тамъ прежнихъ правителей. Труднѣе было усмирить возстаніе въ Римѣ, гдѣ папа Григорій XVI, несмотря на совѣты великихъ державъ, не хотѣлъ сдѣлать необходимыхъ преобразованій. Чтобы не оставить за Австріею исключительнаго вліянія на дѣла Италіи, Франція, на основаніи старинныхъ правъ, и Англія, съ расчетомъ на торговыя выгоды, поддерживали волненія въ Папской области. Франція (1832) выслала въ Италію войско и овладѣла Анконою; но надежды либераловъ на ея содѣйствіе не осуществились, и Австрія съ помощію итальянскихъ правительствъ успокоила на время Италію. Также неудачно окончилась попытка одного польскаго генерала Ромарино, который съ толпою нѣмцевъ и поляковъ вторгнулся (въ 1833 г.) изъ Швейцаріи въ Савойю, съ цѣлію низвергнуть Сардинскій тронъ и разлить революцію по всему Аппенинскому полуострову (см. главу XIII).

Неспокойно было и новое *Греческое королевство.* Несмотря на свое конституціонное устройство и свободу вѣры, греки были недовольны нѣмецкою цивилизаціею и нѣмцами, наполнявшими дворъ, армію и гражданскія мѣста во время правленія короля Оттона. Въ 1843 году тамъ поднялась революція.

Турція послѣ Адріанопольскаго мира ослабѣла еще болѣе. Существованіе ея поддерживалось великими державами только во имя политическаго равновѣсія.

Отличительную черту событій втораго періода составляетъ возстаніе народностей противъ правительствъ. Дѣло въ томъ, что европейскія правительства стремились къ объединенію или слитію разнородныхъ завоеванныхъ и пріобрѣтенныхъ областей съ господствующимъ племенемъ, имѣя въ виду обра-

зовать изъ составныхъ частей территоріи и населенія одно государственное цѣлое. Но побѣжденные не всегда понимали высокую задачу своихъ побѣдителей, впадали въ крайность и производили жестокія возстанія съ своеобразною цѣлью— достигнуть самобытнаго политическаго существованія. Только одна Бельгія достигла своихъ желаній и, расторгнувъ связь съ Голландіей, образовала отдѣльное королевство. Во всѣхъ другихъ мѣстностяхъ возстанія народностей были съ успѣхомъ подавлены правительствами. Такъ Англія усмирила католическую Ирландію, Испанія — горныхъ басковъ (жители сѣверной части полуострова); стремленія Шлезвига и Голштиніи освободиться отъ власти Даніи и соединившись въ одну державу съ особымъ государемъ (принцемъ Аугустенбургскимъ), войти въ составъ Германскаго союза, — тоже оказалось неудачнымъ; работы карбонаріевъ и партіи молодой Италіи во имя единства Италіи тоже не привели въ то время къ желанному результату; возстаніе поляковъ противъ Россіи и чеховъ противъ Австріи кончились ихъ собственнымъ пораженіемъ, также какъ и возстаніе венгровъ (мадьяръ).

— —

Іюльская революція и правленіе Луи-Филиппа.

Іюльская революція низвергла въ третій разъ почти тысячелѣтній тронъ фамиліи Капетинговъ, въ лицѣ Карла X, послѣдняго короля изъ линіи Бурбоновъ. Недопуская стѣсненій королевской власти учредительною хартіею, Карлъ X хотѣлъ возстановить прежнюю неограниченную королевскую власть, какою пользовались Бурбоны до революціи. Съ этою цѣлью онъ издалъ рядъ ордонансовъ, измѣнившихъ существенныя постановленія хартіи. Но, вступая въ борьбу съ оппозиціею, онъ не приготовился къ этой борьбѣ, и проигравъ ее, лишился трона и со всѣмъ семействомъ долженъ былъ покинуть Францію, на престолъ которой вошелъ Луи-Филиппъ, представитель Орлеанской линіи.

26 іюля 1830 года королевскіе ордонансы, подписанные наканунѣ въ Сенъ-Клу, были обнародованы въ газетѣ «Монитеръ». Первое изъ этихъ повелѣній (какъ мы уже видѣли), направленное противъ печати и требовавшее, чтобы «ни одно періодическое изданіе не выходило безъ королевскаго дозволенія, которое должны пріобрѣтать и типографщикъ и издатель и которое должно возобновляться каждые три мѣсяца», совершенно измѣнило положеніе редакторовъ и типографщиковъ. Они собрались на совѣщаніе въ бюро одной изъ оппозиціонныхъ газетъ («National») и подписали составленный однимъ изъ редакторовъ, Тьеромъ (Thiers), протестъ, въ которомъ называли іюльскіе ордонансы «вопіющимъ нарушеніемъ законовъ»; «такъ какъ правительство нарушаетъ законъ, то мы становимся свободны отъ повиновенія его приказаніямъ». Между тѣмъ содержаніе прочихъ ордонансовъ, затрогивающихъ интересы палатъ, стало извѣстнымъ въ дѣловомъ мірѣ, т. е. между депутатами уже присутствовавшими въ Парижѣ, и въ образованныхъ слояхъ столичнаго населенія. Нѣсколько депутатовъ лѣвой стороны (оппозиціи) собрались у Казиміра Перье, съ цѣлью подать протестъ противъ нарушенія постановленій хартіи, но предложеніе ихъ было отвергнуто большинствомъ, и депутаты разошлись, согласившись собраться на другой день тоже въ домѣ Казиміра Перье. Вообще день 26 іюля прошелъ безъ явныхъ признаковъ нарушенія порядка; только толпа молодежи, по старой ненависти къ князю Полиньяку, котораго считали главнымъ виновникомъ іюльскихъ повелѣній, выбила нѣсколько оконъ въ его домѣ.

На слѣдующій день (27 іюля) Парижъ былъ въ сильномъ движеніи, потому что въ нѣкоторыхъ газетахъ (*) появился напечатаннымъ протестъ редакторовъ и типографщиковъ, отличавшійся рѣзкими выраженіями. Многочисленныя толпы собирались на бульварахъ и площадяхъ, окружаю-

(*) «National» и «Temps».

щихъ Пале-Рояль и Тюильри. Эти скопища состояли по большей части изъ рабочихъ, отпущенныхъ ихъ хозяевами — типографщиками и словолитчиками, которые видѣли, что дѣло ихъ не можетъ идти при новыхъ распоряженіяхъ о печати. Приведенные въ отчаяніе лишеніемъ работы и озлобленные противъ правительства, обвиняемаго ими въ отнятіи у нихъ средствъ къ жизни, печатники и наборщики, явясь на улицахъ, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ составляли собственно элементъ броженія. Между ними господствовало крайнее раздраженіе, которое выражалось революціоннымъ крикомъ, проклятіями и схватками съ полиціею. Эти волненія быстро сообщились остальной части рабочаго населенія и проникли въ отдаленные кварталы города. Къ рабочимъ присоединились студенты, отставные наполеоновскіе солдаты и множество празднаго народу. На нѣкоторыхъ улицахъ выстроены были баррикады (завалы); караулы, стоявшіе на площади биржи и въ другихъ мѣстахъ, были обезоружены и разогнаны. Извѣстіе, что маршалъ Мармонъ назначенъ начальникомъ парижскаго гарнизона, еще болѣе увеличивало волненіе. Мармонъ, герцогъ Рагузскій, слылъ за человѣка, измѣна котораго въ 1814 году погубила Наполеона I и была причиной паденія первой имперіи: въ устахъ народа имя его было однозначуще съ именемъ измѣнника. Общественное раздраженіе мало-помалу возрасло до желанія сражаться: жандармскіе патрули и караулы были побиваемы камнями, и около трехъ часовъ пополудни раздались первые выстрѣлы. Значительные отряды войска, бывшаго въ распоряженіи Мармона, двинулись по улицамъ Парижа, чтобы разогнать бунтовавшую толпу; массы народа, безъ малѣйшаго сопротивленія, разступались передъ войсками. При наступленіи ночи спокойствіе водворилось въ столицѣ на столько, что маршалъ могъ отвести свои войска въ казармы и предложилъ королю, находившемуся въ Сенъ-Клу, отсрочить объявленіе Парижа въ осадномъ положеніи.

Спокойствіе Парижа было только кажущимся. Въ ночь съ 27 на 28 іюля многіе либеральные депутаты, видя нерѣ-

шительность и бездѣйствіе своихъ собратьевъ, (которые уже нѣсколько разъ безплодно собирались у Каз. Перье), рѣшились сами перейти на сторону возстанія и тѣмъ сообщить ему нѣкоторое единство и прочность. Дѣйствительно, въ каждомъ кварталѣ они устроили особые комитеты, которые и начали свою дѣятельность: въ ночь 27 на 28 іюля, подъ ихъ руководствомъ, были выстроены уже баррикады, роздано оружіе и заготовлено значительное количество патроновъ. Къ средѣ, 28 іюля, парижское населеніе уже было приготовлено ими къ настоящему бою. По колокольному звону собирались тысячи рабочихъ, вооруженныхъ ружьями, пистолетами, мушкетами, топорами, добытыми изъ разграбленныхъ оружейныхъ магазиновъ. Они овладѣли городскою ратушею (hôtel de ville), водрузили на ней трехцвѣтное знамя и съ неистовствомъ кричали «прочь Бурбоновъ». До этихъ поръ возстаніе не имѣло сознательной цѣли; только тутъ обозначилось что цѣлью возстанія было ниспроверженіе царствующей династіи. Маршалъ Мармонъ, не придававшій наканунѣ большаго значенія волненію, распорядился теперь стянуть всѣ войска, бывшія подъ его командою, къ Парижу и въ тоже время отправилъ письмо Карлу X, въ которомъ онъ просилъ короля «поспѣшить принятіемъ мѣръ для возстановленія мира», и указывалъ на уступчивость, какъ единственное для того средство. Въ отвѣтъ на это, король, по совѣту князя Полиньяка, приказалъ объявить Парижъ въ осадномъ положеніи и учредить военный судъ, который уполномочивалъ маршала судить на мѣстѣ преступленія мятежниковъ, взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ, и арестовать нѣкоторыхъ болѣе вліятельныхъ членовъ опозиціи (каковы были: Жераръ, Лафайетъ, Лафитъ, Одри-де-Пюираво и др.). Но событія шли такъ быстро, что Мармонъ неуспѣлъ ни учредить военнаго суда, ни произвести арестовъ.

Между тѣмъ либеральные депутаты (въ числѣ 38) собрались у Одри-де-Пюираво, въ четвертый разъ. Сюда явились въ первый разъ Лафитъ и Лафайетъ, бывшіе до того въ от-

сутствіи. Энергія, популярность и вліяніе ихъ на народъ сообщили смѣлость депутатамъ, которые теперь рѣшили: послать депутацію къ Мармону и просить его прекратить военныя дѣйствія. Маршалъ, вопреки ожиданіямъ, дружелюбно встрѣтилъ депутацію и въ переговорахъ съ нею не скрывалъ своего неудовольствія на нарушеніе королемъ учредительной хартіи; но прекратить военныя дѣйствія, безъ королевскаго приказанія, отказался, ссылаясь «на военную честь и обязанности». Онъ предложилъ депутаціи переговорить съ кн. Полиньякомъ, самъ пошелъ извѣстить его о желаніи депутатовъ, но чрезъ нѣсколько минутъ возвратился и объявилъ, что свиданіе это безполезно. Послѣ удаленія депутаціи, Мармонъ отдалъ отчетъ королю о переговорахъ, веденныхъ имъ съ депутатами, и совѣтовалъ принять сдѣланныя предложенія. Но отчетъ маршала произвелъ въ Сенъ-Клу обратное дѣйствіе: депутація пяти либераловъ казалась королю ничего незначущимъ дѣломъ, а совѣты маршала объяснили тамъ недовѣріемъ его къ самому себѣ и ввѣренному ему войску. Король отвергъ также и посредничество, которое предлагали ему отъ себя тайно черезъ барона Витролля нѣкоторые предводители либераловъ (генералъ Жераръ и Каз. Перье). Предложеніе ихъ состояло въ томъ, чтобы король прекратилъ военныя дѣйствія, а они съ своей стороны берутъ на себя устроить соглашеніе съ опозиціею. Карлъ X съ полнымъ достоинствомъ объявилъ, что «онъ считаетъ себя правымъ и что онъ столько же довѣряется своему оружію, сколько и своему праву; что достоинство короны не дозволяетъ ему вступать въ переговоры съ мятежными подданными, но если мятежники положатъ оружіе, то онъ окажетъ снисхожденіе и прощеніе».

Утромъ 29 іюля борьба возобновилась, когда маршалъ получилъ приказаніе очистить площади и улицы Парижа отъ баррикадъ и вооруженной толпы мятежниковъ. Но генералы, которымъ поручены были эти распоряженія, понесли значительныя потери и принуждены были возвратиться съ остат-

ками войскъ къ главной квартирѣ (Тюильри). Положеніе королевскаго войска стало чисто-оборонительнымъ, и Мармонъ очутился съ трехъ сторонъ окруженнымъ возставшими. Притомъ же королевское войско было уже утомлено безпрестанными битвами, длинными переходами и недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ; два линейные полка отказывались повиноваться командѣ и явно щадили революціонеровъ. Послѣ этого, маршалъ самъ предложилъ населенію столицы перемиріе (въ которомъ не далѣе какъ вчера отказывалъ, ссылаясь на военную честь), и сдѣлалъ къ народу воззваніе, обѣщая «прекратить кровопролитіе, если граждане возвратятся въ свои дома и къ своимъ занятіямъ». Но это воззваніе не имѣло ни малѣйшаго дѣйствія, и чего опасался Мармонъ, то и случилось. Два линейные полка, стоявшіе подъ ружьемъ на Вандомской площади, окруженные толпами народа, передались на сторону революціи и съ большинствомъ своихъ офицеровъ двинулись къ дому революціоннаго генерала Жерара, подъ начальство котораго и поступили. Толпа, не видя солдатъ ни въ окнахъ, ни въ колоннадахъ Луврскаго дворца, бросилась въ ворота, проникла въ галлерію, соединявшую Лувръ съ Тюильри, и начала оттуда стрѣлять въ королевскія войска. Объятые паническимъ страхомъ, войска бѣжали въ Елисейскія поля; народъ тысячами бросился черезъ всѣ ворота во дворецъ и на балконѣ выставлено было трехцвѣтное знамя. Однако имущество королевскаго дворца, банкъ, картинная галлерея Лувра и другіе цѣнные предметы не были тронуты. Только домъ парижскаго архіепископа (Келана), про котораго носился нелѣпый слухъ, что онъ стрѣлялъ въ народъ, былъ преданъ страшному разграбленію и превращенъ въ развалины.

Извѣстіе объ измѣнѣ правительству двухъ линейныхъ полковъ и о бѣгствѣ остальнаго войска придало собранію депутатовъ болѣе рѣшительности. Подъ предсѣдательствомъ Лафита они открыли совѣщаніе въ ратушѣ для образованія временнаго правительства, которое и состоялось подъ названіемъ «Муниципальной Коммиссіи»; Лафайэтъ былъ назна-

ченъ начальникомъ національной гвардіи, а генералу Жерару поручалось командованіе другими войсками.

Между тѣмъ въ Сенъ-Клу король собралъ на совѣщаніе министровъ. Они единогласно отвергли всякую мысль объ уступкѣ. «Мой братъ, говорилъ король, своими уступками былъ приведенъ на эшафотъ; я не хочу идти туда за нимъ». Рѣшено было стянуть войска къ Сенъ-Клу, поручить главное начальство герцогу Ангулемскому и вызвать подкрѣпленія изъ Орлеана и другихъ городовъ. Однако прибытіе сюда Мармона и Витролля съ новыми предложеніями посредничества склонили короля къ уступкамъ: герцогъ Мортемаръ (французскій посланникъ при русскомъ дворѣ, бывшій тогда въ отпуску въ Парижѣ) былъ назначенъ главою министерства вмѣсто князя Полиньяка, а Витроллю поручено было доставить это извѣстіе въ Парижъ и на основаніи этой уступки устроить миръ между королемъ и народомъ. Витролль и сопровождавшіе его два пэра явились въ Муниципальной коммиссіи, но не были тамъ приняты и отосланы къ депутатамъ, собравшимся у Лафита. Большинство присутствовавшихъ считали уступку, сдѣланную королемъ, достаточною для возстановленія порядка и спокойствія. Но Тьеръ и Минье, редакторы National'я, сильно возражали противъ предположеннаго соглашенія и въ цѣломъ ряду летучихъ листковъ, раздаваемыхъ съ ранняго утра по улицамъ, говорили: «Карлъ X не долженъ возвратиться въ Парижъ, онъ пролилъ кровь народа. Герцогъ Орлеанскій никогда не сражался противъ насъ, онъ преданъ дѣлу революціи. Герцогъ Орлеанскій принимаетъ хартію такъ, какъ мы всегда хотѣли и понимали ее». Такія прокламаціи въ первый разъ заговорили о кандидатурѣ Луи-Филиппа на французскій престолъ и 30 іюля депутаты, собравшіеся въ palais Bourbon, открыто заявили о необходимости лишить Карла X престола и сдѣлать преемникомъ его герцога Орлеанскаго. Между тѣмъ герцогъ Мортемаръ замедлилъ своимъ прибытіемъ въ Парижъ, гдѣ онъ долженъ былъ сдѣлаться представителемъ ко-

ролевской власти. Онъ везъ съ собою три акта, подписанные королемъ: первый заключалъ назначеніе герцога Мортемара, Жерарда и Казиміра Перье министрами: иностранныхъ дѣлъ, военнымъ и финансовъ; второй отмѣнялъ повелѣнія 25 іюля; третій опредѣлялъ возстановленіе распущенной три года тому назадъ національной гвардіи. Но вмѣсто того, чтобы прямо отправиться въ палату депутатовъ, Мортемаръ поспѣшилъ во дворецъ пэровъ, которые были уже до того безпомощны, что не могли найти типографщика, который бы взялся напечатать эти королевскіе акты. Самъ Мортемаръ не хотѣлъ отправиться къ депутатамъ, а послалъ вмѣсто себя одного изъ пэровъ. Но уже было поздно. Отъ депутатовъ было отправлено посольство къ герцогу Орлеанскому и палата ждала отъ него съ нетерпѣніемъ отвѣта — согласенъ ли онъ принять на себя должность намѣстника королевства (lieutenant-général), и для того немедленно явиться въ Парижъ. Лишь только Мортемару сдѣлалось извѣстнымъ объ этомъ посольствѣ и переговорахъ съ Луи-Филиппомъ, какъ онъ, къ удивленію депутатовъ, объявилъ, что вполнѣ одобряетъ рѣшеніе палаты, принятое относительно герцога Орлеанскаго. Депутація отъ второй палаты, отправленная къ Луи-Филиппу, не нашла его въ Пале-роялѣ: герцогъ былъ въ своемъ помѣстьи Нельи, откуда палата и получила письменный отвѣтъ, что герцогъ 31 іюля явится въ Парижъ.

Избраніе Луи-Филиппа.

Луи-Филиппъ, сынъ герцога Орлеанскаго Филиппа (Egalité), казненнаго во время первой революціи (ноябрь 1793), родился въ 1773 году. Послѣ казни отца онъ скитался по Европѣ, живя уроками то въ Швейцаріи, то въ Америкѣ, и наконецъ Англіи. Съ паденіемъ Наполеона онъ возвратился во Францію и получилъ обратно отнятыя у Орлеанской фамиліи огромныя богатства, которыя сдѣлали его первымъ помѣщикомъ во Франціи. При содѣйствіи Лафайэта, Тьера и др. онъ пользовался сильною популярностію, но, при началѣ іюльскаго возстанія, онъ оставилъ Парижъ и жилъ въ своемъ помѣстьи Нельи, гдѣ и нашли его депута-

ты. Послѣ сильной борьбы съ самимъ собою, ворочаясь нѣсколько разъ назадъ съ полъ-дороги, герцогъ Орлеанскій ночью, въ сопровожденіи только двухъ адъютантовъ, въ партикулярномъ платьѣ, отправился пѣшкомъ въ Парижъ. По прибытіи въ свой дворецъ (Пале-рояль), онъ тотчасъ же пригласилъ къ себѣ герцога Мортемара и объяснилъ ему, что онъ принимаетъ приглашеніе депутатовъ только потому, что отказъ его можетъ имѣть слѣдствіемъ провозглашеніе республики, и что онъ ни въ какомъ случаѣ не приметъ короны, даже если бы она ему была предложена. На другой день при пріемѣ второй депутаціи отъ палаты, герцогъ Орлеанскій хотя и высказался въ томъ же смыслѣ какъ при свиданіи съ Мортемаромъ, но убѣжденный депутатами, отвѣчавшими, что нельзя терять ни минуты, чтобы овладѣть народнымъ движеніемъ, согласился принять намѣстничество и издалъ воззваніе къ парижанамъ. Въ немъ говорилось, что онъ принялъ, по приглашенію депутатовъ, намѣстничество, чтобы «предохранить столицу отъ междоусобной войны и безначалія»; далѣе, онъ обѣщалъ скорое собраніе палатъ, которыя «обезпечатъ законъ и права націи, и хартія отнынѣ будетъ истинною (une charte sera désormais une vérité)». Но не всѣ были довольны этимъ воззваніемъ: буйная молодежь—студенты, политехники и др. мечтали о провозглашеніи республики и подозрительно смотрѣли на Луи-Филиппа, родственнаго съ королевскимъ домомъ Бурбоновъ. Муниципальная коммиссія, осажденная и тѣснимая массой республиканцевъ, должна была удовлетворить ожесточенію ихъ противъ бурбоновъ и разсѣять ихъ подозрѣнія о Луи-Филиппѣ обнародованіемъ воззванія къ парижанамъ со своей стороны; оно начиналось словами: «Карлъ X пересталъ царствовать во Франціи» и что рѣшеніе будущей конституціи будетъ предоставлено народу. Послѣ изданія этого воззванія, герцогъ Орлеанскій отправился изъ Пале-рояля въ ратушу, сопровождаемый депутатами. Шествіе это не имѣло вида торжественности, а напротивъ того отличалось простотою и

бѣдной обстановкой. При немногочисленномъ стеченіи публики двинулось шествіе; по чѣмъ ближе оно подвигалось къ ратушѣ, тѣмъ гуще становилась толпа и тѣмъ громче раздавались виваты герцогу Орлеанскому, блѣдное лицо котораго выдавало внутреннюю тревогу души. Встрѣченный депутатами на лѣстницѣ ратуши, намѣстникъ въ сопровожденіи Лафайэта, съ трехцвѣтнымъ знаменемъ въ рукѣ, показался въ открытомъ окнѣ ратуши: толпа народная предалась восторженной радости и съ тѣмъ же восторгомъ провожала намѣстника до Пале-рояля.

Изгнаніе Карла X.

Въ это время королевскій дворъ, испуганный появленіемъ въ окрестностяхъ Сенъ-Клу многочисленной толпы вооруженныхъ парижанъ, выѣхалъ въ Версаль подъ прикрытіемъ сильнаго конвоя, которымъ командовалъ Мармонъ. Герцогъ Ангулемскій съ бо́льшею частію войска остался въ Сенъ-Клу; но и онъ скоро послѣдовалъ за дворомъ, когда увидѣлъ, что его солдаты отказывались отъ повиновенія и передавали напиравшей толпѣ оружіе и патроны. По его настояніямъ, король отказался отъ своего плана — оружіемъ покорить Парижъ—и отправился въ Рамбулье. Видя невозможность удержать за собою корону, Карлъ X попытался по крайней мѣрѣ сохранить призракъ королевскаго достоинства и послалъ герцогу Орлеанскому патентъ, утверждавшій его въ званіи намѣстника. Въ чемъ состоялъ отвѣтъ Луи-Филиппа, неизвѣстно; но можно думать, что онъ разрушилъ и послѣднія надежды Карла X. Король отчаявался въ возможности передать корону своему сыну герцогу Ангулемскому, который никогда не пользовался любовью народа; но король думалъ спасти тронъ для своего внука, десятилѣтняго герцога Бордосскаго (графъ Шамборъ или Генрихъ V), сына убитаго герцога Беррійскаго, и отрекся отъ престола въ его пользу. Онъ извѣстилъ объ этомъ герцога Орлеанскаго, требуя провозглашенія Генриха V королемъ и установленія за его малолѣтствомъ регентства. Но уже было поздно. Прежде чѣмъ актъ отреченія достигъ Парижа, намѣстникъ послалъ

депутацію къ королю съ порученіемъ уговорить его оставить съ своими войсками Рамбулье, потому что присутствіе короля и войска вблизи Парижа можетъ имѣть вліяніе на нарушеніе общественнаго спокойствія и даже можетъ быть опасно и для королевскаго же семейства. Король сначала отказался послѣдовать этому приглашенію; но когда одинъ изъ членовъ депутаціи представилъ ему всю опасность отъ такого отказа, — король согласился и со всѣмъ семействомъ отправился сперва въ Ментенонъ, а на слѣдующій день (4 августа) отправился въ Шербургъ, чтобы оставить Францію. Много тяжелыхъ впечатлѣній и оскорбительныхъ сценъ пришлось испытать королю и его семейству до Шербурга. Но Карлъ X ни на минуту не терялъ своего королевскаго достоинства и съ преданностію волѣ Провидѣнія перенесъ свое горе. По дорогѣ онъ узналъ, что Луи-Филиппъ вошелъ на престолъ Франціи, и пожалѣлъ о судьбѣ ея, предсказавъ, что «она можетъ быть управляема только желѣзною рукою». Въ Англіи Карлъ X жилъ до 1832 г.; потомъ онъ переселился въ Австрію, гдѣ и жилъ въ Герцѣ. Онъ скончался 6 ноября 1836 года.

Истинная хартія.

1 августа намѣстникъ принялъ власть изъ рукъ муниципальной коммиссіи, удержавъ временное министерство, назначенное коммиссіей: 3 августа открылось засѣданіе палатъ, а 7 числа происходило въ нихъ совѣщаніе о тѣхъ пунктахъ, установленіе которыхъ должно было дать новыя основанія общественному порядку. Рѣшенія палаты, заключающія въ себѣ измѣненія и дополненія учредительной хартіи, извѣстны подъ названіемъ *«объявленій»*. Въ нихъ раньше всего требовалось позаботиться о престолѣ, который съ удаленіемъ Карла X и его семейства сдѣлался вакантнымъ. Затѣмъ «объявленія» опредѣляли рядъ измѣненій хартіи 1814 г.: статья 8-я, говорившая о свободѣ печати, была усилена прибавкою, которая запрещала впредь введеніе цензуры; въ 14 статьѣ было прибавлено опредѣленіе, что король никогда не можетъ пріостанавливать дѣйствія закона или

задерживать его выполненіе и что вербованіе иностранныхъ войскъ будетъ впредь совершаться только на основаніи закона; 16 статья предоставляла обѣимъ палатамъ право предлагать законы, тогда какъ по хартіи 1814 года это право принадлежало коронѣ. Далѣе было постановлено, чтобы засѣданія палаты пэровъ были открыты для публики подобно засѣданіямъ палаты депутатовъ; возрастъ, необходимый для избираемыхъ, сокращенъ съ 40 на 30 лѣтъ; сокращенъ также законодательный періодъ палатъ съ 7 на 5 лѣтъ; палатамъ предоставлено право выбирать своихъ предсѣдателей; учрежденіе исключительныхъ слѣдственныхъ коммиссій и судилищъ — не допускалось; наконецъ въ послѣдней статьѣ опредѣлено было возвращеніе революціонныхъ національныхъ цвѣтовъ взамѣнъ бѣлаго цвѣта Бурбоновъ, и всѣ назначенія пэровъ, сдѣланныя въ правленіе Карла X, объявлены недѣйствительными; въ «особыхъ опредѣленіяхъ» положено было въ скорѣйшемъ времени заняться слѣдующими вопросами: примѣненіе суда присяжныхъ къ дѣламъ о печати, отвѣтственность министровъ и другихъ чиновниковъ и т. п. Въ заключеніе своихъ «объявленій», палата депутатовъ провозглашала, что всеобщій интересъ народа призываетъ на престолъ Луи-Филиппа, герцога Орлеанскаго и его потомковъ въ мужскомъ колѣнѣ по праву первородства (съ вѣчнымъ удаленіемъ отъ правъ на престолъ женскаго колѣна), если только намѣстникъ согласится присягнуть вышеозначеннымъ измѣненіямъ хартіи. Не дожидаясь согласія палаты пэровъ, которая съ іюльскихъ дней утратила свое значеніе, палата депутатовъ отправила выборныхъ къ герцогу Орлеанскому, чтобы объявить ему избраніе на престолъ. Прослушавъ прочитанныя «объявленія», Луи-Филиппъ сказалъ, что онъ принимаетъ корону, повинуясь только необходимости, а также и тѣ условія и обязанности, которыя назначены въ «объявленіяхъ». Такимъ образомъ 9 августа совершилось восшествіе на престолъ короля Луи-Филиппа. Первымъ министромъ былъ назначенъ *Лафиттъ*.

Престолъ Луи-Филиппа (1830 — 1848) былъ окруженъ въ самомъ началѣ царствованія серьезными затрудненіями. Къ прежней республиканской партіи, недовольной результатами іюльской революціи, присоединилась партія карлистовъ или легитимистовъ (такъ назывались съ 1830 года приверженцы Бурбоновъ), мечтавшая о возстановленіи власти Карла X и Бурбоновъ; столь же враждебно относились къ новому правительству и республиканцы, желавшіе низверженія іюльской монархіи. Орудіемъ тѣхъ и другихъ была голодная толпа ремесленниковъ, оставленныхъ іюльскими безпорядками безъ заработковъ и безъ куска хлѣба; считая правительство виновнымъ въ своемъ бѣдственномъ положеніи, она требовала отъ него немедленной помощи и въ случаѣ отказа склонна была произвести волненія. Для облегченія ихъ участи изъ государственной казны назначены были значительныя суммы; а для обезпеченія со стороны волненій на будущее время, правительство дѣятельно принялось за преобразованіе національной гвардіи (*). Несмотря на всю враждебность духа партій республиканцевъ и легитимистовъ, Луи-Филиппъ въ первые мѣсяцы своего правленія пользовался большою популярностью. Его домашнія привычки и прежняя доступность остались тѣми же, какими были и прежде: безъ свиты, въ партикулярномъ платьѣ, король одинъ прогуливался по улицамъ Парижа и дружески жалъ руки всѣмъ обращавшимся къ нему, разыгрывая роль короля-гражданина (roi citoyen). Легитимисты, между тѣмъ, работали всѣми силами, чтобы помѣшать народному расположенію къ королю, и распускали очень недобрые про него слухи. Въ это время скончался бездѣтный герцогъ Бурбонъ (единственный сынъ котораго—герцогъ Энгіенскій, былъ разстрѣлянъ по подозрѣнію въ заговорѣ противъ Наполеона I-го), послѣдній потомокъ знаменитаго дома Конде, завѣщавшій свое богатство предпослѣднему сыну Луи-Филиппа, герцогу Омальскому (duc d'Aumale).

(*) При Луи-Филиппѣ національная гвардія состояла изъ 12 легіоновъ.

Напуганный ужасами іюльской революціи, герцогъ Бурбонъ самъ наложилъ на себя руки. Легитимисты взвели постыдную клевету на короля, распространяя слухи, что онъ въ лицѣ своего сына былъ заинтересованъ въ завѣщаніи герцога Бурбона. Правда, содержаніе короля было сокращено до 18 милліоновъ, слѣдовательно на половину, но за то въ день своего восшествія на престолъ, Луи-Филиппъ добровольно отказался въ пользу дѣтей своихъ отъ своего частнаго имущества.

Первое время новый король старался всѣми мѣрами угождать народу, чтобъ поддержать внутреннее спокойствіе, безъ котораго была бы трудна борьба съ легитимистами и республиканцами; такъ онъ объявилъ амнистію всѣмъ политическимъ преступникамъ, осужденнымъ съ 1815 г., за исключеніемъ фамиліи Наполеона; церковь св. Женевьевы была какъ и въ первую французскую революцію, обращена въ Пантеонъ. А въ тоже время король старался удалить изъ арміи и съ гражданскихъ мѣстъ приверженцевъ республики и Бурбоновъ и замѣнить ихъ преданными себѣ людьми. Труднѣе всего было удалить Лафайэта, который былъ сторонникомъ республики и, какъ начальникъ національной гвардіи, пользовался большою популярностью въ народѣ. Король воспользовался процессомъ надъ министрами Карла X: Лафайэтъ думалъ спасти экс-министровъ, тогда какъ большинство прямо обвиняло ихъ въ нарушеніи конституціи и іюльскомъ кровопролитіи, и требовало смертной казни. Чтобы отвратить бѣду, висѣвшую надъ головами бывшихъ министровъ, Лафайэтъ и его сторонники пустили въ ходъ мысль, что смертная казнь вообще противорѣчитъ гуманному чувству и потому она должна быть отмѣнена. Эти слухи произвели бурное движеніе въ массѣ парижскаго населенія, и негодованіе толпы выразилось угрожающимъ образомъ: 18 октября народъ бросился на Венсенскій замокъ, съ намѣреніемъ произвести собственноручную расправу съ Полиньякомъ и его несчастными товарищами. Однако національная гвардія, составлявшая ка-

раулъ Пале-рояля, успѣла разогнать толпу. Между тѣмъ волненія, на время прекратившіяся, съ открытіемъ суда надъ экс-министрами (15 декабря), начались снова, и чѣмъ сильнѣе были старанія Лафайэта спасти подсудимыхъ, тѣмъ ожесточеннѣе толпа требовала ихъ смерти. 21 декабря долженъ былъ быть произнесенъ приговоръ. Правительство предприняло всѣ предохранительныя мѣры, чтобы предупредить волненіе, и для того окружило Люксенбургскій дворецъ, гдѣ происходило засѣданіе суда, 30 тысячами линейнаго войска и національной гвардіи. Послѣ нѣсколькихъ часовъ совѣщанія перовъ, канцлеръ прочиталъ приговоръ, который обвинялъ экс-министровъ въ подписаніи королевскихъ іюльскихъ ордонансовъ и присуждалъ къ пожизненному тюремному заключенію въ крѣпости Гамѣ. За свое усиліе спасти подсудимыхъ Лафайэтъ заплатилъ своею популярностью, и этимъ съ большою ловкостію воспользовался король, чтобы сбыть съ рукъ опаснаго республиканца. Палата депутатовъ 24 декабря опредѣлила уничтоженіе званія начальника національной гвардіи и тѣмъ крайне оскорбила самолюбіе Лафайэта: онъ вышелъ въ отставку и съ этой минуты открыто сталъ на сторону оппозиціи. Вслѣдъ за нимъ оставилъ министерство и Лафиттъ, взгляды котораго не согласовались съ взглядами короля, по отношенію ко внѣшнимъ событіямъ.

Преемникомъ его сдѣлался *Казиміръ Перье*, представлявшій рѣзкое различіе съ своимъ предшественникомъ по характеру и политикѣ. Онъ былъ защитникомъ того порядка вещей, который выработала іюльская революція, и скоро своимъ непреклоннымъ и неумолимымъ консерватизмомъ онъ присвоилъ себѣ, какъ президентъ министерства, такую власть, передъ которой склонялась и палата. Онъ съ совершеннымъ полновластіемъ вмѣшивался въ дѣла палаты и настоялъ на томъ, что ни Лафиттъ, ни Дюпонъ де Л'Эръ, имѣвшіе близкія связи съ республиканскою партіею, не были выбраны въ президенты. Вообще задачею его министерства было—сохраненіе внутренняго и внѣшняго спокойствія. Онъ умѣлъ

поддержать дружественныя отношенія своего короля къ европейскимъ государямъ, въ то время, когда французы увлекались сочувствіемъ къ возстаніямъ въ Польшѣ, Германіи, Италіи и Испаніи; внутри Франціи онъ умѣлъ обуздать партіи и защитить правительство противъ оппозиціонныхъ членовъ, рѣзко говорившихъ противъ короля. Онъ подавилъ возстаніе рабочихъ въ Ліонѣ, второмъ главнѣйшемъ городѣ страны (осенью 1831 г.). Естественнымъ слѣдствіемъ іюльской революціи былъ застой въ фабричныхъ и вообще въ дѣлахъ промышленности и торговли. На ліонскихъ шелковыхъ фабрикахъ хозяева понизили заработную плату и значительно уменьшили свою производительность сокращеніемъ числа рабочихъ. До 30 тысячъ рабочихъ остались безъ дѣла и въ крайней нищетѣ, и всю вину своего бѣдствія слагали на притѣсненія фабрикантовъ. Ліонскій префектъ (Дюмоларъ), чтобы отклонить готовившійся мятежъ, сдѣлалъ фабрикантамъ и рабочимъ предложеніе — установить сообща положеніе о заработной платѣ. Хотя выборные отъ фабрикантовъ и составили опредѣленную таксу рабочей платы, но большинство фабрикантовъ отказалось принять ее. Тогда ткачи первые отказались отъ работы, думая тѣмъ понудить къ признанію таксы своихъ хозяевъ, но вмѣсто того сами впали въ нищету; примѣру ихъ послѣдовали другіе рабочіе, и съ каждымъ днемъ волненіе и ожесточеніе усиливались. Къ ноябрю предмѣстье Круа-Руссъ (Croix Rousse) стало лагеремъ рабочихъ. У возставшихъ уже были знамена, оружіе и двѣ пушки, которыя они успѣли похитить при нападеніи на казармы; на знаменахъ ихъ было написано «vivre en travaillant, ou mourir en combattant» (т. е. жить работой или умереть въ бою). Но ближайшей цѣлью возстанія было ничто иное,—какъ ненависть и мщеніе фабрикантамъ. Префектъ и начальникъ гарнизона думали увѣщаніемъ призвать возставшихъ къ порядку, но предложенія ихъ были грубо отвергнуты. Вступить въ открытый бой — войску было невозможно, потому что рабочіе почти втрое превосходили его численностію. Къ декабрю на по-

Возстаніе рабочихъ въ Ліонѣ.

мощь войску, съ 20 тыс. явился маршалъ Сультъ, при которомъ находился старшій сынъ короля, герцогъ Орлеанскій. Городъ былъ обезоруженъ, префектъ, участвовавшій въ составленіи рабочаго тарифа, отставленъ и затѣмъ приступлено было къ слѣдствію и арестамъ главнѣйшихъ зачинщиковъ возстанія. Обѣ палаты просили короля адресами употребить всю строгость закона противъ мятежниковъ, въ возмущеніи которыхъ онѣ видѣли политическій характеръ. Но слѣдствіе обнаружило, что въ ліонскомъ дѣлѣ не было ни политическихъ идей, ни соціальныхъ, которыя играли роль въ позднѣйшихъ возстаніяхъ подобнаго рода во Франціи.

Покушеніе легитимистовъ.

Гораздо больше значенія имѣлъ *заговоръ легитимистовъ*. Набравъ толпу ремесленниковъ, отставныхъ солдатъ и др. деньгами и приманчивыми обѣщаніями, заговорщики думали овладѣть Тюильри, захватить въ плѣнъ королевскую фамилію и провозгласить королемъ герцога Бордосскаго, подъ именемъ Генриха V. Заговоръ этотъ, извѣстный подъ названіемъ des Prouvaires (по имени улицы), не удался въ самомъ началѣ, и схваченные заговорщики на слѣдствіи показали — какъ много было приверженцевъ у Бурбоновъ въ высшихъ слояхъ общества и въ различныхъ концахъ Франціи. Самъ Карлъ X уже совершенно отчаялся въ возвращеніи престола и спокойно жилъ въ Эдинбургѣ. Но герцогиня Беррійская, при своемъ неаполитанскомъ характерѣ и подвижности, не могла примириться съ скучною жизнію въ Шотландскомъ замкѣ. Она оставила Галирудъ лѣтомъ 1831 года и отправилась черезъ Германію въ Геную, откуда она думала начать свое предпріятіе. Но король Сардинскій Карлъ-Альбертъ, чтобы предупредить запросъ со стороны французскаго правительства, велѣлъ герцогинѣ оставить его владѣнія: она отправилась въ Модену, герцогъ которой былъ единственнымъ государемъ, не признавшимъ королемъ Луи-Филиппа, и поселилась въ городѣ Массѣ, куда и стали мало по малу собираться сторонники Бурбоновъ (маршалъ Бурмонъ, герцогъ Д'Эскаръ, графъ Кергогле и др.). Здѣсь герцогиня обна-

ружила необыкновенную дѣятельность и уже заранѣе издала патентъ (5 февраля) относительно будущаго устройства и управленія Франціи. Первыя дѣйствія легитимистовъ мало чѣмъ отличались отъ обыкновеннаго разбоя: они останавливали почты, дилижансы, проѣзжающихъ и грабили ихъ; дѣйствія ихъ до 1832 года не имѣли ни плана, ни связи. Только въ апрѣлѣ 1832 года, когда герцогиня высадилась въ Марсели, гдѣ предполагалось произвести первое движеніе, намѣренія легитимистовъ приняли серьезный характеръ. Ночью, 30 числа, толпа вооруженныхъ легитимистовъ стала подстрекать матросовъ къ возстанію во имя Генриха V, но при появленіи караула они разбѣжались въ разныя стороны, и трое изъ заговорщиковъ (въ томъ числѣ маршалъ Бурмонъ) были схвачены. Переодѣтая въ простое платье, герцогиня съ остальными приверженцами бѣжала въ Вандею, надѣясь тамъ найти поддержку. Къ ея счастію одну даму полиція приняла за нее, что и помогло ей безпрепятственно достигнуть Вандеи. Многіе изъ ея сторонниковъ положительно объявляли ей о невозможности исполненія ея предпріятій и отошли отъ нея; но это нисколько не вразумило герцогиню. Днемъ возстанія было назначено 7 іюня. Дѣйствительно въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Вандеи поднялись крестьяне и въ разныхъ пунктахъ дѣло доходило до кровавыхъ стычекъ съ національною гвардіею, но горячихъ сраженій не было. Потерпѣвши неудачу, герцогиня бѣжала, и безпрепятственно достигла до Нанта, чему много способствовалъ распущенный легитимистами слухъ, что она погибла при разрушеніи національною гвардіею замка Пеннисьеръ, въ которомъ скрывалась. И послѣ этой неудачи, герцогиня не покинула своего намѣренія и сдѣлала еще нѣсколько неудачныхъ попытокъ, пока не попалась въ руки правительства. Одинъ прежній кліентъ ея, крещенный еврей (Дейцъ), предложилъ Тьеру выдать свою прежнюю благодѣтельницу за большое денежное вознагражденіе. Въ Нантѣ домъ ея былъ оцѣпленъ стражею и захваченная герцогиня была отправлена въ укрѣпленный замокъ (Бле) близъ

Бордо. Въ 1833 году герцогиня была освобождена изъ заключенія послѣ признанія, что она вступила годъ тому назадъ въ бракъ съ однимъ сицилійскимъ графомъ. Это признаніе, уничтожившее политическое значеніе герцогини, обезсилило легитимическую партію, которая свою борьбу съ Луи-Филиппомъ вела съ этихъ поръ уже не оружіемъ, а угрожающими письмами и поддержкою республиканцевъ.

Волненія въ Парижѣ.

Въ концѣ марта 1832 года холера, черезъ Лондонъ, проникла изъ Россіи въ Парижъ. Несмотря на всѣ противудѣйствующія ей мѣры, она быстро распространилась по столицѣ Франціи и произвела страшную смертность. Сначала она посѣтила исключительно бѣднѣйшее населеніе, а потомъ быстро проникла и въ остальные кварталы города. Число умиравшихъ доходило до 800—1000 человѣкъ въ сутки. Парижъ переполнился ужасомъ; къ тому же въ массѣ народной ходили, какъ и всегда бываетъ при эпидеміи, слухи объ отравѣ, поддерживаемые легитимистами, которые слагали все бѣдствіе на Луи-Филиппа. Народная толпа пришла въ ярость, обыскивала прохожихъ и умертвила много невинныхъ людей, у которыхъ они находили какой-нибудь порошокъ или жидкость. Только къ маю эпидемія стала ослабѣвать и въ теченіи этого мѣсяца совсѣмъ прекратилась. Въ огромномъ числѣ похищенныхъ холерою, самою чувствительною потерею для короля была смерть Казиміра Перье. Посѣщая холерные больницы въ сопровожденіи старшаго сына короля, Перье захворалъ и, не смотря на всѣ усилія докторовъ, скончался 16 мая. Послѣ его смерти усилилась партія оппозиціи и республиканцы отважились на явное возстаніе. Черезъ нѣсколько дней послѣ похоронъ Казиміра Перье, появилось сочиненіе подъ заглавіемъ «Отчетъ депутатовъ оппозиціи» (compte rendu), подписанный 160 членами. Весь отчетъ основывался на томъ положеніи, что «правительство просто считаетъ себя продолженіемъ реставраціи, тогда какъ и цѣлію и результатомъ іюльской революціи было дать наконецъ силу принципамъ 1789 года». Здѣсь оппозиція нападала на внѣшнюю и

внутреннюю политику Луи-Филиппа и дѣлала упрекъ правительству и за администрацію. Это сочиненіе произвело сильное впечатлѣніе въ Парижѣ, и быть можетъ оно было одною изъ причинъ тѣхъ волненій, которыя подвергли іюльскую монархію трудному испытанію. 5 іюня, по случаю похоронъ генерала Ламарка, республиканцы, легитимисты и бонапартисты сдѣлали прямое нападеніе на іюльскую монархію, чтобы нанести окончательный ударъ трону Луи-Филиппа. Въ день похоронъ Ламарка необозримая толпа народа наполняла съ ранняго утра улицы Парижа, и воспламененная надгробными рѣчами либеральнаго свойства, произносимыми въ честь покойника, котораго либеральная партія считала однимъ изъ лучшихъ своихъ ораторовъ, возвратилась въ городъ съ криками: «долой Луи-Филиппа, да здравствуетъ республика». При появленіи войска республиканцы на-скоро укрѣпились за баррикадами и вступили въ бой, который прекратился только къ ночи. На слѣдующій день битва возобновилась: часть мятежниковъ была убита, часть взята въ плѣнъ, а большинство разсѣялось въ бѣгствѣ. Хотя возстаніе было подавлено, однако король объявилъ Парижъ въ осадномъ положеніи и приказалъ арестовать главныхъ легитимистовъ (Шатобріана и де-Невиля) и республиканцевъ (Гарнье-Пажеса и Кабе) и предать ихъ военному суду. Луи-Филиппъ скоро возвратилъ арестованнымъ свободу, но какъ нельзя лучше воспользовался побѣдою надъ оппозиціею, издавъ четыре повелѣнія, усилившія его власть.

Послѣ смерти Казиміра Перье, король составилъ *подъ предсѣдательствомъ* преданнаго ему военнаго министра *Сульта новое министерство*, въ которомъ своими талантами и умѣніемъ противодѣйствовать оппозиціи отличались Гизо (министръ народнаго просвѣщенія) и Тьеръ (министръ внутреннихъ дѣлъ), оба—поклонники политики Казиміра Перье. Ихъ образъ дѣйствій король называлъ juste milieu (золотая середина); оппозиція же съ своей стороны этимъ названіемъ обозначала слабость новаго министерства. Чтобы предотвра-

тить на будущее время злыя намѣренія республиканцевъ, покушавшихся нѣсколько разъ на жизнь Луи-Филиппа, правительство повело *процессъ противъ республиканскихъ тайныхъ обществъ: «Друзей народа» и «Общества человѣческихъ правъ»*. Судъ опредѣлилъ закрыть эти общества, какъ вредныя общественному спокойствію. Члены ихъ однако не исчезли и готовились къ рѣшительному нападенію на іюльскую монархію (1834). Одновременно съ вторичнымъ возстаніемъ рабочихъ въ Ліонѣ, поднялось движеніе и въ Парижѣ. Но въ самомъ началѣ оно было прекращено, потому что главные агитаторы его были арестованы; въ томъ числѣ и Буанаротти, представитель французскихъ карбонаріевъ. 14 апрѣля спокойствіе было возстановлено. Процессъ арестованныхъ (извѣстный подъ названіемъ «апрѣльскаго процесса»), число которыхъ доходило до 121, разоблачилъ ихъ происки и много содѣйствовалъ паденію республиканской партіи. *Покушеніе на жизнь короля*, недостигшее своей цѣли, ускорило упадокъ республиканизма. Тревожные слухи уже предсказывали, что въ годовщину іюльской революціи врагами короля затѣвается отчаянное предпріятіе противъ государственнаго порядка. 28 іюля слухи оправдались во время смотра королевскаго, сдѣланнаго національной гвардіи и линейнымъ полкамъ. Король съ блестящей свитой ѣхалъ верхомъ и лишь только онъ прибылъ къ бульвару du Temple, какъ одинъ національный гвардеецъ выступилъ съ просьбою въ рукахъ. Луи-Филиппъ нагнулся, чтобы взять у него бумагу, какъ въ ту же минуту затрещали выстрѣлы и цѣлый дождь пуль посыпался на его свиту. Король и сыновья его остались невредимы, но изъ свиты и войска нѣсколько человѣкъ были убиты. Эта «адская машина» помѣщалась въ ближайшемъ домѣ, откуда и сдѣланы были убійственные выстрѣлы. Главный заговорщикъ Фіэски, родомъ корсиканецъ, съ нѣкоторыми изъ своихъ сообщниковъ былъ схваченъ и преданъ суду, который приговорилъ Фіэски и двухъ его соучастниковъ къ смертной казни (февраль 1837 г.). Кровопролитіе

на бульварѣ du Temple, противъ всѣхъ расчетовъ со стороны республиканцевъ, послужило къ усиленію королевской власти. Правительство издало новыя (сентябрскія) постановленія, которыя подвергали строгимъ наказаніямъ за оскорбленіе королевской особы и за нападеніе на принципы правительства.

Перевезеніе праха Наполеона I въ Парижъ и покушеніе Луи-Наполеона.

Но ни строгость наказаній, ни такъ называемые «сентябрскіе» законы не устрашили злоумышленниковъ и не удержали ихъ отъ новыхъ покушеній. Новыми смятеніями во Франціи задумалъ воспользоваться Луи-Наполеонъ, который намѣревался низвергнуть тронъ Луи-Филиппа и возстановить династію Бонапарта на престолѣ Франціи. Луи-Наполеонъ, сынъ Людовика, короля Голландскаго (брата Наполеона I) и королевы Гортензіи (дочери Жозефины Богарне), родился въ 1808 г. Послѣ паденія своего дяди, онъ оставилъ Францію и жилъ со своею матерью въ Швейцаріи, на берегу Констанскаго озера; здѣсь онъ вполнѣ предался дѣлу своего образованія, пристрастился къ военнымъ наукамъ и написалъ нѣсколько сочиненій по этой отрасли знаній. Въ 1831 году онъ участвовалъ въ волненіяхъ Италіи, но послѣ неудачи снова вернулся въ Швейцарію. Въ 1836 году онъ сдѣлалъ покушеніе низвергнуть тронъ Луи-Филиппа: съ этою цѣлью онъ отправился въ Страсбургъ, вошелъ въ сношеніе съ страсбургскимъ гарнизономъ, и приготовивъ все для возстанія, провозгласилъ себя императоромъ (подъ именемъ Наполеона II). Но попытка его не имѣла успѣха: онъ былъ схваченъ и отправленъ въ Америку. Въ слѣдующемъ году онъ возвратился въ Европу и поселился въ Англіи. Равнодушіе Луи-Филиппа къ вопросамъ внѣшнимъ (въ которыхъ цѣлью политики короля было сохранить миръ во что-бы то ни стало) ставило Францію въ весьма затруднительное положеніе и вызывало общее неудовольствіе противъ короля. Чтобы поднять прежній воинственный духъ французовъ, глава тогдашняго министерства Тьеръ (историкъ Наполеона I) предложилъ перевезти съ острова Елены въ Парижъ прахъ Наполеона. Впечатлѣніе, про-

изведенное этимъ событіемъ, возбуждавшимъ сочувствіе къ имени Наполеона, хотя и не измѣнило мирнаго направленія Луи-Филиппа къ внѣшнимъ вопросамъ, но подало племяннику Наполеона новую надежду на возстановленіе трона Бонапарте. Въ августѣ 1840 г. Луи-Наполеонъ высадился въ Булони и издалъ манифестъ, въ которомъ еще разъ провозгласилъ себя императоромъ, а Тьера назначалъ министромъ. Но и на этотъ разъ онъ не имѣлъ успѣха: онъ былъ схваченъ и съ своими приверженцами осужденъ на пожизненное заключеніе въ крѣпости Гамѣ (на границѣ Бельгіи), гдѣ и находился до 26 мая 1846 г. (о дальнейшей его дѣятельности см. исторію Франціи въ третьемъ періодѣ, гл. XV).

Въ теченіи времени съ 1832 по 1840 годъ быстро смѣнялись министерства (маршалъ Сультъ, Жераръ, герцогъ Бассано, маршалъ Мортье, герцогъ Брольо, Тьеръ, графъ Моле, герцогъ Монтебелло и Гизо). Во всѣхъ этихъ министерствахъ преобладало вліяніе самого короля, который старался подавить оппозицію и усилить значеніе монархической власти. Въ послѣднее министерство, именно при Гизо, оппозиція потребовала реформы закона о выборахъ (обвиняя Гизо и его товарищей въ подкупѣ палатъ) и произвела съ помощію народной толпы «февральскую революцію» (24 февраля 1848 года), которая окончилась паденіемъ Луи-Филиппа и провозглашеніемъ республики.

Чтобы отстранить на будущее время волненія, которыя мѣшали дѣламъ и внутренней и внѣшней политики, правительство старалось привлечь на свою сторону большинство членовъ палаты депутатовъ посредствомъ подкуповъ. Дѣйствительно вслѣдствіе высокаго ценза правомъ избирательства стали пользоваться только немногіе-богатые, такъ что изъ 30 милліоновъ населенія Франціи лишь 200 тысячъ имѣли это право. По этому оппозиція, состоявшая изъ приверженцевъ конституціи, республики, легитимистовъ и бонапартистовъ, оппозиція во главѣ которой стояли теперь Ламартинъ и Ледрю-Ролленъ, потребовала реформы выборовъ въ палату,

желая распространить право избирательства на всю націю или по крайней мѣрѣ на все среднее сословіе, въ надеждѣ, что при новыхъ выборахъ подкупъ будетъ невозможенъ и палаты сдѣлаются мѣстомъ собранія настоящихъ представителей. Къ сторонѣ оппозиціи примкнула и чернь, волнуемая мечтательными теоріями коммунизма и соціализма, сулившими бѣднякамъ невозможное равенство въ распредѣленіи земныхъ благъ (*). Въ 1845 году Ледрю-Ролленъ предложилъ реформу выборовъ и съ этихъ поръ слово «реформа» сдѣлалось условнымъ лозунгомъ оппозиціонныхъ партій. Сторону оппозиціи поддерживалъ англійскій министръ Пальмерстонъ (Лордъ Поджигатель), при которомъ разстроилось «сердечное согласіе» между Англіею и Франціею по поводу испанскихъ событій (см. выше); онъ помогъ укрыться въ Англіи бѣжавшему изъ Гамы Луи-Наполеону (26 мая 1846), и своимъ союзомъ съ оппозиціею придалъ ей больше смѣлости и рѣшимости. По всѣмъ значительнымъ городамъ Франціи начались банкеты или торжественные обѣды, на которыхъ произносились рѣчи

---

*) Между 1830 и 1848 г. во Франціи быстро распространялись соціалистическія теоріи. Онѣ расходились на два направленія: *соціалистическое*, которое совокупностью физическихъ и духовныхъ силъ думаетъ уничтожить нищету и достигнуть высшаго благоденствія и счастія для каждаго бѣднака; *коммунистическое* старается уничтожить частную собственность и всѣ имущества дѣлить поровну. Оба направленія, какъ видно, основаны не на благородномъ влеченіи поддерживать себя собственною дѣятельностію, но на чувствахъ себялюбія и самонаслажденія чужимъ трудомъ и добромъ. Страшно стѣсняя свободу каждаго отдѣльнаго лица, эти теоріи не хотятъ понять, что достигнуть безусловнаго равенства невозможно и что неравенство и существованіе властей установлено самимъ Богомъ. Смотря на человѣческую натуру съ идеальной точки зрѣнія, онѣ не берутъ во вниманіе ни нравственной слабости, ни испорченности, ни своеобразныхъ желаній, ни страстей отдѣльныхъ лицъ и увлекаются мечтами устранить всякое зло. Первыя соціальныя реформы съ направленіемъ соціалистическимъ и коммунистическимъ были задуманы графомъ Сенъ-Симономъ (†1825) и Фурье (†1837).

республиканскаго содержанія, имѣвшія цѣлью произвести движеніе въ пользу реформы. Подобный банкетъ былъ устроенъ и въ Парижѣ на Елисейскихъ поляхъ (22-го февраля 1848 года), куда приглашена была и національная гвардія. Хотя правительство запретило этотъ банкетъ, но движеніе не прекращалось, и утромъ 23-го февраля Парижъ былъ въ сильномъ волненіи, въ которомъ общее неудовольствіе было направлено противъ министерства Гизо. Опасаясь междоусобій, король распустилъ министерство Гизо и обѣщалъ реформу. Парижъ обрадовался этому извѣстію и отпраздновалъ его великолѣпною иллюминаціею и торжественными процессіями съ знаменами и факелами. Только одни республиканцы были недовольны и старались снова нарушить спокойствіе. Подъ предводительствомъ Лагранжа они столпились передъ домомъ министра Гизо и сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ въ батальонъ пѣхоты, охранявшій министерскій домъ, требуя, чтобы на этомъ домѣ зажжена была также иллюминація. Батальонъ съ своей стороны далъ залпъ и убилъ до 50 человѣкъ. Подстрекаемая республиканцами, толпа разсѣялась по улицамъ и съ криками «насъ убиваютъ» стала сзывать народъ къ оружію. Въ полночь на 24 февраля раздался набатъ на соборѣ Парижской Божіей Матери и въ короткое время весь Парижъ былъ охваченъ бурею революціи. Такъ какъ король запрещалъ стрѣлять въ толпу, то она безпрепятственно проникла въ Тюильри, разграбила дворецъ и разрушила королевскій тронъ. Престарѣлый Луи-Филиппъ думалъ прекратить революцію назначеніемъ министерства изъ оппозиціи, но это не остановило неистовствъ черни, которая подъ вліяніемъ республиканцевъ требовала учрежденія республики. Потерявъ теперь все присутствіе духа, король уступилъ совѣтамъ своихъ приближенныхъ и утромъ 24 февраля отказался отъ короны въ пользу внука своего, графа Парижскаго подъ регентствомъ его матери, герцогини Орлеанской. Король выѣхалъ съ семействомъ въ Англію, а герцогиня Орлеанская съ своимъ сыномъ и его дядею, герцогомъ Немурскимъ, отправилась въ палату

Банкетъ на Елисейскихъ поляхъ.

Отреченіе Луи-Филиппа

депутатовъ, надѣясь утвердить за собою званіе регентши. Но и она должна была оставить Парижъ, когда толпа ворвалась въ королевскій дворецъ и провозгласила республику.

Родословная таблица Орлеанскаго дома:

Филиппъ, герц. Орлеанскій (Egalité) † 1793.

Луи-Филиппъ, король Франціи (1830—1848) въ супружествѣ съ Амаліею, Неапол. принцессою.

- герц. Орлеанскій † 1842 въ супр. съ Еленою, Мекленбургскою принц.
  - Людов., графъ Парижскій.
  - Робертъ, герц. Шартрскій.
- герц. Немурскій.
- герц. Жуанвильскій.
- герц. Омальскій.
- герц. Монпансье.

Внѣшнія отношенія Франціи при Луи-Филиппѣ. Внѣшняя политика Франціи при Луи-Филиппѣ отличалась миролюбивымъ характеромъ. Король-гражданинъ старался достичь признанія правъ своихъ на престолъ и на равенство съ другими государями не мечемъ, какъ нѣкогда императоръ Наполеонъ I, но политикою и дипломатіею какъ «Наполеонъ мира». (Napoleon de la paix). Потому французское правительство, несмотря на вліяніе іюльской революціи на нѣкоторыя мѣстности Европы, не сочувствовало тѣмъ либеральнымъ движеніямъ, которыя, разсчитывая на помощь Франціи, зашевелились въ Польшѣ, Германіи и Италіи. Только въ возстаніи бельгійцевъ (см. главу X) Франція принимала дѣятельное участіе, и то главнымъ образомъ потому, что остальныя великія державы покровительствовали этому движенію и на лондонской конференціи поддерживали независимость Бельгійскаго королевства. Поляки же не нашли сочувствія въ іюльской монархіи и другихъ правительствахъ западной Европы и всѣ попытки ихъ къ возстановленію самостоятельности Польши кончились совершенно безуспѣшно. Вмѣшательствомъ въ дѣла Италіи король уступилъ только требованіямъ либераловъ: французское

правительство выслало войско въ Анкону, чтобы защитить этотъ край отъ австрійскаго полновластія. Совершенно иною политикою руководился Луи-Филиппъ во внѣшнихъ внѣ-европейскихъ вопросахъ: онъ уступилъ воинственному духу французовъ, требовавшихъ себѣ какого-нибудь поприща славы, и указалъ имъ на Алжиръ.

Походъ въ Алжиръ, занятый французами уже передъ самою іюльскою революціею, представлялъ большія выгоды королю и Франціи. Уже не говоря о той военной практикѣ, какую могли вынести французскія войска изъ борьбы съ храбрыми кабилами и бедуинами, походъ въ Африку представлялъ французскому правительству весьма удобное средство для удаленія изъ страны множества безпокойныхъ, неугомонныхъ людей. Задачею Луи-Филиппа было окончательное покореніе Алжира и цивилизація этого края посредствомъ переселенія туда колонистовъ не только изъ Франціи, но и другихъ странъ. Новые набѣги бедуинскихъ ордъ, мѣшавшихъ водворенію гражданственности въ Алжирѣ, и вызвали второй походъ французовъ. Съ большими трудностями приходилось французамъ поддерживать первые успѣхи своего оружія въ Алжирѣ; ни на минуту нельзя было покидать оружія, потому что во главѣ туземныхъ племенъ стоялъ хитрый и неистощимый на разнообразные планы и средства эмиръ *Абдель-Кадеръ*. Обладая точнымъ знаніемъ мѣстности и пользуясь безусловною покорностію туземцевъ, онъ счастливо и успѣшно сопротивлялся нѣсколько лѣтъ французамъ, которымъ наносилъ сильныя пораженія, несмотря на военныя дарованія маршала Клозеля и отчаянную храбрость зуавовъ *). Только генералу Бюжо, заслужившему въ войнѣ съ Абдель-Кадеромъ маршальскій жезлъ и титулъ герцога Ислійскаго, удалось принудить повелителя кабилловъ къ миру, который былъ подписанъ при Тафнѣ (май

*) Такъ назывался новый полкъ, учрежденный Клозелемъ. Онъ состоялъ изъ парижанъ и туземцевъ; форма его—восточный костюмъ.

1837 г.). Этимъ миромъ признавалась верховная власть Франціи надъ Алжиромъ. Только съ этихъ поръ, когда, казалось, упрочилось господство французовъ въ Африкѣ, и возможны были заботы о колонизаціи и внутреннемъ устройствѣ завоеванной страны, Абдель-Кадеръ, между тѣмъ, нарушилъ миръ. Усиливъ свое войско новыми покоренными племенами арабовъ, жившихъ къ югу отъ его владѣній, эмиръ снова началъ свои опустошительные набѣги на христіанскихъ колонистовъ. Раззоривъ колоніи, Абдель-Кадеръ доводилъ свои набѣги до самыхъ воротъ города Алжира: французы платили ему тѣмъ же, высылая противъ него такъ называемыя рацціи или экспедиціи. Такъ, напримѣръ, Пелисье загналъ до тысячи арабовъ въ одну пещеру (Дара) и задушилъ ихъ дымомъ. Съ помощію генерала Ломорисьера, маршалу удалось сломить могущество Абдель-Кадера, который, съ потерями нѣкоторыхъ своихъ крѣпостей (сайда), лишился средствъ для продолженія войны. Послѣ вторичнаго взятія города Маскары, большая часть кабилловъ отказалась ему повиноваться, и эмиръ принужденъ былъ бѣжать въ Марокко. Маршалъ Бюжо послѣдовалъ за нимъ (1844), что̀ и было поводомъ къ войнѣ между Франціею и императоромъ Марокскимъ. Но лишь только французскій флотъ появился у береговъ Марроко, а маршалъ перешелъ черезъ рѣку Исли, императоръ просилъ мира, который и былъ заключенъ (10 сент. 1844) въ Танджерѣ. По этому миру императоръ отказался помогать Абдель-Кадеру и обязался выслать его изъ своихъ владѣній. Эмиръ нѣсколько разъ еще пытался поднять возстаніе магометанъ, воспламеняя въ нихъ религіозную ненависть къ французамъ, и огнемъ и мечемъ истреблялъ пришельцевъ изъ Европы; но всѣ его попытки были безуспѣшны. Наконецъ, въ 1847 г., покинутый всѣми своими соотечественниками и единовѣрцами, Абдель-Кадеръ сдался генералу Ламорисьеру, выговоривъ себѣ пропускъ въ Египетъ. Но король приказалъ привезти его съ семействомъ во Францію, гдѣ онъ и оставался плѣнникомъ до Наполеона III, который далъ ему свободу: онъ

поселился въ г. Бруссѣ (въ Мал. Азіи). Завоеваніе Алжира доставило Франціи,—съ одной стороны,—участіе въ господствѣ на Средиземномъ морѣ и вліяніе на восточныя дѣла; съ другой—оно уронило военно-политическое значеніе Гибралтара, который съ этихъ поръ сталъ играть роль только точки опоры англійской контрабандной торговли на берегахъ Испаніи.

Франція по отношенію *къ восточному вопросу* издавна держалась той политики, чтобы поддерживать миръ и согласіе съ магометанскими правительствами востока. Эта политика основана была въ надеждѣ пріобрѣтенія Египта (что̀ входило и въ планы Наполеона I), въ случаѣ, если бы слабая Оттоманская Порта послѣ своего паденія подверглась дѣлежу между великими державами. Тогда, владѣя Алжиріей и Египтомъ, Франція образовала бы сильное колоніальное государство, которое могло бы соперничать съ Англійскою Индіею. Вѣроятно подобные расчеты и побудили Луи-Филиппа поддержать египетскаго пашу Махмета-Али въ борьбѣ его противъ турецкаго султана. Достигши званія паши изъ низкаго происхожденія, Махметъ-Али уничтожилъ господство мамелюковъ въ Египтѣ и подъ вліяніемъ французскихъ совѣтовъ ввелъ законы (составленные по образцу французскихъ), устроилъ училища, типографіи и приготовилъ значительныя сухопутныя и морскія силы, съ помощью которыхъ расширилъ свои владѣнія завоеваніемъ Нубіи, Кордофана, Сиріи и Палестины. Хотя Порта, по предположенію великихъ державъ, предоставила управленіе первыми двумя пріобрѣтеніями Махмету-Али, а вторыми — его сыну Ибрагиму, но только подъ верховною властію султана; однако паша египетскій этимъ не удовольствовался. Онъ стремился образовать изъ Египта и своихъ завоеваній наслѣдственное независимое государство и съ этою цѣлью отказался платить дань султану. Такъ началась война между Египтомъ и Портою (1839—1841). Франція поддерживала пашу, а прочія великія державы, составивъ «четвертый союзъ», вступились

за султана. Эта война кончилась миромъ, по которому Махмедъ-Али долженъ былъ возвратить султану Сирію, Палестину, Кандію и захваченный измѣною капитанъ-паши турецкій флотъ; а Египетъ и Нубія были отданы ему и потомкамъ его въ наслѣдственное управленіе, съ обязательствомъ платить дань султану.

ГЛАВА X.

Бельгійская революція.

Вліяніе іюльской революціи раньше всего отразилось на сосѣдственной и родственной съ Франціею по языку и нравамъ Бельгіи. Соединенная по рѣшенію Вѣнскаго конгресса съ Голландіею въ одно государство подъ названіемъ Нидерландскаго королевства, Бельгія поднялась во имя самостоятельности, произвела революцію и образовала независимое Бельгійское королевство (1831).

До 1579 г. Голландія и Бельгія существовали нераздѣльно подъ общимъ именемъ Нидерландовъ и принадлежали испанскимъ Габсбургамъ. Въ 1579 г. при Филиппѣ II, вслѣдствіе проникнувшей туда реформаціи въ ученіи Кальвина, семь сѣверныхъ нидерландскихъ провинцій отдѣлились отъ 10 южныхъ, и образовали независимое государство—Утрехтскую Унію, которая съ Вестфальскаго мира (1648) носила названіе Голландской республики. Десять южныхъ провинцій, оставшіяся вѣрными Испаніи и католичеству, получили съ этихъ поръ названіе Испанскихъ Нидерландовъ, а съ 1714 года (миръ въ Раштадтѣ), послѣ перехода подъ власть Австріи, онѣ назывались Австрійскими Нидерландами. Въ эпоху революціонныхъ войнъ и Голландія и Австрійскіе Нидерланды были присоединены къ Франціи, при чемъ первая была обращена въ республику — Батавскую, и впослѣдствіи образовала изъ себя Голландское королевство, отданное Наполеономъ брату Людовику; въ 1810 г. оно было присоединено къ

Франціи. Что же касается до Австрійскихъ Нидерландъ, то эти земли какъ вошли въ составъ Франціи, такъ и оставались за нею до 1814 года. На Вѣнскомъ конгрессѣ рѣшено было соединить разрозненныя части Нидерландовъ въ одно королевство, чтобы на сѣверѣ Франціи образовать сильный оплотъ на случай новыхъ завоевательныхъ стремленій послѣдней. На престолъ новаго государства былъ возведенъ Вильгельмъ Оранскій, сынъ послѣдняго штатгальтера Голландской республики Вильгельма V, подъ именемъ Вильгельма I. Такъ образовалось королевство Нидерландское, которое дѣйствительно представляло сильную державу: оно заключало до 1,100 кв. миль съ шестью съ половиною милліонами жителей; къ нему были присоединены земли бывшаго архіепископства Люттихскаго и великаго герцогства Луксембургскаго; югъ королевства былъ обезпеченъ рядомъ первокласныхъ крѣпостей.

Задача короля Вильгельма — слить населеніе Голландіи и Бельгіи въ одно цѣлое, чтобы на будущее время упрочить это соединеніе, оказалась неразрѣшимою вслѣдствіе тѣхъ рѣзкихъ особенностей, которыми бельгійцы отличались отъ голландцевъ. Искуственность дипломатическаго соединенія Голландіи и Бельгіи выражалась въ различіи населенія по происхожденію, языку и религіи. Населеніе Нидерландскаго королевства принадлежало по своему происхожденію къ двумъ совершенно различнымъ корнямъ: жители южной части или Бельгіи принадлежали къ фламандской расѣ, происшедшей изъ сліянія кельтско-гальской народности съ римскою и отчасти съ германскою; послѣ римскаго господства, утвердившагося здѣсь въ III вѣкѣ, край этотъ подвергся нападенію франковъ, и впослѣдствіи французовъ, подъ вліяніемъ которыхъ сформировались языкъ и обычаи бельгійцевъ. До сихъ поръ въ Бельгіи языкъ французскій есть языкъ горожанъ, литературы и высшаго сословія. Почти все населеніе Бельгіи (въ числѣ $4^1/_2$ милліоновъ) исповѣдуетъ католическую вѣру. Населеніе же сѣверной части Нидерландовъ или бывшей голландской

республики—чисто-германскаго происхожденія (фризы); языкъ голландскій есть нарѣчіе нижне-германскаго діалекта; вѣроисповѣданіе въ Голландіи отчасти лютеранское, отчасти реформатское (кальвинническое). Бельгійцы постоянно тянули къ Франціи; голландцы же чуждались всего французскаго, особенно со времени подпаденія подъ власть Наполеона I.

Это рѣзкое различіе между голландцами и бельгійцами не только не исчезло послѣ соединенія ихъ подъ скипетромъ единаго государя, но еще породило между ними бо́льшую ненависть, когда бельгійцы замѣтили, что король отдаетъ во всемъ преимущество голландцамъ, а на нихъ смотритъ какъ на присоединенный къ Голландіи народъ. Дѣйствительно голландцы считали себя племенемъ господствущимъ, и потому начали съ того, что принудили бельгійцевъ къ уплатѣ части своего государственнаго долга, потомъ старались имъ навязать свои законы, обычаи, языкъ и даже отдали воспитаніе въ руки протестантскаго духовенства. Эти мѣры образовали множество недовольныхъ (либераловъ), которые, слившись съ партіею клерикаловъ (т. е. духовенства католическаго), стали хлопотать о расторженіи соединенія съ Голландіею.

Первыя пять лѣтъ правленія Вильгельма I (изъ фамиліи Нассау - Оранской) прошли въ устройствѣ государственной конституціи (1819). Власть короля была ограничена собраніемъ представителей отъ сословій или такъ называемыми генеральными штатами (Generalstaaten), которые состояли изъ 110 членовъ, по 55 человѣкъ отъ бельгійцевъ и голландцевъ. Тотчасъ послѣ обнародованія конституціи, возникли споры между сѣвернымъ и южнымъ населеніемъ. Бельгійцы были недовольны постановленіями конституціи, потому что голландская нація, вдвое меньшая по количеству населенія, имѣла одинаковое съ ними число представителей въ народномъ собраніи; они доказывали, что отъ бельгійской націи число представителей на генеральныхъ штатахъ должно быть вдвое больше противъ голландской. Король Вильгельмъ I не могъ согласиться на требованіе южнаго населенія, чтобы не

породить перевѣса одной націи надъ другою и чтобы не нарушить того равенства, которымъ обусловлено присоединеніе Бельгіи. Несогласіе между національностями усилилось еще болѣе, когда приступили къ рѣшенію вопроса, какой языкъ долженъ сдѣлаться языкомъ правительства? Вопросъ о господствующемъ языкѣ былъ вопросомъ не литературнымъ, но политическимъ, такъ какъ имъ опредѣлялось то направленіе, которое приметъ соединенное государство. Принять языкъ французскій за правительственный было крайне неудобно, потому что это языкъ чужеземный; а потому совершенно справедливо указывалъ король на языкъ голландскій, какъ на языкъ самостоятельный, и требовалъ, чтобы онъ былъ введенъ въ употребленіе на совѣщаніяхъ генеральныхъ штатовъ, въ судахъ и во всей правительственной перепискѣ. Но когда бельгійскіе представители отказались совѣщаться на этомъ языкѣ и по прежнему употребляли свой языкъ, король издалъ въ 1823 году указъ, по которому объявлялось, чтобы всѣ лица, желающія занимать общественныя должности, черезъ пять лѣтъ, умѣли свободно изъясняться и писать по-голландски, и чтобъ языкъ этотъ былъ введенъ во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ Бельгіи. Это постановленіе произвело сильное неудовольствіе и волненіе среди южнаго населенія, которое еще болѣе усилилось вслѣдствіе мѣры, предложенной королемъ, относительно образованія духовенства. Такъ какъ большинство бельгійскаго духовенства оканчивало свое воспитаніе во французскихъ коллегіяхъ, переполненныхъ іезуитами, то король, ожидавшій мало добраго отъ іезуитскаго направленія, приказалъ учредить въ Лувенѣ высшее духовное училище, подчиненное правительственному надзору; кто не кончилъ курса въ этомъ училищѣ, тотъ не могъ получить духовнаго мѣста въ королевствѣ.

Клерикальная партія бельгійскаго (католическаго) духовенства, недовольная такими распоряженіями короля, слилась съ партіею либераловъ, которая поддерживала неудовольствія свѣтскихъ сословій; онѣ, дѣйствуя сообща, составили оппози-

цію и употребляли всѣ усилія, чтобы возбудить ненависть къ правительству Вильгельма I. Пользуясь свободою слова и печати, они говорили въ собраніи генеральныхъ штатовъ и писали такъ смѣло и дерзко, что король приказалъ арестовать нѣкоторыхъ членовъ оппозиціи, а одного изъ главныхъ ихъ агитаторовъ. де-Поттера, удалилъ въ изгнаніе. Живя въ Парижѣ въ виду іюльскихъ событій, Поттеръ своею перепискою съ оппозиціею раздражалъ умы бельгійцевъ, подстрекая ихъ на неумѣренныя требованія и указывая имъ на примѣръ французовъ. Онъ писалъ и Вильгельму I, совѣтуя ему для предупрежденія революціи согласиться на требованія бельгійцевъ. Но король не придавалъ его совѣтамъ никакого значенія и письма оставлялъ безъ отвѣта, тѣмъ болѣе, что цѣлый мѣсяцъ со времени іюльской революціи прошелъ безъ всякаго нарушенія спокойствія. Вильгельмъ I надѣялся, что іюльскія событія пройдутъ безслѣдно для его королевства и не принялъ никакихъ мѣръ предосторожности. Дѣйствительно, нѣсколько недѣль сряду послѣ извѣстія о низверженіи съ престола Карла X, столица Бельгіи (Брюссель) находилась въ самомъ праздничномъ настроеніи. Освященіе новой церкви, мануфактурная выставка и приближающееся празднованіе 59 года рожденія короля, къ которому приготовлялись фейерверки и блистательныя иллюминаціи, достаточно удостовѣряли короля, что парижскія событія пройдутъ мимо. Вильгельмъ I прибылъ въ Брюссель съ сыномъ Фридрихомъ, не разсчитывая оставаться здѣсь до дня своего рожденія (12 (24) августа). Только по пріѣздѣ въ столицу Бельгіи, онъ убѣдился, что спокойствіе ея не болѣе какъ кажущееся, потому что умы находятся въ броженіи вслѣдствіе смутныхъ слуховъ о готовящемся къ ожидаемому празднеству возстаніи. Но король оставался по прежнему равнодушенъ, несмотря на то, что гофмаршалъ его (д'Арженто) представлялъ ему при отъѣздѣ изъ Брюсселя всю опасность настоящаго положенія дѣлъ, а генералъ Биландтъ доносилъ о недостаточномъ количествѣ военной силы въ столицѣ на случай возмущенія. Это спокой-

ствіе и равнодушіе короля были слѣдствіемъ излишней самонадѣянности и увѣренности въ неспособности бельгійцевъ къ возстанію. Между тѣмъ члены оппозиціи: Гендебіенъ (правая рука де-Поттера), Ванъ-де-Вейеръ и др. съ негодованіемъ смотрѣли на невозмутимость бельгійцевъ; они составили планъ отпаденія Бельгіи и присоединенія ея къ Франціи, на помощь которой они расчитывали. Съ нѣкоторыми изъ своихъ единомышленниковъ, Гендебіенъ отправился въ Парижъ, чтобы предложить Бельгію въ подданство Франціи; здѣсь онъ сблизился съ нѣкоторыми республиканскими обществами и велъ переговоры о томъ, чтобы Франція объявила войну за Бельгію. Въ серединѣ августа онъ былъ извѣщенъ отъ правительства Луи-Филиппа, что Франція не вступитъ въ борьбу за Бельгію. Мнѣніе Гендебіена не раздѣляли ни Поттеръ, ни другіе изгнанники, (получившіе позволеніе жить во Франціи); планъ ихъ состоялъ въ томъ, чтобы поднять сперва возстаніе въ Бельгіи, а потомъ призвать на помощь Францію, къ которой и присоединится освобожденная Бельгія. Одинъ изъ ихъ соотечественниковъ Шавіе, какъ богатый фабрикантъ, располагавшій огромнымъ числомъ рабочихъ, былъ назначенъ проводникомъ бельгійской революціи, которая должна вспыхнуть въ Брюсселѣ въ день рожденія короля. Заговорщики дѣйствовали такъ открыто, что на стѣнахъ домовъ прибивали программы своихъ намѣреній; въ нихъ объявлялось: «въ понедѣльникъ—фейерверкъ, во вторникъ—иллюминація, въ среду—революція». Вечеромъ 12 (24) августа давалась опера la muetto di Portici (Фенелла), содержаніе которой составляетъ возстаніе Мазаніеллы въ Неаполѣ. По окончаніи спектакля, въ продолженіе котораго массы народа собирались на театральной и монетной площадяхъ, толпа съ крикомъ бросилась на домъ Либри, редактора одной изъ правительственныхъ газетъ, разбила типографскіе станки, ограбила погребъ съ винами, и въ пьяномъ видѣ направилась къ дому директора полиціи и министра юстиціи ванъ-Маанена и зажгла ихъ. На другой день утромъ были разграблены оружей-

ные магазины и вооруженная толпа доходила до 1 200 человѣкъ, которые быстро разсѣялись по всему городу, производя опустошенія, грабежъ и насиліе. Мирные граждане бросились въ ратушу, соединились съ національною гвардіею и только залпомъ ружейныхъ выстрѣловъ могли остановить неистовство мятежниковъ. Между тѣмъ зачинщики произведенныхъ безпорядковъ собрали совѣтъ изъ самыхъ знатныхъ гражданъ, составили адресъ и отправили къ королю депутацію, которая просила удаленія ванъ-Маанена и нѣкоторыхъ другихъ министровъ, неумѣвшихъ, по ихъ словамъ, удовлетворить народнымъ потребностямъ.

Первыя извѣстія о брюссельскихъ безпорядкахъ король получилъ въ Лоо. Онъ поспѣшно собралъ министровъ на совѣщаніе, на которомъ положено было наказать самымъ строгимъ образомъ виновниковъ возстанія. Король выразилъ надежду на помощь Англіи, но старшій сынъ его, принцъ Оранскій, не совѣтывалъ много расчитывать на Англію, такъ какъ она признала іюльскую монархію: онъ отстранялъ вмѣшательство иностранной политики и совѣтывалъ королю сдѣлать нѣкоторыя уступки, чтобы мѣстное возстаніе не превратилось въ гражданскую войну. Онъ предлагалъ свои услуги отправиться въ качествѣ уполномоченнаго въ Брюссель для переговоровъ; но король отказалъ ему въ уполномочіи, и согласился отправить его только съ мирнымъ посланіемъ къ бельгійцамъ, чтобы этимъ путемъ уяснить себѣ ходъ и положеніе дѣла; младшій братъ, принцъ Фридрихъ, долженъ сопровождать его съ войскомъ, которое предположено было сосредоточить у Антверпена. Какъ только сдѣлалось извѣстнымъ, что принцы прибыли въ Антверпенъ съ шестью пароходами, наполненными войскомъ, какъ населеніе Брюсселя вновь пришло въ волненіе; національная гвардія, перейдя на сторону возмущенія, начала пополняться и вооружаться. Когда депутаты отъ столицы, отправленные къ принцу Оранскому для переговоровъ и просьбы, чтобы принцъ не вводилъ голландскихъ войскъ въ городъ, объявили народу объ отказѣ, въ Брюсселѣ

поднялся бурный шумъ негодованія: раздавались призывы ко всеобщему вооруженію и быстро началась постройка баррикадъ: мостовая была разрушена; въ нѣкоторыхъ домахъ размѣщались метательныя орудія. Къ полуночи, около 15 баррикадъ запирали уже главныя улицы и входъ въ городскія ворота. Такія приготовленія къ междоусобной войнѣ сдѣлали принца уступчивѣе и онъ согласился, по предложенію депутатовъ, лично, безъ сопровожденія войска, явиться въ Брюсселѣ. Встрѣча была крайне непривѣтливая: толпа, вооруженная чѣмъ-попало, съ брабантскими кокардами (вмѣсто голландскихъ) окружила его лошадь и съ неистовствомъ кричала: «долой ванъ-Маанена, да здравствуетъ свобода». Но принцъ при всѣхъ этихъ сценахъ сохранилъ полное присутствіе духа, и чтобы успокоить возстаніе, обѣщалъ не вводить войска въ городъ и выразилъ желаніе, чтобы назначены были выборные отъ народа, которымъ бы поручено было пріискать средства къ соглашенію между правительствомъ и гражданами. Этою мѣрою принцу дѣйствительно удалось на нѣсколько дней успокоить бельгійцевъ. Въ числѣ выборныхъ находился и Гендебіенъ, который совѣтывалъ принцу прекратить сношеніе съ голландскимъ правительствомъ и встать во главѣ возстанія въ Бельгіи, которая современемъ быть можетъ предложитъ ему свой тронъ. Но принцъ отъ такого предложенія отказался, говоря: «потомство не будетъ вправѣ сказать, что принцъ Нассауской линіи сорвалъ корону съ головы своего отца». Не мало былъ удивленъ принцъ, когда и вся депутація выборныхъ повторила ему тоже предложеніе. Озадаченный такими неожиданностями, принцъ старался указать выборнымъ, что это не столько династическій вопросъ, сколько вопросъ европейской политики, и что подобное разрѣшеніе его не согласуется ни съ государственными учрежденіями, ни съ существующими договорами. Ему возражали, что законъ необходимости важнѣе всякихъ договоровъ. Наконецъ принцъ спросилъ—останутся ли бельгійцы, въ случаѣ его согласія на ихъ предложенія, вѣрными Оранской династіи и будутъ ли они отра-

жать насильственное вторженіе въ ихъ землю французовъ? Принявъ этотъ вопросъ принца за согласіе, выборные издали прокламацію, въ которой объявили, что войска голландскія возвратятся домой и что принцъ обѣщаетъ ходатайствовать передъ королемъ объ отдѣленіи южныхъ провинцій отъ сѣверныхъ безъ перемѣны царствующей династіи.

Дѣйствительно, прибывъ въ Гаагу, принцъ сдержалъ почти силою вынужденное у него слово и энергически дѣйствовалъ передъ королемъ въ пользу бельгійцевъ; его сторону держали и нѣкоторые министры, считавшіе раздѣленіе страны единственнымъ средствомъ для предупрежденія дальнѣйшихъ несчастій. Но король рѣшительно отказалъ, объявивъ, что онъ надѣется на помощь европейскихъ правительствъ, которыя недопустятъ шайкѣ бунтовщиковъ разрушить созданный ими Нидерландскій союзъ. Однако тутъ онъ долженъ былъ разочароваться: Англія первая отказалась отъ помощи. Вильгельмъ I сомнѣвался въ серьезности требованій бельгійцевъ, потому что они выслали своихъ депутатовъ на генеральные штаты, собранные въ Гаагѣ; онъ попробовалъ успокоить волненіе отставкою ванъ-Маанена и прокламаціею, въ которой онъ говорилъ, что необходимо обождать конца совѣщаній генеральныхъ штатовъ, которые придумаютъ мѣры для возстановленія спокойствія безъ ущерба общественнымъ интересамъ, что король не нарушитъ законныхъ правъ ни одной части королевства и будетъ слѣдовать прямому равномѣрному пути. Но голландская пресса, истолковывая королевское посланіе вкривь и вкось, возбудила энтузіазмъ голландцевъ и призывала ихъ къ борьбѣ противъ враговъ Оранскаго дома. Этимъ враждебнымъ заявленіямъ голландской націи бельгійцы провупоставили всеобщее движеніе, и то, что было до сихъ поръ (23 сентября) предметомъ переговоровъ между королемъ и бельгійскими депутатами, сдѣлалось теперь предметомъ и причиною ненависти одной націи къ другой. Изъ Брюсселя волненіе перешло въ ближайшіе города, а отсюда распространилось и по всѣмъ южнымъ провинціямъ:

всюду образовались шайки мятежниковъ, которые предавались грабежу, поджогамъ и другимъ насиліямъ. Между всѣми этими шайками французскіе пропангандисты распространили слухи, что Франція, по стараніямъ де-Поттера, сочувствуетъ имъ. Самое сильное волненіе и безпорядки были въ Брюсселѣ: здѣсь происходили ежесточенныя схватки королевскихъ войскъ съ вооруженною толпою мятежниковъ, которыми предводительствовалъ бывшій офицеръ испанской службы Галленъ и французскій генералъ Меллине. Бой продолжался три дня (23, 24 и 25 сентября); королевскія войска потерпѣли страшный уронъ и должны были отступить по дорогѣ въ Антверпену. Эти побѣды мятежниковъ рѣшили дѣло въ пользу революціи. Предводители возстанія образовали «временное правительство» подъ предсѣдательствомъ барона Гоогварта, куда присоединились всѣ замѣчательныя личности столицы и генеральныхъ штатовъ. Оно объявило отдѣленіе Бельгіи отъ Нидерландскаго королевства и провозгласило ее независимымъ государствомъ; особой коммиссіи, составленной изъ нѣкоторыхъ членовъ временнаго правительства, поручалось озаботиться составленіемъ конституціи и созваніемъ національнаго конгресса для обсужденія этой конституціи. Всѣ бельгійскіе города, за исключеніемъ Гента, Антверпена и Мастрихта, послѣдовали примѣру столицы.

При извѣстіи о такихъ событіяхъ, король отправилъ принца Оранскаго въ Антверпенъ, остававшійся вѣрнымъ Оранскому дому, чтобы оттуда начать вновь мирные переговоры съ бельгійцами. Въ сопровожденіи нѣкоторыхъ министровъ и государственныхъ совѣтниковъ, которые всѣ были изъ бельгійцевъ, принцъ прибылъ въ Антверпенъ и обнародовалъ прокламацію. Въ ней онъ объявлялъ о раздѣленіи управленія королевствомъ, свободу воспитанія и полную амнистію всѣмъ безъ исключенія политическимъ преступникамъ. А король въ тотъ же день обнародовалъ воззваніе къ голландцамъ, въ которомъ во имя отечества и вѣры призывалъ къ оружію жителей сѣверныхъ провинцій; отправилъ посольство

въ Англію, чтобы еще разъ просить ее о помощи и опять назначилъ министромъ ванъ-Маанена, и въ заключеніе своихъ распоряженій, поручилъ генералу Шассе полную военную власть въ Антверпенѣ. Принцъ вошелъ въ переговоры съ временнымъ правительствомъ, обѣщая Бельгіи отдѣльное управленіе и законодательство, но получилъ отвѣтъ, что «будущую судьбу Бельгіи рѣшитъ національный конгрессъ». Тогда принцъ обратился съ тѣмъ же предложеніемъ къ предсѣдателю конгресса де-Поттеру, который ему отвѣчалъ, что «народъ выброситъ насъ изъ оконъ, если мы только заикнемся предложить ему въ государи принца Оранскаго». Послѣ этого принцъ, по совѣту нѣкоторыхъ лицъ его свиты, рѣшился на послѣднее средство—отправиться лично на конгрессъ, отдаться на его волю и ждать его рѣшенія. Новою прокламаціею (4 (16) октября) онъ объявилъ себя отдѣлившимся отъ голландскихъ интересовъ, становился во главѣ возстанія и подчинялся рѣшенію національнаго конгресса: онъ тотчасъ отдалъ приказаніе освободить арестованныхъ бельгійцевъ, а находящихся въ Голландіи возвратить на родину. Но король объявилъ, что онъ не признаетъ прокламацію принца Оранскаго, не зная причинъ, побудившихъ къ тому сына. Объявленіе короля было совершенно напраснымъ, потому что временное правительство уже послало въ отвѣтъ принцу, что оно не нуждается во главѣ и что оно само стоитъ во главѣ своего возстанія. Послѣ такой неудачи, принцу ничего болѣе не оставалось, какъ отправиться черезъ Роттердамъ въ Лондонъ, куда уже начинали собираться уполномоченные отъ европейскихъ правительствъ. Здѣсь принцъ уже не выражалъ того сочувствія къ бельгійцамъ, какое показывалъ за нѣсколько недѣлъ передъ этимъ.

Лишь только принцъ оставилъ Антверпенъ, какъ здѣсь поднялось возстаніе противъ Оранскаго дома, сопровождавшееся кровопролитными междоусобіями. Голландскій генералъ Шассе, занимавшій войскомъ крѣпость, подвергъ городъ бом-

бардированію и истребилъ много магазиновъ и товарныхъ складовъ.

10 ноября открытъ былъ Бельгійскій національный конгрессъ подъ предсѣдательствомъ де-Поттера: онъ провозгласилъ независимость Бельгіи и устраненіе Оранскаго дома отъ бельгійскаго престола. Между тѣмъ открыла свои совѣщанія и Лондонская конференція, составленная изъ уполномоченныхъ отъ пяти великихъ державъ, душею которой былъ кн. Талейранъ, представитель іюльскаго правительства (*). Великія державы не препятствовали независимости Бельгіи, несмотря на то, что это прямо противурѣчило трактатамъ 1815 года; главная ихъ забота состояла въ томъ, чтобы недопустить ни соединенія Бельгіи съ Франціей, чего хотѣла одна половина національнаго конгресса, ни образованія изъ Бельгіи республики, къ чему стремились нѣкоторые члены конгресса. Такъ какъ большинство націи желало конституціонной монархіи, то де-Поттеръ, работавшій во имя республиканской формы для Бельгіи, сложилъ съ себя званіе предсѣдателя конгресса и удалился въ Парижъ. Мѣсто его заступилъ Сюрле-де-Шокье, богатый землевладѣлецъ, человѣкъ весьма спокойнаго нрава, сторонникъ конституціонной формы независимой Бельгіи. Подъ его вліяніемъ національный конгрессъ согласился съ протоколомъ Лондонской конференціи и рѣшилъ образовать изъ Бельгіи независимую конституціонную монархію, съ сохраненіемъ отношеній Луксембурга къ Германскому союзу и принять предложенное конференціею перемиріе. Послѣ этого Лондонская конференція протоколомъ *20 декабря 1831 г.* признала *независимость Бельгіи.* Оставалось теперь рѣшить вопросъ—кто будетъ королемъ новаго государства? Первыми кандидатами на бельгійскій престолъ были: герцогъ Августъ Лейхтенбергскій

(*) Вотъ имена прочихъ уполномоченныхъ отъ великихъ державъ на Лондонской конференціи:

отъ Россіи—графъ Матушевичъ, отъ Пруссіи—графъ Бюловъ,

отъ Австріи—князь Эстергази, отъ Англіи— графъ Абердинъ.

и герцогъ Немурскій (второй сынъ Луи-Филиппа); но оба они были отстранены: первый, какъ Наполеонидъ, казался опаснымъ сосѣдомъ для короля Луи-Филиппа; а второй—могъ содѣйствовать сліянію Бельгіи съ Франціею, и потому казался опаснымъ для политическаго равновѣсія. По этому, для избѣжанія будущихъ недоразумѣній, рѣшено было: 1) наименовать Шокье регентомъ до окончательнаго избранія короля, 2) отдѣлить Люксембургъ отъ Бельгіи и 3) обязать бельгійцевъ къ уплатѣ части голландскаго государственнаго долга. По этому поводу возникли новые споры. Голландцы требовали очищенія Луксембурга, а бельгійцы—оставленія Антверпена. Только 4 іюня бельгійцы рѣшились, въ угоду Англіи, признать королемъ своимъ Леопольда, герцога Саксенъ-Кобургъ-Готскаго, препятствіемъ которому до сихъ поръ былъ протестантизмъ. Съ этихъ поръ конференція сдѣлалась благосклоннѣе къ бельгійцамъ и протоколомъ 27 іюня 1832 г. освободила Бельгію отъ уплаты государственнаго голландскаго долга и требовала очищенія Антверпена. Король Вильгельмъ не призналъ дѣйствительными статьи этого протокола, но Леопольдъ, несмотря на его протестъ, короновался въ Брюсселѣ и при помощи Англіи и Франціи надѣялся справиться съ голландскимъ войскомъ, которое подъ предводительствомъ возвратившагося принца Оранскаго вторгнулось въ Бельгію (1 августа). Первыя столкновенія были не въ пользу бельгійцевъ, но, когда Франція выслала къ нимъ на помощь генерала Жерара съ 50 тыс. войскомъ, а Англія отправила къ устью Шельды флотъ подъ начальствомъ адмирала Кондрингтона, дѣла приняли совершенно иной оборотъ. Успѣхи союзниковъ были остановлены перемиріемъ, которое предложилъ принцъ Оранскій. Конференція съ своей стороны сдѣлала также уступку: протоколомъ 15 окт. 1832 г. она рѣшила, что Бельгія должна отдать Голландіи половину Луксембурга и Лимбурга, какъ области Германскаго союза, и принять на себя часть голландскаго долга; послѣ объявленнаго согласія Леопольда, конференція (15 ноября) формально признала независимость

Бельгіи и объявила ее неутральнымъ государствомъ. Однако и теперь Вильгельмъ не признавалъ бельгійскаго королевства и вопреки всѣмъ протокаламъ конференцій не сдавалъ Антверпена. Тогда французскія войска и англійскій флотъ начали осаду Антверпена. Она продолжалась до 23 декабря, когда городъ, превращенный въ развалины, не могъ уже держаться долѣе противъ непріятельскихъ силъ. Семь лѣтъ еще тянулась война за независимось Бельгіи, и только въ 1839 году Вильгельмъ призналъ независимость Бельгійскаго королевства.

ГЛАВА XI.

Возстаніе поляковъ въ 1830 и 1831 годахъ.

Вліяніе іюльской революціи и ея послѣдствія отразились не только въ Бельгіи, но и въ Польшѣ. Въ ноябрѣ 1830 г. вспыхнуло въ Польшѣ возстаніе, съ цѣлью достигнуть политической независимости и самостоятельнаго существованія. 27 августа 1831 года возмущеніе было подавлено. Польша за свою попытку заплатила потерею конституціи, замѣненной Органическимъ Статутомъ, точнѣе опредѣлившимъ отношенія Царства Польскаго къ Россіи.

Польша потеряла свою самостоятельность въ 1794 г., когда послѣдовалъ третій окончательный раздѣлъ ея территорій между Россіею, Австріею и Пруссіею. Надежды на возстановленіе независимости возлагали поляки на Наполеона, въ рядахъ войска котораго они усердно сражались и съ помощію котораго они успѣли дѣйствительно достигнуть нѣкоторой тѣни своихъ ожиданій. Въ 1807 году, при заключеніи Тильзитскаго мира, было положено начало возстановленію Польши: изъ земель отнятыхъ отъ Пруссіи было образовано, такъ называемое, Варшавское герцогство и подчинено верховной власти Саксонскаго короля. Съ этихъ поръ благодарность поляковъ къ Наполеону была безпредѣльна;

они считали его своимъ избавителемъ и съ полною увѣренностію ожидали отъ него безусловнаго осуществленія всѣхъ своихъ надеждъ. Наполеонъ съумѣлъ воспользоваться ихъ одушевленіемъ и поддерживалъ его новыми обѣщаніями и увеличеніемъ земель Варшавскаго герцогства. Такъ въ 1809, по Шенбрюнскому миру, къ герцогству была присоединена большая часть Галиціи, отнятой отъ Австріи. Въ 1812 году, поляки, воодушевляемые надеждою возстановить свое отечество подъ покровительствомъ Наполеона, выставили армію въ 80 т. и, соединившись съ французами, вступили въ предѣлы Россіи. Но надежды ихъ неосуществились: Императоръ Александръ, изгнавъ враговъ изъ предѣловъ отечества, въ 1813 году перенесъ войну въ Германію; Варшавское герцогство было завоевано почти мимоходомъ. Всѣ народы Европы соединились съ Императоромъ Александромъ въ одну коалицію, чтобы положить конецъ завоевательнымъ стремленіямъ Франціи: только одни поляки оставались постоянными союзниками Наполеона до конца кампаніи 1814 года. Право возмездія принадлежало теперь Императору Александру, и онъ могъ жестоко наказать поляковъ за сочувствіе ихъ къ общему врагу Европы. Но съ свойственнымъ ему великодушіемъ, онъ даровалъ имъ амнистію, а для Варшавскаго герцогства назначилъ временное правительство, составленное частію изъ поляковъ, частію изъ русскихъ. «Какъ побѣдитель, я возстановлю Польшу, потому что это согласно съ моими личными желаніями и съ выгодами моего государства. Я знаю, что я встрѣчу много затрудненій, но надѣюсь успѣть въ моемъ намѣреніи,» сказалъ Императоръ въ Вильнѣ графу Огинскому и другимъ полякамъ и литовцамъ, явившимся просить пощады за союзъ съ Наполеономъ. На Вѣнскомъ конгрессѣ первоначально проэктировали возвратить Польшу въ тотъ внѣшній видъ, который она имѣла до 1807 г., и на основаніи прежнихъ трактатовъ подѣлить ея владѣнія между Россіею, Австріею и Пруссіею; но Императоръ Александръ не соглашался съ этимъ проэктомъ и потребовалъ вознаграж-

деніе Россіи, больше другихъ державъ содѣйствовавшей низложенію Наполеона, всего Варшавскаго герцогства. Первоначально его намѣренія клонились къ тому, чтобы возстановить прежнее Польское государство и въ качествѣ конституціоннаго монарха стать въ главѣ его. Но опасенія за усиленіе Россіи и интриги, поднятыя въ конгрессѣ Меттернихомъ и Талейраномъ, интриги, едва не обратившія конгрессъ въ общую европейскую войну, уничтожили намѣренія Императора: онъ согласился уступить Австріи и Пруссіи нѣкоторыя части герцогства. Такимъ образомъ изъ нѣкоторыхъ областей Варшавскаго герцогства образовалось Царство Польское (*). Никѣмъ непобуждаемый и никѣмъ необязываемый, Александръ далъ Царству конституцію, построенную на либеральныхъ началахъ. Въ заключительномъ актѣ Вѣнскаго конгресса, гдѣ всѣ трактаты были соединены вмѣстѣ, сказано: «Варшавское герцогство, за исключеніемъ нѣкоторыхъ областей и округовъ, присоединяется къ Россійской Имперіи. Оно будетъ безвозвратно соединено съ нею на вѣчное владѣніе Его Императорскаго Величества и его наслѣдниковъ и преемниковъ. Его Императорское Величество *оставляетъ за собою право* предоставить этому государству, пользующемуся особой администраціей, такое очертаніе границъ и національныя установленія, которыя сочтетъ полезными и приличными (jugerait utile et convenable de leur accorder).

Какъ только окончательно состоялась уступка Варшавскаго герцогства Россіи, Императоръ назначилъ коммиссію изъ поляковъ для начертанія конституціи. Подъ предсѣдательствомъ графа Островскаго былъ составленъ проектъ конституціи; 12 (24) декабря 1815 (день рожденія государя) конституція была уже обнародована. Новая конституція была

(*) Окончательное соглашеніе между государствами относительно Варшавскаго герцогства было подписано (24 статьи) 11 (23) февраля 1815 г.

во многомъ сходна съ французскою учредительною хартіею Людовика XVIII, но она имѣла, при этомъ сходствѣ, многія преимущества по отношенію къ муниципальнымъ и провинціальнымъ учрежденіямъ. Въ конституціи обозначены власть монарха, двухъ камеръ, отвѣтственныхъ министровъ и независимыхъ судовъ. Сенатъ и камера депутатовъ раздѣляли съ монархомъ законодательную власть: члены сената, числомъ на половину менѣе второй камеры, состояли изъ епископовъ, воеводъ, кастеляновъ, назначаемыхъ пожизненно государемъ; вторая камера состояла изъ 77 представителей отъ помѣстнаго дворянства и 51 депутатовъ отъ городовъ и общинъ (всего 128 человѣкъ). Депутаты должны быть не моложе 30 лѣтъ, сенаторы — 35 лѣтъ; первые должны платить 100 польскихъ злотыхъ (= около 15 р. серебр.) прямыхъ податей; вторые—2000 злотыхъ. Избирателемъ могъ быть каждый собственникъ, достигшій 21 года. Сеймъ долженъ быть созываемъ каждые два года на четыре недѣли, для разсужденія о предлагаемыхъ правительствомъ проектахъ законовъ. Исполнительная власть находилась въ рукахъ царя и пяти отвѣтственныхъ министровъ; министры составляли подъ предсѣдательствомъ намѣстника царства совѣтъ управленія, а вмѣстѣ съ государственными совѣтниками и государственными секретарями — общее собраніе Государственнаго Совѣта, въ которомъ должны были составляться проекты законовъ. Въ главѣ управленія воеводствъ былъ совѣтъ воеводъ: въ немъ засѣдали члены отъ дворянства и отъ городскаго сословія. Сверхъ того, города имѣли, по собственному избранію, особое муниципальное управленіе, общины — старшинъ, помѣстное дворянство — своихъ маршаловъ (предводителей). Замѣтно, что при составленіи этой конституціи имѣлось въ виду — согласить старинныя учрежденія Польши и конституцію 3-го мая (1791 г.) съ новѣйшими понятіями о конституціонномъ правленіи вообще.

Съ началомъ русскаго господства въ Польшѣ, въ ней поднялось и внутреннее благосостояніе. «Никогда Польша

не была такъ счастлива, говоритъ авторъ (полякъ) описанія польской революціи (*), какъ во времена Александра. Нужно только сравнить прошедшее съ настоящимъ, дабы убѣдиться въ справедливости сего. Для Наполеона Варшавское герцогство было военнымъ депо, изъ котораго онъ набиралъ солдатъ для своихъ непрерывныхъ походовъ; торговля, промышленность, благосостояніе гражданъ не процвѣтали въ то время. Польша была нѣчто въ родѣ форпоста Франціи на сѣверѣ Европы. Походъ Наполеона въ Россію окончательно довершилъ истощеніе герцогства и отнялъ у него послѣдніе жизненные соки, уронивъ финансы и подорвавъ кредитъ общественный и частный.» Другіе польскіе писатели (напр. Подчашинскій въ Revue des deux mondes 1832 года, тетрадь IV, стр. 139) такими словами изображаютъ внутреннее состояніе Польши подъ скипетромъ русскимъ: «Черезъ пятнадцать лѣтъ Польша была хорошо организованною промышленною страною, чего не было въ прежнее время. Отечественное законно-учрежденное правительство, во главѣ котораго были мѣстные уроженцы, пеклось о благосостояніи страны и о развитіи всѣхъ сословій общества. Кредитъ былъ пробужденъ и учрежденіе банковъ даровало промышленности новую жизнь. Города Польши соревновали съ германскими въ промышленной дѣятельности; войска и чиновники получали обезпечивающее ихъ содержаніе; бѣднымъ людямъ умѣли доставить пріютъ и помощь. Однимъ словомъ, Польша была счастлива во всѣхъ отношеніяхъ.» Чтобы предотвратить подозрѣніе въ пристрастіи этихъ отзывовъ польскихъ писателей о благосостояніи ихъ родины подъ властію Россіи, можно привести слѣдующія статистическія данныя: въ 1788 г. доходы Польши заключались въ 80 мил. злотыхъ (= $13^1/_2$ мил. талеровъ), а съ 1816 года они достигали болѣе чѣмъ до 100 мил. злотыхъ ($16^2/_3$ мил. прус. талеровъ), несмотря на то, что Царство Польское въ

(*) Соч. это напечатано въ 1830 г. въ Берлинѣ. См. стр. 30.

*

1816 г. составляло едва пятую часть тогдашняго пространства; народонаселеніе царства въ 1815 г. состояло изъ $2^1/_2$ мил. жителей, въ 1830 г. 4 мил. Правительство русское не ограничило своихъ заботъ о полякахъ только поднятіемъ матеріальнаго благосостоянія, оно обратило вниманіе также на умственные и нравственные интересы народа: въ Варшавѣ возникъ университетъ, профессора котораго могли соревновать съ профессорами университетовъ заграничныхъ; основаны были двѣ военныя академіи въ Варшавѣ и Калишѣ; правительство русское, кромѣ того, давало денежныя вспомоществованія для заведенія частныхъ пансіоновъ; въ Маримонтѣ была основана школа земледѣлія и сельскаго хозяйства; въ Варшавѣ учрежденъ женскій институтъ. Науки и искусства развились съ такою силою, что безъ преувеличенія можно сказать, что никогда Польша не имѣла столькихъ ученыхъ и писателей по различнымъ отраслямъ человѣческихъ знаній, какъ подъ властію Россіи. По словамъ Смитта (*), «Польша, продолжая идти по этому пути, скоро забыла бы двѣсти лѣтъ своей анархіи и стала бы на ряду съ образованнѣйшими государствами Европы, но вспыхнувшая революція быстро уничтожила всѣ разцвѣтшіе посѣвы, и на много лѣтъ отбросила Польшу назадъ.»

Поляки не умѣли оцѣнить милостей, дарованныхъ имъ конституціею и поднятіемъ ихъ внутренняго благосостоянія на высшую степень процвѣтанія. Поляки недовольны были тѣмъ, что получили и требовали еще бо́льшаго; они хотѣли, чтобы Государь отдѣлилъ отъ Россіи Бѣлоруссію, Литву, Волынь и Подолію и присоединилъ ихъ къ Польшѣ. Поляки утверждали, что государь далъ имъ конституцію съ тайною мыслію никогда невыполнять ее: они старались выставить дѣло такъ, что будто бы Императоръ былъ вынужденъ и обязанъ Вѣнскимъ конгрессомъ возстановить Польшу и дать ей особенную конституцію, но давши разъ конституцію, онъ по-

(*) Исторія Польскаго возстанія. Т. I, стр. 70.

становилъ себѣ тайною задачею никогда не выполнять ее. Ошибочность мнѣнія недовольныхъ поляковъ видна уже изъ того, что еще въ 1813 г., слѣдовательно за 2 года до конгресса, Императоръ имѣлъ намѣреніе дать Польшѣ либеральныя учрежденія, чтобы успокоить ее; въ 1815 году онъ далъ имъ конституцію въ *видѣ опыта*, что самъ неоднократно и повторялъ полякамъ.

17 (29) ноября 1815 состоялось назначеніе намѣстника (*) и министровъ, которые (числомъ шесть) образовали, подъ предсѣдательствомъ намѣстника, Совѣтъ управленія царства; какъ сочленъ къ нимъ былъ назначенъ тайный совѣтникъ Новосильцевъ съ титуломъ уполномоченнаго императорскаго коммиссара; онъ долженъ былъ служить представителемъ русскаго правительства при взаимномъ столкновеніи интересовъ Царства и Имперіи; великій князь Константинъ Павловичъ не принималъ сначала никакого участія въ управленіи царствомъ, но только стоялъ во главѣ польской арміи. Въ первые два года не возникло никакихъ жалобъ, не слышно было ни о какихъ безпорядкахъ. 17 (29) мая 1818 г. Императоръ Александръ лично открылъ первый сеймъ рѣчью, которая заканчивалась слѣдующими словами: «докажите теперь свѣту, что эти учрежденія не есть опасное обольщеніе, что будучи примѣнены къ дѣлу съ чистосердечіемъ и хорошимъ намѣреніемъ, онѣ могутъ согласоваться съ порядкомъ и послужить основаніемъ къ истинному благоденствію народа». Но сеймовые депутаты не оправдали ожиданій Императора и въ своихъ адресахъ, представленныхъ ими Государственному Совѣту, прямо и рѣзко порицали правительство и министровъ. Полякамъ хотѣлось возвратить времена Рѣчи Посполитой, когда вся власть государственная находилась въ рукахъ сейма, и когда сеймъ имѣлъ право контроля надъ государемъ и министрами. Новый сеймъ, созванный на 1 (13) сентября 1820 г., дѣйствовалъ явно въ духѣ оппози-

(*) Первымъ намѣстникомъ былъ генералъ Заіончекъ.

ціи: онъ отвергъ проектъ уголовнаго судопроизводства (большинствомъ 120 голосовъ противъ 3) единственно потому что въ немъ не былъ допущенъ судъ присяжныхъ. Этотъ сеймъ окончательно разрушилъ хорошія отношенія между Государемъ и его польскими подданными. Съ этихъ поръ тайныя общества и заговоры сдѣлались многочисленны. Съ каждымъ днемъ открывались новые признаки тайныхъ козней и революціонныхъ приготовленій. Правительство усилило мѣры предосторожности; а революціонеры, считая подобныя мѣры за униженіе и преслѣдованія, раздражались еще болѣе и усерднѣе вели свою работу. Только черезъ пять лѣтъ послѣ 2-го сейма былъ собранъ третій сеймъ 1 (13) мая 1825 замедлившійся по поводу несогласій Россіи съ Портою. Предварительно изданъ былъ «Дополнительный Актъ» (февр. 1825 г.), по которому уничтожалась публичность сеймовыхъ совѣщаній. Актъ этотъ возбудилъ противъ себя цѣлую бурю возгласовъ, распространившихся по всему свѣту, что Россія нарушаетъ польскую конституцію, что всѣ державы, подписавшія Вѣнскіе трактаты, должны вступиться и отмстить за униженіе поляковъ. Но, благодаря энергической, исполненной царскаго достоинства, рѣчи Императора, сеймъ кончился благополучно, безъ волненій, и всѣ предложенные проэкты законовъ были приняты.

Въ ноябрѣ 1822 г. Императоръ Александръ I скончался въ Таганрогѣ. По волѣ его и законоположенію о порядкѣ престолонаслѣдія, послѣ отреченія Константина Павловича (см. гл. V), вступилъ на престолъ братъ его Николай I. Военный мятежъ въ Петербургѣ, имѣвшій цѣлью ниспровергнуть существовавшій порядокъ, былъ усмиренъ. Изъ признаній захваченныхъ заговорщиковъ оказалось, что они поддерживали связь съ тайными обществами въ Польшѣ, имѣвшими своею цѣлью возстановленіе прежняго польскаго королевства.

Тайныя общества. Начало первыхъ патріотическихъ обществъ, стремившихся къ возстановленію Польши, относится ко времени долгаго

сейма 1788—1792 г. Послѣ окончательнаго раздѣла Польши, эти патріотическія общества сдѣлались тайными обществами, въ которыхъ принимали участіе важныя и вліятельныя лица: кн. Адамъ Чарторыйскій (*), Колонтай, Чацкій и нѣкоторыя другія личности. Они думали доставить самобытность своей «ойчизнѣ» посредствомъ особой системы воспитанія, которое должно было сообщить молодому поколѣнію не общую любовь къ ихъ новому отечеству, но любовь къ давно погибшему королевству. Они не думали остановиться на этомъ — они мечтали полонизировать весь западно-русскій край, т. е. заглушить въ немъ русскую національность. Чарторыйскій работалъ надъ такимъ воспитаніемъ въ сѣверныхъ областяхъ западнаго края, а Чацкій въ южныхъ, гдѣ на собственныя средства основалъ гимназію въ Кременцѣ (впослѣдствіи лицей) и 120 школъ на Волыни, Украйнѣ и Подоліи. Къ 1807 г., или ко времени основанія Варшавскаго герцога, эти тайныя общества пришли въ упадокъ. Но съ 1814 и по 1830 годъ число ихъ значительно увеличилось. Такъ въ 1814 году образовалось тайное общество, члены котораго назывались *«настоящими поляками»*, и имѣли цѣлію не только достиженіе самобытности національной, но и распространеніе республиканскихъ идей въ народѣ; въ 1817 г. съ такою же цѣлью сформировалось тайное общество при Варшавскомъ университетѣ, подъ названіемъ *«вольныхъ поляковъ»*; оно издавало для возбужденія народа и въ особенности учащейся молодежи журналъ подъ названіемъ «Полская декада»; въ 1819 г. маіоръ Лукашинскій основалъ *«національное общество свободныхъ массоновъ»* (**).

(*) Бывшій нѣкоторое время русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и потомъ кураторомъ (попечителемъ) Виленскаго университета. Князь Адамъ Чарторыйскій былъ сынъ того Адама Казиміра, который одновременно съ своимъ двоюроднымъ братомъ Станиславомъ Понятовскимъ домогался въ 1763 г. престола Польскаго.

(**) Цѣль этого общества заключалась въ томъ, чтобы связать массонство съ національными интересами, или правильнѣе сказать, подъ

Кромѣ названныхъ обществъ, стремившихся къ одной цѣли—подготовить общее возстаніе противъ русскихъ, образовались многія другія, какъ напр. «*Друзья*», «*Проминисты*» и др. Съ такою же цѣлью появилась «*патріотическая партія*» въ Литвѣ. Во главѣ ея стоялъ профессоръ исторіи Виленскаго Университета Іоахимъ Лелевель. Воспитанный въ идеяхъ рѣчи посполитой, онъ хотѣлъ развить таковыя же и въ своихъ слушателяхъ, воображеніе которыхъ онъ умѣлъ распалять своимъ краснорѣчивымъ словомъ, восхваляя давнопрошедшія времена ойчизны. Къ 1823 году всѣ эти отдѣльныя общества слились въ *общій патріотическій союзъ*, члены котораго разсѣяны были по всему пространству прежняго Польскаго королевства.

Правительство было вынуждено прибѣгать къ рѣшительнымъ мѣрамъ для противодѣйствій заговорщикамъ. Еще 6 ноября 1821 года послѣдовало повелѣніе намѣстника, воспрещающее всѣ тайныя общества, съ какою бы цѣлію они не составлялись. Повелѣніе, разумѣется, не достигло цѣли, но еще болѣе раздражило злонамѣренныхъ; и потому 8 іюля 1822 правительство назначило «особую коммиссію для изслѣдованія происхожденія, распространенія и цѣли обществъ». Коммиссія скоро напала на слѣды и арестовала многихъ подозрительныхъ лицъ, которые на слѣдствіи показали, что они имѣли намѣреніе низвергнуть существующій порядокъ вещей, ввести конституцію 3 мая (1791 г.) и выжидали для исполненія своихъ замысловъ болѣе удобнаго времени, когда

прикрытіемъ массонства преслѣдовать политическіе виды не только въ самомъ Царствѣ, но и во всѣхъ прежнихъ польскихъ провинціяхъ: въ великой Польшѣ, Галиціи и Литвѣ. Первая массонская ложа была основана въ Познани и черезъ посредство генерала Умпскаго она вошла въ сношенія съ Варшавскою и остальными притонами массоновъ, основанными въ другихъ мѣстностяхъ царства. Члены ихъ первоначально назывались коссиньерами, т. е. жнецами, а потомъ уже они приняли названіе «патріотовъ»).

Россія будетъ занята войною съ Турціею. Государь поручилъ произнесеніе приговора польскому сенату, который и собрался подъ предсѣдательствомъ гр. Станислава Замойскаго. Обвиненные были оправданы и освобождены, что, разумѣется не мало поощряло и дальнѣйшія дѣйствія тайныхъ обществъ. Таково было положеніе дѣлъ въ Польшѣ, когда Россія въ 1828 г. начала трудную войну съ Портою. Уснувшія надежды заговорщиковъ воскресли: ожидаемое время настало; и дѣйствительно, волненія сдѣлались сильнѣе въ особенности между университетскою и военною молодежью, грезившею подъ вліяніемъ стихотвореній поэта Нѣмцевича и историка Лелевиля о древнемъ величіи и блескѣ Рѣчи Посполитой. Изъ молодыхъ офицеровъ и воспитанниковъ военныхъ школъ, подпоручикъ Высоцкій успѣлъ сформировать тайное общество, которое, при всей своей ничтожности, раньше другихъ открыло начало возстанія.

Подстрекаемые успѣхами Іюльской революціи во Франціи и Бельгіи и надѣясь найти поддержку въ городскихъ жителяхъ, которымъ говорили, что войско готово къ возстанію, вечеромъ 17 ноября 1830 г. воспитанники военныхъ школъ и вышедшіе офицеры, подъ предводительствомъ Высоцкаго, бросились на Бельведеръ (*), съ цѣлью взять въ плѣнъ и умертвить великаго князя, потомъ завладѣть престоломъ царства и обезоружить русскія войска.

Дѣйствительно, имъ удалось умертвить близкихъ къ великому князю особъ и захватить арсеналъ; но самъ цесаревичъ успѣлъ удалиться къ войску. Между тѣмъ, какъ вокругъ великаго князя стали собираться преданныя ему войска, въ городѣ начали происходить смятенія и неистовства: въ темнотѣ ночи, освѣщаемой пожарами, заговорщики сновали по улицамъ, призывали народъ къ оружію, указывая дорогу къ арсеналу и крича, что русскіе жгутъ городъ и хотятъ истребить всѣхъ поляковъ. Къ бѣгущимъ толпамъ народа при-

(*) Загородный дворецъ великаго князя Константина Павловича.

ставали и польскія войска, несмотря на увѣщанія командира польской пѣхоты (Станислава Потоцкаго); дорого онъ заплатилъ за намѣреніе возвратить своихъ солдатъ къ долгу и присягѣ: онъ былъ сорванъ съ лошади и растерзанъ толпою. Къ сожалѣнію, великій князь поддался коварному совѣту своего адъютанта графа Замойскаго, увѣрившаго его, что смятеніе на улицахъ произошло «отъ ошибочнаго мнѣнія народа и войска, будто русскіе напали на поляковъ и умерщвляли ихъ, и дабы укротить это смятеніе, лучше всего невмѣшательствомъ русскихъ доказать имъ неосновательность этой клеветы». Великій князь дѣйствительно удержалъ свои войска отъ энергическихъ дѣйствій и выступилъ, по совѣту Замойскаго, въ деревню Виржбу; такимъ образомъ столица окончательно перешла въ руки бунтовщиковъ, а на слѣдующій (18 ноября) возстаніе приняло огромные размѣры. Ночью, князь Любецкій (министръ финансовъ) собралъ членовъ административнаго совѣта, въ который пригласилъ также постороннихъ вліятельныхъ лицъ и предложилъ имъ вступить въ мирные переговоры съ великимъ княземъ. Депутаты отъ административнаго совѣта (кн. Чарторыйскій, гр. Любецкій, Лелевель и гр. Островскій) явились въ Виржбу и послѣ разныхъ объясненій потребовали уступки прежде бывшихъ польскихъ областей. Изумленный такимъ страннымъ требованіемъ, великій князь отвѣчалъ: «Я не уполномоченъ моимъ братомъ договариваться объ этомъ предметѣ»; за тѣмъ онъ приказалъ объявить депутатамъ, что онъ отступаетъ и предоставляетъ самимъ полякамъ согласить свои недоразумѣнія. Русскія войска дѣйствительно вышли изъ польскихъ предѣловъ и тѣмъ развязали руки революціонерамъ, а у людей умѣренныхъ и преданныхъ русскому интересу отнята была такимъ распоряженіемъ послѣдняя энергія. Главнокомандующимъ надъ польскими возставшими войсками сдѣланъ былъ генералъ Хлопицкій, который какъ бы предчувствовалъ гибельный исходъ возстанія и много возлагалъ надежды на миролюбивые переговоры съ цесаревичемъ. Но «*Патріотическое Обще-*

ство» съ своимъ предсѣдателемъ Іоахимомъ Лелевелемъ воспротивилось этимъ умѣреннымъ предложеніямъ главнокомандующаго и требовало войны съ Россіею и возсоединенія Литвы, Волыни и Подоліи съ Польшею. Оно дѣйствовало посредствомъ своей газеты «Патріотъ», раздаваемой безденежно народу и увѣряя его, что Россія находится въ затруднительномъ положеніи и что дѣло освобожденія родины должно вполнѣ удаться при готовности Франціи, Англіи и Австріи поддержать польскую независимость.

Между тѣмъ, въ самомъ польскомъ лагерѣ и среди членовъ патріотическаго общества не было единодушнаго согласія; тамъ боролись двѣ партіи: аристократическая (умѣренная),—во главѣ которой стоялъ Адамъ Чарторыйскій, — желавшая сохранить связь съ Россіею и конституціонное устройство, и демократическая, требовавшая новаго республиканскаго устройства и возстановленія Польши въ прежнихъ ея предѣлахъ. Вторая партія настаивала на необходимости улучшенія крестьянскаго быта; но аристократы не соглашались на такія пожертвованія. Разладъ между партіями много могъ бы пособить русскимъ войскамъ въ усмиреніи возстанія, если бы они не покинули Варшавы и вообще предѣловъ Польши: съ удаленіемъ русскихъ, досталась бунтовщикамъ и крѣпость Модлинъ, заключавшая въ себѣ огромные хлѣбные запасы, которые дали революціонерамъ нѣкоторую возможность вести борьбу съ Россіею. Съ удаленіемъ русскихъ войскъ тотчасъ былъ уничтоженъ административный совѣтъ и образовано временное правленіе (высшій національный совѣтъ). Генералъ Хлопицкій былъ провозглашенъ диктаторомъ (6 декабря); онъ заодно съ умѣренными не терялъ надежды добиться самостоятельности Польши не путемъ кровопролитной войны, но посредствомъ мирныхъ переговоровъ съ русскимъ правительствомъ; тогда какъ Лелевель и его сторонники (демократы) требовали распространенія революціи въ Литвѣ и Волыни и наступательнаго движенія къ предѣламъ Россіи.

Для переговоровъ съ Императоромъ отправились въ Пе-

тербургъ князь Любецкій и графъ Езерскій; также отправлены были агенты въ Англію и Францію съ просьбою о посредничествѣ. Съ удаленіемъ этихъ двухъ важныхъ сторонниковъ Хлопицкаго, дѣло диктатора было проиграно; партія войны или демократическая взяла верхъ и въ началѣ января 1831 г. Хлопицкій сложилъ съ себя диктатуру. Главнокомандующимъ былъ назначенъ князь Радзивилъ, человѣкъ мало способный на военномъ поприщѣ, но рѣшительный и смѣлый.

Между тѣмъ, депутація прибыла въ Петербургъ.

Императоръ только тогда позволилъ посланнымъ явиться къ себѣ, когда они объявили, что пришли не какъ посланники незаконной власти, но какъ вѣрные его подданные. На просьбу депутатовъ о прощеніи, государь отвѣчалъ, что поляки должны заслужить его возстановленіемъ законнаго порядка; «если же поляки дерзнутъ поднять оружіе на Россію и законнаго ихъ государя, то сами они и ихъ пушечные выстрѣлы ниспровергнутъ Польшу». Въ этомъ же смыслѣ была написана и прокламація, въ которой государь обѣщалъ амнистію полякамъ, если они немедленно покорятся. 13 января Езерскій вернулся въ Варшаву и на сеймѣ сообщилъ о своемъ разговорѣ съ Императоромъ и о результатахъ депутаціи. Послѣ возмутительныхъ рѣчей, говоренныхъ по этому случаю, сеймъ провозгласилъ Императора и всѣхъ членовъ дома Романовыхъ лишенными польскаго престола. Черезъ пять дней (18 января) учреждено было временное правительство изъ 5 поляковъ (*) подъ предсѣдательствомъ князя Чарторыйскаго. За тѣмъ начались приготовленія къ войнѣ съ той и другой стороны. Польскія войска были умножены вдвое присоединеніемъ пѣхотныхъ коссиньеровъ и верховыхъ кракусовъ. Но все-таки эти войска не могли сравниться съ силами сто-тысячной русской арміи подъ начальствомъ графа Дибича Забалканскаго. Фельдмаршалъ почти безпрепятственно дошелъ до Варшавы, такъ какъ евреи, нѣмцы и вообще го-

Походъ гр. Дибича.

(*) Чарторыйскій, Немоіевскій, Лелевель, Барцыковскій и Моравскій.

родское и сельское населеніе съ радостію встрѣчали русскихъ; только духовенство католическое и шляхта употребляли напрасныя усилія для возбужденія крестьянъ противъ русскихъ. Польскія войска ожидали Дибича близъ предмѣстья Праги въ укрѣпленной заранѣе позиція. Здѣсь произошли вскорѣ одно за другимъ два сраженія: при Ваврѣ и Гроховѣ (февраль). Поляки были разбиты и отступили черезъ Вислу къ Варшавѣ. Столица была объята ужасомъ: экипажи и телѣги вывозили богатства и драгоцѣнные предметы, такъ какъ русскія войска на слѣдующее утро готовились къ штурму; но отдано было приказаніе объ отдыхѣ, потому что оттепель, наступившая ночью, помѣшала переходу черезъ Вислу. Столица успокоилась; поляки ободрились, надѣясь подъ предводительствомъ новаго главнокомандующаго Скржинецкаго, выбраннаго на мѣсто Радзивила, поправить безуспѣшное начало задуманнаго дѣла. Скржинецкій началъ свою дѣятельность переговорами съ Дибичемъ, но когда послѣдній потребовалъ безусловной покорности, переговоры прекратились и Поляки стали готовиться къ новому бою. Польскій главнокомандующій думалъ воспользоваться невыгоднымъ положеніемъ русскихъ войскъ, растянутыхъ въ видѣ длиннаго кордона по берегу Вислы и напавъ на генерала Розена, разбилъ его; но несъумѣлъ воспользоваться своею побѣдою и задержать, по совѣту своего начальника штаба (Пропдзинскаго), войско Дибича близъ Варшавы. Но при всемъ томъ положеніе русскихъ войскъ было не безопасно: на сѣверѣ волновалась Литва, возбуждаемая центральнымъ революціоннымъ Виленскимъ комитетомъ; шляхта подняла возстаніе, объявляя что временное правительство распространяетъ свою власть на всѣ области, отнятыя русскими, т. е. на Курляндію, Эстляндію, Лифляндію, Смоленскъ, Черниговъ и Кіевъ. Но возстаніе Литвы не было значительно и опасно, потому что самая Вильна, центръ возставія, была занята русскими войсками послѣ пораженія арміи польской, присланной сюда подъ начальствомъ Гелгуда. Такъ же неудачны были и дѣйствія революціонеровъ на Волыни и По-

Сраженіе при Гроховѣ.

доліи, гдѣ шляхта, побуждаемая тайными обществами и католическими ксендзами поднялась на дѣло ойчизны и съ восторгомъ встрѣтила присланнаго изъ царства извѣстнаго польскаго генерала Дверницкаго. Но надежды революціонеровъ на сильное возстаніе въ этой мѣстности были совершенно обманутыя. Русскіе крестьяне не только не приставали къ мятежу, но выражали противъ него самое враждебное настроеніе. При томъ, Дверницкому пришлось здѣсь столкнуться съ искуснымъ, опытнымъ русскимъ генераломъ Ридигеромъ, который скоро заставилъ его отступить къ границамъ Галиціи и скрыться въ австрійскихъ владѣніяхъ.

Холера въ Москвѣ и Петербургѣ.

Польскій мятежъ потревожилъ Россію въ самое затруднительное, тяжелое время — когда въ ней свирѣпствовала холера. Первые признаки этой повальной болѣзни, родиной которой считаются низменности Индіи, обнаружились въ 1817 г. въ Астрахани. Похитивъ значительное число жертвъ, холера пока ограничилась низовьями Волги и далѣе не пошла. Черезъ 12 лѣтъ она снова показалась на Оренбургской линіи и за Кавказомъ, на берегахъ р. Куры; отсюда появилась вторично въ Астрахани и быстро пошла по двумъ направленіямъ: съ одной стороны вверхъ по Волгѣ до Ярославля, съ другой по Тереку и Кубани въ Новороссійскій край, Подолію и Бессарабію. Въ половинѣ сентября 1830, холера показалась въ Москвѣ и быстро распространилась по всему городу, несмотря на всѣ предупредительныя мѣры и предосторожности, сдѣланныя по распоряженію военнаго генералъ-губернатора князя Голицына: ни 14-дневный срокъ въ обсерваціонныхъ заставахъ, ни окуриванія проѣзжающихъ и почтовой кореспонденціи, ни медицинскій совѣтъ и другія распоряженія не могли предупредить появленія эпидеміи въ Москвѣ. Невыразимъ былъ ужасъ народа, когда холера охватила всѣ кварталы города и безъ пощады истребляла и слабыя и сильныя натуры. Въ Москвѣ ожидали страшныхъ послѣдствій; жители заперлись въ домахъ и съ ужасомъ ожидали будущаго; многіе выѣхали изъ города. При первомъ

извѣстіи о холерѣ, Государь Императоръ писалъ генералъ-губернатору отъ 24 сентября: «Увѣдомляйте меня съ эстафетою о ходѣ болѣзни. Отъ вашихъ извѣстій будетъ зависѣть мой отъѣздъ. Я пріѣду дѣлить съ вами опасности и труды». Каково было удивленіе и радость Москвичей, когда вслѣдъ за рескриптомъ, распространился слухъ по столицѣ, что «царь въ Москвѣ!» Дѣйствительно, рано утромъ 29 сентября, Государь прибылъ прямо къ Иверскимъ воротамъ и приложился къ иконѣ Божіей Матери; отсюда, окруженный безчисленною толпою и криками «ты нашъ отецъ, мы знали, что ты къ намъ будешь», Императоръ отправился въ Успенскій соборъ, чтобы вмѣстѣ съ народомъ помолиться Всевышнему о спасеніи подданныхъ. При входѣ въ храмъ митрополитъ Филаретъ (*) встрѣтилъ его такими словами: «со крестомъ срѣтаемъ тебя, государь, да идетъ съ тобою воскресеніе и жизнь». Недѣльное пребываніе Государя въ Москвѣ имѣло благодѣтельныя послѣдствія: унылый, упавшій духъ жителей ободрился; во всѣхъ сословіяхъ мѣсто отчаянія заступило живѣйшее соревнованіе на помощь страждущимъ собратіямъ; въ короткій срокъ возникли больницы для зараженныхъ и богадѣльни для призрѣнія бѣдняковъ. Успокоивъ своимъ присутствіемъ Москву, Государь отправился въ Петербургъ, выдержавъ въ Тверскомъ кордонѣ установленный карантинный срокъ, чтобы не занести заразы въ сѣверный край Россіи. (Въ Москвѣ погибла $^1/_{60}$ населенія). Къ веснѣ 1831 г. холера посѣтила Ригу и этимъ путемъ проникла въ Польшу, гдѣ она свирѣпствовала съ страшною силою.

Несмотря на охранительные кордоны и другія правительственныя распоряженія, эпидемія проникла и въ Петербургъ. 14 іюня обнаружились первыя признаки холеры на соймѣ (судно), прибывшей изъ Вытегры. Въ двѣ недѣли зараза до того распространилась, что умирало ежедневно отъ 400 до 500 человѣкъ. Не понимая ни происхожденія, ни свойствъ,

(*) Скончался 19 ноября 1867 г.

ни причинъ болѣзни, простой народъ, — подстрекаемый злонамѣренными людьми, распускавшими нелѣпые слухи, что польскіе мятежники и доктора, за-одно съ ними, сыплютъ ядъ въ хлѣбъ и воду, — не хотѣлъ принимать указанныхъ мѣръ предосторожности, и собираясь толпами на улицахъ и площадяхъ останавливалъ прохожихъ, обыскивалъ ихъ, врывался въ больницы, умерщвлялъ тамъ докторовъ и освобождалъ больныхъ, гдѣ, какъ казалось толпѣ, ихъ только мучатъ. Со всѣхъ концовъ города буйная, неразумная чернь стекалась на Сѣнновскую площадь, Большую Садовую и въ Ямскую. Извѣщенный о волненіи черни, Государь прибылъ изъ Петергофа утромъ 23 іюня, и въ дорожномъ экипажѣ, сопутствуемый кн. Меньшиковымъ, явился на Сѣнной площади, покрытой нѣсколькими тысячами народа. Гнѣвно взглянулъ онъ на толпу и громкимъ голосомъ велѣлъ преклонить колѣна передъ церковью Спаса, чтобы вымолить себѣ спасеніе и прощеніе у Всевышняго. Народъ мгновенно очнулся, прекратилъ буйство и мирно разошелся по домамъ къ своимъ работамъ. Такое же магическое дѣйствіе произвело появленіе Императора въ Ямской и Каретной части: на другой день уже не было никакихъ слѣдовъ вчерашнихъ смятеній и безпорядковъ. Государь призвалъ къ себѣ городскаго главу и повелѣлъ немедленно устроить холерныя больницы на 100 кроватей, для чего пожаловалъ 130 тыс. руб. изъ государственнаго казначейства. При взаимномъ содѣйствіи правительства и сословій, холера начала ослабѣвать, и къ первымъ числамъ ноября совершенно прекратилась. Въ это же время получена была и радостная вѣсть о взятіи Варшавы графомъ Паскевичемъ.

Сраженіе при Остроленкѣ.

Бѣгство Дверницкаго за Австрійскую границу возбудило неудовольствіе среди поляковъ противъ главнокомандующаго, на котораго вообще громко жаловались «патріоты» за медленность и робость въ дѣйствіяхъ. Чтобы возстановить репутацію, Скржинецкій бросился со всѣмъ своимъ войскомъ на гвардейскій корпусъ, расположенный между Бугомъ и Наревомъ. Великій князь Михаилъ Павловичъ мужественно отбилъ не-

пріятеля при Замбровѣ и заставилъ его отступить къ Остроленкѣ. Здѣсь настигъ Скржинецкаго графъ Дибичь и принудилъ къ битвѣ, въ которой поляки потерпѣли совершенное пораженіе. Отсюда рѣшено было двинуться къ Варшавѣ; но среди похода, графъ Дибичь скончался отъ свирѣпствовавшей тогда холеры (29 мая). На его мѣсто главнокомандующимъ былъ назначенъ графъ Паскевичъ. Прибывъ къ войску, онъ немедленно началъ приводить въ исполненіе планъ, которому слѣдовалъ и Дибичь и для успѣха котораго все было приготовлено генераломъ Толемъ. Этотъ планъ состоялъ въ томъ, что перейдя Вислу и двинувшись всѣми силами къ Варшавѣ, осадить столицу и однимъ ударомъ положить конецъ возстанію и войнѣ. 8 іюля, при Оссикѣ, недалеко отъ Прусской границы, совершился переходъ русскихъ войскъ на лѣвый берегъ Вислы, по наведенному мосту. Варшава въ это время находилась въ сильномъ смятеніи, такъ какъ на сеймѣ преобладали революціонныя партіи, поддерживаемыя множествомъ повстанцевъ, бѣжавшихъ сюда изъ Литвы и Волыни и введенныхъ въ число сеймовыхъ депутатовъ. У Скржинецкаго отняли начальство надъ войсками и отдали его генералу Дембинскому, прославившемуся искуснымъ отступленіемъ изъ Литвы; но такъ какъ и онъ не оправдалъ ожиданій и не могъ воспрепятствовать переправѣ русскихъ войскъ, то народъ пришелъ въ ярость и произвелъ страшныя неистовства: думая, что виною неудачъ измѣна, вооруженная толпа бросилась въ темницы и умертвила тамъ до 30 человѣкъ, подозрѣваемыхъ въ сношеніяхъ съ русскими (3 авг.). Правленіе въ ужасѣ разсѣялось; кн. Чарторыйскій, переодѣтый конюхомъ, бѣжалъ въ лагерь. Для прекращенія волненій, генералъ-губернаторомъ Варшавы былъ назначенъ Круковецкій, который уже давно велъ интриги и ждалъ случая захватить власть въ свои руки. Прежнее правленіе было уничтожено и замѣнено новымъ устройствомъ на подобіе Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ; президентомъ былъ провозглашенъ Круковецкій, а главнокомандующимъ престарѣ-

лый генералъ Малаховскій. По его плану, рѣшено было раздѣлить войско на двѣ части: одну употребить на защиту Варшавы, а другую отправить на правый берегъ Вислы, для наступательныхъ движеній противъ русскихъ.

Осада и взятіе Варшавы гр. Паскевичемъ.

Паскевичъ воспользовался этимъ раздѣленіемъ польскаго войска и 25 августа осадилъ Варшаву. Передъ приступомъ испробованы были примирительныя средства; но поляки отвергли предложенія фельдмаршала и 25 же августа начался штурмъ Варшавы. Въ первый же день, русскіе овладѣли предмѣстьемъ Волею и первою линіею укрѣпленій. На другой день, предводимые графомъ Толемъ, которому раненый фельдмаршалъ передалъ начальство, русскіе овладѣли и остальными укрѣпленіями, и Варшава сдалась на капитуляцію. Въ 7 часовъ утра 27 авг. русскія войска вступили въ городъ. Но войска польскія не хотѣли положить оружія и бѣжали за прусскую границу. 20 окт. Императоръ Николай объявилъ амнистію, изъ которой исключались только зачинщики возстанія, участники въ убійствахъ 3-го августа, члены сейма, подавшіе голосъ на упраздненіе престола, и офицеры арміи, не хотѣвшіе положить оружія послѣ капитуляціи Варшавы.

Уничтоженіе польской конституціи.

Слѣдствіемъ Польскаго мятежа было уничтоженіе учредительной хартіи, замѣненной 14 февраля 1832 г. такъ называемымъ Органическимъ Статутомъ, по которому устройство Царства Польскаго приравнивалось къ учрежденіямъ Имперіи. Польша потеряла право имѣть собственную армію; въ челѣ управленія былъ постановленъ Совѣтъ, состоявшій подъ предсѣдательствомъ намѣстника, изъ директоровъ коммиссій, соотвѣтствующихъ министерствамъ Имперіи; государственный сеймъ былъ окончательно уничтоженъ. Варшавскій и Виленскій университеты, а также и Кременецкій лицей были закрыты, а на мѣсто ихъ, спустя два года, былъ основанъ университетъ св. Владиміра въ Кіевѣ, въ который была отдана Виленская библіотека и музей (*). Во главѣ управ-

(*) 15 марта 1834 г. — день открытія университета Св. Владиміра.

ленія Царства былъ поставленъ, какъ намѣстникъ, графъ Паскевичъ, возведенный въ достоинство князя Варшавскаго. Онъ съумѣлъ возстановить спокойствіе въ Царствѣ и водворить новый внутренній порядокъ.

ГЛАВА XII.

Внутренняя дѣятельность Императора Николая I съ 1830 по 1848 годъ.

Задача внутренней политики и дѣятельности Императора Николая I обозначилась въ его многознаменательномъ обѣтѣ: «жить единственно для любезнаго отечества, царствовать, какъ царствовалъ Александръ Благословенный, чтобы совершить все, что онъ желалъ для счастія Россіи». Отсюда видно, что программою внутренней дѣятельности Императора Николая было— продолжать то, чего не успѣлъ совершить въ свое царствованіе Александръ I; отсюда и вытекаетъ охранительный характеръ внутренней политики Николая I. Дѣйствительно, много вопросовъ внутреннихъ, затронутыхъ въ предшествовавшее царствованіе, остались неразрѣшенными: отечественные законы не были приведены въ правильную систему, что̀ много мѣшало суду безпристрастному и служило подспорьемъ судебному произволу; многое требовало лучшаго направленія; самое воспитаніе русскаго юношества невполнѣ соотвѣтствовало истинной пользѣ народа. Главною, существенною потребностью Россіи сдѣлалось органическое развитіе силъ ея изъ собственныхъ началъ и въ свойственныхъ ей формахъ образованія.

Императоръ Николай первое заботливое вниманіе обратилъ на состояніе нашего законодательства, которое находилось въ грустномъ положеніи. Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, изданное въ 1649 г. и составленное съ необычайною поспѣшностію (въ два съ половиною мѣсяца), не могло удовлетворить потребностямъ вѣка и уже для своего

времени казалось недостаточнымъ; дополненія были неизбѣжны и они появились во множествѣ добавленій, часто несогласныхъ между собою и извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ «новоуказныхъ статей». Недостатки Уложенія чувствовались далеко до Императора Николая. Еще Петръ Великій въ 1700 г. учредилъ особую коммиссію изъ бояръ и думныхъ людей, для приведенія въ соглашеніе постановленій Уложенія съ новоуказными статьями и своими личными распоряженіями. Черезъ 14 лѣтъ работы, коммиссія успѣла разсмотрѣть только три статьи. Недовольный такимъ медленнымъ ходомъ, Петръ закрылъ коммиссію и поручилъ это дѣло Сенату, повелѣвъ всѣ несогласныя съ Уложеніемъ новоуказныя статьи отмѣнить и замѣнить новыми. Но при такомъ ограниченіи дѣла, работа шла безуспѣшно. Тогда Петръ оставилъ мысль о составленіи свода отечественныхъ постановленій и вознамѣрился сочинить новое Уложеніе, при руководствѣ законовъ Шведскихъ. Смерть помѣшала ему исполнить это намѣреніе. Всѣ девять преемниковъ его, сознавая необходимость въ новомъ Уложеніи, принимались за ту же работу, и для лучшаго успѣха въ столь обширномъ и важномъ дѣлѣ не разъ приглашали выборныхъ отъ всего государства въ учреждаемыя «коммиссіи для составленія проекта новаго уложенія». Такъ при Петрѣ II приглашены были депутаты отъ дворянства; при Елисаветѣ Петровнѣ отъ дворянства, духовенства и купечества; при Екатеринѣ II—отъ всѣхъ сословій, званій, отъ всѣхъ племенъ и народовъ, обитавшихъ въ Россіи. Правительство нещадило ничего для такого важнаго предпріятія: на одно содержаніе коммиссіи съ 1754 г. истрачено было до полутора милліона руб. серебромъ; но цѣль все-таки была недостигнута и черезъ 100 лѣтъ послѣ кончины Петра Великаго. А между тѣмъ съ каждымъ днемъ сильнѣе и сильнѣе чувствовалась необходимость въ новомъ уложеніи; и чѣмъ болѣе развивалось русское общество, тѣмъ громче раздавались вопли противъ злоупотребленій, порождаемые не только отсутствіемъ уложенія, но даже и свода дѣйствующихъ законовъ. Россія быстро измѣнилась въ усло-

віяхъ общественныхъ, правахъ и обычаяхъ со времени Петра I до Александра I; должны были сообразно съ этимъ развитіемъ измѣниться и наши законоположенія; между тѣмъ правительственныя узаконенія по дѣламъ гражданскимъ, суднымъ и уголовнымъ оставались тѣже самыя. Случалось и такъ, что главное положеніе стараго закона отмѣнялось, а проистекавшія изъ него подробности имѣли силу и становились въ явное противорѣчіе съ новымъ законоположеніемъ. Не только не было свода законовъ, гдѣ бы судья или кто другой могъ справиться о существующемъ постановленіи, но не было даже и порядочнаго хронологическаго указателя. Немудрено, если въ рѣшеніи дѣлъ замѣчалась чрезвычайная медленность (на языкѣ нашихъ предковъ извѣстная подъ названіемъ «Московской волокиты»); неудивительно, что въ разныхъ судахъ Имперіи накопилось до 2,850,000 нерѣшенныхъ дѣлъ и 127 тыс. подсудимыхъ находились въ темницахъ; въ одной Курской губерніи съ 1821 г. не было приведено въ исполненіе 660 сенатскихъ указовъ. Медленность рѣшеній происходила не только отъ недостатка уложенія, но и отъ незнанія судьями законовъ, такъ какъ они хранились въ архивахъ высшихъ присутственныхъ мѣстъ, и судья отчасти былъ поставленъ въ необходимость прибѣгать къ своему смыслу или, что тоже, къ произволу.

Свод Законов и Полное Собрание Законов.

Съ восторгомъ встрѣтила Россія Высочайшій рескриптъ (*) Императора Николая, изданный спустя полтора мѣсяца послѣ восшествія на престолъ и объявлявшій о рѣшительномъ намѣреніи Государя привести въ порядокъ отечественные уставы. «При первоначальномъ обозрѣніи разныхъ частей государственнаго управленія, обративъ особенное вниманіе на Уложеніе отечественныхъ законовъ, усмотрѣлъ я, что труды, съ давнихъ лѣтъ по сей части предпринятые, были многократно прерываемы и потому доселѣ не достигли своей цѣли.

(*) Князю Лопухину, предсѣдателю Государственнаго Совѣта (отъ 31 января 1826 г.).

Желая сколь можно болѣе удостовѣрить успѣшное ихъ совершеніе, я призналъ нужнымъ принять ихъ въ непосредственное мое вѣдѣніе. Для сего приказалъ я учредить въ собственной моей канцеляріи особое для нихъ отдѣленіе». Изъ послѣдней (10-й) коммиссіи было образовано Второе Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи для приведенія въ порядокъ русскихъ законовъ. Взявъ на себя такую тяжкую работу, Императоръ избралъ въ сотрудники себѣ опытнаго государственнаго человѣка, хорошо знакомаго съ юридическою наукою—графа Сперанскаго.

Сперанскій. Графъ М. М. Сперанскій былъ сынъ сельскаго священника Владимірской губерніи. По окончаніи курса въ мѣстной семинаріи, онъ, какъ лучшій и способнѣйшій ученикъ, былъ отправленъ въ Петербургъ, въ Александро-невскую семинарію, воспитанники которой, по выпускѣ, назначались учителями въ семинаріи провинціальныя. Сперанскій, какъ самый даровитый изъ учениковъ, былъ оставленъ при Петербургской семинаріи и ему разомъ были поручены двѣ каѳедры—математики и философіи. Въ тоже время онъ получилъ частное мѣсто (домашняго секретаря) у кн. Куракина, бывшаго въ то время генералъ-прокуроромъ Сената, который и уговорилъ его оставить духовно-учительскую службу и перевелъ его въ свою канцелярію. Такимъ образомъ Сперанскій перешелъ на гражданскую службу и своими способностями и умѣньемъ докладывать дѣла скоро сдѣлался необходимымъ чиновникомъ при Сенатѣ. Блестящая карьера Сперанскаго началась собственно съ восшествія на престолъ Императора Александра I. Трощинскій, вліятельное лицо при особѣ Государя, начальникъ канцеляріи вновь учрежденнаго государственнаго совѣта, искалъ для составленія докладовъ искуснаго, опытнаго чиновника, и съ этою цѣлью приблизилъ къ себѣ Сперанскаго, заслужившаго уже блестящую репутацію въ Сенатѣ. Скоро Трощинскій былъ замѣненъ другими лицами, болѣе близкими къ государю по лѣтамъ и убѣжденіямъ, согласнымъ съ преобразовательнымъ характеромъ новаго царствованія.

Изъ нихъ первое мѣсто занималъ графъ Кочубей, (*) сдѣланный министромъ одного изъ только учрежденныхъ министерствъ—именно внутреннихъ дѣлъ. Онъ пригласилъ Сперанскаго на службу въ свое вѣдомство и сдѣлалъ его директоромъ департамента. За болѣзнію Кочубея, Сперанскій (съ 1806 г.) часто докладывалъ дѣла государю, сблизился съ нимъ, скоро сдѣлался его любимцемъ и до 1812 года пользовался его неограниченнымъ, честно-заслуженнымъ довѣріемъ. По порученію Императора, Сперанскій (въ званіи статсъ-секретаря) составилъ планъ для новой системы государственныхъ учрежденій, планъ, основанный на французскихъ учрежденіяхъ Наполеона I, отличавшихся простотою и стройностію государственнаго механизма и построенный на началахъ централизаціи и бюрократіи; между тѣмъ предшественники Сперанскаго (Кочубей, Новосильцевъ и др.), работавшіе надъ первоначальнымъ учрежденіемъ министерствъ, были поклонниками учрежденій англійскихъ. По плану Сперанскаго были преобразованы Государственный Совѣтъ и министерства (1810); преобразованіе Сената хотя и было утверждено, но не приведено въ исполненіе, по случаю паденія Сперанскаго. Въ мартѣ 1812 г. Сперанскій былъ удаленъ изъ столицы и отправленъ въ Нижній Новгородъ; а въ 1819 году послѣдовало назначеніе его генералъ-губернаторомъ Сибири. Возвращенный въ Петербургъ въ концѣ царствованія Александра, Сперанскій не пользовался уже тѣмъ довѣріемъ государя, какъ прежде, и вмѣстѣ съ многими прежними любимцами Императора былъ отодвинутъ на второй планъ графомъ Аракчеевымъ. Вторичная карьера графа Сперанскаго началась въ царствованіе Николая I и здѣсь она указала ему завидную долю—быть сотрудникомъ Императора по разработкѣ отечественныхъ законовъ.

Первымъ дѣломъ сотрудника было—начертать планъ самой

(*) Племянникъ графа Безбородки, завѣдывавшаго русскою дипломатіею при Екатеринѣ II, послѣ графа Н. И. Панина.

работы. Познакомившись съ результатами занятій прежнихъ девяти коммиссій, Сперанскій предложилъ Государю на выборъ двѣ системы: или составить сводное уложеніе законовъ русскихъ и, по указаніямъ опыта, ихъ исправлять и дополнять, или прямо приступить къ сочиненію новаго уложенія, сообразнаго съ духомъ и потребностями времени. Государь избралъ первую систему и поручилъ Сперанскому заготовить матеріалы — т. е. собрать по возможности всѣ узаконенія, начиная съ Уложенія 1649 г. Такое порученіе, послѣ многихъ трудностей, было выполнено во 2-мъ Отдѣленіи Собственной Его Величества Канцеляріи, подъ личнымъ руководствомъ Сперанскаго, черезъ 4 года, и въ 1830 году издано было *Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи* (въ 45 томахъ), заключающее въ себѣ слишкомъ 30 тыс. актовъ и обнимающее 176 лѣтъ, начиная съ Уложенія Царя Алексѣя до кончины Александра I (1649 — 1825). Затѣмъ послѣдовало изданіе *Втораго Собранія*, ежегодно дополняемое новыми узаконеніями, вышедшими съ конца 1825 г. При изданіи того и другаго принятъ въ основаніе хронологическій порядокъ расположенія актовъ. Такимъ образомъ, наше законодательство и наша юридическая наука получили возможность самымъ надежнымъ, достовѣрнымъ путемъ слѣдить за постепеннымъ развитіемъ нашей внутренней жизни и за ходомъ нашего нравственнаго государственнаго усовершенствованія.

Столь же быстро, подъ личнымъ руководствомъ самого Государя Императора, совершилось и второе его предначертаніе, болѣе важнѣйшее. Манифестъ 31 января 1833 г. возвѣстилъ Россіи, что желанія всѣхъ монарховъ русскихъ начиная съ Петра I до Александра I наконецъ исполнены, что «всѣ законы, начиная отъ Уложенія 1649 г. до 1 января 1832 г., сохранившіе донынѣ силу и дѣйствіе, бывъ разобраны по родамъ, сведены въ единообразный составъ, соединены въ одно цѣлое, распредѣлены въ книги по главнымъ предметамъ дѣлъ правительственныхъ и судебныхъ. Все, что состоялось послѣ 1 января 1832 г., будетъ по порядку тѣхъ

же книгъ и съ указаніемъ на ихъ статьи распредѣляемо въ ежегодномъ Приложеніи....» Такимъ образомъ Россія получила *Сводъ Законовъ.*

Сводъ Законовъ имѣетъ двоякое значеніе: общественное и научное. 1) Онъ замѣнилъ прежній произволъ точными постановленіями: все, что имѣетъ силу закона, что обезпечиваетъ нашу честь и собственность, все теперь доступно и можетъ быть извѣстно всѣмъ и каждому. Въ основаніи Свода Законовъ положена мысль, что въ государствѣ необходимы два союза: государственный и гражданскій; изъ сущности ихъ возникаютъ всѣ права и обязанности, опредѣляемыя и хранимыя законами: отсюда — главное раздѣленіе законовъ на государственные и гражданскіе. Одни законы опредѣляютъ условія общественныя, другіе охраняютъ ихъ. 2) Изданіемъ Свода Законовъ положено и основаніе наукѣ русскаго права, такъ какъ только съ этого времени можно было начать систематическое изученіе законовъ и составить ясное воззрѣніе какъ на исторію нашего законодательства, такъ и на основные его элементы. До изданія Свода Законовъ профессорамъ и преподавателямъ приходилось или ограничиваться несвязными выписками изъ законовъ или вдаваться въ умозрѣнія западныхъ ученыхъ юристовъ.

Законодательныя работы Сперанскаго не ограничились Полнымъ Собраніемъ и Сводомъ. Государю угодно было поручить ему пересмотръ Свода и исправленіе тѣхъ статей, въ которыхъ замѣчались недостатки и несоотвѣтствія развитію нашей нравственной и политической жизни. Графъ Сперанскій, въ сотрудничествѣ съ тогдашнимъ министромъ Юстиціи, Дашковымъ, представилъ Государю два средства къ усовершенствованію законовъ—исправленіе отдѣльное и систематическое. Первый способъ состоитъ въ замѣнѣ неудобныхъ статей новыми, издавая каждый разъ особыя на то положенія; при второмъ способѣ—необходимо, обозрѣвъ всѣ постановленія Свода и Полнаго Собранія, составить общія начала усовершенствованія и произвести исправленіе одвимъ общимъ

положеніемъ. Государь призналъ второй способъ, состоящій въ прочномъ систематическомъ исправленіи, и указалъ на необходимость начать пересмотръ съ законовъ уголовныхъ. Но при самомъ началѣ этого важнаго труда, графъ Сперанскій скончался, и это предпріятіе было окончено въ II Отдѣленіи Собственной Канцеляріи, подъ главнымъ надзоромъ графа Дм. Ник. Блудова. 15-го апрѣля 1845 г. были утверждены Государемъ «*Уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ*».

Кромѣ того, въ министерствахъ и главныхъ управленіяхъ были учреждены особые комитеты съ цѣлію пересмотра, исправленія и дополненія «Положеній, Наказовъ и Уставовъ», по всѣмъ отраслямъ государственнаго благоустройства и благосостоянія, народной промышленности, образованности и сословныхъ правъ. Эти преобразованія и улучшенія составляютъ до 20 огромныхъ томовъ, занимающихъ въ себѣ до 20,000 актовъ. Прослѣдить ихъ цѣликомъ въ учебномъ руководствѣ нѣтъ ни нужды, ни возможности; мы ограничимся указаніемъ только на нѣкоторыя.

Новыя постановленія о сословіяхъ.

По жалованной Императрицею Екатериною II грамотѣ дворянству (1785), дворянство каждой губерніи имѣло свои «собранія» для выбора должностныхъ лицъ (губернскаго и уѣздныхъ предводителей, предсѣдателей и засѣдателей судебныхъ палатъ, уѣздныхъ судей, начальниковъ земской полиціи или исправниковъ и др.). Каждый мѣстный дворянинъ пользовался на собраніяхъ правомъ голоса. Но съ теченіемъ времени это право сдѣлалось источникомъ многихъ злоупотребленій и доставило богатымъ помѣщикамъ перевѣсъ надъ мелкопомѣстными владѣльцами: держа бѣднѣйшихъ дворянъ въ качествѣ кліентовъ, богатые по своей волѣ распоряжались ихъ голосами. Чтобы уничтожить въ дворянскихъ собраніяхъ преобладаніе богатыхъ, государь манифестомъ 1831 года ограничилъ на выборахъ право голоса извѣстною степенью имущества, т. е. правомъ голоса могъ уже пользоваться не всякій помѣщикъ, но только имѣющій 100 душъ крестьянъ

или 3000 десятинъ земли; исключеніе сдѣлано только для большихъ чиновъ. Вслѣдствіе быстраго размноженія дворянскаго сословія посредствомъ поступленія въ него служилыхъ людей, достигавшихъ извѣстнаго чина, Императоръ ограничилъ въ 1845 г. право пріобрѣтенія потомственнаго дворянства: по новому положенію, потомственное дворянство давалось достигшему въ военной службѣ штабъ-офицерскаго чина, а въ гражданской—пятаго класса; происходившіе не изъ дворянъ оберъ-офицеры и гражданскіе чиновники съ IX до V класса составили сословіе «личныхъ дворянъ», которое не пользовалось правомъ владѣть крѣпостными людьми; а чиновники съ XIV до IX класса пользуются правами «почетныхъ гражданъ.»

Министерство государственныхъ имуществъ.

Въ 1837 году было учреждено новое *Министерство Государственныхъ Имуществъ*, сфера дѣйствій и обязанности котораго заключались въ управленіи государственными крестьянами, казенными лѣсами, землями и кочевыми инородцами; кромѣ того вновь учрежденному министерству вмѣнялось въ обязанность заботиться объ улучшеніи крестьянства, сельской промышленности и земледѣлія. — Государственные крестьяне каждой губерніи были раздѣлены на «округи»: округи дѣлились на «волости» (числомъ до 6000 душъ), а волости на «сельскія общества».

Что касается до крестьянъ помѣщичьихъ или крѣпостныхъ, то Императоръ Николай, вскорѣ послѣ вступленія на престолъ, издалъ манифестъ отъ 26 мая 1826 г., которымъ напоминалось крестьянамъ о неуклонномъ исполненіи установленнаго порядка. Этотъ манифестъ вызванъ былъ тѣми волненіями, которыя дѣйствительно произошли среди крестьянъ, ожидавшихъ съ новымъ царствованіемъ перемѣнъ въ правахъ сельскаго населенія. Впослѣдствіи (въ 1842 г.) Императоръ издалъ нѣсколько указовъ относительно крѣпостныхъ: запрещено было продавать крѣпостныхъ отдѣльно отъ семействъ; позволено помѣщикамъ отдавать земли въ пользованіе своимъ крестьянамъ за условныя повинности, и такіе крестьяне на-

званы «обязанными»; крѣпостнымъ позволено пріобрѣтать недвижимую собственность съ согласія ихъ помѣщиковъ.

Народное просвѣщеніе.

Относительно народнаго просвѣщенія было сдѣлано много въ царствованіе Николая I. Въ 1835 году изданъ былъ уставъ учебныхъ заведеній—высшихъ, среднихъ и низшихъ; жалованье профессоровъ и учителей было увеличено вдвое противъ прежняго. Для приготовленія профессоровъ въ высшія учебныя заведенія и учителей для среднихъ и низшихъ заведеній учреждены были два института: Профессорскій (*) и Главный Педагогическій. Кромѣ того были основаны: университетъ св. Владиміра въ Кіевѣ, Военная академія, нѣсколько новыхъ кадетскихъ корпусовъ въ губерніяхъ, училище правовѣдѣнія, технологическій институтъ, институты для воспитанія дѣвицъ, многія спеціальныя училища по гражданскому и военному вѣдомству, сельскія школы, пріюты и пр. При Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія появилась «Археографическая Коммиссія», дѣломъ которой было собираніе и изданіе матеріаловъ для изученія нашей отечественной старины и исторіи. Съ 1848 года были приняты правительствомъ особыя мѣры относительно народнаго образованія,—мѣры вызванныя событіями февральской революціи и ея послѣдствій: число учащихся въ университетахъ было ограничено (до 300), отправленіе молодыхъ людей за границу пріостановлено, каѳедры философіи въ университетахъ были закрыты.

Отмѣна уніи.

Прекращеніе Уніи въ западно-русскомъ краѣ составляетъ одно изъ важныхъ распоряженій Императора Николая: отмѣною Уніи значительно ослаблена католическая полонизація, поддерживаемая поляками съ намѣреніемъ задавить въ этомъ краѣ русскую народность.

Въ 1569 г., на Люблинскомъ сеймѣ, былъ подписанъ

(*) Профессорскаго Института въ настоящее время нѣтъ; Педагогическій Институтъ, упраздненный нѣсколько лѣтъ тому назадъ, возобновленъ въ иномъ видѣ, но съ тою же цѣлію, въ 1867 г. подъ названіемъ Императорскаго Филологическаго Института.

представителями Польши и Литовскаго великаго княжества актъ окончательнаго соединенія этихъ государствъ въ одно — Рѣчь Посполитую. Вмѣстѣ съ Литвою въ составъ соединеннаго государства вошли и чисто русскія области, каковы Бѣлоруссія, Волынь, Подолія, Галиція, Полѣсье и др. Несмотря на то, что въ актѣ Люблинскаго соединенія было опредѣлительно сказано, что государства соединяются какъ равное съ равнымъ, т. е. что одинаковыми правами религіозными, гражданскими и общественными будутъ пользоваться какъ обитатели княжества Литовскаго, такъ и королевства Польскаго,— однако скоро—при королѣ Сигизмундѣ III — рѣшенія сейма рѣзко стали отличать права своихъ католиковъ предъ православными, запрещали послѣднимъ строить православные храмы, не допускали православныхъ на сеймы и отмѣтили всѣхъ некатоликовъ общимъ названіемъ *диссидентовъ* (различествующихъ). При такихъ явныхъ преслѣдованіяхъ, нѣсколько православныхъ духовныхъ лицъ (Митрополитъ Кіевскій Михаилъ Рагоза, Епископъ Луцкій, Кириллъ Терлецкій, Игнатій Поцѣй и нѣкоторые другіе), изъ мірскихъ выгодъ и иныхъ разсчетовъ, въ концѣ XVI столѣтія предались папѣ, и покровительствуемые королемъ Сигизмундомъ III, на соборѣ, составленномъ въ Брестѣ-Литовскомъ, провозгласили въ 1596 г. *Унію* (*соединеніе* церкви восточной съ западною подъ главенствомъ папы), т. е. отреклись отъ патріарховъ Вселенскихъ и признали надъ собою верховную власть римскаго первосвященника, удержавъ впрочемъ догматы и обряды древняго православнаго закона. Признавшіе постановленія Брестъ-Литовскаго собора и назывались *Уніатами*. Первое время число ихъ было крайне ограниченное, но, когда польское правительство поручило работы по распространенію Уніи іезуитамъ и когда послѣдніе завели въ западномъ русскомъ краѣ свои коллегіи (школы) съ даровымъ воспитаніемъ,— Унія сдѣлала большія успѣхи и почти все дворянство обратилось въ уніатовъ, а нѣкоторые прямо оставили вѣру предковъ и перешли въ католичество. Тѣже явленія повторились

и въ остальныхъ сословіяхъ: одна половина духовенства, городскаго сословія и сельскихъ обывателей удержалась въ православіи, а другая примкнула къ Уніи; каждая изъ нихъ имѣла своего митрополита, что продолжалось до самой отмѣны Уніи. Католики, считая непослѣдовательнымъ останавливаться на полъ-дорогѣ, одинаково подвергали гоненіямъ и тѣхъ и другихъ и мало по малу достигали своей цѣли: православные увлекались въ Унію, а Уніаты, въ угоду послѣдователямъ, вводили католическіе обряды въ своемъ богослуженіи.

Такъ неутѣшительно было положеніе православія въ западно-русскихъ областяхъ до Екатерины II. Возвративъ отъ Польши по тремъ раздѣламъ древнія русскія области, Императрица даровала одинаковые права населенію, но въ то же время запретила обращеніе новыхъ ея подданныхъ въ Унію и переходъ уніатовъ въ католичество; послѣднимъ дозволила безбоязненно возвращаться въ православіе. Волынь и Подолія, искони православныя области, воспользовались дозволеніемъ и обратились къ вѣрѣ предковъ. Но при всемъ томъ, еще около двухъ милліоновъ русскихъ подданныхъ оставались въ уніатствѣ.

Въ царствованія Павла I и Александра I движеніе уніатовъ въ православіе пріостановилось, вѣроятно, отъ того, что завѣдываніе дѣлами уніатской церкви поручено было учрежденной въ Петербургѣ Римско-Католической Коллегіи. Положеніе уніатовъ было какое-то неестественное: отъ православныхъ-русскихъ они отличались обрядами и убѣжденіями и въ глазахъ ихъ были отступниками; не пристали и къ католикамъ, которые вѣру ихъ называли «хлопской». Въ самой уніатской церкви произошли раздоры: бѣлое уніатское духовенство было въ разладѣ съ уніатскими монахами (Базиліанскаго ордена) и спорило съ ними за церковныя и поземельныя имущества.

Со вступленіемъ на престолъ Императора Николая, церковныя дѣла наши въ западномъ краѣ приняли лучшій оборотъ. Высочайшимъ указомъ 22 апр. 1828 г. повелѣно было:

для Грекоуніатскихъ церквей въ Россіи учредить подъ предсѣдательствомъ митрополита ихъ, Іосафата Булгака, особую *Грекоуніатскую коллегію*, которая обязана тщательно наблюдать, чтобы чинъ богослуженія и весь порядокъ іерархіи охранялся отъ введенія чуждыхъ, несвойственныхъ греческимъ обрядамъ, обычаевъ, на точномъ основаніи грамотъ 1596 года, положившихъ начало Уніи. А управленіе дѣлами Грекоуніатскихъ церквей было предоставлено, подъ вѣдѣніемъ коллегіи, двумъ епархіальнымъ начальствамъ, Бѣлорусскому и Литовскому; въ той и другой епархіи были учреждены каѳедральные соборы, консисторіи, семинаріи и первоначальныя училища. Результатомъ такихъ распоряженій было постепенное исчезновеніе уніи: епископы и другія духовныя уніатскія власти стали возстановлять первобытное устройство храмовъ, уничтожать органы, вмѣсто ошибочныхъ разной печати церковныхъ книгъ стали употреблять при богослуженіи книги установленныя Св. Синодомъ; въ семинаріяхъ и училищахъ готовящіеся къ духовному сану получали истинно-православное воспитаніе. Съ кончиною митрополита Іосафата, успѣхамъ православія весьма много содѣйствовалъ, заступившій его мѣсто,—предсѣдателя Грекоуніатской коллегіи,—епископъ Литовскій (впослѣдствіи митрополитъ) Іосифъ Сѣмашко. Польское возстаніе ускорило дѣло прекращенія Уніи. Въ 1838 г. 1 января, управленіе дѣлами коллегіи ввѣрено было Государемъ оберъ-прокурору Св. Синода, Графу Протасову. А на слѣдующій годъ послѣдовала развязка дѣла: унія была отмѣнена.

Въ первое воскресенье великаго поста, 12-го февраля 1839 г. въ гор. Полоцкѣ, собрались всѣ Грекоуніатскіе епископы съ знатнѣйшими лицами изъ бѣлаго духовенства и составили соборный актъ, въ которомъ, изложивъ истинное положеніе своей церкви, опредѣлили просить Государя «о дозволеніи имъ присоединиться къ прародительской Православной Всероссійской церкви». Государь повелѣлъ графу Протасову подвергнуть Полоцкій соборный актъ, подписан-

ный 1305 лицами Грекоуніатскаго духовенства, на разсмотрѣніе Св. Синода, для сообразнаго съ правилами церкви постановленія. Синодъ опредѣлилъ: принять паству Грекоуніатской церкви съ духовенствомъ въ общеніе съ православною всероссійскою церковью; 25-го марта послѣдовало соизволеніе Государя въ словахъ: «Благодарю Бога и принимаю». Самый обрядъ возсоединенія совершился 30 марта, въ Синодальной церкви, послѣ благодарственнаго молебствія и взаимнаго цѣлованія.

Инвентарныя положенія.

Но многіе изъ дворянъ и помѣщиковъ западно-русскаго края принадлежали къ католичеству, тогда какъ крестьяне, въ 1839 году, составляли уже чисто-православное населеніе. Чтобы оградить послѣднихъ отъ угнетенія со стороны польско-католическаго дворянства, изданы были *инвентарныя положенія*. Ими опредѣлялись повинности крестьянъ и барщина, т. е. право владѣльцевъ на крѣпостную работу. Инвентари были введены сначала только въ Кіевскомъ генералъ-губернаторствѣ (1847); въ губерніяхъ же Бѣлорусскихъ и Литвѣ введеніе ихъ послѣдовало только въ нынѣшнее царствованіе.

Финансы. Графъ Канкринъ.

Русскіе финансы въ царствованіе Императора Николая I находились въ блистательномъ состояніи. Здѣсь нельзя не вспомнить дѣятельности министра графа Канкрина, опытнаго и искуснаго финансиста. Канкринъ вывелъ наши финансы изъ затруднительнаго положенія (когда ассигнаціонный рубль понизился до 24 коп.).

Ассигнаціи явились у насъ при Екатеринѣ II (1768 г.) въ облегченіе и въ замѣнъ тяжеловѣсной, неудобной въ обращеніи, мѣдной монеты, находившейся въ обращеніи въ размѣрахъ, далеко превышающихъ потребность мелкой размѣнной монеты. Чтобы облегчить возникшія отсюда затрудненія, правительство основало *ассигнаціонный банкъ* и стало выпускать *ассигнаціи* (билеты), въ обмѣнъ, принимаемой въ банкъ, мѣдной монеты. Мѣра эта вполнѣ удалась; ассигнаціи не только принимались во всѣхъ платежахъ, но и пользовались

даже лажемъ (промѣнная выгода), по весьма естественной причинѣ: онѣ представляли болѣе удобствъ въ обращеніи, сравнительно съ звонкой, по преимуществу мѣдною монетой. Но скоро огромные государственные расходы поставили правительство въ необходимость усиливать выпускъ ассигнацій, не сопровождая новыхъ выпусковъ соразмѣрнымъ усиленіемъ металлическаго фонда; при этомъ запрещалось вывозить монету за границу и также плавить ее. Вскорѣ послѣ того, металлическій фондъ совсѣмъ исчезъ; тогда ассигнаціи сдѣлались вполнѣ бумажными деньгами, и, по мѣрѣ усиленія ихъ выпусковъ, постепенно падали въ цѣнѣ; такъ въ 1786, при выпускѣ ассигнацій на милліонъ, курсъ ихъ стоялъ—98 к. монетою за одинъ руб. въ ассигнаціяхъ; въ 1800 г. при 212 мил. — 65 к.; въ 1808 г. при 480 мил. — 54 к.; въ 1810 г. при 580 мил.—33 к. и въ 1817 г. при 836 мил.—24 к. за ассигнаціонный рубль. А цѣнность металлическаго рубля доходила до 4 и 4 слишкомъ р. ассигнаціями; въ губерніяхъ же металлическій рубль ходилъ 4 р. 65 к. Очень понятно, что усиленные выпуски ассигнацій были вызваны дѣятельнымъ участіемъ Россіи въ коалиціяхъ, составлявшихся противъ революціонной Франціи и ея первой имперіи. По замиреніи Европы Вѣнскимъ конгрессомъ, правительство видѣло необходимость выкупить нѣкоторое количество ассигнацій изъ обращенія, чтобы поддержать свой финансовый кредитъ. И потому, уже въ 1817 г., была учреждена особая касса для погашенія государственныхъ долговъ, которая дѣятельно приступила къ изъятію ассигнацій изъ обращенія. Мѣра эта тотчасъ же оказала свои благія дѣйствія и курсъ ассигнацій поднялся. Къ 1824 г. изъятіе было пріостановлено, но ассигнаціи въ цѣнѣ не понизились, такъ какъ до 1830-хъ г. новыхъ выпусковъ не послѣдовало. Такимъ образомъ, къ исходу тридцатыхъ годовъ установилось постоянное отношеніе между цѣною ассигнацій и звонкой монеты.

Этимъ обстоятельствомъ и воспользовался гр. Канкринъ, когда произвелъ въ промежутокъ отъ 1839 по 1843 годъ

свою знаменитую денежную реформу, состоявшую въ *фиксаціи* курса ассигнацій и въ замѣнѣ ихъ *государственными кредитными билетами*, которыя предъявителю обмѣниваются на звонкую золотую и серебряную монету и выкупъ которыхъ обезпечивается всѣмъ государственнымъ достояніемъ. Закономъ 1 іюля 1839 г. неизмѣнно было утверждено постоянное отношеніе ассигнаціоннаго рубля къ серебряному или рублю на серебро, въ пропорціи $3^1/_2$: 1. Укрѣпивъ такимъ образомъ навсегда отношеніе ассигнацій къ монетѣ, которое въ данный моментъ было истиннымъ, но которое въ извѣстную минуту, подъ вліяніемъ экономическихъ условій, могло измѣниться, гр. Канкринъ, чтобы предупредить подобный финансовый фактъ, создалъ непосредственно за фиксаціею курса, въ видѣ переходной мѣры, *депозитный банкъ*, принимавшій въ *депо* звонкую монету противъ депозитныхъ билетовъ, выпущенныхъ уже по разсчету на серебряные рубли и размѣниваемыхъ, по предъявленію, серебромъ же. Большой и весьма понятный успѣхъ депозитныхъ билетовъ имѣлъ слѣдствіемъ образованіе значительнаго металлическаго фонда. Этотъ-то фондъ и послужилъ основаніемъ для выпуска государственныхъ кредитныхъ билетовъ, явившихся въ 1843 году для замѣны и ассигнацій и депозитокъ. Переходъ отъ ассигнацій къ кредитнымъ билетамъ былъ значительнымъ шагомъ впередъ со стороны нашего финансоваго управленія.

ГЛАВА XIII.

Волненія въ Италіи съ 1830 г. по 1848 г.

Вліяніе іюльской революціи отразилось и на Италіи. Спокойствіе, возстановленное въ ней въ 1821 г. рѣшеніями Лайбахскаго и Троппаускаго конгрессовъ, было непродолжительно. Подъ вліяніемъ іюльскихъ событій, общество карбонаріевъ, въ связи съ партіею «молодой Италіи», снова начало свою работу, во имя конституціоннаго порядка, единства Италіи

и независимости ея отъ нѣмцевъ (австрійцевъ). Первыя движенія начались въ церковной области, герцогствѣ Моденскомъ и Пармскомъ (фев. 1831 г.); но Австрія, опасавшаяся за свои Ломбардо-Венеціанскія владѣнія, выслала войска въ Папскую область и возстановила въ ней спокойствіе; но когда въ слѣдующемъ году возмущенія возобновились, и австрійскія войска снова заняли Церковную область, то туда явились и французы и утвердились въ Анконѣ, не для защиты папскихъ подданныхъ, какъ они объявили, но для противудѣйствія Австріи.

Мы подробнѣе разсмотримъ революцію въ Папской области, такъ какъ около Рима группировались всѣ надежды карбонаріевъ и «молодой Италіи», которые дѣйствовали за объединеніе полуострова и желали видѣть Римъ столицею; а остальныхъ итальянскихъ событій коснемся мимоходомъ на столько, на сколько это окажется нужнымъ для поясненія фактовъ Папской области.

Новыя покушенія карбонаріевъ.

Пій VII, умирая въ 1823 году, оставилъ свою область въ состояніи страшнаго безпокойства, которое одинаково отражалось на всѣхъ слояхъ общества. Несмотря на преслѣдованіе корбонаріевъ и жестокія мѣры противъ нихъ, карбонаризмъ былъ еще такъ силенъ, что могъ явно противудѣйствовать санфедистамъ. Такъ называлась партія или братство святой вѣры (Santa-Fede), принявшая на себя обязанность защищать свѣтскую власть папы, положить преграду распространенію новѣйшихъ идей и остановить въ самомъ началѣ стремленіе къ свободѣ личной, политической и религіозной. Въ сильнѣйшей враждѣ оставилъ Папа эти партіи.

Пріемникъ его, Левъ XII (1823 — 1829), отличался яростнымъ фанатизмомъ; онъ покровительствовалъ монашескимъ орденамъ, возстановилъ старинныя конгрегаціи кардиналовъ, подчинилъ духовенству народное образованіе, даровалъ монахамъ и священникамъ множество льготъ и привиллегій; однимъ словомъ, онъ хотѣлъ возстановить для духовенства средніе вѣка. Подобнаго рода распоряженія возбуждали

негодованіе корбонаріевъ, а со стороны Льва XII это негодованіе вызывало строгія противъ нихъ мѣры. Начались жестокія преслѣдованія и наказанія всѣхъ захваченныхъ и обвиненныхъ въ политическихъ преступленіяхъ; въ одной Равенской области 500 человѣкъ преступниковъ были наказаны начиная съ смертной казни и оканчивая изгнаніемъ. Жестокій законъ «о подозрѣніи» присуждалъ всякаго мужчину и женщину къ семилѣтней каторгѣ, если они, зная о какомъ нибудь приверженцѣ карбонаризма, не доносили на него. Въ самомъ центрѣ Рима, въ виду Ватиканскаго дворца, былъ воздвигнутъ эшафотъ, на которомъ, въ числѣ другихъ преступниковъ, погибли Монтанари и Таргини. До сихъ поръ клерикальная партія дѣйствовала заодно съ папскимъ интересомъ; но, когда въ новыхъ распоряженіяхъ Льва XII высказалось его намѣреніе подчинить свѣтскую администрацію своему контролю и ввести въ границы приличія распущенные нравы духовенства, то и самая римская курія возстала противъ него. Папа во время увеселеній карнавала внезапно захворалъ, и скоро скончался; скоропостижная смерть его возбуждала много толковъ, и послужила сюжетомъ многихъ пасквилей, появлявшихся на стѣнахъ Рима.

Правленіе Пія VIII, пріемника Льва XII, продолжалось 20 мѣсяцевъ (ум. 30 ноября 1830 г.). «Объ этомъ папѣ ничего нельзя сказать, исключая того, что онъ ничего не сдѣлалъ», сказалъ Пинто, одинъ его современниковъ, государственный въ свое время человѣкъ. А поработать было надъ чѣмъ, потому что извѣстія о іюльской революціи уже волновали умы и предвѣщали скорую грозу. Пока кардиналы заняты были спорами въ конклавѣ о выборѣ новаго папы, начались волненія въ провинціяхъ и оттуда проникли и въ Римъ. Это обстоятельство побудило кардиналовъ ускорить избраніемъ новаго папы. Монахъ Капеллари сдѣлался Папою, подъ именемъ Григорія XVI (1831 — 1846).

Царствованіе папы Григорія XVI началось грустными предзнаменованіями, и на самомъ дѣлѣ оказалось истиннымъ

бѣдствіемъ для государства. На третій день вступленія на престолъ, въ Болоньѣ вспыхнула революція: тамъ учреждено было временное правительство, подъ предсѣдательствомъ адвоката Виччини. Возстаніе Болоньи съ цѣлію низвергнуть свѣтскую власть Папы и господство монаховъ встрѣтило сочувствіе во всѣхъ концахъ Папской области. Отрядъ волонтеровъ двинулся къ столицѣ; въ числѣ ихъ находились два Наполеонида: Наполеонъ и Людовикъ Бонапарте (нынѣ имп Наполеонъ III), сыновья Людовика Голландскаго, впервые выступившіе на политическое поприще послѣ того, какъ фамилія ихъ перешла въ частную жизнь. Произошло нѣсколько кровавыхъ стычекъ, и въ одной изъ нихъ, близъ Отрокли, погибъ Наполеонъ Бонапарте (17 марта); младшій же, Людовикъ-Наполеонъ, предназначенный судьбою къ великой роли, былъ, переодѣтый, спасенъ своею матерью, королевою Гортензіею. Либеральная партія и вооружившіеся за нее волонтеры требовали отрѣшенія духовенства отъ управленія свѣтскими дѣлами, равенства всѣхъ гражданъ передъ закономъ, административной реформы и гарантій отъ произвола правительственныхъ лицъ. Единственнымъ отвѣтомъ Папы на эти требованія — было воззваніе къ иностранному вмѣшательству; Австрія выслала свои войска и парализовала всѣ дѣйствія революціонеровъ; а санфедисты и клерикалы въ союзѣ съ папскимъ правительствомъ открыли рядъ гоненій и преслѣдованій противъ своихъ враговъ-либераловъ. Невоздержанность клерикаловъ и ошибки Папскаго правительства обратили, наконецъ, на себя вниманіе европейской дипломатіи: 10 мая 1831 года представители Австріи, Франціи, Россіи, Пруссіи и Англіи подали Папскому правительству ноту, которая указывала на необходимость нѣкоторыхъ правительственныхъ реформъ, могущихъ ручаться за будущее спокойствіе Церковной области. Но, несмотря на совѣты первокласныхъ державъ, правительство Папы продолжало дѣйствовать въ духѣ однажды принятой системы и прежнихъ злоупотребленій. Самъ Папа мало заботился объ управленіи и государственныхъ дѣлахъ: удо-

вольствія и пиры поглощали все время; а дѣла были предоставлены кардиналамъ, составлявшимъ «священную коллегію». И потому положеніе Папской области нисколько не улучшилось, потому что система правительственныхъ дѣйствій оставалась таже самая. Чтобы подавить новыя волненія революціонеровъ, санфедисты организовали милицію изъ волонтеровъ, получившихъ названіе центуріоновъ (Centurioni). Насиліе, грабежъ, убійство, руководившія ихъ дѣйствіями, вызвали соотвѣтственные поступки и со стороны ихъ противниковъ. Среди бѣлаго дня они нападали другъ на друга и часто на улицахъ и площадяхъ производили кровавыя стычки. Австрійцы, удалившіеся было изъ Рима, снова возвратились въ Церковную область, по вторичному призыву Папы, подъ начальствомъ генерала Грабовскаго (янв. 1832 г.). Но на этотъ разъ и французы приняли участіе въ посредничествѣ: они заняли своими войсками городъ Анкону (февр. 1832). Сначала появленіе французовъ породило много ожиданій, такъ какъ французское правительство объявило, что оно намѣрено защищать права папскихъ подданныхъ, потому что австрійцы дѣйствуютъ въ пользу Папы; однако скоро сдѣлалось яснымъ и явнымъ, что французское посредничество имѣло ту же цѣль, какъ и австрійское, т. е. поддержаніе папской власти противъ революціонныхъ замысловъ. Понятно, что при такомъ положеніи дѣлъ водворилось спокойствіе, но только видимое: смуты не прекращались и повсюду замѣтно было волненіе умовъ. Карбонаріи, тѣснимые въ отечествѣ, чувствуя здѣсь свое безсиліе, оставляли родину и стали примыкать къ тайному обществу «молодой Италіи», составлявшемуся за границей. Во главѣ его стоялъ молодой генуэзецъ Іосифъ Мадзини, изгнанникъ, имя котораго пріобрѣло громкую извѣстность, «какъ вслѣдствіе его неутомимой дѣятельности на поприщѣ политическаго агитатора, такъ и вслѣдствіе его многочисленныхъ заблужденій и легкомысленныхъ поступковъ». «Молодая Италія» (Giovane Italia) проводила идею единства націи, оказывала предпочтеніе республиканскому образу прав-

ленія и желала построить общество на чисто-демократическихъ началахъ. Для этого она потребовала отъ своихъ адептовъ денежныхъ взносовъ, оружія и военныхъ припасовъ. Уставы ея предписывали строгую дисциплину, дѣятельную пропаганду и изданіе журнала.

Среди такого хаоса враждующихъ партій, заговоровъ, междоусобныхъ столкновеній, правительство, естественно, все болѣе и болѣе утрачивало свой авторитетъ и силу. Въ 1838 г. австрійцы оставили Римъ; за ними удалились изъ Анконы и французы; дѣйствія либераловъ сдѣлались смѣлѣе, а матеріальная поддержка правительства ослабѣла и нравственное значеніе Папы поколебалось. Возстанія возобновились и правительство одновременно узнало о волненіяхъ въ Эмиліи, Анконѣ и Болоньи. Новыя военныя судилища, казни, кровопролитія, работы сбировъ и санфедистовъ составляли правительственную дѣятельность Папы. Такія жестокости и обращеніе къ старому порядку вещей возбудили только новую рѣшимость среди революціонеровъ. Несмотря на прокламаціи Массимо д'Азеліо, піемонтскаго уроженца, пользовавшагося не менѣе Мадзини популярностію во всей Италіи и совѣтывавшаго, вооружась терпѣніемъ, ожидать хорошаго въ отдаленномъ будущемъ, которое непремѣнно даруетъ Піемонту «щитъ итальянской независимости»,—возстаніе вспыхнуло сначала въ Римини, а потомъ и въ прилежащихъ къ нему провинціяхъ. «Возстаніе это, какъ объявлялъ манифестъ инсургентовъ, подняло знамя войны только во имя реформы, т. е. одинаковаго для всѣхъ правосудія, нѣкоторыхъ измѣненій въ законодательствѣ и гарантій, обезпечивающихъ всеобщее благосостояніе». На эти требованія правительство отвѣчало пушечными выстрѣлами, и выславъ отрядъ швейцарцевъ, заставило инсургентовъ подъ предводительствомъ нѣкоего Піетро Ренци перебраться за границу Тосканы и искать тамъ убѣжища. Но Тосканскій герцогъ Леопольдъ II выдалъ папскимъ сбирамъ всѣхъ укрывшихся у него революціонеровъ, въ томъ числѣ и Ренци; печальная участь постигла ихъ.

Конецъ царствованія Григорія XVI былъ ознаменованъ двумя событіями, которыя на мгновеніе могли занять умы настоящимъ, и отвратить ихъ отъ тревожныхъ думъ и опасеній за будущее. Первое—посѣщеніе въ 1845 г. Рима Императоромъ Николаемъ I, который въ одномъ изъ свиданій съ папою успѣлъ придти къ взаимному съ нимъ соглашенію относительно вопроса о положеніи католическаго духовенства въ Россіи; второе—пріѣздъ въ Римъ Пелегрино Росси, знаменитаго ученаго, профессора болонскаго университета, эмигранта, который, живя во Франціи, былъ возведенъ въ званіе пэра,—онъ явился въ Римъ, въ качествѣ французскаго посланника, чтобъ вести переговоры объ удаленіи съ французской территоріи іезуитовъ. Но оба эти событія нисколько не облегчили затруднительныхъ обстоятельствъ, въ какія поставили страну пятнадцать лѣтъ гибельной для нея политики и раззорительной администраціи папы Григорія XVI. Умирающему осмидесятилѣтнему папѣ пришлось на смертномъ одрѣ испытать горькіе плоды людской неблагодарности. Лишь только доктора объявили, что болѣзнь его неизлѣчима, въ Ватиканѣ поднялась суматоха, и приближенные, понимая шаткое положеніе свое, захвативъ крохи папскаго достоянія, скрывались съ ними, куда кто могъ. Больной, покинутый всѣми, страдалъ въ припадкахъ сильнѣйшей горячки и умеръ на рукахъ конюха своего, случайно попавшаго въ папскія палаты. Григорій XVI скончался 1 іюня 1846 г.

Избраніе Пія IX на папство.

Собравшійся конклавъ избралъ въ преемники Григорія XVI, кардинала Мастаи-Феретти подъ именемъ Пія IX (Pio Nono). Джіованни-Марія изъ графскаго дома Мастаи-Феретти родился въ 1792 г. въ Сенигальи отъ родителей, отличавшихся либеральнымъ образомъ мыслей. Младшій изъ графовъ Феретти, Джіованни, изъявилъ желаніе вступить въ папскую гвардію (guardie nobili); но обнаружившіеся припадки падучей болѣзни заставили его отказаться отъ военнаго поприща. Тогда онъ избралъ себѣ новую дорогу, вступилъ въ духовное званіе и вскорѣ былъ возведенъ въ санъ каноника и прелата.

Онъ участвовалъ въ экспедиціи миссіонеровъ, отправившихся въ Чили распространять евангельское ученіе. Удачно избѣгнувъ опасностей, которымъ онъ тамъ подвергался, молодой Мастаи возвратился въ Римъ. Здѣсь онъ сталъ во главѣ одного благотворительнаго учрежденія и былъ возведенъ въ званіе епископа города Сполетто; вскорѣ сдѣлался кардиналомъ, и наконецъ, неожиданно, избранъ былъ въ папы.

Преобразованія Папы Пія IX и партія «молодой Италіи».

Вполнѣ сознавая необходимость реформъ для успокоенія волновавшихся умовъ, «добродушный» Пій IX положилъ въ основаніе своего правленія правила, совершенно отличныя отъ политики своего предшественника. Но въ первое время онъ принялъ какое-то выжидательное положеніе, и не высказывался: только черезъ мѣсяцъ, именно 16 іюля, онъ объявилъ манифестъ объ амнистіи, распространенный на всѣхъ политическихъ преступниковъ. Этотъ актъ милосердія разомъ прославилъ имя Pio Nono во всей Италіи и снова возбудилъ мечты (высказанныя въ сочиненіи Джіоберти еще въ 1843 г.), что независимость и единство Италіи могутъ быть возстановлены только Папою. Вскорѣ Пій IX пріобрѣлъ еще новыя права на всеобщее расположеніе: черезъ двѣ недѣли, государственный секретарь, кардиналъ Джицци, циркуляромъ, обращеннымъ къ легатамъ и делегатамъ провинцій папскихъ, освѣдомлялся о нуждахъ и желаніяхъ провинціальнаго населенія. При такихъ, всюду высказываемыхъ, сочувствіяхъ «либеральному Папѣ», насталъ 1847 годъ, сопровождавшійся большими обѣщаніями со стороны папскаго правительства; въ нихъ упоминалось объ учрежденіи государственнаго совѣта (Consulta di Stato), объ основаніи національной гвардіи и тому подобныхъ нововведеніяхъ. Однако, только въ іюлѣ появился указъ, дозволявшій учрежденіе національной гвардіи подъ названіемъ «городской стражи» (Guardia civica); но въ тоже время кардиналамъ-префектамъ разослано было приказаніе приводить указъ въ дѣйствіе только въ случаѣ крайней необходимости, при неотступномъ требованіи населенія. Эти либеральныя распоряженія крайне не нравились партіи

санфедистовъ, которые въ свою очередь волновали народъ и хлопотали о подавленіи популярности Пія IX. Когда же съ помощію національной гвардіи эти волненія были прекращены, и когда дѣла повидимому начинали принимать благопріятный оборотъ, внезапно разнеслась вѣсть о занятіи Феррары австрійскимъ войскомъ. Опасаясь за внутренній порядокъ своихъ ломбардо-венеціанскихъ владѣній, куда могли проникнуть либеральныя идеи изъ Церковной области, Тосканы и королевства Сардинскаго, Австрія заняла войсками Феррару и учредила здѣсь военные посты. Государственный секретарь посылалъ депешу за депешей въ Вѣну, съ предписаніемъ требовать самаго строгаго отчета въ такомъ явномъ нарушеніи международныхъ правъ. Австрійское правительство отвѣчало уклончиво, и въ тоже время усиливало свой гарнизонъ. Все населеніе области пришло въ волненіе; всюду составлялись отряды волонтеровъ, чтобы идти противъ чужеземныхъ незванныхъ гостей. А въ февралѣ 1848 г. австрійцы наводнили всю Ломбардію и Венецію и объявили ихъ въ осадномъ положеніи. Видимо, Австрія опасалась увлеченія своихъ итальянскихъ земель въ общее дѣло объединенія Италіи. Въ эти торжественныя минуты народнаго увлеченія и ненависти къ австрійцамъ и самъ Папа уступилъ общему желанію и задумался надъ осуществленіемъ идеи италіянскаго единства, въ которомъ бы Папство и Римъ были политическимъ средоточіемъ Италіи. Для этого онъ вступилъ въ торговый союзъ (lega doganale) съ Тосканою и Піемонтомъ, предполагая, что, въ случаѣ нужды, этотъ союзъ можетъ обратиться и въ политическій. Карлъ-Альбертъ Сардинскій и Леопольдъ II Тосканскій съ полнымъ сочувствіемъ встрѣтили предложеніе Папы, и объявили себя сторонниками Пія IX и приверженцами прогресса и независимости; но король Неаполитанскій, герцоги Моденскій и Луккскій и герцогиня Пармская смотрѣли на мечты Папы косо и съ полнымъ презрѣніемъ. Съ того времени всѣ итальянскіе государи раздѣлились на два враждебные лагеря: Папа, Сардинія и Тоскана

были на сторонѣ единства, прогресса и либеральныхъ учрежденій; а Неаполь, Парма, Лукка и Модена стояли за реакцію, разрозненность Италіи, и признавали надъ собою покровительство Австріи.

Подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ и внутреннія реформы въ Папской области пошли нѣсколько живѣе и успѣшнѣе. 15 ноября послѣдовало открытіе государственнаго совѣта, а 30 ноября былъ объявленъ указъ (Motu proprio) о коренномъ преобразованіи совѣта министровъ; каждый министръ (всѣхъ было девять) былъ объявленъ отвѣтственнымъ; при совѣтѣ министровъ находились: прелатъ въ званіи секретаря и 24 аудитора; изъ нихъ 12 было свѣтскихъ. Въ этомъ новомъ правительственномъ строѣ три факта особенно заслуживали вниманія и чрезвычайно нравились народу: 1) точное распредѣленіе дѣятельности каждаго министерства, 2) отвѣтственность министровъ, уничтожавшая ихъ прежній произволъ и 3) допущеніе свѣтскаго элемента въ администраціи. За преобразованіемъ совѣта министровъ немедленно послѣдовало преобразованіе цензуры: новый уставъ книгопечатанія имѣлъ ту заслугу, что избавлялъ ее отъ произвола начальника цензуры, называвшагося «начальникомъ священныхъ апостольскихъ палатъ». Эти распоряженія были встрѣчены новыми изъявленіями народной радости и сопровождались торжественными оваціями на площади del Popolo, причемъ восторженно произносилось любимое: Eviva Pio Nono! (да здравствуетъ Пій IX!).

Такимъ образомъ, Римъ сдѣлался сборнымъ мѣстомъ всѣхъ свободномыслящихъ италіянцевъ; имя Пія IX служило имъ какъ-бы лозунгомъ политическаго единства; а его знамя на время замѣняло національное знамя. Это національное движеніе къ новому, 1848 году, стало обнаруживаться и въ Венеціи, и Луккѣ, и Пармѣ, и Флоренціи, и въ особенности въ Сициліи (*), которая объявила открытую войну Неапо-

(*) Во главѣ временнаго Сицилійскаго правительства, выбравшаго ко-

литанскому королю, требуя независимости и назначивъ 12 янв. послѣднимъ срокомъ своего терпѣнія. Усмиреніе Сициліи и другихъ итальянскихъ государствъ, поднявшихся за единство, сильно ослобило восторженное одушевленіе къ Папѣ, въ особенности когда народная масса узнала, что Пій IX отвергъ требованіе войны съ Австріей и поддержку Сициліи, какъ дѣйствія несовмѣстныя съ его положеніемъ и духовнымъ саномъ. Даже изгнаніе іезуитовъ и дарованіе конституціи (**) (подъ именемъ: «основной статутъ для управленія свѣтскими дѣлами Церковной области») не могли возвратить Папѣ его прежней популярности. Итальянецъ Росси (см. выше), пользовавшійся большимъ расположеніемъ народа, былъ облеченъ званіемъ перваго министра. Но дѣятельныя мѣры, принятыя Росси для подавленія волненій, навлекли на него ненависть римскихъ демократовъ, и при открытіи палатъ (15 ноября 1848 г.) онъ былъ смертельно пораженъ кинжаломъ въ горло на лѣстницѣ собранія. Убійца успѣлъ скрыться. Публика и депутаты, занявшіе по большей части мѣста слѣва, т. е. на сторонѣ оппозиціи, разошлись въ глубокомъ смущеніи. На другой день, буйная чернь обступила Квириналъ и угрозами принудила Папу назначить радикальное министерство подъ предсѣдательствомъ графа Маміани, который находился въ это время въ Генуи. Получивъ отъ своихъ вѣрныхъ друзей,— образовавшихъ въ Римѣ временное правительство, на сторону

роземъ герцога Генуэзскаго, сына Карла Алберта, стоялъ Руджіерро-Сетимо. Многочисленный иностранный легіонъ, подъ начальствомъ поляка-эмигранта Мѣрославскаго, пришелъ на помощь Сицилійцамъ; побѣда, однако, осталась за королевскими войсками. 14 мая войска Неаполитанскія вступили въ столицу, и Сицилія снова должна была подпасть подъ власть неаполитанскихъ Бурбоновъ.

(**) Право изданія законовъ ввѣрялось двумъ палатамъ; члены верхней палаты назначались пожизненно Папой; а члены нижней избирались самимъ народонаселеніемъ; судебная власть объявлялась независимою; папское содержаніе ограничивалось 600 тыс. скудій (около 900 тыс. руб.).

котораго перешла вся національная гвардія и линейныя войска,—подробныя свѣдѣнія о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ, Маміани заявилъ, что прежде, нежели онъ вступитъ въ министерство, онъ желаетъ откровенно и съ полною искренностію переговорить съ Папою. Ему отвѣчали, что Пій IX ждетъ его съ нетерпѣніемъ. Свиданіе состоялось 23 ноября въ Квириналѣ. Графъ Маміани согласился сдѣлаться первымъ министромъ и принять портфель иностранныхъ дѣлъ, съ условіемъ, если папа подпишетъ основные принципы министерской политики, формулированные въ пяти статьяхъ. Пообѣщавъ дать положительный отвѣтъ на слѣдующій день, Пій IX отпустилъ графа, добродушно улыбаясь и отцовски благословляя его. А на другой день, 24 ноября, въ 7 час. утра Папа покинулъ городъ, и первое время никто не зналъ по какому направленію уѣхалъ Папа. Французскій посланникъ (герцогъ д'Аркуръ) ждалъ Папу въ Чивитта-Веккіа, испанскій (Мартинецъ-де-ла-Роза) увѣрялъ, что Папа бѣжалъ на Балеарскіе острова, а Баварскій посланникъ графъ Шпоуръ зналъ вѣрнѣе ихъ, потому что самъ устроилъ бѣгство Папы въ Гаэту и самъ, вмѣсто кучера, правилъ конями во время этого побѣга. Когда за нѣсколько дней до этого, кардиналъ Антонелли объявилъ нѣкоторымъ членамъ дипломатическаго корпуса, что Папа чувствуетъ свое положеніе стѣсненнымъ и власть свою униженною, представители Франціи, Италіи и Баваріи (послѣдній былъ уполномоченъ защищать и австрійскіе интересы за отсутствіемъ австрійскаго посольства), наперерывъ стали предлагать гостепріимство своихъ правительствъ Папѣ. Каждый изъ нихъ одобрилъ папское намѣреніе оставить Римъ и каждый изъявлялъ готовность употребить всѣ свои усилія для поддержки этого намѣренія, но съ тѣмъ, чтобы отъѣздъ принесъ пользу тому правительству, представителемъ котораго каждый изъ нихъ служилъ при папскомъ дворѣ. Неотказывая явно французскому и испанскому посланникамъ воспользоваться дружелюбнымъ гостепріимствомъ ихъ правительствъ, Папа явно склонялся на австрійскій проэктъ,

Бѣгство Папы въ Гаэту.

во имя котораго хлопоталъ графъ Шпоуръ и его супруга (урожденная графиня Жиро) и который указывалъ на переѣздъ въ Гаэту. Поддерживая до послѣдней минуты надежды д'Аркура и Мартинеца-де-ла-Роза, Папа, въ сопровожденіи кардинала Антонелли и графини Шпоуръ, въ ночь съ 24 на 25 ноября, бѣжалъ въ Гаэту. Все дѣло побѣга велось въ такомъ секретѣ, что только на четвертый день послѣ отъѣзда узнали въ Римѣ, куда удалился Папа.

Римъ—республика.

Какъ верхняя, такъ и нижняя палаты продолжали отправленіе своихъ обязанностей и съ своей стороны вторично предложили Маміани быть первымъ министромъ. Власть исполнительная, по случаю отсутствія Папы, была поручена «правительственной юнтѣ», состоявшей изъ трехъ важнѣйшихъ свѣтскихъ сановниковъ. Юнта немедленно извѣстила особымъ манифестомъ, что къ 5 февр. 1849 году она созываетъ конституціонное собраніе всѣхъ римскихъ провинцій. 8 февраля засѣданія собранія открыты были рѣчью одного изъ депутатовъ собранія, который предлагалъ «постановить разъ навсегда, чтобы папы не возсѣдали на тронахъ царей, ибо ихъ царствіе не отъ міра сего». За первымъ ораторомъ, всталъ съ своего мѣста графъ Маміани и произнесъ рѣчь, въ которой онъ говорилъ, «что свѣтская власть папы не можетъ примириться съ свободою и прогрессомъ и будетъ всегда язвою Италіи и религіи; заключительныя его слова указывали Риму на необходимость сдѣлаться республикою; но разсужденія о будущемъ образѣ правленія для Рима онъ предлагалъ отложить до слѣдующаго совѣщанія. Въ этотъ же день вечеромъ, послѣ двухъ-часоваго отдыха, засѣданіе снова было открыто и приняло слѣдующій декретъ, обнародованный 9 фев. 1848 г.: 1) Папство лишается фактически и юридически свѣтской власти, 2) за Папою остается отправленіе духовной власти, 3) образъ правленія въ Римѣ вводится демократически-республиканскій, 4) что касается до остальной Италіи, то римская республика будетъ находиться въ такихъ отношеніяхъ, какія потребуются общею національностію.

Съ этой поры Римъ сдѣлался центромъ революціоннаго движенія всей Италіи. За Мадзини сюда прибылъ и Гарибальди. Онъ былъ начальникомъ волонтеровъ, долго скитался въ Америкѣ и другихъ государствахъ, какъ политическій эмигрантъ, потомъ возвратился въ Италію и принималъ самое живое участіе въ борьбѣ Ломбардцевъ и Піемонтцевъ противъ Австріи. Вернувшись въ Римъ, онъ составилъ изъ черни ея значительное народное ополченіе, въ которое сзывалъ всѣхъ либераловъ и демократовъ, предлагая имъ вооружиться во имя единства Италіи. Такое соединеніе революціонныхъ силъ въ Римѣ понудило державы, покровительствующія Папскимъ интересамъ, на вооруженное вмѣшательство. Неаполитанскія войска двинулись къ Риму съ юга; Австрійцы съ сѣвера, а Французы подъ начальствомъ Удино высадились въ Чивитта-Веккію. Напрасно объявляло французское правительство, что оно прислало свои войска съ дружелюбною цѣлью пособить римскимъ революціонерамъ противъ Австрійцевъ и Неаполитанцевъ; демократы имъ не повѣрили и приготовились къ оборонѣ. Первое нападеніе французовъ (2 мая 1849 г.) было неудачно, и Удино согласился заключить осмидневное перемиріе съ Гарибальди, которое нужно ему было для движенія противъ Неаполитанцевъ; дѣйствительно, при Веллетри (19 мая) Неаполитанскія войска были разбиты и должны были удалиться за границу. Второй приступъ французовъ былъ также отбитъ при воротахъ Св. Панкратія, и только черезъ нѣсколько недѣль, послѣ ряда упорныхъ битвъ, Удино овладѣлъ городомъ (3 іюля). Республика была уничтожена и замѣнена временнымъ правительствомъ; Гарибальди и Мадзини спаслись бѣгствомъ. Въ апрѣлѣ 1850 г. Пій IX возвратился въ Римъ, гдѣ въ теченіи семнадцати лѣтъ поддерживался порядокъ присутствіемъ французскихъ войскъ. Вмѣсто политическихъ реформъ, какъ можно было ожидать, Пій IX занялся изслѣдованіемъ культа Дѣвы Маріи и по этому поводу созвалъ въ 1854 г. въ Римѣ соборъ, который принялъ догматъ о всенепорочномъ зачатіи Дѣвы Маріи

Помощь Франціи и возстановленіе Папы на престолѣ.

(immaculata conceptio). 8 дек. 1854 г. постановленіе собора было возвѣщено всему католическому міру, какъ основной догматъ римской церкви.

Результатомъ революціи въ Папской области было то, что свѣтское папство, лишенное почти всѣхъ своихъ правъ, остается, въ настоящее время, только призрачнымъ видѣніемъ.

ГЛАВА XIV.

Англія въ правленіе Вильгельма IV и королевы Викторіи.

Іюльская революція, современная восшествію на престолъ Вильгельма IV, не осталась безъ послѣдствій и для Англіи. Торіи, какъ партія консервативная, пали, и должны были уступить преобладаніе вигамъ, подъ вліяніемъ которыхъ и подняты были вопросы: о парламентской реформѣ, хлѣбныхъ законахъ и объ успокоеніи Ирландскихъ католиковъ. — Вообще, съ этихъ поръ виги надолго удержали за собою правленіе, поддерживая, въ дѣлахъ внѣшнихъ, либеральныя и конституціонныя движенія въ другихъ государствахъ Европы.

Вильгельмъ IV (1830—1837) по вступленіи своемъ на престолъ думалъ удержать во главѣ министерства герцога Веллингтона, потому что на сторонѣ его находилось до этихъ поръ парламентское большинство. Но новый парламентъ, созванный къ 26 октября 1830 г., противъ всѣхъ ожиданій короля, оказался переполненнымъ вигами: вся нижняя палата требовала возобновленія биля о гнилыхъ мѣстечкахъ и вообще реформы парламента. Поддерживаемая сочувствіемъ народной массы, нижняя палата тотчасъ составила оппозицію первому министру и нанесла ему пораженіе по вопросу о содержаніи королевскаго двора. Веллингтонъ подалъ въ отставку, и министерство торіевъ должно было уступить свое мѣсто вигамъ, во главѣ которыхъ стоялъ престарѣлый лордъ, графъ Грей. Въ угоду волновавшемуся народу и во имя личныхъ убѣжденій,

Джонъ Россель, одинъ изъ членовъ новаго министерства, 1 марта 1831 г. предложилъ въ нижнемъ парламентѣ *биль о реформѣ*. Его предложеніе состояло въ томъ, чтобы: 1) отнять у гнилыхъ мѣстечекъ право посылать депутатовъ въ нижнюю палату, и передать это право большимъ, вновь возникшимъ городамъ, не пользовавшимся этимъ правомъ; 2) понизить цензъ (или мѣру годоваго дохода), обусловливающій право быть избирателемъ и депутатомъ. Этотъ биль, (по которому приходилось лишить права депутатства 60 гнилыхъ мѣстечекъ и 47 ничтожныхъ городовъ) встрѣтилъ самое упорное сопротивленіе со стороны аристократіи (верхней палаты) и торіевъ. По этому они напрягли всѣ свои усилія, чтобы воспрепятствовать ходу этого предложенія или измѣнить его сообразно съ выгодами своего сословія. Нѣсколько разъ верхняя палата большинствомъ голосовъ отвергала биль. При такомъ положеніи дѣлъ правительству ничего болѣе неоставалось, какъ распустить парламентъ и назначить новое министерство. Когда Грей потребовалъ у короля позволенія назначить въ верхнюю палату столько новыхъ преданныхъ реформѣ лордовъ, сколько необходимо, чтобы побѣдить сопротивленіе верхняго парламента, король отказалъ,—Грей и министры подали въ отставку. Герцогу Веллингтону поручено было составить новое министерство. Видя невозможность избѣгнуть насильственныхъ мѣръ, необходимыхъ для подавленія народныхъ возмущеній, и не желая брать на себя одного отвѣтственности въ столь затруднительномъ дѣлѣ, въ особенности когда Робертъ Пиль отказался вступить въ министерство,—герцогъ Веллингтонъ возвратилъ королю свое полномочіе. Званіе перваго министра вторично предложено было Грею, а Веллингтонъ и его сторонники тори, угрожаемые волненіемъ народа и многочисленными митингами (народныя сборища), согласились не противиться билю и не принимать участія въ совѣщаніяхъ о немъ. Такимъ образомъ вопросъ о реформѣ прошелъ и черезъ верхнюю палату, и утвержденный 7 іюня 1832 г. сталъ закономъ Англіи. «Городовое положе-

ніе» (1835), точнѣе опредѣлившее парламентскія права средняго сословія, вмѣстѣ съ билемъ о реформѣ окончательно установило свободный выборъ городскихъ представителей въ парламентъ и еще болѣе содѣйствовало торжеству виговъ надъ торіями и средняго сословія надъ аристократіею. Примѣръ горожанъ увлекъ къ тѣмъ же стремленіямъ и низшій классъ, находившійся въ крайней нуждѣ; онъ потребовалъ 1) коренной (радикальной) реформы, по которой бы избирательное право предоставлено было всѣмъ гражданамъ безъ всякаго ограниченія цензомъ, 2) чтобы парламентъ смѣнялся ежегодно и 3) чтобы подача голосовъ была закрытая. Съ помощію даровитаго редактора одного журнала Вильяма Кобдена и адвоката Фиргеса о'Коннора, радикалы въ особой «хартіи» изложили свои требованія, присоединивъ къ политическимъ реформамъ и соціальныя, которыми они имѣли въ виду улучшить свое матеріальное положеніе. Въ нижнемъ парламентѣ дѣйствительно составилась партія въ пользу радикаловъ, извѣстная подъ названіемъ «хартистовъ или чорчистовъ (по англійскому произношенію), которые въ то время еще не имѣли успѣха, но въ настоящую пору вліяніе ихъ на ходъ парламентскихъ дѣлъ становится болѣе и болѣе замѣтнымъ. Отмѣна хлѣбныхъ законовъ, допущеніе евреевъ въ нижнюю палату и послѣдняя реформа парламента (1867), — факты совершившіеся въ правленіе королевы Викторіи, въ сущности принадлежатъ радикаламъ (см. ниже). Что касается до Ирландскаго вопроса, то, какъ мы увидимъ ниже, онъ снова былъ поднятъ при Вильгельмѣ IV и продолжался при Викторіи; мы разсмотримъ его послѣ обзора внѣшней политики Англіи.

Внѣшняя политика.

Въ дѣлахъ внѣшнихъ политика Англіи при Вильгельмѣ IV и королевѣ Викторіи была чрезвычайно удачна. Этому весьма много помогали: 1) отличное, многочисленное войско и громадный флотъ и 2) опытность государственныхъ дѣятелей, осторожныхъ, расчетливыхъ и выгодно пользовавшихся ходомъ современныхъ имъ событій. Во всѣхъ внѣшнихъ затрудне-

піяхъ Англія принимала на себя дѣятельное посредничество, и нельзя было ни предпринять, ни совершить ничего важнаго безъ ея содѣйствія или соучастія. При этомъ надо замѣтить, что англійское правительство (при Вильгельмѣ IV) старалось поддерживать мирныя отношенія между государствами Европы и пріобрѣсти ихъ довѣріе, чтобы тѣмъ дать бо́льшее развитіе и расширеніе своей промышленности и внѣшней торговлѣ. Внѣ европейская ея политика была направлена на расширеніе, усиленіе и процвѣтаніе ея колоній.

Усмиреніе Мехмеда-Али

Важнѣйшимъ вопросомъ общей Европейской политики былъ въ это время *вопросъ восточный,* разорвавшій съ одной стороны дружественныя отношенія между Англіею и Франціею и породившій, съ другой стороны, недовѣріе къ русской политикѣ относительно Оттоманской Порты и востока вообще.

Послѣ Турецкой войны, закончившейся Адріанопольскимъ миромъ и обезпечившей независимость новаго Греческаго королевства, Порта была приведена въ затруднительное положеніе тѣмъ переворотомъ, который готовилъ ей Египетскій паша Мехметъ-Али. Сынъ небогатыхъ родителей, родомъ изъ Румеліи, Мехметъ-Али, осиротѣвшій въ младенчествѣ, долгое время работалъ въ лавкѣ одного турецкаго кондитера; потомъ онъ вступилъ въ военную службу и съ отрядомъ Румеліотовъ былъ отправленъ въ Египетъ для изгнанія французовъ, оставленныхъ тамъ Наполеономъ I. Обладая твердою рѣшимостію и бо́льшими дарованіями, онъ скоро достигъ до власти надъ Мамелюками и Албанцами, составляющими въ Египтѣ войско Султана, и наконецъ былъ возведенъ въ званіе Египетскаго паши (1806). Подъ его управленіемъ Египетъ принялъ иной видъ. Подъ вліяніемъ Европейскаго образованія, слѣды котораго оставались еще сильны въ Египтѣ послѣ экспедиціи Наполеона, Мехметъ-Али окружилъ себя Французами, Англичанами, завелъ регулярныя войска и флотъ, обученные по-европейски, устроилъ школы, типографіи, усмирилъ буйныя толпы Мамелюковъ и Албанцевъ, покорилъ

Нубію, Абиссинію, завладѣлъ Меккою и Мединою, и такимъ образомъ сдѣлалъ изъ слабаго Египта сильную, могущественную страну, которая въ состояніи была на нѣкоторое время поддержать Порту своими войсками и флотомъ въ борьбѣ противъ возставшихъ Грековъ. Къ 1830 году Мехметъ-Али уже успѣлъ оправиться отъ Наваринскаго пораженія: онъ имѣлъ болѣе 30 военныхъ судовъ, въ томъ числѣ 11 линейныхъ кораблей, и 130 тысячь регулярнаго войска. Во время войны Турціи съ Россіею, видя полное изнеможеніе Порты, Мехметъ-Али отказался помогать султану, пересталъ ему платить дань, и въ 1831 году открыто возсталъ противъ него, съ намѣреніемъ образовать изъ Египта независимое, наслѣдственное государство. Сынъ его, Ибрагимъ-паша, двинулся съ войскомъ въ подвластную Портѣ Сирію, объявивъ Сирійскаго пашу своимъ личнымъ врагомъ. Войска Египетскія осадили Сенъ-Жанъ д'Акръ, и несмотря на мужественное сопротивленіе туземцевъ и турецкаго войска, крѣпость была взята приступомъ (май 1832), а съ нею и вся Сирія должна была достаться въ руки Египетскаго вице-короля. Напрасно Султанъ предлагалъ сначала свое посредничество для примиренія Мехмета-Али съ Сирійскимъ пашею; потомъ объявилъ своего вассала мятежникомъ, измѣнившимъ государю и пророку, — ничто не могло остановить завоевательныхъ стремленій Египетскаго паши. Тогда было отправлено Портою войско къ границамъ Сиріи, но въ Таврскихъ ущельяхъ Ибрагимъ поразилъ его на голову. Эта побѣда (при Гомсѣ) открыла Ибрагиму путь въ Малую Азію, куда Султанъ выслалъ вторую сильнѣйшую армію подъ начальствомъ лучшаго своего полководца, визиря Решидъ-Паши. 15 декабря 1832 г. при Копіи (древній Иконіумъ) произошло сраженіе: Турки были разбиты совершенно и раненый визирь попался въ плѣнъ. Отсюда Ибрагимъ кинулся къ западному берегу Малой Азіи, вездѣ былъ встрѣчаемъ съ величайшею радостію, и готовился переправиться въ Европейскія владѣнія Оттоманской Порты. Въ такихъ обстоятельствахъ, Султанъ

рѣшился просить помощи у тѣхъ европейскихъ державъ, которыя взяли на себя гарантію цѣлости Оттоманской Порты. Онъ больше всего надѣялся въ этомъ случаѣ на помощь Англіи и Франціи. Но ни та, ни другая держава, занятыя дѣлами Бельгійской революціи, не приняли пока никакихъ мѣръ къ защитѣ Султана и ограничились одними только увѣреніями въ дружбѣ. Россія же, вполнѣ понимая всю опасность, которая могла бы произойти отъ переворота, приготовляемаго Египетскимъ Пашею, — тотчасъ предложила свою помощь Султану. Русскій консулъ получилъ приказаніе немедленно выѣхать изъ Александріи, а Черноморскому флоту повелѣно было двинуться подъ начальствомъ адмирала Лазарева на защиту Оттоманской столицы. Первымъ результатомъ такихъ энергическихъ распоряженій было то, что Ибрагимъ-Паша пріостановилъ движеніе своихъ войскъ и далъ знать Султану, что онъ сдѣлалъ это вслѣдствіе повелѣнія своего отца. Съ другой стороны, появленіе нашей эскадры (5 линейныхъ кораблей и 4 фрегата) подъ стѣнами Константинополя сильно встревожило Францію, и французскій посланникъ, адмиралъ Руссенъ, получилъ приказаніе отклонить своимъ посредничествомъ помощь со стороны Россіи; онъ грозилъ султану разрывомъ съ Франціею, если русскіе корабли не удалятся изъ Босфора. Султанъ, видя что Ибрагимъ снова началъ военныя дѣйствія, отдался совершенно подъ покровительство Императора Николая и просилъ усилить эскадру (*) и прислать на помощь также и сухопутныя войска (весна 1833 г.).

Только теперь Англія и Франція, завидуя вліянію Россіи въ дѣлахъ востока, приступили къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ и требовали удаленія нашихъ силъ изъ предѣловъ Турціи. Но Императоръ Николай возвѣстилъ имъ и осталь-

(*) Подъ начальствомъ графа Орлова въ Босфорѣ находилось 20 русскихъ кораблей, а на Малоазіатскомъ берегу у Гункіаръ-Скеллесси была расположена 10-тыс. армія подъ командою генерала Муравьева.

нымъ кабинетамъ, «что флотъ и войска его останутся въ занятой ими позиціи, доколѣ Египетская армія не перейдетъ обратно за Таврскія горы». Англія и Франція въ отвѣтъ на это выслали также и свои флотиліи на Востокъ и посредничество ихъ не осталось безъ послѣдствій: Мехмедъ-Али отозвалъ своего сына и войска изъ Малой Азіи и умѣрилъ свои требованія, а султанъ непрочь былъ отъ уступокъ въ пользу своего вассала. 6 мая 1833 г. состоялся договоръ въ Кутаисѣ, по которому Египетскій паша пріобрѣлъ Сирію на вассальныхъ отношеніяхъ и Аденскій округъ, какъ магассиль (временная аренда). Признательный и благодарный за помощь Россіи, Султанъ заключилъ съ Императоромъ Николаемъ оборонительный договоръ въ Гункіаръ-Скеллесси (26 іюня 1833 г.), по которому Турція обязалась закрыть Дарданельскій проливъ для военныхъ кораблей всѣхъ державъ иностранныхъ, исключая только русскихъ.

Но спокойствіе, водворенное на востокѣ вмѣшательствомъ европейскихъ кабинетовъ, было непродолжительно. Съ одной стороны, Султанъ не могъ примириться съ уступками, сдѣланными имъ Египетскому пашѣ; съ другой стороны—Мехметъ-Али, находившійся въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Франціею, не покидалъ надежды, при помощи этой державы, достигнуть своихъ давнишнихъ намѣреній. Невыполненіемъ условій Кутаискаго договора, Мехметъ-Али въ 1839 году приготовилъ новый разрывъ съ Турціею, которой и на этотъ разъ пришлось потерпѣть неудачи; сухопутное войско ея было разбито Ибрагимомъ на берегахъ Ефрата при Низибіи, а флотъ, посланный къ Александріи, вслѣдствіе измѣны капитана-паши, передался на сторону Египта. Торжествующій паша потребовалъ отъ Абдулъ-Меджида, только-что вступившаго на престолъ послѣ смерти султана Махмуда: 1) наслѣдственной власти надъ Египтомъ, Сиріею, Аданомъ и Кандіею, и 2) удаленія врага своего, верховнаго визиря. При такомъ положеніи дѣлъ на востокѣ, всѣ первостепенныя державы, за исключеніемъ Франціи, убѣдились въ необходимости вступиться

за Порту для поддержанія общаго мира въ Европѣ, и предложили Султану, не входя ни въ какія сношенія съ Мехмедомъ-Али, отдать дѣла восточныя безпристрастному суду Европейскихъ кабинетовъ. Султанъ охотно согласился на это предложеніе. Въ Лондонѣ собралась конференція изъ полномочныхъ министровъ пяти первоклассныхъ державъ (*). Англія, Пруссія и Австрія согласны были съ основною идеею Россіи, относительно устройства дѣлъ восточныхъ; Франція же не соглашалась съ рѣшеніемъ конференціи и долго мѣшала успѣшности переговоровъ. Тогда уполномоченные министры подписали (3 іюля 1840 г.) протоколъ безъ французскаго министра, и положили: отдать Мехмеду-Али южную часть Сиріи и предоставить ему наслѣдственную власть въ Египтѣ, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы онъ безпрекословно признавалъ надъ собою власть султана и платилъ дань; всѣ же остальныя завоеванія, сдѣланныя имъ съ 1831 г., и захваченный Турецкій флотъ, должны быть возвращены Портѣ въ теченіи 10 дней; въ случаѣ же отказа, рѣшено было смирить его соединенными силами Россіи, Англіи и Австріи. Мехметъ-Али отвергъ рѣшенія конференціи, разсчитывая на помощь Франціи, оскорбленной устраненіемъ отъ участія въ столь важномъ дѣлѣ. Соединенный Англо-Австрійскій флотъ, овладѣвъ береговыми укрѣпленіями Сиріи, подступилъ къ Александріи и тѣмъ принудилъ Египетскаго пашу смириться передъ султаномъ. Мехметъ-Али удержалъ за собою только одинъ Египетъ и долженъ былъ признать себя данникомъ Порты (ноябрь 1840). На этотъ разъ Франція уже не прекословила и согласилась съ рѣшеніями трехъ первоклассныхъ державъ.

Недовѣріе Англіи и Европы къ русской политикѣ относительно восточнаго вопроса.

Какъ Лондонская конференція, такъ и вообще вмѣшательство Англіи въ дѣла востока были вызваны не столько

(*) Представителемъ Россіи былъ баронъ Брунновъ,—и—донынѣ посланникъ русскій въ Великобританіи.

и искреннимъ желаніемъ пособить затруднительному положенію Порты, сколько — помѣшать усиленію Россіи насчетъ Турціи и отмстить ей за тѣ преграды, которая русская политика выставляла въ Азіи, чтобы помѣшать распространенію тамъ владычества Англичанъ. Еще съ 1833 г., т. е. съ Гунніарскаго трактата, доставившаго Россіи значительныя выгоды въ Дарданелахъ, въ Европѣ стали не довѣрять Русской политикѣ относительно востока и думали, что Россія, одна, безъ совмѣстничества, стремится рѣшить восточный вопросъ. Это недовѣріе было распространяемо, съ особеннымъ усердіемъ, редакторомъ Уркгартомъ въ его изденіи Portfolio, и поддерживалось особенно Англіею, интересы которой сталкивались съ нашими по дѣламъ Азіатскимъ. Эти столкновенія происходили на Кавказѣ, въ Персіи, Авганистанѣ и Китаѣ.

Владѣя всѣмъ полуостровомъ Индостана, Англичане думали раздвинуть свои предѣлы за правый берегъ Инда. Такія намѣренія вызвали противодѣйствія со стороны дѣятельныхъ тамъ русскихъ агентовъ. Чтобы и съ своей стороны не остаться въ долгу, Англичане тайно поддерживали Черкесовъ, предводимыхъ имамомъ Шамилемъ; они разсчитывали этимъ отвлечь наше вниманіе отъ Персіи, Авганистана и Китая. Въ Персіи, послѣ Фетъ-али-шаха (1834), на престолъ вошелъ внукъ его Магометъ-Мирза; онъ началъ свое правленіе походомъ противъ города Герата, владѣвшимъ однимъ изъ важнѣйшихъ проходовъ въ Остъ-Индію. Англичане, для которыхъ было гораздо выгоднѣе имѣть сосѣдомъ своимъ слабаго Гератскаго владѣтеля, нежели болѣе сильную Персію, выслали отряды на помощь Камрану (такъ назывался владѣтель Герата) и потребовали, чтобы шахъ снялъ осаду города. Запуганный войною съ Англіею, шахъ согласился на требованія англійскаго правительства, и въ 1838 г. отказался отъ Герата. За тѣмъ Англичане обратили вниманіе на Авганистанъ, который могъ составить важнѣйшій оплотъ для ихъ Остъ-Индскихъ владѣній. Послѣ Ахмеда-Шаха, изъ династіи Суддозидовъ, Авганистанъ распался на нѣсколько

отдѣльныхъ царствъ, изъ которыхъ важнѣйшимъ было царство Кабульское. Одинъ изъ соперниковъ владѣтеля Кабула, происходившій изъ прежней династіи Суддозидовъ, бѣжалъ въ Индію и при помощи Англичанъ предъявилъ свои права на престолъ Кабульскій. Тогда Достъ-Магометъ Кабульскій обратился за помощію къ Россіи. Опасаясь распространенія русскаго вліянія до границъ Остъ-Индіи, Англичане выслали войско въ Кабулъ, подъ начальствомъ генералъ-губернатора Остъ-Индіи, Лорда Аукленда. Достъ-Магометъ не въ состояніи былъ отразить вторженіе Англичанъ и въ авг. 1829 г. отказался отъ престола, на который и взошелъ претендентъ Суддозидъ Шудъ-Шахъ. Но вліяніе, пріобрѣтенное такимъ образомъ Англичанами надъ Авганистаномъ, было непродолжительно. Авганистанцы возстали и въ тайномъ убійствѣ истребили множество Англичанъ. Поэтому въ 1842 г. храбрый генералъ-губернаторъ Эленборо предпринялъ новый походъ: весь авганскій край, начиная отъ самаго Инда до хребта Гиндуку, подвергся страшному раззоренію. Тогда Британскія войска, наказавъ Авганцевъ, обратились на Синдъ (обширный край по южному берегу Инда), эмиръ котораго находился въ союзѣ съ Авганцами; здѣсь прославился генералъ Непиръ, который взялъ столицу Синда, Гайдерабадъ и весь край присоединилъ къ Британскимъ владѣніямъ. Въ это же время другой англійскій генералъ сэръ Вильямъ Гардингъ велъ удачную войну съ Сейками, которая послѣ многихъ кровопролитныхъ сраженій кончилась въ 1846 г. Лагорскимъ миромъ. Условія мира поставили обоихъ державцевъ Сейковъ въ зависимость Остъ-Индской компаніи и уступили компаніи торговую монополію въ Кашемирской долинѣ. Въ 1852 г. Британское владычество перенеслось и на другой берегъ Гангеса, когда Англичанамъ удалось покорить Бирманскую имперію. Въ то же время и Россія дѣятельно стремилась къ распространенію владычества своего въ Азіи. Такъ въ 1839 г. русское правительство снарядило, подъ предводительствомъ Перовскаго, Оренбургскаго генералъ-губернатора, экспедицію

въ Хиву, результатомъ которой было то, что Хивинскій ханъ призналъ надъ собою власть Россіи.

Война Англіи съ Китаемъ кончилась также успѣшно. Англичане съ завистію смотрѣли на усилившееся вліяніе Россіи въ Китаѣ, такъ какъ Русскіе пользовались съ давнихъ поръ обширными торговыми правами и даже содержали миссію въ самомъ Пекинѣ; а торговля англичанъ ограничивалась городами Кантономъ и Макао. Пока права этой торговли принадлежали Ост-Индской компаніи, рѣдко нарушались дружественныя отношенія между китайцами и англичанами. Но когда (съ 1833 г.) англійское правительство уничтожило монополію Остъ-Индской компаніи и взяло ея торговлю въ свое вѣдѣніе, тогда возникли многія недоразумѣнія и столкновенія, которыя и привели обѣ державы къ войнѣ, имѣвшей слѣдствіемъ новое расширеніе англійскаго владычества въ Азіи и открытіе китайскихъ портовъ для торговой предпріимчивости европейцевъ. Тяготясь стѣсненіемъ своей торговли въ Китаѣ, Англичане стали прибѣгать съ 1836 г. къ контрабандѣ и наводняли «Поднебесную имперію» громаднымъ количествомъ ввозимаго опіума, доставлявшаго ихъ торговлѣ большія выгоды. Разрушительныя дѣйствія опіума, къ которому болѣе и болѣе привыкалъ и безъ того разслабленный народъ, заставили Богдыхана издать строгое запрещеніе употреблять и продавать этотъ товаръ. Китайскій губернаторъ потребовалъ у англійскихъ купцовъ выдачи всѣхъ складовъ опіума (1839), который и былъ по его приказанію уничтоженъ въ количествѣ 20 тыс. ящиковъ (цѣною на 4 мил. ф. стерлинговъ). Такимъ образомъ въ 1840 г. началась война съ Китаемъ. Англичане вначалѣ вели войну осторожно и робко, опасаясь за выгоды своей обширной чайной торговли. Только въ 1842 г. они приступили къ энергическимъ дѣйствіямъ, заняли островъ Чусанъ и по рѣкѣ Янтсекіангу достигли до самаго Пекина. 29 авг. 1842 г. былъ подписанъ миръ, по которому англичанамъ 1) дозволена была торговля опіумомъ, 2) уступленъ островъ Гонгъ-Конъ, 3) дано денеж-

ное вознагражденіе въ 21 мил. піастровъ и 4) открыто для англійской и вообще европейской торговли пять китайскихъ портовъ. Совершенно иначе пользовалась Россія своими торговыми трактатами съ Китаемъ: въ то время какъ англичане, добившись правъ торговли опіумомъ, усилили его сбытъ Китайцамъ, Императоръ Николай добровольно издалъ указъ, по которому строго запрещалось его подданнымъ ввозить опіумъ въ Китай.

Королева Викторія.

Тѣ же событія внутреннія, которыя занимали англійскую націю и ея представителей въ парламентѣ въ правленіе Вильгельма IV, тянулись и въ правленіе его преемницы, королевы Викторіи, вступившей на престолъ 27 іюня 1837 г. Она удержала вигское министерство, на сторонѣ котораго было большинство; но въ 1841 году она отставила виговъ и образовала подъ предсѣдательствомъ Роберта Пиля министерство торіевъ. Главною задачею этого министерства было успокоеніе Ирландіи и уничтоженіе хлѣбныхъ законовъ.

Успокоеніе Ирландіи.

Волненіе въ Ирландіи не прекратилось и послѣ эмансипаціи католиковъ (1829). Глава народнаго движенія о'Коннель думалъ достигнуть успокоенія своей родины такъ называемымъ «рипилемъ», т. е. уничтоженіемъ уніи (соединеніе) съ Англіею. Повсюду образовались общества «рипилеровъ» съ кассами для вспомоществованія отдѣленію Ирландіи. Первымъ требованіемъ Ирландскаго народа послѣ 1829 г. была отмѣна десятины, платимой въ Ирландіи Англиканскому духовенству. Когда просьбы Ирландцевъ не были уважены въ парламентѣ, они поднялись въ вооруженныхъ ватагахъ, истребляли помѣщиковъ и духовныхъ лицъ и тѣмъ настоятельно указывали на необходимость обратить серьезное вниманіе англійскаго правительства на революціонную Ирландію. Для возстановленія спокойствія и порядка, парламентъ издалъ двѣ мѣры: *«ирландскій церковный биль»* и *«ирландскій смирительный биль»* (1833). Первымъ отмѣнялись церковные налоги и уменьшалось число епископствъ; десятину должны были платить только землевладѣльцы; пріобрѣтаемая отъ по-

ваго порядка экономія должна была идти на улучшеніе народнаго образованія, т. е. на учрежденіе школъ какъ для католиковъ, такъ и протестантовъ; «смирительный биль» предоставлялъ лорду-намѣстнику Ирландіи полномочіе для подавленія народныхъ сборищъ и право отдать всякаго неспокойнаго подъ военный судъ. Обѣ эти мѣры не привели къ цѣли, а напротивъ того возбудили неудовольствіе какъ въ Ирландіи, такъ и въ самой Англіи. Католическое духовенство Ирландіи называло святотатствомъ то распоряженіе, по которому экономія отъ церковныхъ сборовъ должна была идти частію на устройство протестантскихъ школъ. А въ Англіи такія распоряженія вызвали негодованіе въ протестантскомъ духовенствѣ и въ поклонникахъ старинныхъ англійскихъ учрежденій. Англиканское духовенство съ своимъ завѣтнымъ девизомъ «король и церковь» сильно работало въ пользу торіевъ, и достигло паденія виговъ. Король Вильгельмъ IV уступилъ требованіямъ духовенства и, по совѣту Веллингтона, поставилъ во главѣ министерства сэра Роберта Пиля (10 дек. 1834), представителя торіевъ. Онъ старался примирить обѣ враждующія стороны и издалъ новый *«биль о десятинахъ въ Ирландіи»*, по которому уничтожалъ употребленіе церковной экономіи на мірскія надобности. Но этотъ биль палъ передъ предложеніемъ Лорда Джона Росселя «употреблять остатки отъ церковныхъ доходовъ Ирландіи единственно на улучшеніе образовательныхъ средствъ только самой Ирландіи». Когда большинство оказалось на сторонѣ Росселя, торіи подали въ отставку. Новое министерство было вигское; въ немъ предсѣдательствовалъ лордъ Мельбурнъ (18 апрѣля 1835). Но чѣмъ усерднѣе нижняя палата и виги настаивали на необходимости поднять благосостояніе Ирландскихъ католиковъ, тѣмъ упорнѣе и рѣшительнѣе сопротивлялась этому верхняя палата и торіи. Послѣдніе устроили такъ называемыя «оранжистскія ложи», которыя подъ вѣдѣніемъ главы своей, герцога Кумберландскаго, всѣми средствами старались поддержать преобладаніе протестантизма въ Ирландіи. Въ такомъ положеніи

тянулся Ирландскій вопросъ до сороковыхъ годовъ. Съ восшествіемъ на престолъ королевы Викторіи, воспитанной въ либеральныхъ началахъ, вигское министерство должно было уступить, какъ мы уже видѣли, свое мѣсто торіямъ; тогда упали и надежны Ирландцевъ на улучшеніе своего положенія путемъ законныхъ реформъ. По этому о'Коннель возобновилъ рипилерскія движенія, разжигая на исполинскихъ митингахъ племенную и религіозную ненависть соотечественниковъ противъ Англичанъ-еретиковъ и указывая на «рипиль», какъ на единственное средство спасенія родины. Снова вооруженныя толпы забродили по острову, разнося убійство и пожары по землямъ англиканскихъ помѣщиковъ и духовныхъ лицъ. Возобновленіе «смирительнаго билля», арестъ о'Коннеля и отданіе его подъ судъ, — всѣ эти мѣры, предпринятыя торіями, оказались безсильными для водворенія порядка. Ни къ чему не повели и величайшія пожертвованія Англичанъ по случаю наступившаго въ Ирландіи въ 1846 г. голода, вслѣдствіе болѣзни картофеля, составлявшаго главный посѣвъ ирландскихъ земледѣльцевъ. Обвиняя въ своихъ несчастіяхъ и нищетѣ Англичанъ, Ирландцы смотрѣли на эти пожертвованія какъ на самую ничтожную помощь своему бѣдственному положенію. Смерть о'Коннеля (1847) пособила нѣсколько англійскому правительству, такъ какъ послѣ него начались несогласія между рипилерами. Но февральская революція снова подняла и слила волновавшихся Ирландцевъ въ одинъ общій мятежъ. Тогда правительство поставлено было въ необходимость прибѣгнуть къ вооруженной силѣ и отправить войска въ Ирландію. Предводимые о'Бріномъ, пріемникомъ «великаго агитатора», рипилеры не могли оказать сопротивленія регулярнымъ англійскимъ войскамъ и прекратили возмущеніе. Нѣсколько тысячъ Ирландцевъ переселились въ Сѣверную Америку, и въ Ирландіи на-время возстановилось спокойствіе и внутренній порядокъ. Правительство приступило, въ послѣднее время, къ кореннымъ реформамъ церковнымъ, общественнымъ и политическимъ и тѣмъ поставило Ирландію

въ болѣе удовлетворительное положеніе. Но несмотря на эти реформы, Ирландія не спокойна и въ настоящее время (феніанизмъ).

Пиль объ уничтоженіи хлѣбныхъ законовъ.

Одновременно съ Ирландскимъ вопросомъ, велся и вопросъ о хлѣбныхъ законахъ. Преобразованіе этого закона, затруднявшаго ввозъ иностраннаго хлѣба въ Англію, принадлежитъ, какъ мы уже упомянули, дѣйствіямъ радикаловъ. Этотъ законъ, выгодный для землевладѣльцевъ-аристократовъ и тяжелый для низшихъ классовъ,—вслѣдствіе энергическихъ народныхъ волненій и образованія Джономъ Кобденомъ такъ называемой *«лиги противъ хлѣбныхъ законовъ (anticornlaw lague)»* былъ сперва смягченъ (1842); а потомъ 25 іюня 1846 г. совершенно уничтоженъ; торговля хлѣбомъ сдѣлалась свободною. Для покрытія недочета въ государственной казнѣ, причиненнаго отмѣной хлѣбныхъ законовъ, сэръ Робертъ Пиль ввелъ «3-хъ-процентный налогъ съ доходовъ», падавшій преимущественно на зажиточныхъ аристократовъ. Такія распоряженія министерства Пиля вооружили противъ него торіевъ, считавшихъ его измѣнникомъ своихъ интересовъ, и они заставили его выйти въ отставку. Мѣсто его занялъ Джонъ-Россель, глава виговъ (іюнь 1846).

Въ новомъ министерствѣ огромнымъ вліяніемъ пользовался министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Пальмерстонъ. При немъ Англія находилась на высшей степени внѣшняго могущества и торговаго преобладанія. Послѣднему весьма много содѣйствовали: 1) успѣхи Англичанъ во внутренней Азіи и пріобрѣтеніе Адена (на южномъ берегу Аравіи), который доставилъ Англичанамъ господство надъ торговымъ путемъ по Индѣйскому океану и тѣмъ «округлилъ» ихъ колоніальныя территоріи, и 2) процвѣтаніе колонизаціи англійской въ Австраліи послѣ построенія тамъ городовъ: Мельбурна и Аделаиды, открытіе въ Австраліи золотоносныхъ песковъ, которые своимъ обиліемъ не уступали Калифорнскимъ пріискамъ,—привлекли туда множество колонистовъ изъ Англіи и

другихъ государствъ Европы, тѣмъ болѣе, что климатическія условія послѣдней весьма сходны съ австралійскими.

Что касается до внѣшней политики, то лордъ Пальмерстонъ считалъ необходимымъ для выгодъ Англіи, послѣ разрыва «сердечнаго согласія» съ Франціею по поводу «испанскихъ бракосочетаній»—взять подъ свое покровительство революціонныя волненія на континентѣ Европы, чтобы тѣмъ развлечь и ослабить европейскія кабинеты. При такомъ образѣ дѣйствій Пальмерстонъ, заслужившій названіе Лорда-Поджигателя, понятно, всѣми силами содѣйствовалъ успѣхамъ революціи, разлившейся въ 1848 году по государствамъ западной Европы. Во имя своихъ принциповъ онъ поддерживалъ революціонныя начала въ другихъ земляхъ, а въ Англіи всѣми мѣрами старался подавлять подобныя явленія (*). Такая политика сдѣлала имя его ненавистнымъ въ чужихъ земляхъ, а въ Англіи доставила ему такую популярность, что онъ казался необходимымъ правительственнымъ лицомъ. Удаленный изъ министерства (**) на короткій срокъ (фев. 1852), онъ снова явился еще съ большимъ вѣсомъ и воспользовался теперь своимъ вліяніемъ, чтобы возстановить прежній союзъ съ Франціею для взаимныхъ дѣйствій противъ ненавистной ему Россіи.

Вражда между Англіею и Россіею была вызвана слѣдующими поступками Англійскаго правительства: 1) оно давало у себя убѣжище всѣмъ революціоннымъ агитаторамъ, пораженнымъ на континентѣ: Луи-Бланъ, Мадзини, Кошутъ и др. находили у Пальмерстона полное покровительство. 2) Самоуправство, съ которымъ Англія, поддерживая революціонныя движенія на континентѣ, вымогала всѣми насильственными

(*) Усмиреніе Ирландіи вооруженною силою.

(**) Главою министерства (торійскаго), во время отставки Пальмерстона, былъ лордъ Дерби (съ фев. 1852 по дек. того же года). Пальмерстонъ былъ отставленъ за преждевременное признаніе и одобреніе переворота, происшедшаго во Франціи 2 дек. 1851 г. (см. гл. XV).

путями вознагражденія для своихъ подданныхъ, пострадавшихъ отъ революціонныхъ безпорядковъ въ томъ или другомъ краю Европы. Такъ въ 1850 г. она выслала сильный флотъ къ берегамъ Греціи, чтобы потребовать вознагражденія отъ греческаго правительства за поврежденіе дома одного англійскаго подданнаго (Пачифико), и отдала приказаніе блокировать берега Мореи. Также насильственно Англія потребовала отъ Неаполя и Тосканы вознагражденія для своихъ пострадавшихъ подданныхъ. За угнетенныхъ вступилась Россія, и Императоръ Николай I отправилъ англійскому правительству ноту, въ которой грозилъ запретить англійскимъ подданнымъ пребываніе въ Россіи, если присутствіе ихъ поведетъ къ такимъ же замѣшательствамъ, какія произошли въ Греціи, Тосканѣ и Неаполѣ. Вотъ какія обязательства возбудили ненависть Пальмерстона противъ Россіи. Въ отмщеніе намъ, лордъ Пальмерстонъ, вступивъ въ концѣ 1852 г. снова въ министерство, устроилъ союзъ съ Франціею, и изъ ничтожнаго недоразумѣнія на Востокѣ, которое легко могло быть устранено путемъ дипломатическимъ, — «возжегъ Крымскую войну», въ которой Англія, Франція и Сардинія приняли на себя роли защитниковъ Турціи противъ мнимыхъ завоевательныхъ намѣреній Императора Николая (см. главу XIX).

ПЕРІОДЪ ТРЕТІЙ.

(1848—1856 г.).

ОТЪ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ ДО ПАРИЖСКАГО МИРА.

3-й ПЕРІОДЪ (1848 — 1856).

Отъ февральской революціи до парижскаго мира.

ГЛАВА XV.

Франція съ 1848 г.

Въ этомъ періодѣ мы разсмотримъ послѣдствія февральской революціи во Франціи и тѣ перевороты, которые произведены были этимъ событіемъ въ другихъ государствахъ Европы.

Послѣ отреченія Луи-Филиппа и неудачной попытки герцогини Орлеанской сдѣлаться регентшей за малолѣтствомъ своего сына, во Франціи была объявлена республика. Она продолжалась четыре года. Въ 1852 году, президентъ республики Луи-Бонапарте, съ помощію преданнаго ему войска, прекратилъ ея существованіе и объявилъ себя Императоромъ французовъ, подъ именемъ Наполеона III.

Мы уже видѣли, что Луи-Филиппъ, съ своею супругою, съ герцогинею Немурскою, и дѣтьми ея, по совѣту адвоката Кремье, 24 февраля, покинулъ Парижъ и въ наемной каретѣ отправился къ морю, чтобы оттуда переѣхать въ Англію. Но герцогиня Орлеанская, съ дѣтьми, въ сопровожденіи герцога Немурскаго, явилась въ палату депутатовъ, надѣясь, что сынъ

*

ея, графъ Парижскій, будетъ объявленъ королемъ, а ей будетъ предоставлено регентство. Надежды ея не сбылись. Толпа черни, ворвавшись въ Тюильрійскій дворецъ, провозгласила уже республику и съ тѣми же криками бросилась къ палатѣ депутатовъ. Тогда, при возрастающемъ шумѣ и напорѣ толпы, одинъ изъ депутатовъ, Мари, сдѣлалъ предложеніе объ учрежденіи временнаго правительства, и только тѣмъ возстановилъ нѣкоторый порядокъ. За нимъ говорилъ Ледрю-Ролленъ, который также требовалъ учрежденія временнаго правительства и созванія національнаго собранія для рѣшенія вопроса о будущемъ государственномъ устройствѣ Франціи. Въ томъ же смыслѣ говорилъ послѣ него и Ламартинъ. При такихъ обстоятельствахъ, герцогиня увидѣла всю невозможность осуществленія своихъ намѣреній и оставила залу депутатовъ. Тогда Ламартинъ, призвавъ на президентское кресло Дюпонъ-дель-Эра, при помощи нѣкоторыхъ молодыхъ людей, устроилъ *назначеніе временнаго правительства*: депутатамъ и собравшейся толпѣ предложено было написать на особыхъ билетикахъ имена тѣхъ лицъ, которые, по ихъ мнѣнію, должны быть членами временнаго правительства. Ламартинъ собралъ эти билетики, составилъ (по собственному усмотрѣнію) списокъ и передалъ его Дюпону, который и провозгласилъ имена членовъ временнаго правительства. Это были: Дюпонъ, Ламартинъ, Араго, Мари, Гарнье-Пажесъ, Ледрю-Ролленъ и Кремье. Луи-Бланъ (Louis Blanc), хотя и былъ предлагаемъ въ члены очень многими, но не былъ внесенъ въ списокъ за соціалистскій образъ мыслей. Это обстоятельство вызвало было громкія возраженія, но Ламартинъ прекратилъ ихъ предложеніемъ перенести мѣсто засѣданій временнаго правительства въ городскую ратушу (hôtel de ville). Когда члены временнаго правительства подошли къ площади Chatelet, гдѣ помѣщалась ратуша, они увидѣли громадную толпу, которая тѣснилась и силилась проникнуть во внутрь самаго зданія. Только послѣ многихъ напрасныхъ усилій, удалось временному правительству попасть въ зданіе, внутри котораго шумъ

и толкотня, какъ оказалось, были еще ужаснѣе. Съ трудомъ успѣли очистить отъ толпы только одну комнату, гдѣ со всею поспѣшностью и было открыто засѣданіе: надо было торопиться, потому что съ наступленіемъ ночи могли случиться самыя непредвидѣнныя опасности, такъ какъ толпа еще не знала результатовъ своей февральской революціи. Но тутъ сдѣлалось извѣстнымъ, что въ комнатахъ редакцій журналовъ «Національя» и «Реформы» собралось другое временное правительство, въ числѣ членовъ котораго, кромѣ лицъ, объявленныхъ Ламартиномъ, находились и вычеркнутыя имъ фамиліи: Луи Блана, Армана Марра, Флокона, Альбера и другихъ, которые всѣ были самыми крайними приверженцами соціализма. Чтобы въ самомъ началѣ избѣжать ссоры и междоусобій, временное правительство приняло къ себѣ исключенныхъ, съ титуломъ секретарей. Первыми распоряженіями новаго правительства было: 1) объявленіе прокламаціи, провозглашавшей республику и распущеніе прежнихъ палатъ; 2) воззваніе къ войску, которое приглашалось присоединиться къ дѣлу народа и республики. Эти прокламаціи въ большомъ количествѣ экземпляровъ были выброшены изъ оконъ къ народу, изъ рукъ котораго онѣ достигли до типографій и въ этотъ же день появились напечатанными въ газетахъ. За тѣмъ назначены были министры по большей части изъ членовъ временнаго правительства; во главѣ національной гвардіи былъ поставленъ Курте; а изъ воспитанниковъ политехнической школы былъ составленъ отрядъ для охраненія дворцовъ, музеевъ, желѣзныхъ дорогъ и т. п.

Стремленія соціалистовъ и коммунистовъ

Но яростные ораторы въ стилѣ 1793 года, соціалистскіе мечтатели, оборванная и пьяная чернь отвергли законность временнаго правительства. Бушевавшая толпа врывалась въ залы hôtel de ville и выражала явное намѣреніе разогнать временное правительство. Не малаго труда стоила защита временнаго правительства: оно обязано было продолженіемъ своего существованія краснорѣчію, смѣлости и присутствію духа Ламартина. Семь или восемь разъ онъ отбивалъ напоры

толпы силою своего слова или счастливою находчивостію: «Чего вы хотите?» однажды воскликнулъ онъ опьянѣвшей отъ вина и ярости толпѣ, которая ломилась въ залу совѣщаній. «Твоей головы!» отвѣчали ему. «Дай Богъ, сказалъ онъ, чтобы у каждаго изъ васъ была такая голова; вы были бы умнѣе». Громкій смѣхъ и всеобщее браво положили конецъ смятенію. Для того, чтобы отнять у возстанія средства для повторенія подобныхъ волненій, по предложенію Ламартина была учреждена «подвижная гвардія» (garde mobile), состоящая изъ 24 баталіоновъ пѣхоты (сюда принимали только молодыхъ людей отъ 14 до 20 лѣтъ) и оказавшая скоро величайшія услуги городу и всей странѣ. Рано утромъ, 25 февраля, парижское населеніе пришло опять въ движеніе. Толпа рабочихъ и пролетаріевъ, смѣшавшись съ освобожденными изъ тюремъ преступниками, въ количествѣ отъ 40 до 50 тыс. человѣкъ, ворвалась въ залу засѣданій и выставила рядъ самыхъ необузданныхъ требованій: 1) чтобы принято было знамя краснаго цвѣта, напоминающее время 1793 года, когда цвѣтъ красный былъ объявленъ символомъ человѣческаго братства; 2) чтобы національная гвардія была обезоружена, а оружіе роздано народу; 3) чтобы всѣмъ бѣднякамъ была доставлена работа и право на трудъ, уничтоженъ пролетаріатъ, и множество подобныхъ несообразностей.

Члены временнаго правительства, осаждаемые штурмами, слѣдовавшими безъ промежутковъ, одинъ за другимъ, были утомлены до изнеможенія; только одинъ Ламартинъ сохранялъ еще достаточно силы и энергіи, чтобы бороться съ толпою. Явившимся съ соціальными требованіями, онъ отвѣчалъ, что онъ скорѣе умретъ, чѣмъ допуститъ кровавому знамени занять мѣсто трехцвѣтнаго; «ваше красное знамя ходило только кругомъ Марсова поля, гдѣ въ 1791 и 1793 г. его влачили по крови народа, тогда какъ трехцвѣтное знамя съ именемъ, славою и свободою отечества обошло кругомъ весь свѣтъ». Ламартинъ въ этотъ день совершилъ невѣроятныя вещи, слово его дѣлало чудеса; онъ сбилъ съ поля тысячи

дикихъ, бѣснующихся людей, отвергъ себялюбивыя требованія соціалистовъ и спасъ для Франціи ея трехцвѣтное знамя.

Только теперь временное правительство могло совѣщаться свободно и издало нѣсколько мѣръ, долженствовавшихъ служить для французской націи и для другихъ народовъ ручательствомъ за характеръ новой республики. Для болѣе твердаго положенія временнаго правительства оставалось устроить *торжественное провозглашеніе республики.* 26 февраля, на Бастильской площади, передъ колонною, напоминавшею объ іюльской революціи, было отпраздновано объявленіе республики, безъ малѣйшаго нарушенія порядка. Съ этого момента вся Франція спѣшила присягнуть республикѣ и временному правительству. Значительное число маршаловъ, въ числѣ ихъ Бюжо и Жераръ, и всѣ находившіеся въ Парижѣ генералы предложили временному правительству свои услуги; суды и административныя вѣдомства столицы и провинцій съ своими военными начальниками и префектами признали его и наперерывъ слѣдовали этому примѣру. И духовенство съ своей стороны перешло на сторону временнаго правительства, и именемъ церкви освятило новый порядокъ вещей. Новая республика не встрѣтила сопротивленій и со стороны сыновей Луи-Филиппа, принца Жуанвильскаго и герцога Омальскаго, которые составляли первое время предметъ серьезныхъ опасеній для временнаго правительства, такъ какъ первый изъ нихъ командовалъ значительнымъ флотомъ, а второй былъ генералъ-губернаторомъ Алжиріи и стоялъ во главѣ стотысячнаго войска. Но оба принца, видя невозможность возстановить низринутую іюльскую монархію, подчинились необходимости и сложили съ себя команду, чтобы удалиться въ Англію (*).

Когда первое опасеніе гражданской войны миновалось, временное правительство занялось иностранными дѣлами, упу-

(*) Герцогиня Орлеанская удалилась въ Германію и, поселившись въ Эйзенахѣ, всецѣло отдалась дѣлу воспитанія своихъ дѣтей.

щенными изъ виду въ бурной суматохѣ первыхъ революціонныхъ дней. Ламартинъ предложилъ (6 марта) проектъ циркуляра къ дипломатическимъ агентамъ Франціи за границей, который вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ служить манифестомъ новой республики къ европейскимъ дворамъ. Основныя мысли его были: признаніе и для другихъ государствъ права политическаго самоопредѣленія, которымъ Франція воспользовалась въ февральской революціи, и отреченіе отъ наступательной войны съ цѣлью завоеванія. За границей манифестъ произвелъ благопріятное впечатлѣніе, и европейскія державы признали французскую республику. Англія ранѣе другихъ вступила съ нею въ дружественныя отношенія; континентальныя державы послѣдовали ея примѣру, довольныя тѣмъ, что Франція отказалась отъ пропаганды республики въ другихъ государствахъ.

Устройство національныхъ мастерскихъ для рабочихъ.

Между тѣмъ самой Франціи угрожала большая внутренняя опасность, происходившая главнымъ образомъ отъ разстройства финансовъ и вообще экономическаго состоянія страны. Правительство Луи-Филиппа оставило республикѣ долгъ въ четыре съ половиною милліарда; состояніе же кассы простиралось на 192 милліона. Можно было предвидѣть, что государственные расходы должны были на первое время значительно увеличиться, а приходъ въ такомъ же отношеніи уменьшиться, и потому необходимо было найти экстраординарные финансовые источники. Однимъ словомъ, положеніе казны казалось такъ безнадежно, что министръ финансовъ Гудшо сложилъ съ себя должность, такъ какъ государственное банкротство казалось ему неизбѣжнымъ. Гарнье-Пажесъ имѣлъ мужество принять портфель министра финансовъ. Ему удалось занять 230 милліоновъ у французскаго банка подъ залогъ казенныхъ лѣсовъ; затѣмъ онъ отсрочилъ выпускъ государственныхъ билетовъ, составлявшихъ почти двѣ трети текущаго долга; остальную часть текущаго долга, состоящую изъ вкладовъ сберегательныхъ кассъ (на сумму 350 мил.), онъ превратилъ большею частію въ процентныя

бумаги; но чтобы удержать кредиторовъ сберегательныхъ кассъ отъ предъявленій ихъ востребованій и чтобы вознаградить ихъ за соединенную съ этимъ потерю, процентъ на вклады этихъ кассъ былъ возвышенъ съ 4% на 5%. Но, когда эти распоряженія не оказали ожидаемыхъ результатовъ, Гарнье-Пажесъ прибѣгъ къ увеличенію на 45% прямыхъ налоговъ; что, по расчету, должно было принести около 190 милліоновъ. Правда, что эта мѣра облегчила финансовыя затрудненія, но за то она возбудила крайнее неудовольствіе въ сельскомъ населеніи, на которое она чувствительнѣе всего ложилась. Что касается экономическаго состоянія Франціи вообще, то здѣсь еще сильнѣе отразились слѣды февральскихъ событій, и правительство, при всей его заботливости, не могло предупредить возникшихъ отсюда волненій. Множество фабрикъ, мастерскихъ, торговыхъ домомъ закрылись; многія тысячи поденьщиковъ, ремесленниковъ, прикащиковъ, мастеровыхъ и т. п. потеряли свои ежедневныя занятія и свой насущный хлѣбъ. Отъ нихъ и вообще отъ низшаго класса, зараженнаго соціальными мечтаніями, нельзя было ожидать покорнаго перенесенія упавшаго на нихъ бѣдствія. Притомъ, временное правительство, признавъ «право на трудъ», должно было позаботиться объ исполненіи формально даннаго слова. Потому министру публичныхъ работъ (Мари) было поручено устроить такъ называемыя *національныя мастерскія* (ateliers nationaux), въ которыхъ неимѣвшіе хлѣба граждане республики должны были найти занятіе и вознагражденіе. Но единственное занятіе, которое съумѣли дать незанятымъ рукамъ, состояло въ земляныхъ работахъ—дѣланіи насыпей, копаніи рвовъ и др. — не приносившихъ не малѣйшей экономической пользы и служившихъ только предлогомъ для уплаты недѣльнаго вознагражденія. Число нуждавшихся въ пособіи и изъявившихъ желаніе вступить въ національныя мастерскія, въ короткое время, возрасло до 100 тыс. человѣкъ. Сюда поступали писатели, живописцы, женщины и другія лица съ высшимъ образованіемъ, чтобы только

чѣмъ было жить. Конечно, существованіе такихъ мастерскихъ, работа которыхъ не соотвѣтствовала затратамъ на вознагражденія рабочихъ, не могло быть продолжительно безъ раззоренія государственныхъ финансовъ и безъ нравственнаго банкротства народа. А между тѣмъ не предвидѣлось и средствъ къ закрытію этихъ національныхъ мастерскихъ, пожиравшихъ въ Парижѣ и другихъ большихъ городахъ средства страны.

Такія же серьезныя заботы возбудилъ во временномъ правительствѣ такъ называемый «рабочій парламентъ», имѣвшій непосредственную связь съ національными мастерскими. Его засѣданія происходили подъ предсѣдательствомъ соціалиста Луи-Блана въ Люксанбургскомъ дворцѣ. Не столько учрежденный, сколько допущенный временнымъ правительствомъ, этотъ парламентъ имѣлъ цѣлію достигнуть осуществленія соціалистскихъ желаній и надеждъ. Онъ состоялъ изъ подмастерьевъ, фабричныхъ работниковъ и поденьщиковъ, которые своими совѣщаніями должны были выработать новую экономическую систему, или, лучше сказать, новый планъ общества; первою заботою парламента было отысканіе средствъ для доставленія рабочему облегченія его трудовъ и увеличенія вознагражденія. Въ началѣ марта открылись засѣданія рабочаго парламента. Въ рѣчахъ депутатовъ и предсѣдательствующаго много говорилось о свободѣ, равенствѣ, братствѣ, высказывалось вообще больше чувства, нежели мыслей, и принято было рѣшеніе ограничить количество рабочаго времени въ Парижѣ 10, а въ провинціяхъ 11 часами, такъ что рабочіе столицы, несмотря на все равенство и братство, уже въ первомъ засѣданіи своемъ предоставили себѣ значительное преимущество. Собранія соціалистовъ въ Люксанбургскомъ дворцѣ были предметомъ постояннаго безпокойства для зажиточныхъ классовъ, которые боялись, что изъ нихъ возникнетъ открытый и насильственный коммунизмъ, въ особенности, когда Луи-Бланъ и сторонники его, Ледрю-Ролленъ и Карно, своими принципами будутъ вліять на выборы

въ депутаты національнаго собранія. Кромѣ того, безпокоили временное правительство и консервативную часть населенія «политическіе клубы», которыхъ цѣлыя сотни образовались въ Парижѣ въ теченіи нѣсколькихъ недѣль. Почти каждый изъ принадлежавшихъ къ той или другой соціалистской сектѣ успѣлъ основать свой клубъ (такъ напр. Барбесъ, Кабе, Распайль, Бланки, и др.). Были также и женскіе клубы, въ которыхъ ревностно трактовали о гражданскихъ правахъ женщины и въ особенности о такъ называемой «эмансипаціи». Дикія фантазіи, ненавистныя страсти и необузданная распущенность составляли содержаніе клубскихъ ежедневныхъ совѣщаній. Вмѣстѣ съ клубами февральская революція дала неограниченный просторъ и ежедневной прессѣ: большая часть газетъ работала за одно съ клубами въ распространеніи соціалистскихъ крайностей. Одной изъ наиболѣе вліятельныхъ была газета «Пресса», число экземпляровъ которой ежедневно расходилось до 75 тыс. (редакторъ Эмиль Жирарденъ). Дѣйствуя сообща и заодно, клубы соединенными усиліями собрали толпу во сто тысячъ человѣкъ и двинули ее къ ратушѣ, съ намѣреніемъ высказать еще разъ временному правительству «соціальныя желанія народа» и кромѣ того требовать отсрочки выборовъ въ національное собраніе. Но и на этотъ разъ, Ламартинъ умѣлъ заставить толпу разойтись и поддержалъ спокойствіе въ Парижѣ. Отсрочкою выборовъ соціальные демократы, въ главѣ которыхъ стояли Луи-Бланъ и Ледрю-Ролленъ, думали устроить оппозицію временному правительству, свергнуть его и, составивъ національное собраніе изъ приверженцевъ соціализма, дать Франціи чисто-соціальную республику. Но предпріятіе ихъ сокрушилось о благоразумныя и предупредительныя мѣры Ламартина и другихъ членовъ временнаго правительства.

Созваніе національнаго собранія.

Наконецъ 4 мая открылось въ Парижѣ національное собраніе (*). Когда депутаты заняли свои мѣста, въ залѣ

(*) Число членовъ доходило до 900 человѣкъ, которые распредѣлялись

показалось временное правительство, встрѣченное громкими привѣтствіями, которымъ вторили пушечными выстрѣлами изъ Дома Инвалидовъ (*). Собраніе открыто было рѣчью Дюпона, за которымъ говорили поочередно члены временнаго правительства, отдавая отчетъ представителямъ націи въ своемъ управленіи. Депутаты выразили временному правительству благодарность во имя Франціи, объявивъ, «что оно хорошо служило отечеству».

Временное правительство, такимъ образомъ, сложило съ себя власть. Но въ какой формѣ устроить новое временное управленіе, какимъ людямъ поручить его, объ этомъ мнѣнія расходились. Нѣкоторыя предлагали отдать всю правительственную власть Ламартину; другіе требовали, чтобы національное собраніе назначило министерство, удержавъ собственно правительственную власть въ своихъ рукахъ; большинство же предлагало избрать «*Исполнительную коммиссію*» отъ трехъ до пяти человѣкъ, которая бы управляла до установленія новой конституціи посредствомъ отвѣтственнаго министерства. Это послѣднее предложеніе одержало верхъ, и 10 мая національное собраніе приступило къ выбору пяти членовъ исполнительной коммиссіи. Этотъ выборъ палъ на Араго, Гарнье-Пажеса, Мари, Ламартина и Ледрю-Роллена; Араго, какъ выбранный первымъ, занялъ предсѣдательское мѣсто въ коммисіи, управленіе которой продолжалось съ 10 мая до конца іюня 1848 г.

Какъ составъ исполнительной коммиссіи, такъ и министерства, крайне не нравился ультра-республиканцамъ и соціалистамъ, въ особенности когда отвергнуто было предложеніе ихъ объ учрежденіи новаго министерства «прогресса»

на департаменты по мѣрѣ населенія, такъ что на 40 тыс. жителей приходился одинъ депутатъ. Вестъ-индскимъ и африканскимъ колоніямъ дано было 11 депутатовъ.

(*) Большинство депутатовъ принадлежало къ умѣренной республикѣ, а не соціально-демократической.

съ Луи-Бланомъ во главѣ. Они рѣшились подорвать національное собраніе и учрежденное имъ правительство и поставить на ихъ мѣсто соціально-демократическую диктатуру. Для подготовленія этого предпріятія они взволновали рабочій парламентъ и подняли рабочихъ, упрекая національное собраніе и коммиссію въ томъ, что они своимъ отказомъ на учрежденіе министерства прогресса отвергли признанное временнымъ правительствомъ «право на трудъ», осуществленіе котораго, по плану Луи-Блана, и должно было составить главную задачу новаго министерства. Агитаторы этого возмущенія и клубы, занимавшіеся приготовленіями къ нападенію на національное собраніе, примапили на свою сторону поселянъ изъ сосѣднихъ провинцій, собравшихся въ Парижъ къ 14 мая на «празднество согласія», и цѣлыя ватаги эмигрантовъ-поляковъ, наводнившихъ собою Парижъ послѣ неудачъ польскаго дѣла въ Краковѣ и Познани. Ударъ національному собранію и его правительству готовился на 15 мая; предлогомъ было — требованіе отъ національнаго правительства заступничества за Польшу передъ Франкфуртскимъ парламентомъ. Дѣйствительно, рано утромъ, 15 мая, члены соціально-демократическихъ клубовъ собрались, по условію, на площади Бастиліи и на сосѣднихъ бульварахъ; во главѣ ихъ стояли Бланки, Сорбье, Распайль и Гюберъ. Въ нѣсколько часовъ толпа, присоединившаяся къ нимъ, возрасла до 100 тыс. человѣкъ. Правительство знало о замыслахъ соціалистовъ и приняло свои мѣры, назначивъ командиромъ вооруженной силы начальника національной гвардіи, медленнаго генерала Курсэ, которому въ помощники былъ данъ префектъ полиціи Коссидьеръ, тайно сочувствовавшій дѣлу возстанія. Куртэ не могъ даже загородить толпѣ входа въ національное собраніе; она съ шумомъ и бранью ворвалась въ самую залу засѣданій и требовала: 1) чтобы Франція поставила сѣвернымъ державамъ Россіи, Австріи и Пруссіи короткій срокъ для возстановленія Польши, и по истеченіи этого срока немедленно бы двинула противъ нихъ свои вой-

ска, и 2) доставленія народу работы или безденежной раздачи хлѣба. Послѣ нѣсколькихъ часовъ безплоднаго шума, до ораторской трибуны добрался Гюберъ и изо всѣхъ силъ прокричалъ: «Такъ какъ не хотятъ принимать никакого рѣшенія, то я, во имя народа, обманутаго своими собственными представителями, объявляю національное собраніе распущеннымъ». Президентъ и депутаты уступили силѣ и покинули залу засѣданій; а соціальные демократы немедленно учредили новое правительство подъ названіемъ «комитета общественной безопасности», въ члены котораго были назначены главнѣйшіе предводители соціалистовъ (*). Но извѣстіе о приближеніи войска заставило самозванное правительство оставить мѣсто событій и отправиться въ ратушу, чтобы въ ней устроить себѣ новое пребываніе; толпа же рабочихъ, между тѣмъ, подъ предводительстомъ Сорбье, ворвалась въ министерство внутреннихъ дѣлъ, захватила государственную печать и по телеграфу дано было знать въ провинціи о распущеніи народнаго собранія и перемѣнѣ правительства. Но и на этотъ разъ порядокъ возстановленъ былъ дѣятельностью Ламартина. Арестовавъ генерала Куртэ, Ламартинъ взялъ на себя роль генерала, сѣлъ на драгунскую лошадь, велѣлъ привезти пушки и за тѣмъ, съ нѣсколькими тысячами національной и подвижной гвардіи, двинулся къ ратушѣ. Улицы, по которымъ тянулось шествіе, предводимое Ламартиномъ, встрѣтили его съ восторженными восклицаніями, маханьемъ платковъ и заявленіями полнаго одобренія. До ратуши шествіе достигло безпрепятственно; оставалось пробиться сквозь тѣснившуюся около нея толпу. Сами предводители возстанія сдались безъ малѣйшаго сопротивленія. Гюберъ и Альберъ были осуждены въ ссылку, Бланки — на семилѣтнее заключеніе въ тюрьмѣ; а Луи-Бланъ успѣлъ скрыться.

(*) Луи-Бланъ, Альберъ, Бланки, Гюберъ, Распайль, Консидеранъ, Кабе, Пьеръ-Леру, Прудонъ и Коссидьеръ.

15 мая было послѣднимъ верхомъ тріумфа и послѣднимъ моментомъ популярности Ламартина. Съ этого дня его значеніе быстро и неудержимо начало упадать. Въ первые дни іюня происходило нѣсколько дополнительныхъ выборовъ въ національное собраніе. Въ числѣ новыхъ членовъ находился и Луи-Наполеонъ, племянникъ Наполеона I (нынѣшній Императоръ французовъ, Наполеонъ III). Опасаясь паденія республики со вступленіемъ Луи-Бонапарта въ число членовъ собранія, такъ какъ онъ уже дѣлалъ нѣсколько покушеній (въ Страсбургѣ и Булонѣ) возстановить императорскій тронъ своего дяди, Ламартинъ объявилъ національному собранію, что исполнительная коммиссія опредѣлила дать силу изгнанію, произнесенному законами 1816 и 1832 г. противъ фамиліи Наполеона, въ лицѣ Луи-Бонапарта, потому что онъ нѣсколько разъ заявлялъ притязанія на императорскую корону, и потому что эти притязанія могутъ угрожать спокойствію республики. Собраніе отвергло предложеніе Ламартина и допустило Луи-Бонапарта въ свои члены. Сторону Ламартина приняли члены исполнительной коммиссіи, и такимъ образомъ начались между національнымъ собраніемъ и коммиссіей несогласія, возраставшія съ каждымъ днемъ. Еще болѣе эти несогласія увеличивались по поводу вопроса о національныхъ мастерскихъ. Національное собраніе требовало уничтоженія національныхъ мастерскихъ, какъ заключавшихъ въ себѣ всѣ элементы событій пятнадцатаго мая; такое дѣло казалось ему легкимъ и безпослѣдственнымъ; исполнительная же коммиссія, убѣжденная и съ своей стороны въ экономическомъ и нравственномъ вредѣ національныхъ мастерскихъ, ясно понимала всю трудность ихъ уничтоженія. Вслѣдствіе этого у національнаго собранія явилось подозрѣніе, что исполнительная коммиссія желаетъ на всякій случай сохранить въ 100 тысячахъ рабочихъ готовое войско, которое будто бы главнымъ образомъ предназначается противъ національнаго собранія. Опасенія коммиссіи оправдались на дѣлѣ, т. е. на ужасныхъ сценахъ іюньскихъ дней съ 22 по 26 іюня. Уже съ 15 мая

Іюньскіе дни

правительство стало издавать нѣкоторыя мѣры для сокращенія національныхъ мастерскихъ и расходовъ на нихъ (*); такъ предложено было всѣмъ рабочимъ—холостымъ отъ 18 до 25 лѣтъ вступить въ военную службу и безъ дальнѣйшихъ околичностей уволить тѣхъ изъ нихъ, которые бы не приняли этого предложенія; затѣмъ приказано было удалить изъ мастерскихъ всѣхъ рабочихъ, которые не жили въ Парижѣ по крайней мѣрѣ шесть мѣсяцевъ; предписано было оплачивать работу въ мастерскихъ не одной неизмѣнной поденной платой (по 2 франка въ сутки), а поштучно; наконецъ постановлено было, чтобы часть рабочихъ была удалена изъ Парижа и занята была въ отдаленныхъ провинціяхъ. Когда эти приказанія исполнительной коммиссіи были сообщены директору національныхъ мастерскихъ (Эмилю Тома) и черезъ него сдѣлались извѣстны рабочимъ, послѣдніе страшно возмутились. 22 іюня они подняли возстаніе, продолжавшееся до 26 іюня. Въ 6 часовъ пополудни тысячи рабочихъ отправились къ Люксанбургскому дворцу требовать у исполнительной коммиссіи «признанія права на трудъ» и уничтоженія касающихся до національныхъ мастерскихъ послѣднихъ распоряженій. Въ теченіе ночи возстаніе совершенно организовалось и рано утромъ 23 іюня вооруженные рабочіе, по сдѣланному наканунѣ соглашенію, устремились къ Пантеонской площади. Здѣсь, подъ предводительствомъ нѣкоего Пюжоля, они произнесли клятву «свобода или смерть», и двинулись по направленію бульваровъ, строя баррикады, вышиною равнявшіяся съ домами. Опасность для правительства становилась съ каждымъ часомъ серьезнѣе и серьезнѣе; оно поручило генералу Кавеньяку, вызванному за нѣсколько дней передъ симъ изъ Алжира, принять въ управленіе военное министерство, команду надъ войсками и начальствованіе надъ національною гвардіею; въ распоряженіи у него было до 25 тысячъ линейнаго

(*) Въ первыя 4 недѣли издержано на содержаніе мастерскихъ до 4-хъ милліоновъ франковъ.

войска и до 20 тыс. національной и подвижной гвардіи. Онъ собралъ свои главныя силы вблизи дворца національнаго собранія—въ Тюильрійскомъ саду, на площади Согласія и въ Елисейскихъ поляхъ. Въ первый день правительственныя войска дѣйствовали слабо и не могли одолѣть баррикадъ; къ вечеру Кавеньякъ долженъ былъ сосредоточить свои силы опять у національнаго собранія, чтобы защитить его и чтобы дать отдыхъ войскамъ, которымъ много дѣла предстояло на слѣдующій день. Утромъ 24 числа, битва возобновилась съ удвоенными усиліями съ обѣихъ сторонъ. Инсургенты съ трехъ концовъ старались проникнуть къ ратушѣ, которую защищалъ генералъ Дювивье и который до того былъ стѣсненъ, что просилъ у Кавеньяка подкрѣпленія. Когда извѣстіе это дошло до національнаго собранія, то оно, побуждаемое опасностію, объявило себя «постояннымъ» (en permanence), Парижъ – въ осадномъ положеніи, а генералу Кавеньяку поручалась вся исполнительная власть; коммиссія же и министерства сложили съ себя свою должность. Кавеньякъ не замедлилъ воспользоваться даннымъ ему полномочіемъ: онъ велѣлъ запереть улицы, еще не тронутыя возстаніемъ, запретилъ показываться на нихъ всякому, кто не имѣлъ вида, и открывать окна, чтобы до нѣкоторой степени обезопасить свои войска отъ выстрѣловъ изъ домовъ. Подкрѣпленный на слѣдующій день (25 іюня) новыми войсками, явившимися изъ провинцій, Кавеньякъ вступилъ въ битву съ инсургентами въ предмѣстьи Сенъ-Жака, но не съ большимъ успѣхомъ, такъ какъ въ рукахъ противниковъ находились укрѣпленные пункты (въ особенности хорошо укрѣпленное Сентъ-Антуанское предмѣстье). Въ этотъ день погибъ Архіепископъ Парижскій д'Аффръ. Съ согласія Кавеньяка, онъ хотѣлъ подѣйствовать на возставшихъ значеніемъ своего сана и силой своего краснорѣчія, и явился въ полномъ облаченіи на площади Бастиліи. Передъ нимъ несли вѣтку мира, въ сопровожденіи двухъ викаріевъ и нѣсколькихъ членовъ національнаго собранія. Онъ приблизился къ громадной баррикадѣ и своимъ по-

явленіемъ остановилъ на время враждебныя дѣйствія съ обѣихъ сторонъ. Одинъ изъ его спутниковъ прочелъ прокламацію Кавеньяка, обѣщавшую прощеніе, если возставшіе положатъ оружіе. Но вооруженное населеніе Сенъ-Жакскаго и Антуанскаго предмѣстій выразило сомнѣніе насчетъ подлинности подписи Кавеньяка. Въ то время когда шла рѣчь о томъ, чтобы достать для сличенія собственноручную подпись генерала, начались снова выстрѣлы и одна изъ первыхъ пуль поразила архіепископа. Перенесенный въ свое жилище, онъ скончался (27 іюня), сказавъ: «дай Богъ, чтобы моя кровь была послѣднею пролитою кровью». Тогда возставшіе пытались завязать переговоры съ главнокомандующимъ, но Кавеньякъ объявилъ имъ, что онъ отъ переговоровъ отказывается, а даетъ имъ срокъ до 10 часовъ утра, по истеченіи котораго Сентъ-Антуанское предмѣстье подвергнется рѣшительному штурму. Дѣйствительно, 26 іюня, началось обстрѣливаніе предмѣстья и черезъ часъ оно сдалось на полную волю побѣдителя. Никогда возстаніе на улицахъ Парижа не продолжалось такъ долго, какъ въ эти іюньскіе дни 1848 г. Число убитыхъ въ эти четыре дня насчитывалось до 10 тыс.; плѣнныхъ у возставшихъ взято отъ 12 до 14 тыс., они были, разумѣется, размѣщены по казематамъ парижскихъ укрѣпленій. Судебное рѣшеніе относительно ихъ участи послѣдовало 27 іюня; національное собраніе постановило: плѣнниковъ, участіе которыхъ въ возстаніи доказано, отправить во французскія колоніи Новаго свѣта, а предводителей и зачинщиковъ возстанія подвергнуть военному суду.

28 іюня Кавеньякъ сложилъ въ руки національнаго собранія чрезвычайныя полномочія, которыя онъ отъ него получилъ. Національное собраніе выразило ему благодарность отечества за оказанныя услуги и непосредственно затѣмъ назначило его главой исполнительной власти и президентомъ кабинета (*). Кавеньякъ составилъ новое министерство изъ

(*) Съ 28 іюня по 20 декабря 1848 г.

лицъ, занимавшихъ мѣста членовъ исполнительной коммиссіи. Новое правительство твердою рукою принялось за дѣло реакціи, закрыло многіе клубы и запретило одиннадцать газетъ (въ томъ числѣ и «Прессу» Э. Жирардена); кромѣ того, по опредѣленію національнаго собранія, для газетъ были возстановлены «залоги» (до 24 тыс. франковъ), учреждена особая полиція для надзора за клубами и осадное положеніе Парижа продолжено на неопредѣленное время. Республиканскій характеръ Кавеньяка рѣшительно враждебно относился какъ къ соціалистамъ и ультра-демократамъ (краснымъ), такъ и къ легитимистамъ и бонапартистамъ, которые теперь начали снова шевелиться. Кавеньякъ хотѣлъ «республики умѣренной и честной (honnete)», какъ онъ самъ выражался, находящейся въ полной противоположности къ соціально-демократической. Между тѣмъ и въ національномъ собраніи и въ массѣ народа искреннихъ приверженцевъ политическаго взгляда Кавеньяка было немного, и если они поддерживали еще іюньскаго героя большинствомъ голосовъ въ національномъ собраніи, то это единственно только потому, что страхъ, возбужденный іюньскими днями, еще не миновалъ. Когда же впечатлѣнія отъ іюньскихъ событій стали забываться, правительство Кавеньяка стало все больше и больше терять подъ собою почву и въ національномъ собраніи и внѣ его. Въ значительномъ числѣ дополнительныхъ выборовъ, происходившихъ въ сентябрѣ и въ слѣдующіе мѣсяцы, почти ни одинъ изъ кандидатовъ, поддерживаемыхъ правительствомъ, не получилъ большинства. Съ одной стороны выбирали соціальныхъ демократовъ, какъ напр. Распайля, содержавшагося въ Венсенскомъ замкѣ, съ другой монархистовъ, напр. Луи-Бонапарте; послѣдній объявилъ, что онъ на этотъ разъ приметъ выборъ. 26 сентября онъ явился въ національномъ собраніи, гдѣ ожидали его съ нѣкоторымъ любопытствомъ и были поражены незначительностію его наружности, которая не предвѣщала, повидимому, ничего опаснаго для республики. «Наконецъ могъ я увидѣть свое отечество и могу жить среди

васъ; я употреблю всѣ силы, чтобы показать мою благодарность и трудиться надъ утвержденіемъ республики». Дальнѣйшій разсказъ укажетъ—какимъ путемъ и какими средствами Луи-Бонапарте сдѣлался президентомъ республики и потомъ Императоромъ Французовъ.

Новое государственное устройство республики.

Главная цѣль, съ которою образовалось національное собраніе, и главная задача его состояли въ созданіи *основнаго государственнаго устройства республики*. Еще 18 мая, была основана для этого дѣла особая коммиссія, которая окончила свои работы къ 12 ноября, когда новая конституція была торжественно объявлена народу съ площади «Согласія», при звонѣ колоколовъ и пушечныхъ выстрѣлахъ. Актъ новой конституціи состоялъ изъ введенія и 12-ти отдѣловъ. Введеніе заключало въ себѣ нѣчто въ родѣ нравственнаго и политическаго воззванія къ народу и выраженіе надежды на содѣйствіе со стороны каждаго француза дѣлу общаго благосостоянія республики. *Первый отдѣлъ* касался *верховной власти французскаго народа*, ея неотчуждаемости и неотъемлемости; *второй отдѣлъ* говорилъ *о правахъ гражданъ* и о конституціонныхъ ограниченіяхъ этихъ правъ; *третій отдѣлъ* опредѣлялъ, что всякая *общественная власть* исходитъ отъ народа и никогда *не можетъ передаваться по наслѣдству*; *четвертый отдѣлъ* опредѣлялъ составы и кругъ дѣйствій *законодательной власти*, которая вручалась національному собранію изъ 750 членовъ; избирателемъ могъ быть каждый французъ 21 года, а избраннымъ—не моложе 25 лѣтъ; продолжительность сессіи національнаго собранія была ограничена 3 годами, въ теченіи которыхъ собраніе должно быть постояннымъ (permanente); *въ пятомъ отдѣлѣ* обозначены были *права исполнительной власти:* президентъ республики, избираемый на четыре года, долженъ имѣть не менѣе 30 лѣтъ отроду; въ другой разъ тотъ же самый президентъ могъ быть выбранъ только черезъ четырехлѣтній промежутокъ; войско поставлено подъ его власть, но онъ никогда не можетъ имъ предводительствовать лично; объявленіе войны и иностранные

договоры подлежатъ утвержденію національнаго собранія; вмѣшательство президента въ права національнаго собранія, именно распущеніе и отсрочка его, названы государственной измѣной, которая имѣетъ слѣдствіемъ низложеніе президента; *шестой отдѣлъ* говорилъ *о государственномъ совѣтѣ*; *седьмой — о внутреннемъ управленіи; восьмой — о судѣ*; *девятый — о вооруженной силѣ*; *десятый — о почетномъ легіонѣ*, объ Алжирѣ *и колоніяхъ*; *одиннадцатый — о формахъ пересмотра конституціи* и *двѣнадцатый — о* временныхъ *постановленіяхъ второстепенной важности.*

Избраніе Луи Наполеона президентомъ республики.

И такъ, новое государственное устройство состояло изъ одного національнаго собранія; исполнительная власть вручалась президенту избранному на четыре года по всеобщей подачѣ голосовъ. Важнымъ вопросомъ, занимавшимъ всѣхъ французовъ послѣ объявленія конституціи, былъ выборъ президента, назначенный на 10 декабря. Популярность Кавеньяка значительно пошатнулась послѣ закрытія національныхъ мастерскихъ, когда 230 тыс. бѣдняковъ, получавшихъ пособіе отъ правительства, вдругъ остались безъ куска хлѣба; въ народѣ говорили даже, что Кавеньякъ съ намѣреніемъ далъ іюньскому возстанію опасное положеніе, чтобы сдѣлать себя необходимымъ человѣкомъ. Звѣзда Ламартина стала меркнуть уже съ 15 мая. Такимъ образомъ изъ всѣхъ дѣйствительныхъ или возможныхъ кандидатовъ на президентство, Луи-Бонапарте былъ единственнымъ, къ имени котораго были привязаны надежды всего сельскаго населенія, надежды на то, что онъ облегчитъ 45% налоги, введенные временнымъ правительствомъ. Чѣмъ ближе подходилъ день выборовъ, тѣмъ больше становилось общимъ убѣжденіемъ, что Луи-Бонапарте возьметъ верхъ надъ Кавеньякомъ, Ламартиномъ, Ледрю-Ролленомъ и Распайлемъ (послѣднихъ двухъ выставила соціально-демократическая партія). Результатъ выборовъ превзошелъ всѣ ожиданія бонапартистовъ и самыя худыя опасенія ихъ противниковъ. Изъ поданныхъ вообще 7,300,000 голосовъ; 5,430,000 достались Луи-Бонапарте, 1,448,000 Кавеньяку,

730,000 Ледрю-Роллену, 37,000 Распайлю; наконецъ, какъ будто въ насмѣшку надъ быстро потухающей славой человѣка, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ державшаго въ рукахъ судьбу Франціи, 17,900 голосовъ, оказалось за Ламартина. 20 декабря результатъ всеобщей подачи голосовъ былъ торжественно провозглашенъ въ національномъ собраніи. За тѣмъ Кавеньякъ объявилъ отъ своего имени и за министерство, что прежнее правительство слагаетъ съ себя власть. Тотчасъ послѣдовало провозглашеніе Луи-Бонапарте президентомъ республики отъ настоящаго дня на четыре года, и его присяга, установленная конституціею. По окончаніи ея произнесенія, новый президентъ произнесъ слова, въ которомъ онъ между прочимъ сказалъ: «мои обязанности предписаны мнѣ голосомъ націи и я исполню ихъ, какъ честный человѣкъ». Когда ораторъ кончилъ свою рѣчь, онъ подошелъ къ Кавеньяку, взялъ его руку и сказалъ: «генералъ, я горжусь быть преемникомъ такого человѣка, какъ вы».

Президенство Луи-Бонапарте продолжалось съ 20 декабря 1848 до 2 декабря 1851 г. Положеніе новаго президента было въ высшей степени затруднительно. Національное собраніе не могло сообщить ему непосредственной опоры, такъ же какъ и войско, которое склонялось къ Кавеньяку; Парижское же населеніе, доставивши президенту большинство голосовъ при избраніи, дало ему это большинство скорѣе изъ ожесточенія противъ его соперника Кавеньяка, чѣмъ изъ расположенія къ нему самому. Затруднительность его положенія усиливалась и отъ тѣхъ ожиданій, которыя возлагались на новое правительство сельскимъ населеніемъ, мечтавшимъ объ облегченіи налоговъ. Къ этому прибавились безчисленныя требованія, поднятыя бывшими солдатами и приверженцами Наполеона I, которые хотѣли, чтобы племянникъ вознаградилъ ихъ за услуги Императору должностями, почестями, а въ особенности деньгами. Личные приверженцы Луи-Бонапарте, видя неблагопріятное настроеніе національнаго собранія для президента республики, указывали ему на необходи-

мость устраненія національнаго собранія и старались систематически подкапывать его. Такъ депутатъ Рато (29 декабря) сдѣлалъ предложеніе распустить національное собраніе и созвать на его мѣсто законодательное собраніе на 19 марта. Съ министерствомъ также не было согласія; несогласіе возникло по поводу требованія президентомъ выдачи документовъ, по двумъ процессамъ, которые ведены были еще въ судѣ перовъ относительно возмущеній въ Страсбургѣ и Булони. Министерство отказало.

При такихъ противудѣйствіяхъ, какія явно оказывали президенту и его антилиберальнымъ наклонностямъ національное собраніе и министерство, Луи-Наполеонъ искалъ опоры въ популярности среди сельскаго населенія, войска и духовенства. Послѣднему онъ умѣлъ понравиться выраженіемъ своего расположенія къ церкви и усердія къ папскому престолу. Въ 1849 г. онъ двинулъ къ Риму войско, подъ начальствомъ генерала Удино, для подавленія республики въ Римѣ и возстановленія папской власти. Это крайне понравилось духовенству; но съ другой стороны ослабило партію соціальныхъ демократовъ и вообще приверженцевъ республики; имъ казалось непослѣдовательнымъ, какъ президентъ республики дѣйствуетъ во имя монархической власти Папы въ Римѣ. Возмущали приверженцевъ республики и выборы въ законодательное собраніе, которое должно было замѣнить собою національное собраніе. Выборы производились не всеобщею подачею голосовъ, но посредствомъ предварительныхъ списковъ. Несмотря на всѣ старанія правительства видѣть составъ законодательнаго собранія съ консервативнымъ характеромъ, почти половина членовъ оказалась на сторонѣ «красной» республики. Раздраженные такими дѣйствіями президента, республиканцы, дѣйствуя за одно съ легитимистами и орлеанистами, возбудили (13 іюля 1849 г.) возстанія въ Парижѣ и Ліонѣ, подъ предводительствомъ Ледрю-Роллена, съ цѣлью свергнуть президента; но послѣдній съ помощію войска быстро разсѣялъ ихъ скопища и въ самомъ началѣ

разрушилъ ихъ баррикады. Ледрю-Ролленъ спасся бѣгствомъ за границу. Возстаніе въ Ліонѣ, поднявшееся въ одинъ день съ Парижскимъ, было подавлено генераломъ Маньяномъ (Magnan). Эти успѣхи президента имѣли слѣдствіемъ бѣгство другихъ соціалистовъ и коммунистовъ, осужденіе захваченныхъ на тюремное заключеніе и ссылку, и вообще усиленіе карательныхъ законовъ.

Съ этихъ поръ наружный порядокъ въ республиканской Франціи болѣе не нарушался, положеніе президента упрочилось и онъ могъ смѣло приняться за развитіе своей правительственной системы, состоявшей въ радикальномъ истребленіи тѣхъ золъ, отъ которыхъ можетъ страдать общественное благосостояніе. Въ стремленіяхъ къ выполненію такой задачи, онъ видѣлъ необходимость поставить правительство выше вліянія партій, и перемѣнивъ нѣсколько министерствъ, пересталъ выбирать своихъ министровъ изъ національнаго собранія для того, чтобы, какъ говорилъ онъ, «независѣть отъ большинства или меньшинства, происходящихъ, по его мнѣнію, только отъ минутнаго расположенія умовъ». Подъ вліяніемъ такой политики, президентъ достигъ внутренняго спокойствія въ странѣ, въ которой снова начали процвѣтать благосостояніе и трудъ. Провинціи, въ особенности, выражали ему громкую признательность, когда онъ предпринялъ путешествіе по Франціи. Вполнѣ понимая, что легче всего и на будущее время протянуть этотъ внутренній порядокъ, имѣя на своей сторонѣ войско, президентъ не замедлилъ привязать его къ себѣ еще болѣе посредствомъ такъ называемыхъ *военныхъ банкетовъ*. Самъ нуждаясь въ деньгахъ, онъ умѣлъ вытребовать у національнаго собранія два милліона франковъ (ежегодно) для угощенія солдатъ. Въ тоже время онъ окружилъ себя преданными ему, способными генералами: Сентъ-Арно, Пелисье, Маньянъ, и удалилъ изъ службы нерасположеннаго къ нему генерала Шангарнье (*), котораго націо-

(*) Начальникъ Парижскихъ войскъ и національной гвардіи.

нальное собраніе считало самою твердою своею опорою. Префектуры и другія значительныя мѣста президентъ замѣщалъ людьми, готовыми къ его услугамъ и ему преданными; при частыхъ разъѣздахъ внутри края онъ умѣлъ снискать расположеніе городскихъ властей; а низшіе классы привлекъ на свою сторону щедростію и милостями. При этомъ онъ не упускалъ ни одного случая, чтобы не выставить себя блюстителемъ народнаго блага и защитникомъ народныхъ правъ; слабыя стороны своего управленія онъ умѣлъ относить къ мѣшающей ему опозиціи національнаго собранія, и пробуждать въ толпѣ сочувствіе къ памяти и императорству своего дяди. Такими средствами онъ проложилъ себѣ путь къ единовластію и 2 декабря 1851 года совершилъ свой знаменитый *coup d'etat или государственный переворотъ.*

Coup d'etat (2 дек. 1851 г

Великій внутренній вопросъ, передъ которымъ отступали на задній планъ всѣ другіе общественные интересы, былъ — пересмотръ конституціи. Въ этомъ вопросѣ дѣло шло собственно только о § 45 конституціи, который дозволялъ вторичное избраніе того же президента только послѣ четырехлѣтняго промежутка. Чтобы достигнуть измѣненія этого параграфа, нужно было имѣть рѣшеніе національнаго собранія, принятое тремя четвертями голосовъ; такое же количество голосовъ требовалось вообще для измѣненій въ конституціи. Конституціоннымъ послѣдствіемъ такого рѣшенія было бы затѣмъ созваніе учредительнаго собранія, которое первымъ предметомъ своихъ рѣшеній, какъ полагали, сдѣлало бы продолженіе срока президенства. Но когда разрозненное и несогласное между собою національное собраніе высказалось противъ пересмотра конституціи (446 голосовъ было *за* и 278 *противъ*, а слѣдовательно и противъ вторичнаго президентства Луи-Бонапарте) и кромѣ того потребовало себѣ права распоряжаться военными силами республики (которые оспаривалъ у него военный министръ Сентъ-Арно), Луи-Бонапарте рѣшился привести въ исполненіе давно задуманный планъ государственнаго переворота. Видя опасность для своей вла-

сти, которая легко могла ускользнуть изъ его рукъ, онъ отважился, по примѣру своему дяди, повторить 18 брюмера 1799 года, и 2 декабря 1851 г., въ годовщину коронаціи Наполеона I и Аустерлицкой побѣды, произвелъ государственный переворотъ (coup d'etat), посредствомъ котораго онъ освободился отъ зависимости національнаго собранія и присвоилъ себѣ почти верховную власть.

Приготовленія къ государственному перевороту дѣлались президентомъ при содѣйствіи небольшаго числа довѣренныхъ приверженцевъ. Важнѣйшую роль тутъ играли военный министръ Сентъ-Арно (прежде называвшійся Ле-Руа), пріобрѣтшій себѣ военную репутацію въ Алжирскомъ походѣ; графъ Морни, Мопа, Маньянъ и правая рука президента — Персиньи, бывшій унтеръ-офицеръ, заслужившій расположеніе Луи-Бонапарта въ Страсбургѣ и Булони. Хотя не только во Франціи, но и въ другихъ государствахъ ходили тревожные слухи объ ожидаемомъ переворотѣ, однако нигдѣ и никѣмъ не было сдѣлано никакихъ предупредительныхъ мѣръ. Наканунѣ, т. е. вечеромъ 1 декабря, Луи-Бонапарте дастъ роскошный балъ въ Элизе-Бурбонъ, на который собралось блестящее общество высшихъ государственныхъ людей, дипломатовъ, офицеровъ и негоціантовъ. Хозяинъ былъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа и, противъ своего обыкновенія, необычайно разговорчивъ. Въ полночь, когда гости разъѣхались, были приняты послѣднія мѣры къ исполненію плана. Полицейскій префектъ долженъ былъ отдать приказъ подвѣдомственной ему полиціи арестовать отъ 80 до 100 членовъ національнаго собранія, предводителей тайныхъ обществъ и нѣкоторыхъ отдѣльныхъ личностей. Такимъ образомъ, въ ночь на 2 декабря: Шангарнье, Ламорисьеръ, Кавеньякъ, Беддо, Шаррасъ, Тьеръ, поэтъ Викторъ Гюго, Распайль и др. внезапно были взяты подъ стражу и послѣ непродолжительнаго заключенія, большею частію, изгнаны изъ Франціи, одни навсегда, другіе на неопредѣленное время. Огромныя прокламаціи, прибитыя по стѣнамъ домовъ и подписанныя прези-

дентомъ и графомъ Морни, назначеннымъ въ министры внутреннихъ дѣлъ, возвѣстили парижанамъ о случившемся ночью; въ одной изъ прокламацій говорилось такъ: «Національное собраніе протянуло руку къ власти, которую я получилъ отъ народа, оно раздувало дурныя страсти, оно нарушало покой Франціи—вотъ почему я распустилъ его и беру народъ въ судьи между національнымъ собраніемъ и мной». Прокламація, обращенная къ войску, выражалась въ томъ же духѣ; она призывала его на содѣйствіе для спасенія отечества и поддержанія верховной власти народа. Этотъ внезапный ударъ, нанесенный національному собранію, вызвалъ новыя возстанія и баррикадныя схватки въ Парижѣ, Ліонѣ, Нантѣ и другихъ городахъ; соціалисты и демократы взялись за оружіе, объявивъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми членами національнаго собранія — президента государственнымъ измѣнникомъ; но въ теченіи нѣсколькихъ дней, трудами Удино и Маньяна, возстанія были подавлены арміей, которая вся была на сторонѣ президента. Зачинщики возстанія были разстрѣляны, а большая часть захваченныхъ въ плѣнъ подверглись ссылкѣ на галеры и въ Кайэнну.

Результатомъ государственнаго переворота была новая конституція, одобренная большинствомъ семи милліоновъ голосовъ. Она была обнародована 14 января 1852 года и состояла въ слѣдующемъ: 1) президентъ избирался на десять лѣтъ; онъ былъ отвѣтственнымъ главой государства и пользовался исключительнымъ правомъ предложенія законовъ; а также и правомъ «рекомендовать» народу своего преемника; 2) законодательная власть раздѣлялась между президентомъ, сенатомъ, назначеннымъ его властью, и законодательнымъ корпусомъ, избираемымъ всеобщею подачею голосовъ. Совѣщанія Сената и Законодательнаго корпуса должны происходить при закрытыхъ дверяхъ; 3) кромѣ того, конституція заключала въ себѣ постановленіе объ учрежденіи «государственнаго совѣта», о судебномъ устройствѣ, и именно объ организаціи «высшаго суда», учрежденнаго для сужденія полити-

ческихъ преступленій. — Новая конституція, напоминавшая собою консульское устройство Наполеона I, служила какъ бы переходомъ къ полному возстановленію Имперіи, которое дѣйствительно черезъ годъ (2 дек. 1852 г.) и совершилось.

Луи-Наполеонъ — императоръ французовъ (2 дек. 1852 г.)

Французскій народъ, изнеможенный физически и нравственно рядомъ революціонныхъ потрясеній, охотно склонялся подъ верховную власть Луи-Бонапарте, который умѣлъ дать странѣ внутренній порядокъ и спокойствіе, поднять финансы (поддержкою курса участіемъ въ биржевой игрѣ) и строгими преслѣдованіями подавить послѣднія надежды республиканцевъ. Изъ путешествій своихъ по Франціи, *принцъ-президентъ* (такъ назывался Луи-Бонапарте съ 2 дек. 1851 г.) убѣдился, что желаніе возстановленія Имперіи было всеобщимъ и повсемѣстнымъ. Когда первая сессія Сената и Законодательнаго корпуса (созванныхъ на 29 марта 1852 г.) черезъ три мѣсяца закрылись, принцъ-президентъ предпринялъ путешествіе по Франціи. Вездѣ его сопровождалъ восторженный пріемъ и привѣтствіе въ крикѣ «да здравствуетъ Императоръ». При возвращеніи и въѣздѣ въ Парижъ (16 окт.) и здѣсь его встрѣчали тѣми же криками.

Воротившись въ столицу, принцъ-президентъ созвалъ сенатъ на 4 ноября, чтобы предложить ему проэктъ измѣненія конституціи. Проэктъ прямо указывалъ на возстановленіе Имперіи. Посланіе, сопровождавшее этотъ проэктъ, говорило: «приготовляющееся измѣненіе главнымъ образомъ касается формы, и при всемъ томъ имѣетъ огромное значеніе для Франціи. Въ самомъ дѣлѣ, народъ находитъ въ возстановленіи имперіи ручательство за свои интересы и удовлетвореніе своей справедливой гордости. Это возстановленіе удовлетворяетъ интересамъ народа, потому что обезпечиваетъ будущее, заканчиваетъ вѣкъ революцій и снова подтверждаетъ завоеванія 1789 года». — Сенатъ былъ совершенно согласенъ съ проэктомъ президента и 7 ноября опредѣлилъ возстановленіе Имперіи. Это рѣшеніе сената было представлено на утвержденіе народу посредствомъ всеобщей подачи голосовъ. Во-

просъ о возстановленіи Имперіи былъ поставленъ въ такой формѣ: «желаетъ-ли народъ наслѣдственное Императорское достоинство въ томъ видѣ, какъ оно существовало при Наполеонѣ I, какъ перешло къ Наполеону II — передать Наполеону III? Подача голосовъ началась 21 ноября и дала такіе результаты: 7,800,000 голосовъ было за Имперію и 253,000 противъ. Такимъ образомъ, 2 дек. 1852 г. Луи-Бонапарте принялъ титулъ Императора французовъ, подъ именемъ Наполеона III (*). Европейскіе кабинеты, съ восторгомъ встрѣтившіе «государственный переворотъ» какъ залогъ спокойствія, съ неудовольствіемъ узнали о возстановленіи Имперіи во Франціи. Послѣ нѣкотораго промедленія, они подчинились однако необходимости признать Наполеона III Императоромъ Франціи. Раньше другихъ новую Имперію признала Англія и только 5 янв. 1853 г. ея примѣру послѣдовали Россія, Австрія и Пруссія. Императоръ Николай Павловичъ сдѣлалъ при этомъ нѣкоторое ограниченіе: онъ отказался дать Императору французовъ употребительный между коронованными особами титулъ брата и вмѣсто того называлъ его своимъ «добрымъ другомъ.»

(*) 30 янв. 1853 Наполеонъ III вступилъ въ супружество съ Евгеніею Монтихо, герцогинею Теба.

Родословная таблица фамиліи Бонапарте.

Карлъ Бонапарте, въ супр. съ Летиціею, урожд. Рамолини † 1836 г.

- Іосифъ Бонапарте, бывшій Испанск. кор. † 1844 г.
- Наполеонъ I, Велик. † 1821. 1 с. Жозефина Богарне, 2 с. Марія Луиза австр.
  - Наполеонъ (II) герцогъ Рейхштадтскій. † 1832.

  NB Жозефина Богарне вышла за Наполеона I вдовою; отъ перваго супружества имѣла: а) сына Евгенія Богарне, герцога Лейхтенбергскаго, умершаго въ 1824 году и б) дочь Гортензію Богарне († 1837 г.) — мать нынѣшняго императора французовъ Наполеона III.
- Люціанъ Бонапарте кн. Каниино. † 1840.
- Элиза въ суп. съ Баччіоки. † 1820.
- Людовикъ Бонап. герц. Сен-Лэ быв. король голландскій † 1846 г. въ супр. съ Гортензіею Богарне † 1837 г.
  - Луи-Наполеонъ III (съ 2 дек. 1852 г. императоръ французовъ), въ супр. съ Евгеніей Монтихо съ 30 янв. 1853 г.
    - Наполеонъ, императорскій принцъ.
- Полина въ суп. съ Борнезе. † 1825.
- Каролина въ супр. съ Мюратомъ † 1839.
- Іеронимъ быв. кор. Вестфальскій † 1860.
  - Принцъ Наполеонъ - Жеромъ, въ суп. съ Клотильдою Сардинскою.

ГЛАВА XVI.

Вліяніе іюльской и февральской революціи на Германію.

Мы оставили исторію Германіи на Карлсбадскихъ постановленіяхъ и на рѣшеніи Вѣнскихъ министерскихъ конференцій. Съ тѣхъ поръ и по 1830-й годъ нигдѣ спокойствіе не нарушалось явнымъ образомъ, а между тѣмъ въ тайнѣ, въ разныхъ уголкахъ Германіи, сильно работали либералы, стѣсненные строгими рѣшеніями Карлсбадскихъ и Вѣнскихъ дополнительныхъ конференцій. Несмотря на зоркое наблюденіе сейма за прессою и германскими университетами, появилось множество либеральныхъ газетъ и журналовъ, и во многихъ университетахъ образовались тайныя демагогическія общества. Іюльская революція возбудила надежды нѣмецкихъ либераловъ. Правда, она едва коснулась двухъ главныхъ Германскихъ государствъ — Австріи и Пруссіи, имѣвшихъ большія средства къ подавленію либеральныхъ движеній; но за то многія мелкія государства Германіи чувствительно испытали на себѣ ея послѣдствія; особенно въ королевствѣ Саксонскомъ, курфиршествѣ Гессенскомъ и герцогствѣ Брауншвейгскомъ произошли возстанія, измѣнившія въ нихъ государственное устройство и управленіе. Разливу іюльской революціи по Германіи весьма много способствовало то обстоятельство, что каждое государство дѣйствовало какъ-то отдѣльно, не заботясь о сосѣдѣ, тогда какъ либералы имѣли много общаго черезъ сношенія между собою. Но, когда іюльская французская монархія, на поддержку которой возлагали свои надежды нѣмецкіе либералы и радикалы, обнаружила вполнѣ мирный характеръ и отказалась помогать дѣлу революціоннаго движенія въ Германіи, тогда нѣмецкія правительства стали дѣйствовать общими совокупными силами противъ своихъ враговъ; а нѣмецкіе либералы, которыхъ стремленія не ограничивались только конституціоннымъ устройствомъ, но направ-

лены были и на достиженіе единства Германіи, стали еще открытѣе и смѣлѣе стремиться къ своимъ цѣлямъ. Союзнымъ рѣшеніемъ (окт. 1830) было положено, что каждое изъ германскихъ правительствъ обязывается давать сосѣду, по его требованію, военную помощь для поддержанія спокойствія и порядка, и при этомъ указывалось на прежнія постановленія объ ограниченіи печати.

Франкфуртское послагательство.

Требованія нѣмецкихъ радикаловъ громче всего раздавались на Рейнѣ, въ Баденѣ, Гессенѣ, въ Ганноверѣ и въ особенности въ Рейнской Баваріи. Въ послѣдней дѣйствовали: докторъ Виртъ и Зибенпфейферъ, оба пылкіе, увлекавшіеся странными идеями о народной свободѣ, своеобразномъ конституціонномъ порядкѣ, а главное «возрожденіемъ Германіи». Свои идеи они распространяли въ издаваемыхъ подъ ихъ редакціею такъ называемыхъ «политическихъ листкахъ». Около нихъ стали сходиться либералы и радикалы изъ другихъ мѣстностей Германіи и такимъ образомъ сформировалось «Общество Свободнаго Тисненія» или радикальная партія, центромъ которой была Рейнская Баварія. Революціонные замыслы ея обнаружились во время конституціоннаго «Гамбахскаго празднества» или народнаго сборища, которое созвано было ею на 27 мая 1832 г. на развалинахъ замка Гамбахъ (близъ города Нейштадта, на рѣчкѣ Гартѣ). Здѣсь, среди толпы, стекшейся со всѣхъ концовъ юго-западной Германіи, при соучастіи множества французовъ и поляковъ, были произнесены возмутительныя рѣчи, съ восхваленіемъ «свободы» и съ рѣзкимъ порицаніемъ всѣхъ правительствъ. Сеймъ нашелъ необходимымъ принять рѣшительныя мѣры противъ Гамбахскихъ радикаловъ. Рѣшеніемъ отъ 28 іюня 1832 г. строго запрещалось отдѣльнымъ правительствамъ допускать какія-бы то ни было народныя сборища и празднества; сосѣдямъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ-бы образовались сходбища, подобныя Гамбахскому, предлагалось высылать свои войска для ихъ разогнанія. Озлобленные такимъ постановленіемъ союзнаго сейма, радикалы обратили на него весь свой гнѣвъ и задумали сдѣ-

лать нападеніе на Франкфуртъ, чтобы, въ свою очередь, разогнать сеймъ. Это предпріятіе радикаловъ извѣстно въ исторіи Германіи подъ именемъ *«франкфуртскаго посягательства»*. 3 апрѣля 1833 г. толпа молодежи неожиданно овладѣла гауптвахтою Франкфурта, надѣясь захватить въ плѣнъ членовъ сейма. Убивъ нѣсколькихъ солдатъ изъ сеймоваго гарнизона, безумцы стали призывать народъ къ возстанію за свободу родины; но франкфуртскіе граждане не тронулись ихъ криками. Между тѣмъ на помощь сейму явились войска, и послѣ упорной схватки, революціонеры были побѣждены и большею частію взяты въ плѣнъ, немногіе только спаслись бѣгствомъ за границу. Эта безумная затѣя повлекла за собою сильную реакцію со стороны правительствъ Германіи. Въ сентябрѣ 1833 г. собрался *конгрессъ монарховъ* въ *Мюнхенгрецѣ* (*), на которомъ явились, кромѣ всѣхъ владѣтельныхъ князей Германіи, Императоръ русскій, австрійскій и наслѣдный принцъ прусскій. Результатомъ совѣщаній было 1) заключеніе новаго союза между сѣверными великими державами относительно дружественнаго подавленія революціонныхъ волненій въ Германіи и 2) созваніе *конференціи министровъ въ Вѣнѣ* для опредѣленія средствъ, которыми можно будетъ на послѣдующее время противодѣйствовать подобнымъ волненіямъ и посягательствамъ. Конференція, составившаяся въ Вѣнѣ 13 января 1834 г., подтвердила Карлсбадскія постановленія, усилила надзоръ за прессою и университетами, установила «третейскій судъ» для рѣшенія несогласій между государями союза и сверхъ того опредѣлила количество денежнаго взноса, необходимаго для содержанія особой вооруженной силы на защиту сейма. Многіе университеты были закрыты, «политическіе листки» и другіе журналы запрещены, а члены «Общества Свободнаго Тисненія» были объявлены государственными преступниками и подверглись жестокимъ наказаніямъ. Такимъ образомъ, въ Германіи водворился порядокъ, какой

(*) Въ Богеміи.

существовалъ въ ней до іюльской революціи; но, какъ мы сейчасъ увидимъ, ненадолго.

Предпріятія Пруссіи.

Въ это время Пруссія, свободная пока отъ внутреннихъ волненій, успѣла совершить два весьма важныя предпріятія, имѣвшія вліянія на другія государства союза и успокоительно подѣйствовавшія на либераловъ, отъ которыхъ не было свободно и это государство. Эти предпріятія были: *учрежденіе провинціальныхъ чиновъ и устройство Таможеннаго союза* (*Zolleverein*). Введеніе «провинціальныхъ чиновъ», обнародованное въ царствованіе Фридриха Вильгельма III (3 января 1823 г.), состояло въ слѣдующемъ: три сословія въ каждой провинціи, входящей въ составъ прусской территоріи, т. е. владѣльцы бывшихъ рыцарскихъ имѣній (первое сословіе), владѣльцы городской недвижимой собственности (второе сословіе) и мелкіе собственники, завѣдующіе сами своимъ сельскимъ хозяйствомъ (третье сословіе), получили право совѣщаться о законахъ, касающихся перемѣнъ личныхъ правъ и правъ собственности, также и податей; правительство же съ своей стороны обязывалось выслушивать, обсуждать и не оставлять безъ отвѣта просьбы, составившіяся на совѣщаніяхъ сословій каждой провинціи. Начавшись съ октября 1823 года, это учрежденіе провинціальныхъ чиновъ къ октябрю 1827 г. было введено уже во всѣхъ прусскихъ областяхъ. Хотя учрежденіе это было далеко отъ конституціи (которую, какъ мы уже видѣли выше, Фридрихъ Вильгельмъ III обязался дать тотчасъ послѣ Вѣнскаго конгресса), потому что финансовое управленіе, судопроизводство и преподаваніе остались въ своихъ старыхъ абсолютныхъ формахъ, однако всѣ съ радостію встрѣтили это учрежденіе провинціальныхъ чиновъ, какъ опытъ къ началу конституціоннаго порядка. Къ мѣрамъ, въ которыхъ отразилась цѣль общей національной политики прусскаго короля—достигнуть единства земли Германской, относится такъ называемый «Таможенный Союзъ». Уже на Вѣнскомъ конгрессѣ было постановлено, чтобы члены Германскаго союза вошли между собою въ соглашеніе касательно торговли

и пріискали мѣры, которыми можно было бы освободить торговлю отъ стѣснительныхъ таможенныхъ заставъ. Но это совѣщаніе не привело къ цѣли; сеймъ не въ состояніи былъ согласить тѣ отдѣльныя мнѣнія, которыя выставлялись относительно торговыхъ выгодъ членами сейма. Пруссія вывела сеймъ изъ затрудненій и въ 1828 г. заключила съ Гессенъ-Дармштадтомъ таможенный союзъ. Къ прусской таможенной системѣ приступили многія сѣверныя и южныя германскія государства и такимъ образомъ создался «Германскій Таможенный союзъ», въ которомъ многіе видѣли починъ будущаго единства Германіи. Преемникъ Фридриха Вильгельма III, Фридрихъ Вильгельмъ IV (1840—1861) отличался непостоянствомъ правилъ и воззрѣній, то «онъ покидалъ обычный путь своего отца, то возвращался на него и шелъ тою же дорогою». Надѣленный необычайнымъ умомъ и даромъ слова, новый король не находилъ никакого удовольствія въ спокойномъ, обычномъ ходѣ государственнаго порядка, онъ хотѣлъ преобразованій, но именно такихъ, какія ему казались необходимыми, а не тѣхъ, на которыя указывали потребности времени и общества. Отсюда и возникло то колебаніе между застоемъ и прогрессомъ, которое характеризуетъ время Фридриха Вильгельма IV. Въ 1847 году король далъ Пруссіи конституцію, но не удовлетворилъ ею ожиданій народа и не прекратилъ того броженія умовъ, которые волновались вопросами политическими и церковными (*).

Что касается до Австріи, то она при императорѣ Францѣ I (1792—1835) и при его пріемникѣ Фердинандѣ I (1835—1849) твердо держалась политики правившаго ея дѣлами Меттерниха и была, по прежнему, врагомъ народныхъ представительныхъ конституцій и защитницею неогра-

---

(*) Между католиками и протестантами въ 1830-хъ годахъ возникло величайшее несогласіе по поводу вопроса «о смѣшанныхъ бракахъ», т. е. относительно того, къ какой вѣрѣ должны принадлежать дѣти отъ тѣхъ родителей, изъ которыхъ одинъ протестантъ, а другой католикъ.

ниченной монархіи и аристократіи. Меттернихъ всѣми силами старался оградить Австрію отъ сношеній съ другими государствами Германіи и западной Европы и не пустить въ нее либеральныхъ и революціонныхъ идей, которымъ онъ думалъ загородить дорогу строжайшею полиціею, цензурою, надзоромъ за прессою и преподаваніемъ. Но, несмотря на всѣ эти мѣры, и Австрія увлеклась общимъ потокомъ революціонныхъ событій запада и близко-родственной ей Германіи. Кромѣ движеній революціонныхъ, посѣтившихъ ея нѣмецкія территоріи, ее сильно тревожили волненія національныя среди Славянъ, Венгерцевъ и Итальянцевъ. (См. гл. XVII).

Мартовская революція въ Германіи.

Разсмотримъ теперь тѣ перевороты и волненія въ Германіи, которыя возникли въ ней подъ вліяніемъ февральскихъ событій, и которыя извѣстны въ ея исторіи подъ именемъ *Мартовской революціи.*

Изъ Парижа, гдѣ находился революціонный центральный комитетъ, повсюду стали распространяться революціонныя и соціалистскія идеи, возбуждавшія народъ къ возстанію и къ осуществленію требованій свободы, равенства, братства, учрежденія республики и уничтоженія пролетаріата. Эти волненія охватили всю Германію и посѣтили Пруссію и Австрію; въ однѣхъ мѣстностяхъ возстаніе происходило во имя широкой конституціи, въ другихъ — возставшіе требовали республики; вся Германія волновалась за новое устройство Германскаго союза, а подвластные Пруссіи и Австріи народы не германскаго происхожденія стремились къ самостоятельному существованію.

Еще въ сентябрѣ 1847 г. въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ, пограничномъ съ революціонною Франціею и Швейцаріею, состоялось собраніе изъ либераловъ и радикаловъ, подъ предсѣдательствомъ Геккера и Штруве съ цѣлью договориться о преобразованіи государственнаго устройства Германіи. Собраніе постановило — передѣлать устройство союза на подобіе республики сѣверо-американскихъ штатовъ. Из-

вѣстіе объ успѣхахъ февральской революціи сдѣлало республиканцевъ и демократовъ смѣлѣе, и они рѣшились начать свои планы, именно съ Бадена. Въ народныхъ собраніяхъ Баденскихъ были составлены адресы къ герцогу, въ которыхъ народъ выражалъ правительству *свои желанія.* Вотъ эти 12 пунктовъ адреса, въ которыхъ яснѣе всего видно французское февральское вліяніе: представительство народа при Германскомъ сеймѣ посредствомъ германскаго парламента, свобода печати, право народнаго вооруженія, судъ присяжныхъ, уничтоженіе исключительныхъ законовъ Германскаго союза; приведеніе войска къ присягѣ уложенію, политическое равенство всѣхъ вѣроисповѣданій, отвѣтственность министровъ, уничтоженіе феодальныхъ повинностей, преобразованіе системы налоговъ, поощреніе работы, очищеніе министерства. Великій герцогъ уступилъ демократамъ и согласился со всѣми ихъ требованіями, которыя сдѣлались какъ бы программою революціонныхъ партій. Это волненіе въ томъ же видѣ и съ тѣми же послѣдствіями повторилось въ великомъ герцогствѣ Гессенъ-Дармштадтскомъ, въ королевствѣ Виртембергскомъ, въ Нассау, въ курфиршествѣ Гессенъ, въ королевствахъ Саксонскомъ, Ганноверскомъ и Баварскомъ. Недовольствуясь уступками, сдѣланными правительствами, революціонеры хотѣли осуществить мечту о возрожденіи единства Германіи. Этого возрожденія ждали изъ Фракфурта, гдѣ сеймъ, переполненный либеральными посланниками, постановилъ, чтобы во всѣхъ государствахъ союза были произведены выборы въ члены *Германскаго Парламента*, который дѣйствительно и собрался къ 31 марта 1848 г. подъ именемъ «*Предварительнаго Парламента*». Подъ предсѣдательствомъ Миттермайера, профессора Гейдельбергскаго университета, парламентъ выразилъ слѣдующія требованія: 1) чтобы герцогство Шлезвигъ, принадлежащее къ Даніи, было принято какъ отдѣльное государство въ Германскій союзъ, а также восточная и западная Пруссія; 2) что преобразованіе Германскаго союза должно состоять въ томъ, чтобы вмѣсто

Мечты объ учрежденіи Германскаго Парламента

прежняго сейма, состоявшаго изъ представителей правительствъ, во главѣ Германіи стоялъ бы сеймъ изъ представителей народовъ Германіи, раздѣленный на двѣ камеры; исполнительная же власть должна быть вручена особому намѣстнику, избранному всеобщей подачей голосовъ отъ правительствъ и народныхъ депутатовъ. За тѣмъ члены самовольно-созваннаго Предварительнаго Парламента избрали изъ среды своей «*Комитетъ Пятидесяти*», который долженъ былъ озаботиться приведеніемъ въ исполненіе рѣшеній парламента и начертать новое уложеніе для будущаго политическаго устройства Германіи. Германскія правительства и на этотъ разъ уступили требованіямъ революціонеровъ, какъ бы предчувствуя всю несбыточность ихъ стремленій. Они послали во Франкфуртъ достойнѣйшихъ людей изъ либеральной партіи для присутствованія на собираемомъ Германскомъ Парламентѣ, (именуемомъ иногда національнымъ собраніемъ), которое должно было своимъ рѣшеніемъ утвердить новое государственное устройство Германіи. Парламентъ открылъ свои засѣданія въ церкви Св. Павла въ маѣ 1848 г. подъ предсѣдательствомъ Генриха фонъ-Гагерна. Среди членовъ его, простиравшихся до 500, и состоявшихъ изъ людей образованныхъ и просвѣщенныхъ, преобладалъ духъ умѣренности: они не желали ниспроверженія существовавшаго порядка, но ограничивались только надеждою, что сами государи для общаго блага согласятся на конституціонное раздѣленіе своей власти съ народными представителями. Но чтобы работы Парламента могли идти спокойно и успѣшно, и чтобы всѣ дѣйствія и намѣренія демократовъ могли быть парализованы, Гагернъ предложилъ отнять у союзнаго сейма права исполнительной власти и вручить ее «временному намѣстнику государства или регенту». Послѣ нѣкоторыхъ разногласій, 27 іюня, эрцгерцогъ Австрійскій Іоаннъ былъ избранъ въ намѣстники; 11 іюля онъ прибылъ во Франкфуртъ, а сеймъ, передавъ ему власть, разошелся. Только теперь парламентъ приступилъ къ своимъ очереднымъ работамъ, имѣвшимъ цѣлію возстановить

изъ отдѣльныхъ германскихъ государствъ національное единство, дать Германіи либеральныя учрежденія и поднять ея внѣшнее могущество. Но пренія объ этихъ вопросахъ повели къ сильнымъ спорамъ и раздѣлили Парламентъ на многія партіи: — правая сторона, правый центръ, лѣвый центръ, лѣвая сторона, крайняя правая сторона, крайняя лѣвая сторона—которыя выражали различныя убѣжденія и требованія, начиная отъ конституціонной монархіи (правая сторона) и оканчивая «красной республикой» (крайняя лѣвая сторона). Прусское правительство стало въ явное разногласіе съ парламентомъ, когда послѣдній потребовалъ, чтобы всѣ войска союза присягнули намѣстнику какъ верховному начальнику. Король Прусскій на такое требованіе объявилъ, что въ случаѣ употребленія его войскъ на общее дѣло Германіи, онъ допускаетъ подчиненіе ихъ намѣстнику не иначе, какъ по своему королевскому декрету. Этимъ разногласіемъ воспользовались демократы и взволновали народъ противъ парламентскаго большинства. 17 сентября толпа пролетаріевъ, подстрекаемая демократами, окружила церковь св. Павла, съ намѣреніемъ ворваться въ собраніе парламента, однако попытка неудалась, потому что австрійскіе и прусскіе отряды, явившіеся изъ крѣпости Майнца, успѣли разогнать толпу и подавить волненія. Озлобленная неудачами, чернь излила свое мщеніе на двухъ членахъ парламента, князѣ Лухновскомъ и генералѣ Ауэрсвальдѣ, которые были съ страшною жестокостью растерзаны. Такія происшествія повторились и въ Баденѣ; здѣсь Штруве провозгласилъ-было республику, но разбитый съ своими волонтерами герцогскими войсками былъ взятъ въ плѣнъ и казненъ; товарищъ его Геккеръ успѣлъ бѣжать и переселился въ сѣв. Америку. Для возстановленія порядка, Франкфуртъ былъ объявленъ въ осадномъ положеніи, послѣ чего большая часть демократовъ должна была удалиться изъ него.

Соперничество Австріи и Пруссіи.

Только съ 26 декабря, послѣ длиннаго ряда преній, Парламентъ опредѣлилъ и обнародовалъ *основныя права герман-*

скаго народа. Послѣ этого уже приступлено было къ главной задачѣ, т. е. къ *начертанію устройства германскаго государства.* Обще желаніе клонилось къ тому, чтобъ соединить разрозненную Германію въ одно общее государство съ однимъ главою. Но это желаніе встрѣтило сильныя неудовольствія со стороны Австріи и Пруссіи; нельзя было надѣяться, чтобы Австрія рѣшилась подчиниться Прусскому императору, или обратно, чтобы Пруссія признала надъ собою власть императора Австрійскаго. Изъ такого положенія дѣла представлялось только два исхода, изъ которыхъ первый былъ предложенъ Кенигсбергскимъ профессоромъ Симсономъ, а второй Гагерномъ; первый предлагалъ образованіе союзнаго государства соединеннаго съ Австріею; а второй — соединить всю Германію за исключеніемъ Австріи подъ верховною властью Пруссіи. Съ этого времени стала рѣзко замѣчаться двойственность Парламента; партія, желавшая объединенія Германіи безъ Австріи подъ властью Пруссіи, называлась «малогерманскою», и противоположная ей—не желавшая отдѣлять Австрію отъ Германіи — называлась «велико-германскою». Къ первой тянули государства Сѣверной Германіи, желавшіе протестантскаго императора; ко второй—примкнули государства южной Германіи, надѣявшіяся подъ покровительствомъ Австріи удержать свою самостоятельность и неприкосновенность католичества. При такихъ обстоятельствахъ все дѣло парламента относительно объединенія Германіи могло бы рушиться. Чтобы поддержать свой планъ, Гагернъ переманилъ на свою сторону демократовъ, предложивъ законъ, по которому избранный императоръ будетъ лишенъ неограниченнаго veto. Такимъ образомъ, большинствомъ 290 голосовъ противъ 248 выборъ наслѣдственнаго германскаго императора палъ на Фридриха-Вильгельма IV, короля Прусскаго. Но онъ отклонилъ отъ себя это избраніе (апрѣль 1849), объявивъ, что предлагаемый титулъ и власть онъ можетъ принять только при свободномъ на то согласіи самихъ государей Германіи и вольныхъ городовъ. Вслѣдъ за этимъ Пруссія, Австрія и

Баварія отозвали изъ Франкфурта своихъ представителей, и весь планъ Гагерна рушился самъ собою. Вскорѣ и самъ Гагернъ и всѣ его сторонники (малогерманцы) покинули столицу союза, такъ что число членовъ Парламента доходило только до 100, которые всѣ принадлежали къ «крайнему лѣвому центру». Несмотря на свою малочисленность, оставшіеся демократы учредили (10 апрѣля) «*Комитетъ Тридцати*», поручивъ ему озаботиться приведеніемъ въ исполненіе государственнаго устройства, установленнаго Парламентомъ. Обѣщаніе Прусскаго короля (14 мая) покончить переговорами съ уполномоченными отъ государей Германіи, начатое во Франкфуртѣ, совершенно подорвало оставшихся демократовъ, и они должны были оттуда удалиться (*): въ іюнѣ они перенесли свои засѣданія въ Штутгардтъ, чтобы быть ближе къ революціи, происходившей въ это время въ Виртембергѣ. Государственнаго намѣстника они объявили низложеннымъ, а вмѣсто его власти учредили государственное регенство пяти членовъ, выбранныхъ изъ среды своей. Но и здѣсь имъ непосчастливилось. Королевское правительство, подавивъ революціонныя волненія, изгнало остатокъ Парламента (охвостье) изъ своихъ предѣловъ, при чемъ нѣкоторые были взяты подъ стражу и преданы суду; а большинство успѣло спастись бѣгствомъ за границу. Такъ печально окончилъ свою дѣятельность первый Германскій парламентъ, работавшій надъ объединеніемъ Германіи.

Между тѣмъ, сторонники демократовъ, подъ предлогомъ введенія новаго государственнаго устройства, возмутили народъ противъ государей въ Дрезденѣ, Баварскомъ Пфельцѣ и великомъ герцогствѣ Баденскомъ. Тогда Пруссія приняла на себя защиту правительствъ и съ помощью своихъ войскъ успѣла возстановить спокойствіе въ Пфальцѣ, Баваріи, Баденѣ и Саксоніи.

(*) Одинъ только эрцгерцогъ-намѣстникъ не покинулъ Франкфурта; онъ объявилъ, что власть свою, какъ послѣднее представительство единства Германіи, уступитъ только сообществу всѣхъ государей Германскаго союза.

Хотя Прусскій король и отказался отъ предлагаемой ему Императорской короны, однако онъ не покинулъ надежды достигнуть объединенія Германіи другимъ путемъ — добровольными переговорами съ Германскими правительствами. Согласно съ своимъ обѣщаніемъ продолжать неудавшееся Франкфуртское предпріятіе, Фридрихъ-Вильгельмъ IV созвалъ въ Берлинѣ (17 мая 1849) конгресъ Германскихъ государей. Сюда явились только короли: Саксонскій и Ганноверскій и согласились вступить съ Пруссіею въ союзъ; оттого и союзъ этотъ у нѣмецкихъ историковъ носитъ названіе *«Берлинской уніи»* или *«Союза трехъ королей»*. Планъ уніи заключался въ томъ, чтобы составить изъ Германіи, за исключеніемъ Австріи, союзное государство подъ гегемоніею короля Прусскаго, какъ наслѣдственнаго главы государства; при немъ полагался совѣтъ изъ шести государей и парламентъ изъ двухъ камеръ. Бывшіе франкфуртскіе депутаты объявили свое несогласіе съ планомъ Пруссіи, такъ какъ онъ въ главныхъ своихъ чертахъ сходствовалъ съ проектомъ Гагерна, и съ этою цѣлью собрались въ Готѣ. Австрія же, которой въ это время удалось справиться и подавить волненія въ Италіи и Венгріи, не только не изъявила своего согласія на рѣшенія Берлинской Уніи, но даже умѣла отклонить отъ союза съ Пруссіею Ганноверъ и Саксонію; Баварія и Виртембергъ также приняли ея сторону. Тогда Пруссія нашла себѣ союзниковъ въ Мекленбургѣ, Брауншвейгѣ, Гессенѣ и Баденѣ и заключила съ ними военную конвенцію, по которой контингенты ихъ вошли въ составъ Прусской арміи. Потомъ она созвала (къ марту 1850 г.) изъ государствъ признавшихъ унію, *конгрессъ въ Эрфуртѣ* для разсмотрѣнія новаго государственнаго устройства Германіи, начертаннаго прусскимъ генераломъ Радовицемъ. Такія энергическія дѣйствія вынудили и Австрію приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Выставивъ сильную армію въ Богеміи, кн. Шварценбергъ созвалъ къ маю, во Франкфуртѣ, большой совѣтъ сейма (plenum), выказывая этимъ намѣренія своего правительства возвратить Германіи

прежнее государственное устройство. Такимъ образомъ началось открытое соперничество между Австріею и Пруссіею или, какъ въ то время говорили, между Франкфуртскимъ и Эрфуртскимъ сеймами. Скоро несогласія эти усилились до того, что готовы были разразиться войною между двумя главными державами Германіи. Поводомъ къ вооруженному столкновенію послужили событія въ курфиршествѣ Гессенскомъ. Въ сентябрѣ 1850 г. министръ Гессенскій, Газенпфлугъ, нелюбимый народомъ за постоянную реакцію народному представительству, безъ предварительнаго согласія чиновъ, предписалъ сборъ податей; вся страна поддержала протестъ комитета народныхъ представителей и формально отказалась платить предписанныя подати. Опасаясь возстанія, курфистръ и его министръ бѣжали во Франкфуртъ и потребовали защиты сейма; а комитетъ просилъ помощи у Пруссіи, такъ какъ Гессенъ принадлежалъ къ уніи. Сеймъ дѣйствительно выслалъ для усмиренія Гессена баварское войско съ отрядомъ австрійскихъ егерей. Пруссія тоже двинула свои войска. Но посредничество русскаго Императора отвратило бѣдствія международной войны. Послѣ свиданія въ Варшавѣ съ Австрійскимъ императоромъ и первымъ прусскимъ министромъ, графомъ Бранденбургомъ, Императоръ Николай Павловичъ, какъ защитникъ постановленій Вѣнскаго конгресса, подалъ свой голосъ въ пользу Австріи. Для скорѣйшаго рѣшенія возникшихъ несогласій и недоразумѣній министры-президенты Австріи (*) и Пруссіи съѣхались 29 ноября въ Ольмюцѣ. Здѣсь Пруссія отказалась отъ уніи и покровительства Кургессена, и согласилась на конференцію въ Дрезденѣ которая должна была окончательно устроить дѣла Германіи. Подъ предсѣдательствомъ кн. Шварценберга конференція открыла 23 декабря 1850 г. свои засѣданія, окончившіяся 15 мая 1851 г. — Всѣ предположенія къ преобразованію Германіи были объявлены неисполнимыми, и

Возстановленіе въ Германіи порядка, учрежденнаго на Вѣнскомъ конгрессѣ.

(*) Князь Шварценбергъ

рѣшено было возвратиться къ прежнему сеймовому порядку, установленному на Вѣнскомъ конгрессѣ 10 іюня 1815 г.

Но это миролюбивое прекращеніе несогласій между Австріею и Пруссіею не уничтожило стараго ихъ соперничества въ стремленіяхъ къ объединенію и первенству въ Германіи. Только внѣшняя опасность заставляла ихъ сближаться и на время забывать свои враждебныя отношенія. Такъ стремленіе Наполеона III расширить границы Франціи на счетъ Германіи, возстановило согласіе между Австріею, Пруссіею и мелкими державами Германіи послѣ личнаго свиданія Императора и короля въ Теплицѣ (1860). Но тоже не надолго. Попытка Франца-Іосифа соединить Германію въ одно цѣлое, для чего онъ созвалъ германскихъ государей на конгрессъ во Франкфуртъ, тоже ни къ чему не привела, вслѣдствіе противодѣйствія Пруссіи. Въ 1866 году соперничество этихъ двухъ державъ за первенство въ Германіи, разыгралось войною, которая послѣ побѣды пруссаковъ при Садовой (или Кениггрецѣ), кончилась Пражскимъ миромъ, совершенно измѣнившимъ политическую карту Германіи: Германскій союзъ послѣ 50-лѣтняго своего существованія былъ расторгнутъ; Пруссія увеличила свою территорію на 1300 кв. геогр. миль пріобрѣтеніемъ королевства Ганноверскаго, Курфиршества Гессенъ, Эльбскихъ герцогствъ (Шлезвига и Голштиніи), герцогства Нассау, Ландграфства Гомбургъ, вольнаго города Франкфурта-на-Майнѣ и небольшихъ участковъ отъ Баваріи и великаго герцогства Гессенъ. Такимъ образомъ Германія образовала двѣ, раздѣленныя р. Майномъ, политическія группы—*Сѣверо-германскій союзъ изъ 22-хъ государствъ* подъ военною гегемоніею Пруссіи и *5 южногерманскихъ государствъ*, которымъ входъ въ сѣверный союзъ старается облегчить и ускорить притягательная сила дипломатіи и военной системы Прусской монархіи.

Вліяніе февральской революціи на Пруссію.

Февральская революція оказала вліяніе не только на мелкія государства Германіи, но потрясла и двѣ великія державы союза: Пруссію и Австрію.

Мартов волненія Берли

Несмотря на то, что во всѣхъ государствахъ Германскаго союза правительства сдѣлали нѣкоторыя либеральныя уступки представителямъ отъ народа, Фридрихъ-Вильгельмъ IV, король Прусскій, опираясь на преданное ему войско, отказывалъ всѣмъ либеральнымъ требованіямъ; и только въ 1847 г., по совѣту нѣкоторыхъ изъ министровъ, онъ подписалъ конституцію, но съ чрезвычайно ограниченными правами палатъ. Извѣстія о февральской революціи взволновали пруссаковъ; толпа народная громко заявляла свои неудовольствія на стѣсненную конституцію 1847 года и требовала самыхъ широкихъ правъ для представителей всѣхъ сословій. Эти революціонныя волненія 1848 года, начавшіяся въ мартѣ и потому извѣстныя подъ названіемъ «Мартовскихъ дней», начались въ двухъ противоположныхъ концахъ Прусской территоріи, именно въ Рейнской провинціи и восточной Пруссіи; отсюда явились въ Берлинъ первые адресы и депутаціи съ требованіями, согласными съ духомъ общегерманскихъ народныхъ желаній. Подъ вліяніемъ этихъ адресовъ и депутацій начались волненія и въ самомъ Берлинѣ: съ 6 марта начались народныя сборища, которыми распоряжались по преимуществу литераторы изъ поляковъ. Они устроили въ Тиръ-Гартенѣ (звѣринцѣ) огромную народную сходку и составили адресъ на имя короля. Отправленная депутація удостоилась королевской аудіенціи и высказала желанія народныхъ сходбищъ. Король отвѣчалъ, что, какъ по вопросу о преобразованіи государственнаго устройства германскаго союза, такъ и о конституціи Пруссіи онъ согласенъ на уступки; но что ему необходимо, въ первомъ случаѣ, войти въ переговоры съ другими германскими государями, которыхъ онъ ждетъ на конгрессъ въ Дрезденѣ, а во второмъ—посовѣтываться съ соединеннымъ сеймомъ, который будетъ созванъ на 27 апрѣля. Такой отвѣтъ неудовлетворилъ депутатовъ и отправившей ихъ толпы, тѣмъ болѣе, что тайные революціонные агенты, въ числѣ которыхъ были французы, итальянцы и по преимуществу поляки, усердно

работали для произведенія въ Пруссіи революціи. Вслѣдствіе этого, народныя сборища съ каждымъ днемъ становились чаще и многолюднѣе и все болѣе и болѣе грозили разразиться революціею. Опасаясь уличныхъ кровопролитій, король нашелъ необходимымъ уступить требованіямъ: 17 марта онъ издалъ манифестъ, въ которомъ объявлялъ 1) раннее созваніе соединеннаго сейма (именно ко 2 апр.); 2) превращеніе союза германскихъ государствъ въ союзное государство, въ составъ котораго должна была войти не только восточная и западная Пруссія, но и Познань, и 3) свободу книгопечатанія. Такія уступки короля обрадовали народъ, который на другой день (18 марта) отправилъ ко дворцу торжественную процессію для объявленія королю своей благодарности. Этимъ обстоятельствомъ воспользовались революціонные агенты, чтобы произвести открытое возмущеніе въ народѣ, возмущеніе, которое было ими заранѣе приготовлено и обдумано; скорость же, съ которою были воздвигнуты баррикады, указываетъ, что дѣломъ возстанія заправляла опытная рука. Въ то время, когда народъ тѣснился на дворцовой площади, раздались два выстрѣла. Испуганная толпа, съ криками «измѣна, насъ убиваютъ, къ оружію!» разсѣялась по всему городу, въ короткій срокъ воздвигла нѣсколько баррикадъ на главнѣйшихъ улицахъ и открыла жестокій уличный бой. Войска, предводимыя искуснымъ генераломъ Притвицемъ, безъ труда могли бы подавить возмущеніе, если бы король не согласился на новыя уступки, приказавъ своимъ войскамъ прекратить стрѣльбу. Войско и городской гарнизонъ вышли изъ Берлина и были замѣнены наскоро устроившеюся національною стражею. Результатомъ событій 18 и 19 марта были: 1) перемѣна министерства, во главѣ котораго теперь былъ поставленъ Кампгаузенъ съ графомъ Арнимомъ, министромъ иностранныхъ дѣлъ, графомъ Шверинымъ, министромъ народнаго просвѣщенія и Ауэрсвальдомъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ; и 2) поляки содержавшіеся въ крѣпостяхъ съ 1846 г., получили вмѣстѣ съ дру-

гими политическими преступниками свободу и подъ предводительствомъ Мѣрославскаго открыто провозгласили самостоятельность Польши (*)

Національн собраніе і конституці

Чтобы избѣжать повторенія мартовскихъ волненій, Фридрихъ-Вильгельмъ IV, уступая народнымъ требованіямъ, согласился на введеніе новой конституціи въ Пруссіи. Съ этою цѣлью созвано было въ Берлинѣ учредительное или національное собраніе, которое долженствовало вмѣстѣ съ правительствомъ начертать новое государственное уложеніе. Вскорѣ по открытіи засѣданій (22 мая) оказалось, что въ собраніи преобладала лѣвая сторона (демократическая партія). Опираясь на чернь, вооруженную послѣ разграбленія арсеналовъ и предводимую крайними демократами Вальдекомъ и Эстеромъ, эта партія пріобрѣла полный перевѣсъ въ національномъ собраніи и съ оскорбительными криками встрѣтила и провожала умѣренныхъ депутатовъ и членовъ правой стороны.

При такомъ составѣ собранія, дѣло уложенія подвигалось впередъ очень медленно. Собраніе отвергло предложенный королемъ и министромъ проэктъ уложенія и замѣнило его другимъ проэктомъ, составленнымъ на крайнихъ демократическихъ началахъ. Но противъ демократическихъ замысловъ національнаго собранія образовалась партія консервативная, желавшая возстановленія прежнихъ основъ могущества и величія Пруссіи. Главная сила этой партіи заключалась въ офицерахъ арміи, которые поддерживали въ войскѣ преданность къ престолу и только ждали приказанія своего государя, чтобы начать свои дѣйствія противъ демократовъ. Ободренный такимъ расположеніемъ умовъ, король рѣшился оставить свою пассивную роль и снова взять правленіе твердою рукою. Поручивъ (4 ноября) графу Бранденбургу составить новое министерство, въ которое вступилъ и баронъ Мантейфель, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, король от-

---

(*) Возстаніе, поднятое Мѣрославскимъ съ цѣлью отдѣлить Познань отъ Прусскаго королевства, было подавлено генераломъ Коломбомъ.

далъ приказаніе учредительному собранію перенести свое мѣстопребываніе изъ Берлина въ городъ Бранденбургъ, и когда оно отказалось повиноваться, то войско королевское подъ начальствомъ генерала Врангеля вступило въ столицу, которая была объявлена въ осадномъ положеніи; національное собраніе перебралось въ Бранденбургъ, гдѣ снова начало свои засѣданія 27 ноября. Такимъ образомъ столица была очищена отъ революціонеровъ и демократовъ, вожди которыхъ, видя дѣло свое проиграннымъ, спаслись бѣгствомъ за границу.

Новый законъ о выборахъ.

Послѣ этого, король самъ обнародовалъ новое уложеніе и велѣлъ созвать новое законодательное собраніе, состоящее изъ двухъ палатъ, для обсужденія этого уложенія; но такъ какъ и въ этомъ собраніи оказалось еще достаточное количество демократическихъ депутатовъ, то король приказалъ распустить снова обѣ палаты, а чтобы на будущее время не дать мѣста въ законодательномъ собраніи депутатамъ лѣвой стороны, изданъ былъ въ 1849 г. «новый законъ о выборахъ», ограничивавшій число избирателей. Этимъ путемъ было достигнуто то, что во вновь составленномъ законодательномъ собраніи большая часть депутатовъ принадлежала къ партіи умѣренныхъ. Они 31 января 1850 утвердили и конституцію, составленную королемъ,—конституцію по которой и въ настоящее время управляется Прусская монархія; 6 февраля король упрочилъ ее своею присягою.

Участіе Фридриха Вильгельма IV въ дѣлахъ остальной Германіи.

Участіе Пруссіи въ дѣлахъ остальной Германіи мы уже разсмотрѣли въ главѣ XVI, и потому объ этомъ вопросѣ скажемъ коротко. Фридрихъ-Вильгельмъ IV усердно хлопоталъ во имя объединенія Германіи и думалъ встать во главѣ соединеннаго государства; но для этого онъ искалъ не содѣйствія Франкфуртскаго Парламента, а добровольнаго согласія со стороны самихъ германскихъ государей. Это обстоятельство объясняетъ ту усердную помощь, которую нѣкоторые изъ германскихъ государей находили въ Пруссіи для подавленія возстаній въ своихъ владѣніяхъ. Съ тою же

цѣлью—достигнуть объединенія Германіи подъ гегемоніею Пруссіи,—Фридрихъ Вильгельмъ IV старался расширить дѣйствія Таможеннаго Союза и хлопоталъ объ устройствѣ прусскаго флота. Болѣзнь, начавшаяся въ 1856 г., помѣшала королю въ его стремленіяхъ.

Вступившій на престолъ послѣ его смерти (1861 г.) братъ его Вильгельмъ I, нынѣ царствующій король, продолжаетъ политику своего предшественника и не безуспѣшно: вся Сѣверная Германія до рѣки Майна, образовавъ изъ себя Сѣверо-Германскій союзъ, вошла подъ гегемонію Пруссіи (1866).

ГЛАВА XVII.

Революція 1848 года въ Австріи.

Подъ вліяніемъ французскихъ событій и въ Австріи, охраняемой системою Меттерниха, пробудился духъ политической свободы. Разнородныя національности, изъ которыхъ сложилась Австрійская имперія, пришли въ движеніе: венгерцы, славяне и итальянцы, стремясь къ народной самостоятельности, поддерживаютъ волненія, возникшія въ самомъ центрѣ имперіи,—въ Вѣнѣ.

Мы уже видѣли, что политика Меттерниха стремилась къ полной монархической власти въ Австріи и подавленію всѣхъ движеній въ пользу конституціоннаго порядка вещей. Потому австрійское правительство старалось всевозможными мѣрами охранять свои владѣнія отъ распространявшихся по всему западу новыхъ идей; усиливало для того пограничную стражу; затрудняло своимъ подданнымъ сношенія съ другими народами; внутри государства вводило строгую цензуру, бдительную полицію и др. Но несмотря на всю заботливость правительства, революціонныя идеи стали проникать въ Австрію и здѣсь также стала образоваться оппозиція противъ устарѣлой системы Меттерниха. Первый ударъ этой системѣ

нанесли венгерцы. Въ засѣданіи Венгерскаго сейма (3 марта), Кошутъ произнесъ рѣчь, въ которой явно порицалъ внутреннюю политику Меттерниха и предложилъ, при этомъ, отправить къ императору адресъ съ требованіемъ національнаго правленія для Венгріи. Примѣръ Венгерцевъ раньше всего увлекъ столичныхъ австрійцевъ. «Ремесленное общество», «общество чтенія» и нѣкоторыя другія тоже прислали свои адресы императору, въ которыхъ требовали тѣснѣйшаго союза съ Германіею и конституціоннаго порядка, введеннаго уже въ государствахъ остальной Германіи. Эти требованія скоро сдѣлались интересомъ для всего нѣмецкаго населенія Австріи и охватили всѣ его классы, —что обнаружилось въ засѣданіи нижне-австрійскихъ чиновъ, открытомъ 13 марта въ Вѣнѣ. Толпа черни ворвалась въ залу засѣданій и громко кричала: «мы хотимъ конституціи! Да здравствуетъ конституціонный императоръ Австріи!» По совѣту своего дяди, эрцгерцога Людвига, императоръ не прибѣгъ къ военной силѣ, но уступилъ требованіямъ бунтовщиковъ. Немедленно было даровано конституціонное правленіе съ свободой тисненія и съ правомъ устройства гражданской гвардіи. Меттернихъ былъ удаленъ и отправился въ Англію. Раздача оружія изъ императорскаго арсенала національнымъ гвардейцамъ и первое употребленіе его для истребленія виллы кн. Меттерниха, явно указывали, что до спокойствія, котораго Фердинандъ I думалъ достигнуть уступками, было далеко, тѣмъ болѣе, что различныя народности имперіи—венгры, славяне и итальянцы пришли съ своими требованіями въ непріязненное столкновеніе, какъ между собою, такъ и съ нѣмцами. Дѣйствительно, скоро начались новые безпорядки въ Вѣнѣ; тогда императоръ со всѣми приближенными оставилъ столицу и удалился въ Инспрукъ, къ храбрымъ, преданнымъ Габсбургскому дому, тирольцамъ; войска также покинули столицу, которая такимъ образомъ очутилась во власти революціонеровъ. Но національное собраніе, составившееся для опредѣленія конституціонной хартіи, успокоило нѣсколько столицу и убѣдило импера-

тора возвратиться въ Вѣну. Съ возвращеніемъ императора начались новыя волненія, поддерживаемыя и возбуждаемыя венгерцомъ Кошутомъ, который думалъ воспользоваться безурядицами столицы, чтобы вѣрнѣе достигнуть своей цѣли — совершеннаго отдѣленія Венгріи отъ Австріи. Въ провинціяхъ также было неспокойно: отдѣльныя народности объявляютъ свои притязанія на самостоятельность. Въ Богеміи возстали чехи съ намѣреніемъ отдѣлиться отъ Австріи; но комендантъ Пражскій, генералъ Виндишъ-Грецъ, послѣ нѣсколькихъ дней кровопролитія, усмирилъ возстаніе (см. XVIII). Во имя независимости, поднялись и итальянцы Ломбардо-Венеціанскаго королевства. Возстаніе началось въ Миланѣ (18 марта), на помощь которому явился со всѣмъ своимъ войскомъ Сардинскій король Карлъ-Альбертъ, соединившійся съ либералами и мечтавшій о возстановленіи единства Италіи подъ своимъ скипетромъ. При первомъ извѣстіи о возмущеніи, австрійское правительство объявило Ломбардо-Венеціанское королевство на военномъ положеніи и выслало престарѣлаго, опытнаго фельдмаршала, графа Радецкаго. Послѣ четырехдневной уличной битвы фельдмаршалъ долженъ былъ оставить Миланъ и отступилъ въ крѣпкую позицію между Минчіо и Эчемъ, защищенную крѣпостями: Мантуею, Веропою и Пескіэрою; здѣсь онъ ждалъ подкрѣпленій изъ Германіи. Положеніе австрійскаго фальдмаршала было не безопасно; такъ какъ въ тылу его возстала Венеція, въ которой подъ предсѣдательствомъ адвоката Даніила Манина (*) была провозглашена республика; папскія войска, подъ начальствомъ генерала Дурандо, шли на соединеніе съ Карломъ-Альбертомъ; Тосканскій герцогъ также выслалъ свои войска на помощь Сардинскому королю; словомъ, вся Италія, за исключеніемъ только Неаполя, ополчилась для своего освобожденія отъ нѣмцевъ. Весьма много сочувствовала и содѣйствовала этому возстанію Англія въ лицѣ лорда-поджигателя Пальмерстона,

Возстаніе итальянцевъ.

(*) Послѣдній Венеціанскій дожъ.

который посылалъ и деньги и совѣты инсургентамъ. При такихъ средствахъ, дѣйствительно удалось Карлу-Альберту очистить почти всю Ломбардію отъ австрійцевъ, но онъ не умѣлъ воспользоваться успѣхами задуманнаго дѣла. Въ надеждѣ пріобрѣсти Ломбардію путемъ дипломатическимъ, при содѣйствіи въ особенности Пальмерстона, Сардинскій король пропустилъ время и тѣмъ далъ значительно усилиться австрійскому фельдмаршалу въ его позиціи при Веронѣ. 29 мая Радецкій началъ наступательное дѣйствіе, но при Гоито союзники встрѣтили его съ такою рѣшимостію, что онъ долженъ былъ на нѣсколько дней отложить свои намѣренія. Однако эта неудача не остановила дальнѣйшихъ дѣйствій Радецкаго. Вопреки приказаніямъ двора, Радецкій не заключилъ перемирія съ Сардинскимъ королемъ и какъ бы выжидалъ болѣе удобнаго и торжественнаго момента, чтобы однимъ ударомъ разрушить всѣ подвиги враговъ. Дѣйствительно, когда 8 мая въ Миланѣ состоялось присоединеніе Ломбардіи и Венеціи къ Сардинскому королевству, Радецкій, подкрѣпленный корпусомъ генерала Вельдена, перешелъ снова въ наступленіе, и 25 іюня нанесъ Карлу-Альберту рѣшительное пораженіе при Кустоцци. Король удалился въ предѣлы своего государства, покинувъ на произволъ всю Ломбардію. 6-го августа Радецкій вошелъ въ Миланъ, гдѣ и заключилъ перемиріе съ Сардиніею, по которому войска ея должны были очистить Ломбардію и Венецію. Побѣда при Кустоцци возвратила все Ломбардо-Венеціанское королевство подъ власть Австріи, за исключеніемъ Венеціи, которая нѣсколько времени защищала свою республику; но бомбардированіе со стороны суши заставило и ее покориться австрійцамъ.—Въ слѣдующемъ году Карлъ-Альбертъ, пользясь успѣхами венгерцевъ надъ австрійцами въ Трансильваніи, снова объявилъ войну Австріи и вторгнулся въ Ломбардію; но Радецкій однимъ движеніемъ разрушилъ его планы; онъ вторгнулся въ Піэмонтъ и тѣмъ заставилъ Сардинскаго короля возвратиться на защиту родины. Здѣсь, 23 марта, онъ нанесъ такое пораженіе (при Новарѣ), что

Побѣда графа Радецкаго при Кустоцци.

Карлъ-Альбертъ на другой же день отказался отъ престола, отправился въ Португалію и тамъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ скончался. Сынъ и наслѣдникъ его Викторъ-Эммануилъ II (нынѣ царствующій Итальянскій король—Викторъ Эммануилъ I) заключилъ миръ съ Австріею, по которому оба государства остались при своихъ владѣніяхъ, какъ было до войны (statu quo); Сардинія должна была заплатить военныя издержки Австріи (6 августа).

Волненія Венгерцевъ.

Возстаніе Венгріи съ намѣреніемъ отдѣлиться отъ австрійской зависимости поставило правительство въ большія затрудненія, и потребовало не только напряженности всѣхъ ея военныхъ средствъ, но и заставило Франца-Іосифа I искать помощи у императора Всероссійскаго.

Присоединенная къ Австріи въ концѣ XVI в., Венгрія пользовалась уже съ тѣхъ поръ нѣкоторыми правами и привиллегіями; недовольные венгерцы мечтали достигнуть совершеннаго отдѣленія своего отечества отъ австрійской власти и образовать самобытное венгерское королевство, какъ это было въ средніе вѣка. Сосредоточивъ все вниманіе на успокоеніи столицы и подавленіи возстанія въ Ломбардскихъ владѣніяхъ, императоръ Фердинандъ согласился на требованія венгерцовъ и 15 марта (1848) предоставилъ странѣ этой національное правленіе, назначивъ графа Батіани главою венгерскаго министерства, а Кошута министромъ финансовъ. Но венгерцы этими уступками неудовольствовались: объявивъ на сеймѣ всѣ поземельныя собственности, принадлежащія австрійскимъ аристократамъ, возвращенными націи, венгерцы потребовали присоединенія Трансильваніи, учрежденія національнаго венгерскаго банка и отмѣны обязательства венгерскихъ войскъ служить императору внѣ самой Австріи. Фердинандъ не только согласился и на эти требованія, но даже самъ отправился на сеймъ въ Пестъ, чтобы въ присутствіи его подтвердить свое согласіе. Замѣчательно, что венгерцы, не выражая своихъ дальнѣйшихъ требованій, вслѣдъ за этими уступками, сдѣланными имъ императоромъ, подняли знамя

возстанія. Вооруживъ около 200 тыс. гонведовъ (волонтеровъ) и выпустивъ на 42 милліона гульденовъ ассигнацій (извѣстныхъ подъ именемъ «кошутовскихъ билетовъ»), венгерцы умертвили (28 сент.) графа Ламберга (императорскаго палатина) и стали явно подстрекать вѣнскихъ демократовъ для взаимнаго дѣйствія противъ императорскаго правительства. Потому когда кроаты, словаки, сербы, граничары и др. славянскія племена, недовольныя своимъ подчиненіемъ Венгріи, вслѣдствіе уступки въ пользу ея Трансильваніи, выступили подъ предводительствомъ бана Іелачича (въ сент.) противъ венгерцовъ, Вѣнскіе демократы приняли этотъ походъ за нападеніе на нихъ самихъ и произвели новую революцію, извѣстную подъ названіемъ «Октябрскихъ дней».

Октябрскіе дни въ Вѣнѣ.

Жители Вѣны покусились (6 окт.) воспрепятствовать походу войскъ, посланныхъ на помощь бану, и подстрекаемые тайными агентами Кошута, воздвигли баррикады, разграбили арсеналъ и первые открыли огонь по императорскимъ войскамъ, съ сильнѣйшею ненавистью разрушивъ домъ кн. Виндишъ-Греца. Чтобы остановить кровопролитіе на улицахъ, министерство распорядилось выслать войска изъ города, надѣясь, что вліятельныя лица учредительнаго собранія съумѣютъ возстановить спокойствіе. Но едва только войска оставили городъ, какъ вооруженная чернь вломилась въ домъ военнаго министра (Латура) и умертвила его самымъ безчеловѣчнымъ образомъ; другая толпа бросилась на учредительное собраніе и разогнало его. При такихъ обстоятельствахъ, императоръ снова удалился изъ Вѣны и переѣхалъ въ Ольмюцъ. Главное начальство надъ всѣмъ войскомъ (за исключеніемъ только тѣхъ корпусовъ, которые находились подъ командою гр. Радецкаго) ввѣрено было кн. Виндишъ-Грецу, съ неограниченнымъ полномочіемъ для усмиренія и наказанія столицы. Вѣнскіе инсургенты, предводимые Робертомъ Блюмомъ, начали готовиться къ защитѣ и поручили главное начальствованіе польскому генералу Бёму. Не имѣя недостатка ни въ оружіи, ни въ снарядахъ и съѣстныхъ припасахъ, они однако

мало надѣялись на свои силы и съ часу на часъ ждали вооруженной помощи изъ Венгріи. Между тѣмъ императорское войско съ двухъ сторонъ приближалось къ Вѣнѣ: Виндишъ-Грецъ изъ-подъ-Праги, а Іелачичъ съ Венгерской границы. Главноначальствующій предложилъ бунтовщикамъ положить оружіе, а учредительному собранію перейти въ Кремзиръ (близъ Ольмюца). Но тѣ отказались, и такимъ образомъ оружіе должно было рѣшить дѣло. Осада началась 23 октября и среди упорнѣйшаго сопротивленія протянулась до 29 числа. Войска силою вступили въ городъ, и, занявъ его во всѣхъ частяхъ, водворили въ немъ спокойствіе. Виндишъ - Грецъ поступилъ съ побѣжденными весьма великодушно; только главные зачинщики были преданы смертной казни разстрѣляніемъ; въ числѣ ихъ находился и главный возмутитель, Робертъ Блюмъ, казнь котораго надѣлала много шуму среди германскихъ демократовъ, такъ какъ Р. Блюмъ былъ членомъ германскаго парламента; Бёмъ же бѣжалъ въ Венгрію за нѣсколько дней до взятія Вѣны. Во главѣ министерства былъ поставленъ теперь кн. Феликсъ Шварценбергъ. Утомленный такими тревогами, императоръ Фердинандъ отказался отъ престола (2 дек.) и сынъ его брата, Франца - Карла, молодой Францъ - Іосифъ I принялъ корону имперіи. Князь Шварценбергъ началъ свою дѣятельность весьма энергически: онъ распустилъ учредительное собраніе и 4 марта 1849 г. обнародовалъ общее уложеніе для всѣхъ государственныхъ территорій Австріи, уложеніе, которое уничтожало всѣ привиллегіи и сеймы отдѣльныхъ націй имперіи. Новому императору предстояло трудное дѣло — усмирить Венгрію. Сеймъ Венгерскій не только не призналъ перемѣны царствованія, но объявилъ Габсбургско-Лотарингскій домъ лишеннымъ венгерской короны. При такомъ положеніи дѣлъ оставалось оружіемъ положить конецъ возстанію. Послѣ покоренія Вѣны, кн. Виндишъ - Грецъ двинулся въ Венгрію и почти безпрепятственно достигъ Песта. Кошутъ же перебрался въ Дебреченъ и надѣялся тѣмъ увлечь австрійское войско во внутрь

Вступленіе на престолъ Франца-Іосифа I.

Возстаніе Венгріи.

страны, гдѣ оно могло быть истреблено недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ. Большія надежды возлагалъ Кошутъ на поляковъ; потому и начальство надъ войсками онъ поручилъ польскимъ генераламъ: Бёмъ былъ назначенъ главнокомандующимъ въ Трансильваніи; а Дембинскій надъ Тисскою арміею. Послѣдній однако не оправдалъ выбора, и послѣ пораженія, нанесеннаго ему Виндишъ-Грецемъ (при Кацольнѣ 28 фев.), былъ замѣненъ Гергёемъ. Удачныя дѣйствія Гергея и Бема противъ австрійскихъ войскъ, которыя должны были отступить въ Валахію, подстрекнули Кошута на смѣлый шагъ: 14 апрѣля онъ объявилъ Венгрію республикою, а самъ принялъ титулъ диктатора. Но это обстоятельство оскорбило честолюбіе Гёргея, который себѣ приписывалъ весь успѣхъ народнаго дѣла и потому недовольствовался предоставленнымъ ему званіемъ военнаго министра и главнокомандующаго венгерскихъ войскъ. Этотъ моментъ венгерскаго возстанія справедливо считается концемъ успѣшныхъ дѣйствій, такъ какъ 1) съ этихъ поръ начались несогласія между главными агитаторами возстанія и 2) Австрійскій императоръ нашелъ помощь въ Русскомъ Государѣ, который имѣлъ справедливый поводъ вмѣшаться въ венгерскую войну за сближеніе венгерцевъ съ поляками. Въ маѣ, Францъ-Іосифъ прибылъ къ Императору Николаю въ Варшаву, чтобы лично благодарить его за обѣщанную помощь и условиться относительно плана военныхъ дѣйствій. Россія выслала въ Венгрію три корпуса: 1) генерала Лидерса (35 тыс.) въ Валахію; 2) главная армія подъ командою графа Паскевича въ числѣ 130 тыч. двинулась черезъ Карпатскіе проходы въ Венгрію и 3) корпусъ генерала Панютина былъ отправленъ по желѣзной дорогѣ въ Вѣну, чтобы поддержать австрійскую армію, начальство надъ которой послѣ князя Виндишъ-Греца принялъ Гайнау. Союзники скоро овладѣли обоими берегами Дуная; Паскевичъ взялъ Дебреченъ и заставилъ Кошута бѣжать отсюда съ сеймомъ; Гайнау взялъ Офенъ и Пестъ. Къ началу августа, потерявъ надежду на счастливый исходъ задуманнаго дѣла, Ко-

Помощь Россіи и усмиреніе Венгріи.

шутъ сложилъ съ себя диктатуру, передавъ ее Гергею, а самъ бѣжалъ къ войскамъ Бема въ Трансильванію. Новый диктаторъ при первой встрѣчѣ съ русскимъ генераломъ Ридигеромъ при Вилагосѣ (13 августа) со всею своею арміею положилъ оружіе и сдался на капитуляцію. Бемъ бѣжалъ въ Турцію, гдѣ принялъ исламъ; Кошутъ удалился въ Англію, а Гергей получилъ, вслѣдствіе заступничества Россіи, позволеніе поселиться въ Грецѣ. Венгрія дорого поплатилась за свое возстаніе: потерявъ дарованную ей конституцію и другія привиллегіи, она должна была подчиниться общему уложенію, изданному 4 марта 1849 г., и слиться, какъ коронная земля, съ Австрійскою имперіею.

Война 1866 г. (см. выше), лишивъ Австрію первенствующаго мѣста среди германскихъ государствъ, указала ей на слабыя стороны ея прежней политики и принудила приступить къ реформамъ государственнаго строя, которыя она имѣла обыкновеніе обѣщать своимъ народамъ послѣ каждой политической катастрофы, начиная съ 1848 г. Для предупрежденія внутренняго распаденія разноплеменнаго организма Австріи, первымъ министромъ ея, графомъ Бейстомъ, была придумана *система дуализма*, раздѣлившая имперію на двѣ самостоятельныя по управленію половины: *Цислейтанскую* (по сю сторону р. Лейты) или Австрію и *Транслейтанскую* (по ту сторону р. Лейты) или Венгрію, при чемъ центръ тяжести *Австро-Мадьярскаго государства* (какъ справедливо называютъ Австрійскую Имперію) перемѣщенъ съ запада на востокъ.

ГЛАВА XVIII.

Революціонныя движенія у Западныхъ и Южныхъ Славянъ (Панславизмъ).

Славянское племя еще въ незапамятныя времена переселилось въ Европу и заняло въ ней огромное пространство

отъ моря Балтійскаго и Чернаго до Адріатическаго и отъ Волги до Эльбы. Сначала Славяне составляли одно племя и говорили однимъ общимъ языкомъ; но вскорѣ, вслѣдствіе громадности и разнохарактерности занимаемаго ими пространства, вслѣдствіе столкновенія съ другими племенами, они раздѣлились на многія племена, во многомъ отличныя одно отъ другаго. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такого раздѣленія было образованіе отдѣльныхъ славянскихъ нарѣчій, которыя съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе расходились между собою. Раздѣленные на отдѣльные племена, Славяне въ теченіе своей исторіи испытали не одинаковую участь; большинство подпало подъ чужеземное владычество. Все славянское племя, согласно мнѣнію ученыхъ, раздѣляется на семь группъ:

1-я группа — *Русское племя* (до 50,000,000).

2-я группа — *Польское* или *Ляшское племя.*

3-я группа — *Лужицкое* или *Полабское племя* (170,000). Племя это составляли прежде Оботриты и Лютики. Народы эти жили по берегамъ Эльбы, которая по-славянски называлась Лабою, отчего и племена, здѣсь жившія, назывались Полабскими. Въ XII и XIII стол. Германцы начали здѣсь основывать марки, вслѣдствіе чего этотъ край сталъ онѣмечиваться и въ настоящее время на мѣстахъ, занимаемыхъ прежде единственно Славянами, находятся нѣмецкія земли. Главнымъ же народомъ были *Лужичане*, на границахъ нынѣшней Пруссіи и Саксоніи, отъ которыхъ получила названіе и самая группа. Нѣмецкія земли, находящіяся на мѣстѣ занимаемомъ прежде Полабскими Славянами, слѣдующія: Королевства Прусское, Саксонское и Ангальтъ-Цербстъ.

4-я группа — племя *Чехо-Моравское* (4,500,000). Оно живетъ на югъ отъ палабскаго племени и простирается отъ земель прусскихъ до Баваріи. Прежде княжество Моравское было довольно знаменито. Князья Ростиславъ и Святополкъ составляютъ блестящую страницу его исторіи; много потерпѣло княжество Моравское отъ набѣговъ Венгровъ и импе-

раторовъ германскихъ. Арнульфъ Каринтійскій отнялъ у Славянъ лучшія земли; но главное зло причинили Венгры или Угры, которые пришли въ IX столѣтіи и заняли земли славянскія, гдѣ и основали королевство Венгерское. Къ Чехо-Моравскому племени принадлежатъ еще *Чехи*, которые занимаютъ Богемію. Прежде на этомъ мѣстѣ жили Боіи и мѣстность эта называлась *Bojoheim*, т. е. родина Бойевъ.

5-я группа—*племя Болгарское* (6,500,000). Болгаре жили не только между Дунаемъ и Балканами, но и на югъ отъ Балканъ до Адріатическаго моря. Они занимали прежде всю Македонію и Эпиръ; здѣсь они живутъ частію и нынѣ.

6-я группа—племя *Сербо-Хорватское* (1,000,000). Это племя занимаетъ *Верхнюю Мизію* (Moesia Superior), *Далмацію*, *Сѣверную Македонію*, земли къ сѣверу отъ Дуная по рр. Дравѣ и Савѣ до Адріатическаго моря. Къ этому племени относятся кромѣ собственно *Сербовъ* и *Кроатовъ* (Хорватовъ): *Босняки*—къ западу отъ Сербовъ на рѣкѣ Боснѣ, *Черногорцы*—южнѣе и *Герцеговинцы* въ Герцеговинѣ.

7-я группа—племя *Хорутанское* (до 100,000). Оно занимаетъ такъ называемую *Plaga Slavonica*, именно земли: *Каринтію* (древняя — *Noric'a* и *Винделиція*, нынѣшній *Штейермаркъ*). Мѣстныя названія этого имени: *Горяне*, *Доленцы* и *Словенцы*.

Почти всѣ Славянскія племена, за исключеніемъ Славянъ русскихъ, недолго, пользовались политическою независимостью. Болгары и Сербы подпали подъ власть Турокъ; Чехи, Хорваты и Хорутане—подъ власть Нѣмцевъ и вошли въ составъ Австрійской имперіи. Съ конца XVIII вѣка, вслѣдствіе различныхъ политическихъ обстоятельствъ, въ Славянскихъ племенахъ явилось пробужденіе отъ того усыпленія, въ которое они были приведены чужеземнымъ игомъ. Выразилось это пробужденіе сначала въ литературѣ и имѣло различный характеръ у различныхъ національностей. Вслѣдствіе такихъ стремленій Славянъ возникла такъ называемая *Панславянская идея*. Сознаніе слабости отдѣльныхъ племенъ въ борьбѣ съ

угнетателями заставляло Славянъ искать нравственной опоры. Славянскія народности стали ссылаться на громадныя силы цѣлаго славянскаго племени и отъ соединенія этихъ силъ ждать себѣ избавленія.

Сначала у различныхъ народностей появилось стремленіе къ изученію своего прошлаго. Даровитѣйшіе люди обратились къ разработкѣ національной археологіи, языка, исторіи, къ собиранію произведеній народной словесности; въ этомъ отношеніи стремленіе къ возрожденію принесло болѣе всего пользы. Труды ученыхъ этого періода положили основаніе изученію славянства. Вслѣдъ за учеными появились поэты возрожденія и они-то, по преимуществу, выразили идею панславизма. Во главѣ ихъ стоитъ Колларъ, авторъ знаменитой поэмы «Дочь Славы» (Slavy Dcera). Произведеніе это написано звучными и, мѣстами, истинно поэтическими сонетами; въ ея содержаніи выразилось все направленіе школы, проповѣдывавшей всеобщую славянскую любовь и единство; это были или патріотическія элегіи, вызванныя воспоминаніемъ о прежней славѣ, или призывы къ единодушію, или обличенія отступниковъ; дидактизмъ играетъ въ поэмѣ значительную роль. Кромѣ этой поэмы и нѣсколькихъ незначительныхъ стихотвореній, Колларъ издалъ еще брошюру, которая произвела сильное впечатлѣніе въ Славянскомъ мірѣ. Это «о литературной взаимности между различными племенами и нарѣчіями славянскаго народа» (Ueber die literärische Wechselseitigkeit zwischen den verschiedenen Stämmen und Mundarten der Slawischen Nation), написанную на нѣмецкомъ языкѣ и переведенную на всѣ славянскія нарѣчія. Колларъ при всемъ пристрастіи къ славѣ своего племени признается, что настоящіе Славяне—«великаны въ географіяхъ и на картахъ и карлики въ искусствѣ и литературѣ». Причиною этого печальнаго факта были, по его мнѣнію, раздробленіе и недостатокъ единства, и поэтому для утвержденія своихъ народныхъ стремленій Славяне должны соединиться въ литературной взаимности. «Въ наше время, говоритъ онъ, недостаточно быть хоро-

шимъ Русскимъ, горячимъ Полякомъ, совершеннымъ Сербомъ, ученымъ Чехомъ и говорить хотя бы и хорошо, исключительно только по русски, по польски, по чешски. Уже прошли односторонніе дѣтскіе годы славянскаго народа; духъ нынѣшняго славянства налагаетъ на насъ другую высшую обязанность, именно: считать всѣхъ славянъ братьями одной великой семьи и создавать великую всеславянскую литературу...» Для достиженія подобнаго результата Колларъ считалъ необходимымъ взаимное изученіе нарѣчій: онъ объясняетъ, какая опасность грозитъ славянству отъ его раздѣленія и какъ необходимо духовное общеніе литературъ для выполненія исторической задачи славянскаго племени — вести далѣе цивилизацію и просвѣщеніе, послѣ германскихъ и романскихъ народовъ, которые должны теперь уступить свое мѣсто новому свѣжему народу. Конечно средство, предложенное Колларомъ, было слишкомъ механическое и слишкомъ недостаточное, но тѣмъ не менѣе брошюра имѣла огромный успѣхъ, и о «взаимности» заговорили всѣ панславянскіе патріоты, находившіе въ ней успокоеніе противъ всѣхъ бѣдствій славянскаго племени. При такихъ условіяхъ и ожиданіяхъ «Дочь Славы» производила тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе, что ея полуфантастическій характеръ какъ нельзя больше соотвѣтствовалъ тѣмъ ожиданіямъ, которыя одушевляли защитниковъ народности: преувеличеній не замѣчали, потому что они были въ духѣ общаго настроенія; дидактизмъ и растянутость не казались недостатками, потому что читатели впередъ увлеклись самымъ предметомъ. «Дочь Славы» стала надолго поэтическимъ кодексомъ патріотовъ: съ нея открывается цѣлый рядъ поэтическихъ произведеній, повторяющихъ ту же общую тему всеславянской любви и единства, прошедшей и будущей славы.

Такимъ же поэтомъ панславизма былъ Челяковскій; онъ пересаживалъ на чешскую почву народныя пѣсни другихъ славянъ, съ панславянской цѣлью — показать ихъ родство и познакомить народности между собой. Вражда къ Нѣмцамъ

находила себѣ рѣзкое выраженіе у Челяковскаго и другихъ поэтовъ «Юной Чехіи»; это былъ одинъ изъ любимыхъ мотивовъ національной поэзіи: юные чехи вспоминали о старыхъ несправедливостяхъ «враговъ цѣлаго славянства», и пророчили освобожденіе отъ ненавистнаго нѣмецкаго ига. Панславянская поэзія нашла пылкихъ представителей и въ новой иллирской національности. «Иллиры» готовили свое оружіе на другаго врага—на Венгровъ. Такова поэзія Вукотиновича.

Въ 1830-ыхъ и 40-ыхъ годахъ о Панславизмѣ заговорили и европейскіе журналы: неопредѣленное броженіе, обнаружившееся въ славянскихъ земляхъ, показалось цѣлой политической революціей, готовой измѣнить положеніе Европы. Политическіе элементы и дѣйствительно были въ этомъ національномъ броженіи, но тогдашніе политики слишкомъ преувеличили ихъ значеніе. Недоразумѣніе разсѣялось только послѣ событій 1848—49 года. Политическій смыслъ приданъ былъ панславизму еще нѣсколько раньше 30-хъ годовъ. Достаточно вспомнить то положеніе, въ которомъ находились тогда славянскія племена, чтобы видѣть, что мечты о славянскомъ союзѣ были слишкомъ преждевременной фантазіей. Въ двадцатыхъ годахъ славянскій союзъ не представлялъ никакихъ практически-возможныхъ основаній: думать о немъ могли только люди слишкомъ мало знакомые съ положеніемъ вещей. При всемъ томъ мысль о славянскомъ союзѣ была пущена и находила потомъ ревностныхъ прозелитовъ: туманъ, покрывавшій славянскія дѣла, весьма много помогалъ созданію политическихъ фантазій. И тѣ, кто желалъ, и тѣ, кто боялся славянскаго союза, считали его дѣломъ возможнымъ, хотя въ то время и наука еще очень немного знала о томъ, на сколько славянскій міръ представляетъ гарантій единства или союза. Панславизмъ былъ уже названъ въ это время, и хотя съ этимъ словомъ соединялось крайне темное понятіе, но онъ занималъ политическихъ дилеттантовъ. Трактуя о панславизмѣ, такіе дилеттанты понимали—не правильное политиче-

ское развитіе народовъ, а просто только размежеваніе Европы, болѣе или менѣе пріятное для глазъ. Собственно же панславянскія стремленія были порождены потребностями общей защиты славянъ противъ Венгровъ и Нѣмцевъ, въ которыхъ они видѣли своихъ исконныхъ враговъ. Отсюда же возникла и мысль о славянскомъ съѣздѣ, т. е. о собраніи лучшихъ людей отъ всѣхъ племенъ славянскихъ Австрійской имперіи, пользующихся довѣріемъ своего народа, для устройства общими силами общаго дѣла. Эта мысль о славянскомъ съѣздѣ родилась почти одновременно у всѣхъ племенъ славянскихъ: у южныхъ славянъ, словаковъ, чеховъ, поляковъ. Первый печатно заговорилъ о немъ въ журналѣ «Загребскія иллирійскія Новины» Иванъ Кукулевичъ.

«Самымъ удобнымъ и приличнымъ мѣстомъ для славянскаго съѣзда выбрана была единогласно Прага, какъ славянскій городъ, лежащій въ центрѣ славянскаго мѣстожительства. Вслѣдствіе различныхъ требованій, предъявленныхъ разными сторонами, первое собраніе для общаго соглашенія о созваніи славянскаго съѣзда происходило 30 апрѣля 1848 г. въ домѣ г. Герасима Воцэля, издателя «Часописа чешскаго музея». Болѣе двадцати лицъ, большею частію чеховъ и поляковъ, присутствовало на этомъ совѣщаніи, и тутъ же назначили выборныхъ, которымъ поручено было сдѣлать всѣ необходимыя приготовленія для съѣзда. Съ этою цѣлью былъ составленъ комитетъ изъ двѣнадцати лицъ, а въ помощь имъ прибавлено еще пять изъ пражскаго городскаго сословія. Для соблюденія необходимаго порядка при совѣщаніяхъ, избранъ былъ предсѣдателемъ графъ Іосифъ Матвѣй Тунъ; товарищемъ предсѣдателя баронъ Янъ Нейбергскій; дѣлопроизводителемъ Карлъ Владиславъ Запъ и два секретаря. Собранія выборныхъ лицъ отъ 30 апрѣля до 5 мая происходили въ пражской городской бесѣдкѣ, а съ 11 мая—въ домѣ товарища предсѣдателя барона Нейбергскаго, гдѣ учавствовали, кромѣ выборныхъ, и другія лица, сочувствующія этому предпріятію; ихъ число умножалось ежедневно. Цѣлыя общины,

сословія и отдѣльныя лица присылали письма изъ разныхъ краевъ славянскихъ съ заявленіемъ сочувствія, подтверждая намѣренія выбора и представляя ему свои проекты и требованія.

Первымъ рѣшеніемъ предварительнаго комитета было воззваніе (1 мая) ко всѣмъ австрійскимъ славянамъ — собраться къ 31 мая въ Прагу на съѣздъ славянскій; приглашеніе это написано было на чешскомъ, польскомъ, иллирійскомъ, лужицко-сербскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, напечатано было отдѣльными листками и кромѣ того было перепечатано не только въ славянскихъ газетахъ, но и въ вѣдомостяхъ нѣкоторыхъ иностранныхъ періодическихъ изданій. Другое воззваніе (обнародованное 5 мая) обращено было къ неславянскимъ населеніямъ Австрійской имперіи, для успокоенія ихъ относительно цѣлей пражскаго съѣзда. Здѣсь опредѣлительно высказались основныя начала затѣваемаго предпріятія: 1) Славяне намѣрены и положительно рѣшились остаться вѣрными габсбургско-лотарингскому дому, и поддерживать всѣми возможными средствами цѣлость и самостоятельность имперіи; 2) никогда они не имѣли и не будутъ имѣть цѣлью стѣсненіе, или подавленіе другихъ неславянскихъ народностей; напротивъ, они всегда стремились единственно къ тому, чтобъ начало полнаго равенства правъ всѣхъ народностей Австрійской имперіи было надлежащимъ образомъ признано и имѣло практическое примѣненіе; 3) они намѣрены истребовать себѣ права, принадлежащія имъ по законамъ народной и государственной жизни, въ полномъ ихъ объемѣ, закрѣпить ихъ за собою и защищать отъ всякаго чуждаго нападенія, откуда бы оно не пришло. «Желаніе достигнуть этой святой цѣли путемъ прямымъ и мирнымъ, путемъ дружескаго согласія раздѣленныхъ племенъ есть, слѣдовательно, единственная причина задуманнаго славянскаго съѣзда».

Мѣстомъ собраній славянскаго съѣзда предварительный комитетъ назначилъ залу на Софійскомъ Островѣ, владѣлецъ

которой Вацлавъ Новотный, пражскій гражданинъ, съ полною готовностью уступилъ ее для этой цѣли. Выбранные изъ пражскаго городскаго сословія распорядители съѣзда обратились съ просьбою къ своимъ согражданамъ оказать гостепріимство ожидаемымъ на съѣздъ гостямъ, уступивъ имъ часть своихъ домовъ. Городское сословіе съ величайшею готовностью отозвалось исполнить эту просьбу.

Прежде всего распорядители составили программу предметовъ, которые должны быть обсуждены на съѣздѣ.

Въ послѣднихъ числахъ мая съѣхались въ Прагу въ значительномъ числѣ гости—славяне; то были депутаты отъ цѣлыхъ областей, общинъ и сословій (именно изъ Галиціи, Хорватіи и отдѣльныхъ городовъ чешскихъ и моравскихъ), или лица, пріобрѣтшія уже извѣстность своею прежнею патріотическою дѣятельностью и высказаннымъ желаніемъ общаго добра своимъ народамъ. Большая часть депутатовъ юго-славянскихъ, галицкихъ и моравскихъ пріѣхала вмѣстѣ 30 мая; они дружески были встрѣчены чехами-хозяевами, торжественно проводившими ихъ до мѣста, назначеннаго для славянскаго съѣзда на Софійскомъ Островѣ.

Всѣ члены славянскаго съѣзда были раздѣлены на три собранія, или секціи по главнымъ вѣтвямъ славянскихъ народностей Австрійской имперіи: 1) собраніе чеховъ, моравовъ, шлезаковъ и словаковъ; 2) собраніе поляковъ и русиновъ; 3) собраніе словенцовъ, хорватовъ, сербовъ и далматинцевъ (но шлезаки, говорящіе польскимъ языкомъ, присоединились къ польско-русинскому собранію). За тѣмъ 30 мая, на основаніи положенія о порядкѣ занятій, избраны были, для надлежащей организаціи этихъ трехъ секцій, лица, пользующіяся особеннымъ довѣріемъ, которыхъ обязанность состояла въ записываніи и пріемѣ членовъ собраній. Таковыми лицами для польско-русинской секціи были князь Юрій Любомірскій и Маврикій Краинскій; для народа юго-славянскаго: Павелъ Стаматовичъ и баронъ Драгутинъ-Кушлянъ; для народа чешско-славянскаго: Вячеславъ Ганка и Милославъ-

Іосифъ Гурбанъ. Потомъ каждое собраніе избрало особаго предсѣдателя, товарища предсѣдателя, секретаря и его помощника. Въ собраніи юго-славянскомъ предсѣдателемъ былъ избранъ Павелъ Стаматовичъ, протопресвитеръ въ Новомъ Садѣ; въ собраніи польскомъ Карлъ Либельтъ; въ собраніи чешско-славянскомъ Павелъ-Іосифъ Шафарикъ, императорскій библіотекарь въ Прагѣ. Организованныя такимъ образомъ собранія въ первый разъ сошлись утромъ 1 іюня въ чешскомъ музеѣ. Въ этотъ день совѣщались только о дѣлахъ пріуготовительныхъ; въ полдень же избранные, въ полномъ своемъ составѣ, отправились къ земскому президенту Чешской Земли, графу Льву Туну, объявить ему объ открытіи черезъ день славянскаго съѣзда. Потомъ выборные представились князю Іосифу Лобковичу, главному начальнику народной стражи города Праги. Послѣ полудня всѣ вновь собрались для избранія старосты славянскаго съѣзда изъ трехъ предложенныхъ кандидатовъ. Единогласно избранъ былъ Францъ Палацкій, исторіографъ Чешскій.

3 іюня было торжественное открытіе съѣзда и его первое публичное засѣданіе на Софійскомъ Островѣ. Около восьми часовъ утра члены съѣзда и множество гостей собрались въ Чешскій музей, откуда, въ торжественной процессіи, они отправились въ Тынскую церковь, гдѣ, предъ памятникомъ Кирилла и Меѳодія, священникъ Вячеславъ Штольцъ принесъ молитву, соотвѣтствующую этому торжеству. Большая Софійская зала, гдѣ происходило засѣданіе, была убрана великолѣпно, украшена гербами и знаменами всѣхъ славянскихъ народовъ Австрійской имперіи, посреди которыхъ развѣвалось черножелтое императорское знамя. Каждое собраніе сидѣло отдѣльно. Впереди, съ одной стороны, собраніе юго-славянское, съ другой — польско-русинское; за ними, во всю ширину залы, собраніе, самое многочисленное, чешско-словакское.

По болѣзни предсѣдателя предварительной Коммиссіи, графа Матвѣя Туна, засѣданіе открыто было товарищемъ

предсѣдателя барономъ Яномъ Нейбергскимъ. Онъ краткою рѣчью привѣтствовалъ съѣхавшихся въ столицу чеховъ гостей и провозгласилъ съѣздъ австрійскихъ славянъ окончательно установленнымъ. Потомъ, объявилъ имя избраннаго старосты съѣзда, Франца Палацкаго, и что дѣло предварительной Коммиссіи окончено, и что онъ уступаетъ теперь свое мѣсто старостѣ. За нимъ говорилъ староста съѣзда: въ прекрасной рѣчи своей онъ объяснилъ цѣль и великое значеніе этого засѣданія и заключилъ ее словами, что съѣздъ открытъ и начался (*).

Программа занятій съѣзда состояла изъ пяти частей. Первою должны опредѣлиться отношенія австрійскихъ славянъ между собою; второю—отношенія австрійскихъ славянъ къ остальнымъ народностямъ Австрійской имперіи; третьею—отношенія австрійскихъ славянъ къ прочимъ славянамъ; четвертою — отношенія австрійскихъ славянъ къ другимъ европейскимъ народамъ, и, наконецъ, пятою изыскивались средства для приведенія въ исполненіе рѣшеній славянскаго съѣзда.

«Въ отношеніи къ австрійскимъ славянамъ программа, согласно основнымъ принципамъ воззванія 5 мая, предлагала общій союзъ къ сохраненію конституціонной свободы и національныхъ правъ соединенными силами; въ отношеніи же къ прочимъ австрійскимъ народамъ—образованіе Австрійской монархіи, въ смыслѣ федеративнаго государства, основаннаго на равноправности всѣхъ національностей.... Въ отношеніи литературномъ, для увеличенія обмѣна идей между славянами, программа предлагала расширить преподаваніе славянскихъ языковъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ славянскихъ земель, учредить съѣзды славянскихъ ученыхъ, по примѣру нѣмецкихъ, итальянскихъ и другихъ. Въ отношеніи же къ прочимъ европейскимъ народамъ, программа обратила вниманіе на засѣданія франкфуртскаго парламента

(*) Число членовъ съѣзда, считая и послѣ прибывшихъ, было 340.

и протестовала противъ его рѣшеній, клонящихся къ ослабленію въ отдѣльныхъ частяхъ имперіи верховной власти Австрійскаго императора. Въ отношеніи же мѣръ, необходимыхъ для приведенія въ исполненіе опредѣленій славянскаго съѣзда, программа, признавая славянскій съѣздъ собраніемъ частныхъ лицъ, неимѣющимъ ни законодательной, ни исполнительной власти, собраніемъ, созваннымъ по праву конституціи, предоставляющей всѣмъ гражданамъ составлять свободныя общества, однако же считала необходимымъ о всѣхъ опредѣленіяхъ съѣзда представлять чрезъ особую депутацію императору и приводить въ исполненіе Высочайшія санкціи чрезъ законныхъ представителей народа на сеймахъ, предметомъ обсужденія которыхъ были бы исключительно опредѣленія славянскаго съѣзда».

По утру 12 іюня, «собранія» вновь сошлись для совѣщаній, но члены явились въ маломъ числѣ, а потому и совѣщанія имѣли характеръ болѣе частной бесѣды. Такъ какъ разсужденія о главныхъ предметахъ были уже окончены, притомъ члены юго-славянскаго собранія спѣшили возвратиться на родину, гдѣ событія принимали съ каждымъ днемъ болѣе тревожный характеръ, то положено было сдѣлать общее заключительное собраніе славянскаго съѣзда 14 іюня съ тѣмъ, чтобы къ этому дню окончательно приготовлены были два акта: манифестъ къ европейскимъ народамъ и адресъ императору. Дѣйствительно, въ этотъ день былъ прочитанъ и принятъ манифестъ къ европейскимъ народамъ. Совѣщанія собраній окончились около полуночи.

Черезъ нѣсколько минутъ по окончаніи этихъ совѣщаній, вспыхнули несчастныя смуты пражскія, возникшія изъ источниковъ, совершенно чуждыхъ славянскому съѣзду, тѣмъ не менѣе имѣвшія послѣдствіемъ своимъ уничтоженіе общественной жизни въ Прагѣ и отнявшія возможность у славянскаго съѣзда продожать начатое дѣло.

Поводомъ къ нимъ была церковная служба на площади святаго Вячеслава. Пронесся слухъ, что обѣдня эта служитъ

выраженіемъ братскаго соединенія всѣхъ слоевъ пражскаго народонаселенія и народной стражи. Впослѣдствіи ошибочно утверждали, что священная служба была на славянскомъ языкѣ, смѣшавъ ее, безъ сомнѣнія, съ другими предшествующими славянскими службами, совершенными на площади святаго Вячеслава и въ Тынской церкви. Во время этихъ несчастныхъ событій, порожденныхъ пустыми толками, засѣданія славянскаго съѣзда не могли уже болѣе продолжаться; притомъ многіе члены въ это время уже уѣхали изъ Праги; такъ бо́льшая часть польскихъ депутатовъ, хорватскихъ и сербскихъ принуждена была еще послѣ полудня 13 іюня оставить Прагу, вслѣдствіе приказанія главнаго начальника народной стражи князя Лобковича. Остальные члены собраній въ весьма маломъ числѣ сошлись въ послѣдній разъ 16 іюня, въ пятницу утромъ, съ цѣлью продолжать свои занятія, внезапно прерванныя несчастнымъ случаемъ. Но городъ уже объявленъ былъ въ осадномъ положеніи и продолженіе засѣданій съѣзда было уже невозможно. Теперь, разъѣзжаясь, члены объявили съѣздъ отложеннымъ на неопредѣленное время, чтобъ въ болѣе благопріятную пору окончить то, чего нельзя было окончить на первомъ съѣздѣ (*).

Такъ окончился этотъ первый съѣздъ славянскихъ народностей и уже болѣе не повторялся; но панславянская идея продолжаетъ еще жить среди славянъ и по-нынѣ; такъ у насъ въ русской литературѣ существовала и еще теперь существуетъ цѣлая партія, называемая славянофилами, которые все еще проповѣдуютъ о возможности близкаго соединенія всѣхъ славянъ; но не имѣя силы для приведенія въ исполненіе этой цѣли, она остается предметомъ смущенія для западной политической прессы, несмотря на заявленіе русскаго правительства, что оно не имѣетъ ни малѣйшей солидарности съ такъ называемыми панславянскими стремленіями нѣкоторыхъ русскихъ газетъ и журналовъ.

---

*) См. Časopis. Čes. musema.

ГЛАВА XIX.

Крымская война (1853—1856 г.).

Война эта была предпринята Россіею во имя правъ человѣчества и христіанства. Россія вступилась за милліоны своихъ единовѣрцевъ, угнетаемыхъ нетерпимостію и фанатизмомъ турокъ. Фанатизмъ этотъ ложился по преимуществу на православное населеніе Порты вопреки всѣмъ договорамъ, хатти-шерифамъ и фирманамъ, заключеннымъ Турціею съ Россіею. Положеніе турецкихъ христіанъ вообще и тѣмъ болѣе положеніе православныхъ ея подданныхъ было въ высшей степени бѣдственно: называя христіанъ самыми унизительными для человѣческаго достоинства именами райевъ (стадо) и гяуровъ (собака), турецкіе мусульмане обращаются съ ними съ полнѣйшимъ презрѣніемъ: у христіанина нѣтъ собственности: имущество, семья, дѣти, все зависитъ отъ каприза его властелина; молиться христіанинъ можетъ только украдкой; святыня христіанская постоянно оскорбляется турками, которые позволяютъ себѣ закуривать въ храмахъ трубки. Частыя избіенія христіанъ и многіе отдѣльные случаи подали поводъ къ жаркимъ дипломатическимъ переговорамъ представителей иностранныхъ державъ съ Портою. Первоклассныя католическія и протестантскія державы убѣдились въ необходимости заступничества за своихъ единовѣрцевъ. Англія силою угрозъ, представленныхъ портѣ лордомъ Стратфордомъ-Каннингомъ, достигла своей цѣли и въ 1843 г. обезпечила права своему вѣроисповѣданію на востокѣ; Франція вела свои хлопоты еще съ бо̀льшимъ успѣхомъ: она не только доставила своимъ единовѣрцамъ всевозможныя льготы, но и успѣла исторгнуть отъ Турціи фирманъ въ нарушеніи всѣхъ правъ, которыми пользовалась греко-россійская церковь; Австрія въ 1852 г. вступилась за католиковъ Босніи и Герцеговины самымъ энергическимъ образомъ и грозила двинуть

свои войска въ предѣлы Турціи, если Порта отвергнетъ ея требованія. Поддерживаемая искреннимъ и дѣятельнымъ участіемъ нашего посланника въ Константинополѣ, Австрія наконецъ достигла желаемаго успѣха.

Послѣ того, какъ всѣ первоклассныя державы исторгли у Турціи право покровительства своимъ единовѣрцамъ, Россія не могла оставаться равнодушною, въ особенности когда Луи-Наполеонъ, будучи еще президентомъ республики, выговорилъ у Порты католикамъ многія преимущества и льготы въ святыхъ мѣстахъ Іерусалима въ ущербъ христіанъ православныхъ. Императоръ Николай, истощивъ черезъ своихъ посланниковъ при Оттоманской Портѣ всѣ убѣжденія и доводы, напоминавшіе Турціи о заключенныхъ съ Россіею трактатахъ, рѣшился отправить въ Константинополь чрезвычайнаго уполномоченнаго съ письмомъ своимъ къ султану Абдулъ-Меджиду. Князь Меньшиковъ прибылъ въ Константинополь 16 (28) февраля, былъ принятъ султаномъ съ должными почестями и получилъ увѣреніе въ удовлетворительномъ окончаніи возникшихъ вопросовъ. Уполномоченный нашъ требовалъ для христіанъ православной церкви всего того, что Франція и Австрія выговорили для католиковъ и «чтобы составить изъ новаго соглашенія формальный актъ, который бы послужилъ намъ какъ удовлетвореніемъ за прошедшее, такъ и ручательствомъ за будущее» (сказано въ инструкціи, данной кн. Меньшикову). Заключеніе такого формальнаго акта или конвенціи относительно церкви намъ единовѣрной не представляло ничего новаго въ международномъ правѣ, потому 1) другія державы Англія и Франція заключили уже такія конвенціи, и 2) Россія тутъ требовала не болѣе какъ подтвержденія со стороны Турціи прежнихъ трактатовъ, заключенныхъ съ нею съ 1774 года.

Но Порта, побуждаемая иностранными представителями Англіи и Франціи (лордъ Редклифъ и Делакуръ), которые для того поспѣшили изъ отсутствія къ своимъ постамъ, въ Константинополь, — отвергла всякое соглашеніе относительно

обязательнаго договора. Тогда нашъ посолъ, руководимый миролюбивыми намѣреніями Императора, объявилъ, что если Порта приметъ и немедленно подпишетъ *вновь* составленную имъ ноту, то онъ согласится довольствоваться ею. Въ этой нотѣ заключалось подтвержденіе фирмановъ и хатти-шерифовъ, изданныхъ въ разное время правительствомъ султана въ пользу христіанъ и обѣщаніе покровительства и защиты православному исповѣданію; здѣсь же русскій уполномоченный ходатайствовалъ о разрѣшеніи возобновить куполъ надъ храмомъ гроба Господня и о построеніи въ Іерусалимѣ церкви, богадѣльни и госпиталя для русскихъ богомольцевъ. Въ надеждѣ на помощь западныхъ державъ, Решидъ-Паша, европейски образованный министръ иностранныхъ дѣлъ, отвергъ ультиматумъ Меньшикова, послѣ чего нашъ уполномоченный оставилъ Константинополь (9 (21) мая). Несмотря однакожъ на отъѣздъ нашего уполномоченнаго, русскій дворъ все еще поддерживалъ сношенія съ Портою, надѣясь путемъ переговоровъ кончить вопросъ о святыхъ мѣстахъ. Государственный канцлеръ нашъ обратился съ письмомъ къ Решидъ-Пашѣ, предлагая ему обдумать всѣ послѣдствія разрыва съ Россіею, и извѣщая, что если Порта будетъ упорствовать въ отказѣ, то русскія войска займутъ Валахію и Молдавію «въ видѣ залога». Вступленіе Англійскаго и Французскаго флотовъ подъ начальствомъ адмираловъ Гамелена и Дондаса въ Безикскую бухту Дарданельскаго пролива, и отвѣтъ на письмо канцлера Решида-Паши, въ которомъ послѣдній обнаружилъ желанія снять съ Порты всѣ прежнія обязательства по отношенію къ Россіи и ея православнымъ единовѣрцамъ, — побудили Императора Николая прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Далекій отъ помысловъ завоеваній, Императоръ, поддерживая единственно честь и достоинство Россіи, приказалъ кн. Горчакову (Михаилу Дмитріевичу) занять русскими войсками Валахію и Молдавію; причемъ однако въ изданномъ манифестѣ (14 (26) іюня) объявилъ, что занятіе Дунайскихъ княжествъ будетъ только залогомъ возстановленія русскихъ правъ, а циркуляр-

ная депеша гр. Нессельроде къ представителямъ Россіи при иностранныхъ дворахъ подробно излагала весь ходъ нашихъ переговоровъ съ Турціею.

При извѣстіи о занятіи нашими войсками Валахіи и Молдавіи, въ Европѣ стали ходить слухи о завоевательныхъ намѣреніяхъ Россіи, что войска наши уже перешли Дунай и двигаются къ Адріанополю, что мы намѣрены сдѣлать высадку гдѣ нибудь выше Босфора и, осадивъ столицу султана, окончить дѣло рѣшительнымъ ударомъ. Какъ мало было правды въ подобныхъ слухахъ, видно изъ того, что войска наши въ Валахіи и Молдавіи оставались въ бездѣйствіи, имъ запрещено было переходить на правый берегъ Дуная; вообще количество войскъ, присланныхъ въ княжества, было весьма незначительное для исполненія приписываемыхъ намъ завоевательныхъ плановъ: русскій дворъ еще вѣрилъ въ искренность дипломатическихъ переговоровъ, которые все еще продолжались. Быть можетъ подъ вліяніемъ этихъ слуховъ, Австрія предложила намъ свое посредничество. Императоръ, избѣгавшій войны, охотно согласился на предложеніе. Для этой цѣли открылись конференціи въ Вѣнѣ, въ которой приняли участіе также Англія, Франція и Пруссія. Результатомъ этихъ переговоровъ была нота, по которой султанъ обязывался объявить, что онъ согласенъ на всѣ требованія, на которыя Императоръ русскій имѣетъ право на основаніи мирныхъ трактатовъ Кучукъ-Кайнарджійскаго (1774) и Адріанопольскаго (1829) по отношенію покровительства христіанства въ предѣлахъ Порты. Уважая общее стремленіе къ водворенію мира въ Европѣ, Государь немедленно принялъ и этотъ дипломатическій актъ, съ тою, разумѣется, оговоркою, чтобы султанъ принялъ его безъ всякихъ измѣненій. Султанъ, подъ вліяніемъ своего зятя Мехмеда-Али и англійскаго посланника Редклифа, усердно работавшаго въ пользу войны съ Россіею, отвергъ упомянутую ноту и тѣмъ уничтожилъ всѣ усилія дипломаціи не допустить возникшаго разрыва между Турціею и Россіею до войны. Война сдѣлалась неизбѣжною: Франція и Англія,

готовыя уже ранѣе помогать Портѣ, двинули свои флоты въ самыя Дарданеллы (нарушеніе трактата 31 іюля 1841 года); Омеру-пашѣ, главнокомандующему войсками на Дунаѣ, послано отъ Дивана приказаніе пригласить князя Горчакова очистить княжества и начать военныя дѣйствія по истеченіи пятнадцати дней, если онъ получитъ отрицательный отвѣтъ. Турки нарушили и этотъ срокъ и ранѣе объявленнаго ими дня открыли военныя дѣйствія. На этотъ вызовъ Императоръ Николай отвѣчалъ манифестомъ 20 октября (1 ноября 1853 года), въ которомъ было сказано: «Россія вызвана на брань; ей остается, возложивъ упованіе на Бога, прибѣгнуть къ силѣ оружія, дабы понудить Порту къ соблюденію трактатовъ и къ удовлетворенію за тѣ оскорбленія, коими отвѣчала она на самыя умѣренныя Наши требованія и на законную заботливость Нашу о защитѣ на Востокѣ православной вѣры, исповѣдуемой и народомъ русскимъ».

Начиная войну, Россія, неприготовленная къ ней, искала союзниковъ въ Австріи и Пруссіи, державахъ много-обязанныхъ Императору Николаю. Послѣ свиданія нашего Государя съ императоромъ австрійскимъ въ Ольмюцѣ и прусскимъ королемъ — въ Берлинѣ, обѣ державы отклонили отъ себя союзъ съ Россіею и обязались держаться неутралитета, и то съ тѣмъ условіемъ, чтобы русскія войска не переходили Дуная.

Первыя военныя дѣйствія начаты были турками (какъ мы уже сказали, ранѣе опредѣленнаго срока) въ Азіи: Селимъ-паша овладѣлъ фортомъ св. Николая у Чернаго моря. Но зато въ открытомъ полѣ на этой мѣстности войны турки терпѣли сильнѣйшія пораженія: они были разбиты на голову генераломъ Андрониковымъ при Ахалцыхѣ 12 (24 ноября) и княземъ Бебутовымъ при Башъ-Кадыкъ-Ларѣ 19 ноября (1 декабря). На Дунаѣ же не произошло ничего рѣшительнаго, такъ какъ Омеръ-паша (*) избѣгалъ открытыхъ сра-

(*) Ренегатъ Михаилъ Латосъ, уроженецъ Кроаціи (славянинъ). Онъ родился 1808 году и принадлежалъ къ католическому исповѣданію; въ

женій, несмотря на то, что въ его распоряженіи находилось около 133 тыс. войска; всѣ подвиги ренегата-паши ограничились только занятіемъ двухъ пунктовъ на лѣвомъ берегу Дуная (Ольтеницъ и Калафатъ). Завладѣвъ фортомъ св. Николая и перенеся войну въ армянскую область, Турція выслала въ Черное море значительную эскадру подъ начальствомъ Османа-паши, чтобы перевезти въ Азію транспорты оружія, войска и съѣстныхъ припасовъ; по случаю ненастной погоды флотилія укрылась въ Синопскую гавань. Здѣсь вице-адмиралъ Нахимовъ напалъ на Османъ-пашу и послѣ непродолжительнаго боя истребилъ турецкій флотъ 16 (28) ноября (Османъ-паша, тяжело-раненый, былъ взятъ въ плѣнъ). Синопская побѣда растравила еще сильнѣе желчное чувство вражды къ намъ въ западныхъ державахъ: 22 декабря 1853 г. (3 января 1854 г.) союзные флоты вошли въ Черное море. Императорскій кабинетъ просилъ письменнаго объясненія по этому обстоятельству. Франція и Англія отвѣчали, что эскадры ихъ вступили въ Черное море для того, чтобы прикрывать турецкіе суда и прекратить свободное плаваніе русскому флагу. При такомъ явномъ переходѣ Англіи и Франціи на сторону султана, Императоръ вызвалъ своихъ пословъ и прекратилъ дипломатическія сношенія съ Тюильрійскимъ и Сенъ-Джемскимъ кабинетами. Тутъ обнаружилась настоящая политика Франціи и Англіи, политика заранѣе предпринятая и ловко обдуманная; оказалось, что переговоры на Вѣнской конференціи велись только для того, чтобы выиграть потребное для приготовленій къ войнѣ время, а вовсе не для мирныхъ соглашеній: Англія съ Пальмерстономъ злобствовала на насъ за успѣхи въ распространеніи нашихъ владѣній въ Азіи; Наполеону III, послѣ его coup d'état, нуженъ былъ подвигъ, слава, блескъ, которые бы могли ослѣпить французовъ и заставить ихъ забыть объ утраченной свободѣ; при

1828 году бѣжалъ въ Боснію, принялъ магометанство, и впослѣдствіи получилъ титулъ Омера-паши.

такихъ условіяхъ война съ Россіею, главною виновницею паденія первой Французской имперіи, являлась сильнымъ ручательствомъ за прочность для второй имперіи Луи-Наполеона. — Эта непріятность къ Россіи со стороны Англіи и Франціи приводила всѣ остальные Европейскіе кабинеты въ какое-то недоумѣніе; опасались обще-европейской войны. Недоумѣніе продолжалось не долго; оно разсѣялось и дѣло выяснилось послѣ письма императора Наполеона къ Императору Всероссійскому; напечатанное въ Монитерѣ ранѣе полученія его въ Петербургѣ, оно было написано въ такомъ тонѣ, что примиреніе дѣлалось невозможнымъ (*); Наполеонъ требовалъ, чтобы мы очистили Дунайскія княжества; предлагая возобновить мирныя сношенія, онъ присоединялъ къ предложенію обвиненіе и угрозу за пораженіе турецкаго флота при Синопѣ. Отвѣтъ Императора Николая, напечатанный въ нашихъ газетахъ, тоже ранѣе полученія его въ Парижѣ, былъ исполненъ достоинства. Въ немъ между прочимъ сказано: «когда Ваше Величество, недовольствуясь быть зрителемъ или даже посредникомъ, пожелали быть вооруженнымъ пособникомъ враговъ моихъ, тогда, государь, было бы гораздо прямѣе и достойнѣе васъ предварить меня о томъ откровенно, объявивъ мнѣ войну». Далѣе говорилось: «пусть вашъ флотъ ограничится удержаніемъ турокъ отъ доставленія новыхъ силъ на театръ войны, я охотно отвѣчаю, что имъ нечего будетъ страшиться моихъ нападеній. Пусть они пришлютъ мнѣ уполномоченнаго для переговоровъ; я приму его съ надлежащимъ приличіемъ. Условія мои извѣстны въ Вѣнѣ. Вотъ единственное основаніе, на которомъ мнѣ позволено вести переговоры».

9 февраля послѣдовалъ Высочайшій манифестъ о войнѣ съ Англіею и Франціею; а 28 марта (1854) послѣдовало

(*) Письмо это можно найти въ соч. Е. Ковалевскаго: «Война съ Турціею и разрывъ съ западными державами,» въ приложеніяхъ подъ № 8. Тамъ же помѣщенъ и отвѣтъ Императора Николая I.

объявленіе войны со стороны Франціи и Англіи. Англійское войско подъ начальствомъ Раглана и французское подъ начальствомъ маршала Сентъ-Арно высадились у Галлиполи; а флотъ союзниковъ вступилъ изъ Босфора въ Черное море и 10 (22) апрѣля бомбардировалъ Одессу, при оборонѣ которой отличился молодой артиллерійскій офицеръ Щеголевъ. Послѣ этого Императоръ Николай отдалъ приказаніе графу Паскевичу, принявшему главное начальство надъ Дунайскою арміею, перейти Дунай и осадить Силистрію. Встревоженная переходомъ русскихъ войскъ за Дунай, Австрія вышла изъ своего безразличнаго положенія и послѣ переговоровъ съ Портою отправила значительную армію въ Трансильванію, направившуюся для занятія Дунайскихъ княжествъ. Это вмѣшательство Австріи въ войну имѣло результатомъ своимъ то, что войска наши, не безопасныя съ тылу, должны были снять осаду Силистріи и отойти за Прутъ. Въ это же время Англо-французская флотилія, подъ начальствомъ Пенира, показалась въ Балтійскомъ морѣ; но подвиги ея ограничились здѣсь только плѣненіемъ купеческихъ судовъ, сожженіемъ запасовъ лѣса на финляндскихъ берегахъ, да разрушеніемъ укрѣпленныхъ казармъ на Бомарзундѣ, одномъ изъ Аландскихъ острововъ. Совершенно такой же характеръ имѣли дѣйствія англійскаго флота на Бѣломъ морѣ и въ Камчаткѣ.

Послѣ занятія австрійцами дунайскихъ княжествъ, бывшихъ доселѣ главнымъ театромъ войны и послѣ оказавшейся невозможности для англо-французскихъ войскъ проникнуть въ сѣверномъ направленіи въ предѣлы Россіи, въ Варнѣ былъ собранъ военный совѣтъ для рѣшенія вопроса, съ какой стороны начать наступательное движеніе: со стороны ли Завкавказья или Крыма? Первый планъ предложили англійскіе военачальники, разсчитывая такимъ нападеніемъ отрѣзать Россію отъ Персіи. Второй планъ принадлежалъ французскому маршалу Сентъ-Арно, который предлагалъ осадить военную гавань Севастополь; съ мнѣніемъ его согла-

сился и Рагланъ, такъ какъ истребленіе русскаго флота на Черномъ морѣ было главною цѣлью англійской политики.

Союзное войско, доходившее до 62 тыс., высадилось 1 (13) сент. у Евпаторіи. Чтобы воспрепятствовать дальнѣйшему ихъ движенію, князь Меньшиковъ занялъ 30 тыс. войскомъ крѣпкую позицію при р. Альмѣ, надѣясь задержать здѣсь непріятеля до тѣхъ поръ, пока не подоспѣетъ къ нему подкрѣпленіе. До 8 (20) сент. онъ отстаивалъ свою позицію; но когда французскія войска (зуавы), подъ начальствомъ генерала Боскэ, обошли его лѣвое крыло, Меньшиковъ долженъ былъ отступить. Потопивъ корабли и фрегаты въ Севастопольской бухтѣ и оставивъ гарнизонъ въ севастопольской крѣпости, онъ двинулся на сѣверъ, чтобы сохранить связь съ Перекопомъ и остальною Россіею. Это движеніе нашихъ войскъ къ Перекопу облегчило непріятелямъ занятіе выгодной позиціи, прикрытой со стороны суши долиною рѣки Черной, а съ юга имѣвшей посредствомъ Балаклавской бухты непосредственную связь съ ихъ флотами. Отсюда Сентъ-Арно думалъ повести осаду Севастополя; но болѣзнь принудила его сдать главное начальство генералу Капроберу, подъ командою котораго и началась знаменитая въ исторіи военнаго искусства осада Севастополя. Оборона Севастополя не менѣе замѣчательна. Инженеръ нашъ Тодтлебенъ, возвысившійся во время осады до званія генералъ-адъютанта, укрѣпилъ южную сторону шанцами и окружилъ съ необычайною скоростью городъ такими укрѣпленіями, которыя могли быть взяты не иначе, какъ по всѣмъ правиламъ военнаго искусства. Бомбардированіе, открытое союзниками (5 (17) окт.) со стороны суши и моря, не причинило никакого вреда крѣпости. Къ сожалѣнію, въ этой борьбѣ русскіе потеряли храбраго генерала Корнилова. Въ то же время наши войска не переставали дѣйствовать наступательно и дѣлали нападенія на непріятеля и внѣ города. Такъ Липранди разбилъ англичанъ при Балаклавѣ 13 (25) окт.; а Данненбергъ напалъ на англичанъ при Инкерманѣ 24 окт. (5 ноября); онъ успѣлъ уже ворваться

въ самый ихъ лагерь, но появленіе генерала Боскэ на помощь союзникамъ разстроило его планъ и заставило отступить, между тѣмъ, какъ русскія войска, на подмогу которыхъ разсчитывалъ Данненбергъ, опоздали своимъ прибытіемъ. Наступившая зима прекратила на время военныя дѣйствія (до янв. 1855), чему помогла и дипломатія, но ея стремленія примирить враждующія стороны не только не привели къ желаемому успѣху, но еще увеличили число враговъ Россіи: въ январѣ 1855 г. Сардинія приступила къ союзу западныхъ державъ. Сардинскій король отправилъ въ Крымъ 15 тыс. отборнаго войска подъ начальствомъ генерала Ламарморы, такъ что вмѣстѣ съ прибывшими подкрѣпленіями изъ Франціи и Англіи, къ январю 1855 подъ Севастополемъ количество союзныхъ войскъ возрасло до слѣдующихъ цифръ: французскаго войска—100 тыс., англійскаго—32 тыс., турецкаго—28 тыс. и сардинскаго—15 тыс.; всего 175 тыс. Русскій генералъ Врангель сдѣлалъ нападеніе на Турокъ 5 (17) февр., но неимѣлъ успѣха. Это извѣстіе было послѣднимъ, которое получилъ съ театра войны Императоръ Николай. Онъ скончался 18 февраля (2 марта) 1855 г. отъ паралича въ легкихъ.

Преемникъ его, нынѣ благополучно царствующій Императоръ Александръ II, несмотря на все свое миролюбіе, для поддержанія народной чести, продолжалъ войну съ напряженіемъ всѣхъ силъ. На мѣсто кн. Меньшикова, главнокомандующимъ войсками въ Крыму былъ назначенъ кн. Горчаковъ, а на мѣсто Реада, который командовалъ въ Закавказьи послѣ выхода въ отставку кн. Воронцова, поставленъ былъ генералъ Муравьевъ. Осада и оборона Севастополя возобновилась съ удвоенными силами 25 марта (6 апрѣля). Двухнедѣльное бомбардированіе города и на этотъ разъ не имѣло успѣха, благодаря инженерному искусству Тотлебена, который сооружалъ такія препятствія осаднымъ работамъ французскаго генерала Ніэля, что осада становилась съ каждымъ днемъ затруднительнѣе и кровопролитнѣе. Вслѣдствіе этого

Капроберь былъ смѣненъ и сдалъ начальство генералу Пелисье; флоты же союзниковъ получили приказаніе обратить свои силы на незащищенныя мѣстности: они вступили въ Азовское море, сожгли нѣсколько приморскихъ городовъ съ заготовленными запасами хлѣба и до основанія разрушили Керчь, разграбивъ при этомъ городской музей древностей; съ такою же цѣлью и съ такими же результатами снова появились и дѣйствовали флотиліи союзниковъ въ Балтійскомъ и Камчатскомъ моряхъ. Такъ напр. всѣ военные подвиги Дондаса, назначеннаго на мѣсто Чарлса Неппра, ограничились въ Балтійскомъ морѣ сожженіемъ нѣсколькихъ домовъ и магазиновъ въ Свеаборгѣ.

6 (18) іюня, въ день Ватерлоосскаго сраженія, Пелисье сдѣлалъ второй приступъ къ Севастополю со всѣми силами, но и на этотъ разъ союзники не имѣли успѣха и понесли значительныя потери (*). Несмотря на ежедневныя битвы и огромную убыль войска по причинѣ распространившейся холеры, союзники подвигали свои траншеи и мины все ближе и ближе къ крѣпости. Чтобы помѣшать непріятельскимъ работамъ, кн. Горчаковъ повелъ атаку на позицію союзниковъ съ Черной рѣчки подъ начальствомъ генераловъ Реада и Липранди. Смерть генерала Реада, пораженнаго пулею, произвела разстройство въ войскѣ и помѣшала успѣху битвы, въ началѣ которой перевѣсъ былъ на нашей сторонѣ 4-го (16) авг. На другой день послѣ сраженія при Черной рѣчкѣ, Пелисье снова открылъ бомбардированіе крѣпости. Съ этого момента, въ теченіи 20 дней почти не прекращался непріятельскій огонь: цѣлыя тучи бомбъ, гранатъ и ядеръ были пущены въ городъ и причинили столько поврежденій въ крѣпости, что кн. Горчаковъ убѣдился въ невозможности удержать городъ въ случаѣ новаго приступа. Подведя мины подъ всѣ укрѣпленія, чтобы ничего не оставлять побѣдившему не-

(*) Во время этого приступа былъ убитъ адмиралъ Нахимовъ 29 іюня (11 іюля) 1855 года.

пріятелю, главнокомандующій распорядился, для удобнѣйшаго перехода нашихъ войскъ на сѣверную сторону Севастополя, построить пловучій мостъ. Дѣйствительно 27 августа (8 сентября) въ 12 часовъ дня, союзники прекратили канонаду, начали приступъ, направленный преимущественно на Малаховъ курганъ, и послѣ упорнаго сопротивленія завладѣли имъ; (между тѣмъ, какъ нападеніе англичанъ на Редантъ было отбито русскими). Съ паденіемъ Малахова кургана, палъ и Севастополь. Покинувъ ночью южную часть города, Горчаковъ отдалъ приказаніе войскамъ перейти въ сѣверную часть по построенному черезъ бухту пловучему мосту; послѣ чего мостъ былъ уничтоженъ, корабли затоплены въ бухтѣ, а всѣ укрѣпленія взорваны на воздухъ. Такъ кончилась осада Севастополя. Взятіе этой крѣпости не доставило никакихъ значительныхъ выгодъ союзникамъ, кромѣ чести побѣды, потому что кн. Горчаковъ удержался въ неприступной позиціи на сѣверной сторонѣ Севастополя.

Въ это время дѣла наши на Азіатскомъ театрѣ войны шли чрезвычайно успѣшно: Муравьевъ принудилъ Васифа-пашу сдать крѣпость Карсъ 15 (27 ноября).

Паденіе Севастополя и взятіе Карса имѣли огромное вліяніе на окончаніе войны и заключеніе міра. Какъ Наполеонъ III, довольный успѣхами своихъ войскъ въ Крыму, такъ и Императоръ Александръ II, вознагражденный за Севастополь взятіемъ Карса, согласились на мирные переговоры. Они открылись на конгрессѣ, собравшемся въ Парижѣ— въ февралѣ 1856 г. Предсѣдательствовалъ французскій министръ иностранныхъ дѣлъ гр. Валевскій; Россія послала на конгрессъ гр. Орлова, Австрія — гр. Буоля, Сардинія — Кавура, Англія — лорда Кларендона, Порта — Али-пашу; тутъ также присутствовали и посланники участвовавшихъ въ конгрессѣ державъ; потомъ, когда на совѣщаніяхъ зашла рѣчь объ измѣненіи существующихъ трактатовъ, — Пруссія также прислала своего уполномоченнаго—графа Мантейфеля.

Результатомъ конгресса былъ Парижскій миръ, подписан-

ный 18 (30) марта 1856 г. Условія его—слѣдующія: 1) Россія отказалась отъ устьевъ Дуная и небольшой части Бессарабіи и возвратила Карсъ, получивъ обратно разрушенный Севастополь и другіе занятые союзными войсками пункты. 2) Она обязалась не заводить никакихъ морскихъ арсеналовъ на Черномъ морѣ и содержать на немъ число военныхъ кораблей, не болѣе Турціи. 3) Порта, сохраненіе цѣлости которой было признано всѣми, обязалась уравнять христіанъ въ правахъ съ мусульманами и обѣщать реформы, которыя придали бы ей болѣе европейскій характеръ. 4) Дунайскія княжества и христіане на востокѣ, бывшія до сихъ поръ подъ исключительнымъ покровительствомъ Россіи, долженствовали впредь состоять подъ общимъ протекторствомъ великихъ державъ и 5) судоходство по Дунаю объявлялось свободнымъ.

Россія вынесла изъ Крымской войны осязательное сознаніе собственныхъ недостатковъ, которыя замѣчены были какъ въ военныхъ учрежденіяхъ, такъ и въ гражданскомъ порядкѣ, и потому вся внутренняя дѣятельность нынѣ благополучно царствующаго Императора Александра II направилась на устраненіе этихъ недостатковъ посредствомъ коренныхъ реформъ (см. гл. XX).

«Война эта указала намъ наши слабыя стороны. Обновленная внутреннею жизнію, Россія стала сильнѣе и сила ея сплотилась, окрѣпла, сдѣлалась надежнѣе, чѣмъ была прежде».

Вскорѣ послѣ окончанія Крымской войны, владѣнія Россіи значительно расширились пріобрѣтеніемъ Приамурскаго края (1858) и окончательнымъ покореніемъ восточной части Кавказа (1859) и западной части въ 1864 году. Взятіе Гуниба и плѣненіе Шамиля княземъ Барятинскимъ положило конецъ этой полу-вѣковой борьбѣ нашей съ горцами кавказскаго и Закавказскаго края (*).

(*) Начало кавказской войны относится къ концу XVIII ст.; когда Грузинское царство вступило въ подданство Россіи, кавказскій хребетъ очутился между русскими владѣніями.

ГЛАВА XX.

Реформы Императора Александра II.

Нынѣшнее благополучное царствованіе замѣчательно рядомъ реформъ, которыя коренным образомъ измѣнили гражданскій бытъ русскаго народа.

Первое мѣсто въ ряду этихъ реформъ безспорно принадлежитъ *отмѣнѣ крѣпостнаго состоянія.* Отмѣна крѣпостнаго состоянія.

Благодаря ей, двадцать слишкомъ милліоновъ крѣпостнымъ крестьянъ сдѣлались полноправными гражданами и вызваны къ новой жизни.

Предшествовавшія царствованія не оставались также чуждыми къ вопросу объ отношеніяхъ крѣпостныхъ крестьянъ къ ихъ помѣщикамъ. Такъ Императоръ Александръ I издалъ постановленіе «о свободныхъ хлѣбопашцахъ», а Николай I — постановленіе объ «обязанныхъ крестьянахъ». Но, къ сожалѣнію, обѣ мѣры были мѣрами палліативными и большаго распространенія не получили.

До обнародованія положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, вопросъ объ этой реформѣ предварительно обсуждался въ губернскихъ комитетахъ, членами которыхъ были лица избранныя дворянскимъ обществомъ каждой губерніи; затѣмъ всѣ предположенія были соглашены и сведены въ систему въ главномъ комитетѣ. То, что было выработано въ главномъ комитетѣ, окончательно уже разсматривалось въ Государственномъ Совѣтѣ.

19 февраля 1861 года обнародованъ былъ манифестъ объ отмѣнѣ крѣпостнаго состоянія. Въ силу его, крѣпостные крестьяне на вѣчныя времена освобождены отъ прежней крѣпостной зависимости и имъ даны права свободныхъ земскихъ обывателей. Помѣщики сохранили право собственности на всѣ принадлежащія имъ земли, но вмѣстѣ съ тѣмъ они обязывались уступить крестьянамъ ихъ усадебную осѣдлость и

*

извѣстное количество пахатной земли. За этотъ поземельный надѣлъ, крестьяне въ продолженіи извѣстнаго срока обязаны исполнять относительно помѣщика опредѣленныя повинности.

Но если крестьяне пожелаютъ, то имъ предоставляется право выкупить ихъ усадебную осѣдлость. Съ выкупомъ прекращаются вполнѣ всѣ обязанности ихъ по отношенію къ помѣщикамъ.

Дворовые люди черезъ 2 года послѣ изданія манифеста получаютъ полное освобожденіе. Вотъ главныя черты великой реформы.

Правительство, находя что такая многосложная реформа, какъ крестьянская, не можетъ быстро осуществиться, опредѣлило на приведеніе ея въ дѣйствіе 2-лѣтній срокъ. Въ теченіи этого времени въ каждой губерніи должны были открыться «Губернскія по крестьянскихъ дѣламъ присутствія»; этимъ присутствіямъ ввѣрялось главное завѣдываніе дѣлами крестьянскихъ обществъ. Разбирательство же всѣхъ могущихъ возникнуть споровъ между помѣщиками и крестьянами поручалось выборнымъ лицамъ «мировымъ посредникамъ».

Изъ мировыхъ посредниковъ составились въ каждомъ уѣздѣ мировые съѣзды.

Затѣмъ, новыя сельскія общества образовали изъ себя волости. Дѣлами волости завѣдуетъ волостное правленіе, при которомъ открываются и волостные суды.

Въ теченіи 2-лѣтняго срока составляются, повѣряются и утверждаются по каждому сельскому обществу или имѣнію «уставныя грамоты», въ которыхъ съ точностью должно быть опредѣлено количество земли отходящей къ крестьянамъ и также и повинностей причитающихся на долю помѣщика.

Отмѣна виннаго откупа.

Суммы, получавшіяся отъ отдачи на откупъ права продажи питей, составляли всегда одинъ изъ главныхъ источниковъ государственныхъ доходовъ. Правительство получало доходъ этотъ, отдавая въ Великороссійскихъ губерніяхъ на откупъ право продажи напитковъ, а въ западныхъ губерніяхъ не только самое право продажи, но и право взиманія акциза

съ винокуренія. Время убѣдило правительство, что система откуповъ крайне неудовлетворительна и весьма тяжело ложится на народъ, такъ какъ при отсутствіи конкуренціи отъ откупщика зависѣло и назначеніе произвольныхъ цѣнъ за напитки и самое ихъ качество.

Вслѣдствіе этого указомъ 4-го іюля 1861 года повелѣно: съ января 1863 года ввести въ дѣйствіе *акцизную систему* взиманія питейнаго сбора съ совершеннымъ устраненіемъ откуповъ. По этой системѣ доходъ съ питей въ пользу казны получается въ видѣ: а) акциза со всего количества питей, производимыхъ на заводахъ и б) патентнаго сбора, взимаемаго при выдачѣ патентовъ на право *производства* напитковъ или на право *торговли* ими. Акцизу подлежатъ: спиртъ и вино, выдѣланные изъ хлѣба, картофеля, свекловицы и сарго; водки, выдѣланныя изъ виноградныхъ винъ, винограда, фруктовъ и свеклосахарныхъ остатковъ; портеръ, пиво и медъ, приготовленные въ Россіи, и брага, приготовляемая на особо устроенныхъ заводахъ. Не подлежатъ акцизу: спиртовые напитки, выдѣланные изъ спирта и вина уже оплаченнаго акцизомъ, таковы: спиртъ, приготовленный для освѣщенія, спиртъ и вино, вывозимые за границу, виноградныя вина, уксусъ и медовый квасъ. Патентный сборъ различенъ. Онъ раздѣляется на три разряда, размѣры которыхъ зависятъ отъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ взиманіе происходитъ.

Отмѣна тѣлесныхъ наказаній.

Большинство ученыхъ юристовъ давно уже признало, что тѣлесныя наказанія не только не достигали цѣлей, съ которыми они установлялись законодателями, но даже производили положительный вредъ. Будучи оставлены въ послѣднее время исключительно для низшихъ слоевъ общества, онѣ препятствуютъ развитію въ этихъ слояхъ понятія о личномъ достоинствѣ человѣка; нисколько не дѣйствуя исправительно, а скорѣе, озлобляя преступника дѣйствіемъ физической боли, даютъ возможность нравственной порчѣ глубже и глубже проникать въ душу преступника. Наконецъ въ виду того, что наказанія эти выпадаютъ только на долю нѣкоторыхъ

слоевъ общества, онѣ нарушаютъ тѣмъ коренной принципъ правосудія — равенства всѣхъ лицъ и сословій передъ закономъ.

Отсюда видно, какое важное значеніе въ ряду реформъ имѣетъ указъ 17-го апрѣля 1863 года объ измѣненіи системы наказаній уголовныхъ и исправительныхъ.

Указомъ этимъ тѣлесное наказаніе (плеть, наложеніе клеймъ), связанное обыкновенно съ ссылкою въ каторжную работу, какъ наказаніе дополнительное, отмѣнено навсегда. Розги оставлены только въ видѣ замѣны въ крайнихъ случаяхъ тюремнаго заключенія. Женщины совершенно изъяты отъ тѣлеснаго наказанія. Въ виду возвышенія нравственнаго духа нижнихъ чиновъ арміи и флота отмѣнено также наказаніе шпицрутенами и кошками.

Новые судебные уставы.

Новые судебные уставы занимаютъ въ ряду реформъ нынѣшняго царствованія одно изъ первыхъ мѣстъ. Производство дѣлъ въ старыхъ судахъ было главнымъ образомъ основано на формальностяхъ и на процедурѣ письменной; отличительное же свойство новаго суда — устность и гласность. Неудовлетворительность стараго судебнаго порядка обратила на себя вниманіе правительства еще въ 1848 году. Покойный Императоръ Николай I-й поручилъ стат.-секретарю гр. Д. Н. Блудову составить записку о тѣхъ недостаткахъ въ гражданскомъ судопроизводствѣ, причиною которыхъ была иногда чрезвычайная медленность въ теченіи самыхъ дѣлъ. Записка была составлена и вслѣдъ за тѣмъ на Второе Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи была возложена обязанность составить новый проектъ устава гражданскаго судопроизводства.

Нынѣ-царствующій Государь-Императоръ, находя необходимымъ кореннымъ образомъ переобразовать судебный порядокъ, въ 1861 году возложилъ на Государственную Канцелярію и нѣкоторыхъ лицъ судебнаго вѣдомства составленіе тѣхъ основныхъ положеній, которыя должны служить краеугольнымъ камнемъ для всей будущей судебной реформы.

«Основныя положенія преобразованія судебной части въ Россіи» по разсмотрѣніи ихъ въ соединенныхъ Департаментахъ Государственнаго Совѣта, были утверждены Государемъ Императоромъ 29 сентября 1862 года. Затѣмъ при Государственной Канцеляріи была учреждена особая коммиссія для разработки основныхъ положеній. Коммисія раздѣлилась на три особыхъ отдѣла: а) отдѣлъ судоустройства, б) уголовнаго судопроизводства и в) гражданскаго судопроизводства.

Для болѣе успѣшнаго выполненія своего дѣла, коммиссія обратилась съ просьбою о доставленіи соображеній ко всѣмъ лицамъ судебнаго вѣдомства, которымъ могли быть хорошо знакомы мѣстныя условія различныхъ губерній Россіи; обратилась съ тѣмъ же къ професорамъ юридическихъ наукъ и наконецъ напечатала въ газетахъ приглашеніе объ оказаніи содѣйствія ея работамъ со стороны всѣхъ лицъ заинтересованныхъ дѣломъ судебной реформы. Всѣ присланныя соображенія тщательно разсматривались и изъ нихъ составился «сводъ замѣчаній и предположеній на статьи основныхъ положеній». Кромѣ этого собраны были необходимыя статистическія свѣдѣнія для приведенія самой реформы въ дѣйствіе.

Въ началѣ 1864 года коммисія представила на обсужденіе Государственнаго Совѣта три проекта: а) учрежденія судебныхъ мѣстъ, б) уставъ уголовнаго судопроизводства и в) уставъ гражданскаго судопроизводства.

Министръ Юстиціи, главноуправляющій Вторымъ Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи и другіе министры въ то же время представили въ Государственный Совѣтъ свои замѣчанія на проекты, составленные коммисіею. Соединенные департаменты Государственнаго Совѣта, разсмотрѣвъ проекты, возвратили ихъ въ коммиссію для исправленія и затѣмъ исправленные проекты были разсмотрѣны еще въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта.

20 ноября 1864 года проекты были утверждены Государемъ Императоромъ, а 17 апрѣля 1866 года былъ открытъ С.-Петербургскій судебный округъ и вслѣдъ затѣмъ и Мо-

сковскій. На основаніи судебныхъ уставовъ 1864 г. власть судебная принадлежитъ — мировымъ судьямъ, съѣздамъ мировыхъ судей, окружнымъ судамъ, судебнымъ палатамъ и Правительствующему Сенату въ качествѣ верховнаго кассаціоннаго суда.

Мировой судья есть власть единоличная; съѣзды мировыхъ судей, окружные суды, судебныя палаты и Сенатъ — учрежденія коллегіальныя. Власть мироваго судьи, съѣзда, окружнаго суда и судебной палаты ограничивается особыми участками и округами. Власть Сената распространяется на всю Имперію.

Въ качествѣ обвинителей по уголовнымъ дѣламъ, при судебныхъ мѣстахъ, состоятъ оберъ-прокуроры, прокуроры и ихъ товарищи. Эти лица, въ случаяхъ закономъ опредѣленныхъ, даютъ свое заключеніе и по дѣламъ гражданскимъ. Для занятія дѣлами, по избранію и порученію тяжущихся и обвиняемыхъ, при судебныхъ мѣстахъ, состоятъ «присяжные повѣренные». Эти лица въ чертѣ округа каждой судебной палаты избираютъ изъ среды себя совѣтъ, состоящій изъ 5-ти до 15-ти членовъ. Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ главнымъ образомъ занимается разсмотрѣніемъ прошеній лицъ, желающихъ вступить въ присяжные повѣренные, наблюдаетъ за точнымъ исполненіемъ присяжными повѣренными ихъ обязанностей, разбираетъ жалобы частныхъ лицъ въ этомъ отношеніи и назначаетъ по очереди повѣренныхъ для хожденія по дѣламъ лицъ, пользующихся на судѣ правомъ бѣдности.

Къ составу суда уголовнаго въ тѣхъ дѣлахъ, за которые въ законѣ положены наказанія, соединенныя съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ состоянія, присоединяются «присяжные засѣдатели», которые разрѣшаютъ вопросъ о виновности или невинности подсудимыхъ на основаніи совѣсти и внутренняго убѣжденія.

Слѣдствія уголовныя производятся судебными слѣдователями».

Гражданскія рѣшенія судовъ приводятся въ исполненіе «судебными приставами».

Мировые судьи избираются всѣми сословіями и утверждаются правительствомъ. Для избранія необходимо имѣть: не менѣе 25 лѣтъ отъ роду, получить образованіе въ высшемъ или среднемъ заведеніи, не быть опороченнымъ по суду и имѣть установленный цензъ—въ видѣ недвижимаго имущества.

Присяжные засѣдатели назначаются изъ всѣхъ сословій установленнымъ порядкомъ.

Прочія должностныя лица судебнаго вѣдомства назначаются правительствомъ.

Мировые судьи, члены окружныхъ судовъ, судебныхъ палатъ, Правительствующаго Сената не могутъ быть увольняемы безъ прошенія и переводимы изъ одной мѣстности въ другую безъ ихъ согласія.

Мировому судьѣ подсудны гражданскіе иски не свыше 500 руб. Выше 500 руб. онъ можетъ разбирать дѣла лишь въ томъ случаѣ, если обѣ стороны будутъ просить о рѣшеніи дѣла по совѣсти. Такого рода дѣла аппеляціи не подлежатъ.

Въ уголовномъ порядкѣ мировому судьѣ подлежатъ тѣ проступки, за которые опредѣлены особымъ уставомъ выговоры, замѣчанія, денежный штрафъ не свыше 300 руб., арестъ не свыше 3 мѣсяцевъ и тюремное заключеніе не свыше года.

На рѣшеніе мировыхъ судей въ гражданскихъ дѣлахъ ниже 30 руб., и въ уголовныхъ менѣе 3 дней ареста и 15 руб. штрафа, могутъ быть приносимы кассаціонныя жалобы (т. е. жалобы на несоблюденіе формъ, неправильное примѣненіе закона и т. п.) съѣзду.

Всѣ остальныя дѣла подсудны окружнымъ судамъ и судебнымъ палатамъ.

Судебная палата во всѣхъ гражданскихъ дѣлахъ и нѣкоторыхъ уголовныхъ составляетъ аппеляціонную инстанцію для окружныхъ судовъ и округа.

Наконецъ въ Правительствующій Сенатъ приносятся кас-

сацiонныя жалобы на съѣзды мировыхъ судей, окружные суды и судебныя палаты.

Рѣшенiя Сената, какъ составляющiя толкованiе смысла закона, печатаются во всеобщее свѣдѣнiе и обязательны для судебныхъ мѣстъ.

Засѣданiя судебныхъ мѣстъ, кромѣ ограниченныхъ случаевъ, происходятъ публично. Существенныя стороны судебныхъ разбирательствъ происходитъ на словахъ (письменность ограничена необходимыми краткими протоколами о томъ, что въ судѣ происходило).

Мировой судъ есть по преимуществу судъ по совѣсти. Процедура самаго суда гораздо проще нежели въ судахъ окружныхъ и судебныхъ палатахъ. Въ гражданскихъ дѣлахъ мировой судья можетъ даже основывать рѣшенiе на основанiи мѣстнаго обычая, если таковой только не противорѣчитъ общему духу законодательства.

Въ настоящее время судебная реформа введена въ округахъ Петербугскомъ, Московскомъ и Харьковскомъ (что составляетъ 16 губернiй). Кромѣ того она вводится на Кавказѣ и въ Кiевскомъ округѣ. Здѣсь, впрочемъ, вслѣдствiе мѣстныхъ условiй, судебные уставы нѣсколько разнятся отъ уставовъ Имперiи — такъ напримѣръ: мировые судьи назначаются отъ правительства, они имѣютъ помощниковъ, подчинены окружнымъ судамъ, и т. п.

Въ началѣ 1867 года введенъ въ дѣйствiе *новый военно-судебный уставъ*. Существенное различiе этого устава отъ уставовъ 1864 г. заключается въ томъ, что всѣ суды военнаго вѣдомства — установленiя коллегiальныя, они вѣдаютъ только дѣла уголовныя, во всѣхъ случаяхъ разрѣшаютъ дѣла безъ присяжныхъ засѣдателей и подсудимый по дѣламъ, подлежащимъ полковому суду, не можетъ имѣть защитника. Власть судебная принадлежитъ полковымъ судамъ, военно-окружнымъ судамъ и главному военному суду въ качествѣ верховнаго кассацiоннаго суда.

Въ качествѣ обвинителей при военно-судебныхъ мѣстахъ

состоятъ главный военный прокуроръ, товарищи его, военные прокуроры и ихъ помощники.

Военному суду подлежатъ воинскіе чины сухопутнаго вѣдомства за преступленія и проступки, совершенные во время состоянія на дѣйствительной службѣ. Лица гражданскаго вѣдомства предаются военному суду исключительно въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи.

Въ исходѣ 1867 года введено въ дѣйствіе *положеніе о нотаріальной части.* На основаніи этого положенія совершеніе для желающихъ всякаго рода актовъ, засвидѣтельствованіе, явка актовъ, принятіе на храненіе документовъ отъ частныхъ лицъ, утвержденіе актовъ о недвижимыхъ имуществахъ и т. п. возложено на нотаріусовъ и старшихъ нотаріусовъ.

Земскія учрежденія

8-го января 1864 года былъ обнародованъ *указъ о введеніи въ Россіи земскихъ учрежденій.* Этимъ указомъ даровано право распоряжаться земскимъ хозяйствомъ чрезъ выборныхъ людей, обсуждать нужды его, и въ случаяхъ надобности обращаться къ правительству съ ходатайствами о способахъ къ улучшенію экономическаго положенія различныхъ мѣстностей.

Мысль эта ясно выражена въ указѣ данномъ Правительствующему Сенату 1 января 1864 года. Указъ говоритъ: «признавъ за благо призвать къ ближайшему участію въ завѣдываніи дѣлами, относящимися до хозяйственныхъ пользъ и нуждъ каждой губерніи и каждаго уѣзда мѣстное ихъ населеніе посредствомъ избираемыхъ отъ онаго лицъ, Мы повелѣли министру внутреннихъ дѣлъ составить на указанныхъ Нами началахъ проекты постановленій объ устройствѣ особыхъ земскихъ, для завѣдыванія упомянутыми дѣлами, учрежденій».

Вѣдѣнію земскихъ учрежденій подлежатъ въ каждой губерніи и уѣздѣ слѣдующія дѣла: завѣдываніе имуществами, капиталами и денежными сборами земства, устройство и содержаніе зданій и путей сообщенія, содержимыхъ на счетъ земства, народное продовольствіе, завѣдываніе земскими бла-

готворительными заведеніями, земское взаимное страхованіе имуществъ, принятіе мѣръ къ развитію торговли и промышленности, народнаго образованія, къ прекращенію нищенства, падежей скота, эпидемій, раскладка, взиманіе и расходованіе мѣстныхъ сборовъ для удовлетворенія потребностей губерніи или уѣзда и т. п.

Кругъ дѣйствій земскихъ учрежденій ограничивается предѣлами губерніи или уѣзда. Земскія учрежденія въ кругу дѣлъ, имъ ввѣренныхъ, дѣйствуютъ самостоятельно. За всякое превышеніе власти, члены земскихъ учрежденій подвергаются законной отвѣтственности. Губернаторъ имѣетъ право остановить исполненіе тѣхъ постановленій земскихъ учрежденій, которыя противны законамъ и общимъ государственнымъ пользамъ.

Земскія учрежденія раздѣляются на уѣздныя и губернскія.

Уѣздныя земскія учрежденія состоятъ изъ «уѣзднаго земскаго собранія» и «уѣздной земской управы». Члены земскаго собранія называются «гласными» и избираются уѣздными землевладѣльцами, городскими и сельскими обществами. Чтобы быть избирателемъ и избраннымъ въ гласные, необходимо имѣть извѣстную недвижимую собственность. Собраніе гласныхъ выбираетъ изъ своей среды — членовъ управы (3 лица), которымъ и поручается веденіе земскихъ дѣлъ.

Всѣ гласные уѣздовъ составляютъ Губернское земское собраніе, избирающее изъ своей среды — членовъ Губернской управы. Выборъ производится на три года.

Уѣздныя и губернскія земскія собранія собираются для выслушанія отчета управъ и разрѣшенія различныхъ хозяйственныхъ вопросовъ ежегодно по одному разу.

Засѣданія уѣздныхъ собраній продолжаются 10 дней, а губернскихъ—20 дней.

Указъ о надѣлѣ крестьянъ землею.

Мы видѣли, что манифестъ 19 февраля 1861 года между прочимъ предоставилъ крестьянамъ — или извѣстное число лѣтъ отбывать помѣщикамъ опредѣленныя положеніемъ по-

винности за полученную въ надѣлъ землю, или разомъ прекратить такого рода отношенія посредствомъ выкупа.

Со стороны помѣщиковъ Царства Польскаго вмѣсто содѣйствія правительству въ этомъ отношеніи встрѣтилась оппозиція, а событія послѣдняго польскаго мятежа показали правительству всю необходимость разорвать обязательныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ.

Вслѣдствіе этого манифестомъ 19 февраля 1864 г. повелѣно: земли состоящія въ пользованіи крестьянъ признать ихъ полною собственностію. Крестьяне затѣмъ освобождены навсегдотъ всякаго рода повинностей. Всѣ иски о недоимкахъ по этимъ повинностямъ навсегда прекращаются. За пріобрѣтенную землю крестьяне обязаны вносить въ казну поземельный налогъ. Помѣщики и другія лица за упраздняемыя повинности получаютъ отъ казны вознагражденіе, размѣръ котораго опредѣляется особою «ликвидаціонною коммиссіею». Въ указѣ этомъ кромѣ того подробно опредѣлены всѣ правила объ устройствѣ сельскихъ гминъ, т. е. правила порядка управленія сельскими обществами.

КОНЕЦЪ.

2007231623